

WARHAMMER
CLASSIC

GREY KNIGHTS

BEN COUNTER

'Snappy dialogue and crunching action.'
Starlog

Annotation

Орден Серых Рыцарей с древнейших времен специализируется на изгнании демонов и тесно сотрудничает с Инквизицией. Десять веков назад на планете Корион IX Серый Рыцарь Мандулис сражался против демона Гаргатұлома. В бою, который стоил ему жизни, Мандулис все же сумел изгнать тварь обратно в Умлатериум.

Спустя тысячу лет инквизитор-отступник вновь открывает демону путь в реальное пространство. Правосудор Аларик, командир элитного отряда Серых Рыцарей, должен обнаружить и истребить культ, готовящий возвращение могущественного демона. Но времени остается в обрез, предотвратить появление Гаргатұлома уже нельзя и надо отыскать способ снова загнать его в преисподнюю...

- [Бен Каунтер](#)

- [1.](#)
 - [2.](#)
 - [3.](#)
 - [4.](#)
 - [5.](#)
 - [6.](#)
 - [7.](#)
 - [8.](#)
 - [9.](#)
 - [10.](#)
 - [11.](#)
 - [12.](#)
 - [13.](#)
 - [14.](#)
 - [15.](#)
 - [16.](#)
 - [17.](#)
 - [18.](#)
 - [19.](#)
 - [20.](#)
-

Бен Каунтер

«Серые Рыцари»

1.

КОРЦОН ЈХ

Это было волнующееся море ненависти, беспредельный океан зла. Далеко внизу поверхность Кориона ЈХ была покрыта лесом, наполненным пыточными столбами, крестами, звездами и квадратами из пропитанного кровью дерева. Их оплетали, словно вьющиеся лозы, сотни тысяч изувеченных тел. Как будто на кошмарном винограднике, бесчисленные ряды распятых хорошали землю кровавым соком. Жертвы оставались на грани жизни и смерти: их тела были почти полностью обескровлены, но разум оставался достаточно ясным, чтобы осознавать агонию. Все они были слугами Тысячеликого Принца, культистами и проповедниками, собравшимися на планете своего господина в надежде на вечную награду, которую и получили.

С течением лет деревья росли, люди

срастались с опорами, конечности превращались в ветви из плоти. Тела деформировались, пока не утрачивали все человеческие черты. Оставалось только страдание.

Говорят, что стенания слышались еще с орбиты. И это было правдой.

Повинуясь неслышному сигналу, земля стала согрозатся. Жертвы Кориона IX завопили сильнее. И когда влажная почва взорвалась фонтанами грязи и крови, когда из глубин стало подниматься нечто непонятное и страшное, агонию стенил еще более мучительный ужас. На поверхность вырвались переливчатые, извивающиеся существа. Некоторые — с длинными растопыренными пальцами и огромными хищными мордами на маленьких туловищах; другие — с раздутыми грибовидными телами, изрыгающие фонтаны разноцветного пламени. Вылезли стаи крошечных ненасытных уродов, взрывающихся в корнях жертвенного леса. Вылетели крылатые чудовища, похожие на гигантских хищных птиц, плевавшие магическим огнем.

Каждое из этих существ было ярким воплощением ада, и каждое из них было лишь бледным отражением своего господина, Тысячеликого Принца, Кузнеца Преисподней, Шенома во Тьме — Гаргатүлота, повелителя демонов, избранника Повелителя Перемен.

Тьма демонов с голодным визгом хлынула из недр земли и океанскими приливом затопила жертвенный лес. Во главе встали самые крупные демоны, остальные заполонили лес, образовав гигантскую радужную мантию из своих тел.

Этот поток выливался на поверхность, пока сверху не стало казаться, будто вся планета укрыта демонской плотью. Меньшие существа просачивались между рядами жертвенников, более крупные крушили когтистыми лапами жертв Гаргатүлота. Воля Гаргатүлота, внятная каждому из слуг Тзинча, эхом звучала в коре Кориона.

IX.

Было сказано, что следующий поворот событий произойдет здесь. От

этой битвы зависели тысячи замыслов Повелителя Перемен; здесь начиналось сплетение судеб, образующее дорогу к будущему. Судьба предоставила меду́та, через которого Тзинч по своему желанию изменял Вселенную, и в этой священной битве судьба была оружием, наградой и полем сражения.

Крики и бормотание демонов смешались с воплями жертв, воздух вибрировал от страшного гвалта. Безумные возгласы и крики отчаяния, трагичный шепот и пронзительные стоны проникали в мысли каждого на расстоянии в несколько световых лет. Вокруг Кориона IX почти не было человеческих поселений, но те немногие, кому довелось услышать призывы демонов в преддверии битвы, лишились разума.

Но мысли тех, кому предстояло встать против орды демонов, оставались ясными. С незапамятных времен воины тренировали мысли, учились противостоять уловкам самого Тзинча и его развращающим посулам, которые привели столь многих под власть

Гаргатүлота. Воины обладали лучшим оружием Орго Маллеус. От ударов врагов их берегли освященные доспехи, изготовленные сотни, если не тысячи лет назад. От колдовства — татуировки на коже в виде гексаграмм и пентаграмм, выполненные тугрецами из архивов Инквизиции.

Они были готовы. Да и как же иначе? Ведь если кто-то и мог сражаться против таких, как Гаргатүлот, то только они, Серые Рыцари, истребители демонов из Агентус Астартес, воспитанные орденом инквизиции Орго Маллеус, а значит — сатим Императором. Их было совсем немного по сравнению с триллионами граждан Империи. Но перед лицом угрозы со стороны Гаргатүлота они, без сомнения, были единственной надеждой человечества.

Три сотни Серых Рыцарей встретились на Корион IX, чтобы сказать свое слово в распределении судеб.

И Корион IX ждал их.

Первое, что увидел грандмастер

Мандүлис на Корионе IX, — густые скопления белых, пронизанных красными разводами облаков. Они закрыли обзорное окно десантной капсулы при входе в нижние слои атмосферы. Вопли с поверхности были слышны даже сквозь грохот двигателей снижающейся капсулы. Миллионы голосов летели навстречу в мольбах и проклятиях, предупреждая новые кровопролития, взывая к новым душам, готовым стать жертвами на наковальне колдовства Гаргатүлота.

На кратком инструктаже Серые Рыцарятам было сказано, что местом приземления должен стать курган, сооруженный еще до возникновения Империи. Планы, согласно которым предстоит действовать, взяты из исследовательских дневников, составленных три сотни лет назад. С тех пор на Корионе IX все могло измениться. Целое столетие ушло на то, чтобы выследить Гаргатүлота на планете, и демонский принц знал, что сюда идут Серые Рыцари. Сражение будет жестоким: весьма вероятно, что никому не удастся

выжить. Грандмастер Мандүлис знал и принимал это обстоятельство, поскольку давным-давно поклялся, что уничтожение демонов для него важнее собственной жизни. За его плечами был опыт многих десятилетий службы в рядах Серых Рыцарей. Он сражался в сотнях миров в бесконечной войне против ужасов варпа, но если ему предстоит умереть здесь ради изгнания Гаргатүлота из реального пространства, Мандүлис с радостью отдаст свою жизнь.

Но все не так-то просто.

Тревожные сигналы десантной капсулы предупредили о близком контакте с поверхностью и залили тесное помещение насыщенным красным светом. Из сумрака появилось лицо правосудора Шелюэля — командира отделения, с которым Мандүлису предстояло идти в атаку. Шелюэль, как и всякий Серый Рыцарь, был отличным солдатом, и Мандүлис видел, как он командует отделением зачистки. Его десантники были вооружены псипушкой и огнеметами, и Шелюэль тренировал воинов до тех пор,

пока огонь не достиг самой высокой точности. Именно Шелюэлю предстояло пробить дорогу в толпе слуг Гаргатүлота, чтобы дать возможность отделению ветеранов-терминаторов вступить в бой с крупнейшими демонами и самим Тысячеликим Принцем.

Таков был план, но планы никогда не выполняются от начала и до конца. Серые Рыцари потому и побеждали в битвах, что каждый из них был обучен и психически подготовлен выжить в суматохе боя даже в том случае, если останется один. Шелюэль, как и все боевые братья, готов драться в одиночку, если бой перейдет в беспорядочную резню.

Точнее, не если, а когда. С демонами не могло быть иначе. Они всегда старались посеять панику и получали наслаждение от кровопролития. Гаргатүлот окружил себя несметной армией подобных существ, и если Серые Рыцарям придется сразиться со всеми или сразу, они не отступят.

Ремни безопасности, удерживающие Мандүлиса, Шелюэля и всех воинов в

гравитационных креслах, натянулись перед ударом о поверхность. Окрашенные кровью облака мелькнули перед наблюдательным окном и исчезли. Снова взвыли двигатели десантной капсулы, и судно затегло ход. Мандулис на мгновение увидел извращенный кошмар, в который превратился Корион IX. Вся поверхность казалась разбитой, словно ударами гигантского молота. До самого горизонта во все стороны террасами уходили поля, покрытые рядами принесенных в жертву тел — привязанных к столбам или распятых на крестах. Вдали кровавый водонаг вливался в пенящееся багровое море.

Сеть доулперских курганов — единственная заметная деталь поверхности, обнаруженная на древних картах, — была окружена кольцом флажштоков, на которых развевались бесчисленные знамена из лоскутов содранной кожи. И, что еще хуже, армия из сотен тысяч демонов волнующимся морем окружала ближайший курган.

Мандулис с незапамятных времен

состоял в рядах Серых Рыцарей. Он побеждал силы Хаоса и демонов в самом сердце Солнечного Сегмента и в обширных демонических мирах. Он изгонял их из дворцов правителей планет и бескрайних трущоб городов-ульев. Мандулис повидал так много, что тома его боевых отчетов занимали целые полки в Архивуме Титана. И все же за свою жизнь Серому Рыцарю не приходилось встречать ничего подобного армии Гаргамулоа.

Мандулис не был испуган. Сам Император провозгласил, что десантники не должны испытывать страха. Но при виде огромного превосходства сил зла его душа содрогнулась.

— Я — молот! — затанул он, когда перед самым приземлением десантной капсулы реактивные двигатели взвыли еще громче. — Я — правая рука моего Императора, инструмент Его воли, латная перчатка на Его руке, наконечник Его копья, лезвие Его меча...

Десантники отделения Шелюэля присоединились к грандмастеру в

финальной боевой молитве, произнося нараспев священные слова, хотя сами едва слышали их в грохоте тормозящих двигателей.

Последовал гүлкий удар, словно капсула врезалась в стену. Ремни безопасности натянулись еще сильнее, а корабль продолжал двигаться, крүша деревья и кости, в самую середину толпы демонов. Даже сквозь шум двигателей был слышен вой сүществ, раздавленных при приземлении, и обзорное окно мгновенно оказалось залитым их разноцветной кровью.

--- Капсула на поверхности! ---
закричал правосүдор Шемюэль. ---
Взорвать крепления!

Пилот-сервитор, отвечающий за механизмы капсулы, выполнил приказ согласно заложенной программе. Крепления капсулы, удерживающие борта, взорвались с металлическими щелчками. Боковые панели капсулы разошлись, и в тот же миг растянулись ремни безопасности. Внүтрь хлынули злобещий красноватый свет и настолько гүстой запах

разложения, словно Рыцари окунулись в море крови. Моторы стихли, но вместо них раздался сверхъестественно громкий и пронзительный вой тысяч демонов, как будто их огромный хор вздыбил звуковую стену. Демонами кишел весь лес. Мрачное небо перечеркивали простертые вверх исковерканные руки-ветви, и сконцентрированная ненависть, исходящая от армии Гаргамула, наполнила капсулу потоками боли.

У Мандулиса были доли секунды, до того как демоны снова сошлись. При падении капсулы образовался кратер, заполненный обрывками демонской плоти и окруженный сломанными деревьями-распятиями. Из трещин в земле, словно из разорванных артерий, вытекала кровь. Запах, проникавший через фильтры шлема Мандулиса, говорил о пожарах и кровопролитии, а завывания демонов налетали порывами шторма.

— Отделение, огонь на уничтожение! — крикнул Шетюэль.

Псипушки его десантников уже были заряжены и наведены. Единый мощный залп

разорвал кольцо демонов, заглядывавших в кратер.

Мандулис увидел, как неподалеку приземлилась еще одна капсула, взметнувшись к небу фонтан крови и обрывков демонских тел.

— Это Мартель! — передал он по воксу. — Шелюэль, прикрой его огнем, и соединяйте свои силы!

Два костогесантника взбежали по стенам кратера, и их огнеметы «Унценераторы» выбросили струи голубого огня в толпу убегающих из леса демонов. Мандулис поднялся следом, ощущая, как гудят сервосистемы его древних доспехов терминатора. Встроенный в его рукав болтер беспрестанно посылал освященные снаряды в злобные морды демонов. Он добрался до верхней крошки и впервые увидел армию врагов с уровня земли. Кривые конечности, переливающиеся розовым и голубым цветами; раздутые тела и головы, изрыгающие пламя; кривобокие силуэты старших демонов, похожих на хищных птиц... И все они рвались к посадочной площадке.

Мандүлис выдернул меч Немезиды из заплочных ножен, и оружие мгновенно ожило. Его силовое поле было откалибровано на разрушение нематериальной сущности демонов, и стилизованная золотая молния, вплавленная в серебряное лезвие, уже разгорелась ярким пламенем. Мандүлис размахнулся, и меч описал широкую дугу по демонам, карабкавшимся по телам своих сожженных собратьев. Мандүлис почувствовал, как под натиском оружия распались сразу три нечестивых тела.

У него было великолепное оружие. Одно из лучших, которые имелись в распоряжении ордена, и Мандүлис получил его, когда был возведен в ранг мастера. Если он хочет добиться успеха в этой миссии, клинку предстоит испить так много демонской крови, как никогда прежде.

Мимо Мандүлиса пронесся залп пистолетишки Шелюэля. Модифицированные болтерные снаряды стали взрываться яркими серебряными звездами, разрывая на части атакующих демонов. Вскоре к

Мандулис поднялись воины с огнематами и окатили напавшую толпу струями огня, в то время как меч Немезиды продолжал разить тварей, оказавшихся в пределах досягаемости.

Отряд терминаторов Мартеля прорубал себе дорогу к Мандулис. Массивные тактические доспехи воинов позволяли огнем движением сносить деревья-распятия. Залпы штурмболтеров и треск ломающихся деревьев гревели по всему лесу.

--- Брат Мартель, --- обратился по voxу Мандулис. --- Шелюэль прикроет тебя. Мы находимся неподалеку от первого кургана, следуйте за нами.

--- Раз встрече, грандмастер, --- ответил капитан Мартель, не переставая пронзать демонав наконечником своей алебарды --- Немезиды. --- Юстиниан идет сразу за нами, а остальные, как мне кажется, безнадежно отрезаны.

--- Значит, нам самим придется вести атаку, --- ответил Мандулис. --- Мы знали, что так может случиться. Вознеси

молитву Императору за наше участие в битве и продолжай двигаться вперед.

--- Мы вышли на позицию! --- раздался на вокс-канале голос правосудора Шемюэля.

Обернувшись, Мандулис увидел, что воины отделения зачистки выстроились на краю кратера среди останков сгоревших демонов. Серые Рыцари, как и прежде, были готовы посылать залп за залпом в сторону Гаргамулоа.

Грандмастер Мандулис чувствовал, как на фоне грози пропитанной кровью земли среди гвалта демонов и воплей жертв выделяется низкий злобный рык пробуждающегося существа. Где-то внизу огромное и злобное создание готовилось в решающий момент нанести удар. Предположения, сделанные при подготовке к битве, оказались верны: цель Серых Рыцарей находится глубоко под курганами, в окружении самых древних и могучих слуг.

Демоны ринулись в новую атаку, и Мандулис мысленно вознес короткую молитву Императору. Злобные существа с воплями и визгом метались между

деревьями, скакали по земле, разбрасывая
пламя и магические заряды.

Мандулис вдавил на латной
перчатке кнопку стрельбы и послал в
приближающихся демонов очередью
разрывных болтерных снарядов. Затем,
погнав обеими руками меч Нелезиды,
ринулся вперед вместе с терминаторами
Мартеля.

Ударный отряд Серых Рыцарей,
атаковавших Корион IX, был самым
мощным из того, что мог собрать Ордо
Маллеус. Компактный, быстрый, с тремя
грандмастерами во главе,
укомплектованный лучшими
истребителями демонов Империи, он
все же не давал уверенности в полном
успехе. Целое столетие ушло на то, чтобы
выследить Гаргатүлота, который через
десятки своих воплощений и агентов
склонял тысячи культистов Хаоса к
неповиновению и террору.

Гаргатүлот, во имя своего бога
Сзинча, стремился повсюду
распространить стүтү и кровавые

конфликты. Он действовал по плану, который оказалось почти невозможно предугадать. Ордо Маллеус потребовалось много сил и времени, чтобы выяснить, что Гаргатулот находится на Корионе IX. Это была ненаселенная и почти неиспользуемая планета в глубине зоны Мутных Звезд сегмента Обскурус. Туда с трудом проникали сигналы маяков Астрономикана.

Все это время Гаргатулот собирался с силами. Ордо Маллеус не оставалось ничего другого, как послать отряд в его ловушку, поскольку другого шанса сразиться могло и не быть. Корион IX был слишком изолированным местом для действий флотилий Империи; кроме того, обычные воины не продержались бы на его поверхности и несколько секунд. Даже Ускоренение — крайняя мера Инквизиции — не было достаточно надежным средством: Гаргатулот имел шанс уцелеть после разрушительных обстрелов с орбиты. Кто-то должен был своими глазами увидеть, что он мертв.

Это задание предстояло выполнить

Серым Рыцарям. Если кто и мог выстоять в битве с принцем демонов, то только они.

Быстроходные боевые крейсеры «Отвага Сатурна» и «Возмездие» везли более двух с половиной сотен Серых Рыцарей — ровно столько, сколько можно было быстро доставить в пустынный сегмент Обскурис. Все воины подчинялись приказам лорд-инквизитора Ордо Маллеус Лакониоса, но после того, как десантные капсулы устремились к поверхности, командование перешло непосредственно к Серым Рыцарям.

Грандмастер Ганелон, который, еще будучи правосудором, лично убил Короля-Преступника на Калентии, приземлился довольно далеко от центра. Он угодил в самую гущу армии демонов. Почти с сотней Серых Рыцарей, остававшихся под его командой, он завязал доблестную битву против накатывающихся одна за другой атак врагов. В борьбе за выживание окруженным со всех сторон воинам пришлось встать спина к спине.

Один за другим падали

десантники, убитые магическими снарядами или когтями крупных демонов. Вскоре сам Ганелон начал молитву очищения, чтобы подготовить души своих людей к неизбежному посмертному путешествию и присоединиться к Императору в финальной битве против Хаоса.

Десантники грандмастера Малквайанта врезались в опушку жертвенного леса и образовали неустрашимую штурмгруппу из семидесяти Серых Рыцарей. Во главе его шло передовое отделение терминаторов с саблями Малквайантом, вооруженными освященными молниеносными когтями. Огромные орды демонов бросились, чтобы остановить их продвижение. Но тем, кому удавалось избежать ударов терминаторов Малквайанта, ожидал жестокий и слаженный огонь идущих за ними тактического отделения и отряда зачистки.

Силы Малквайанта оттянули на себя из леса значительную часть орды демонов и обескровили их армию. Но орда все же

была слишком велика. Пересеченная местность замедляла продвижение Серых Рыцарей. Малквайант понимал, что они не смогут добраться до цели, но воины продолжали сражаться изо всех сил в надежде поточь боевым братьям и отвлечь как можно больше демонов от курганов. Когда штурмгруппе пришлось остановиться, Малквайант обратился к прилегающему пространству в смертельную зону, обрушив залпы огня на все, что оказалось поблизости.

Грандмастер Мандулис приземлился ближе всех к курганам. Вместе с отделением Шелюэля, воинами Мартеля и тактическим отделением Юстиниана, пришедшим как раз вовремя, чтобы обеспечить прикрытие, Мандулис нанес первый удар по логову Гаргатүлота. Сквозь атмосферные помехи он услышал вести о самопожертвовании Ганелона и неутешительном, но обреченном сопротивлении Малквайанта.

Грандмастер понял, что теперь все зависит от него. Те, кто успел, сказали ему о силе Императора, ведущей его в бой.

и грядущем торжестве Его воли.

Мандүлис повел воинов вверх по склону кургана. В тучах над головами засверкали колдовские молнии. Демоны всей ордой начали выкрикивать молитвы своему повелителю, и связь прервалась.

На вершине кургана стояли тела, превращенные в высокие шесты из плоти и костей. На них, под жарким и влажным от испарений крови ветром, развевались знамена из содранной кожи. Символы, украшавшие эти флаги, могли выжечь глаза более слабым людям. Мандүлис узнал в них те же знаки, что были вырезаны на коже культистов Таргатүлота и написаны кровью на полу их храмов.

И еще над вершиной кургана раздавался рев невидимого, но явно огромного существа. Мандүлис, чьи бронированные доспехи почернели от крови и дыма, вылетавшего из своего дула штурмболтера, оглянулся на идущих за ним Серых Рыцарей. Один терминатор из отделения Мартеля упал, как и несколько

воинов Юстиниана, в проходе, пробитом Мандулисом. Сам Юстиниан лишился одной руки, его шлем стащили с головы кривые лапы демона. Лицо Юстиниана почернело от гари, дыхание было тяжелым и хриплым.

Позади Шелюэль выстраивал кордоны для защиты Мандулиса и идущих с ним воинов. Мандулис ничуть не сомневался, что Шелюэль пожертвует жизнью, защищая псинушкой и огнеметами склон кургана от нахлынувших демонов. Он с честью закончит свои дни, но жертва будет напрасной, если Мандулис не преуспеет в своей миссии.

— Мартель! За мной! — приказал грандмастер по воксу. Капитан в сопровождении своих терминаторов быстро догнал Мандулиса на скользкой поверхности кургана. — Да пребудет с тобой Его милость, брат. Угем на вершину.

Под прикрытием огня воинов Юстиниана Мандулис вместе с Мартелем и его отделением встретились у вершины. Перед ними открылся весь

комплекс курганов — множество округлых
могильных холмов, окружавших
разрушенную каменную башню. Она
торчала в центре, словно гигантский пенек.
Повсюду высились исковерканные деревья —
самые преданные слуги Таргатұлата,
лидеры культа, превратившиеся теперь в
сплетения почерневшей плоти и издающие
пронзительные вопли. В низинах между
курганами кровь стекала в глубокие рвы и
беспреданно бурлила, словно под землей
извивалось и корчилось огроное существо.

Пока Мандұлис глядел вокруг, земля
задрожала и вспучилась. Каменные гробы,
прорвав толщу почвы, высыпали на
поверхность полусгнившие кости и
похоронные принадлежности. Зло,
находившееся под курганами, было
настолько велико, что мертвецы,
похороненные здесь тысячи лет назад, еще
до открытия Кориона IX разведчиками
Умперула, покидали могилы, лишь бы
убраться отсюда подальше.

Мандұлис продолжал вести воинов
вперед. Едва он спустился с обратной
стороны кургана, вблизи произошел

титанический взрыв и нечто бледное, огромное и ужасное вышло из недр. Во все стороны разошлась волна демонической магии --- так, что береги, вытатуированные на коже Мандулиса, отражая ее, раскалились добела. Грандмастер увидел сгорбленное, искривленное тело с рыхлым раздувшимся животом, гнилой кожей, поросшей перьями, и глинной шеей, на которой повисла злобно ухмыляющаяся голова с клювом. Существо раскрыло голубые огненные крылья и рванулось вверх; затем, стремительно спикировав, ударило брата Гайуса и схватило его когтистой лапой за ногу. Залп штурмболтеров прорезал воздух, псинюшка брата Джокүла выжгла дыры в прогнившей груди чудовища, но оно лишь злорадно вскрикнуло и, подняв Гайуса, разорвало его пополам своим клювом.

--- Вперед! --- крикнул Мандулис в свой вокс. --- За мной, братья рыцари! Шелюэль, Юстиниан, не отставайте! Обеспечьте огонь прикрытия!

Мандулис слышал по воксу последние вздохи Рыцаря Гайуса, все еще

стремившегося пронзить огромного демона своим оружием Немекиды. Рыцарь силился произнести молитвы ненависти. Спустя несколько мгновений погиб огнемечник из отделения Юстиниана брат Тьелн, разрубленный пополам гигантским ржавым мечом, вылетевшим из ладони второго огромного демона со склона кургана.

Приближенные демоны Гаргатүлота — Предвестники Перепен, как их называли культисты, генералы армии бога Повелителя Перепен — вырывались из-под курганов, чтобы уничтожить Серых Рыцарей, остелившихся напасть на Тысячеликого Принца. Здесь был самый центр западни Гаргатүлота. Мандүлис предвидел, что все так и случится: безумный рывок и слабая надежда, что они сумеют добраться до Гаргатүлота в достаточном количестве, чтобы с ним совладать.

Совсем рядом из-под земли вырвался еще один демон и осыпал Мандүлиса когтями земли, пропитанной кровью. Капитан Мартель рванулся вперед,

пронзив алебардой бедро похожего на
птицу чужовища. Мандулис успел
пригнуться от брошенной дубины, но
магический снаряд попал в доспехи, до
предела загрузив систему
антипсихической защиты. Грандмастер
взмахнул мечом и вонзил клинок в самый
центр переливчатого сияния. Голова
демона покатилась на землю; из
разрубленной шеи хлынула струя густой
мерцающей голубой крови.

Мандулис уже слышал голоса,
шепчущие и визжащие в его голове. Это
безумное бормотание могло сбить с разума
менее закаленного человека. Но мысли
Серого Рыцаря были накрепко прикованы к
стержню чистой и безграничной веры.
Там, где обычные люди могли испытывать
страх, Серые Рыцари ощущали
решиность. Имперские воины, какими бы
они ни были смелыми, все же имели в душе
пространство, которое могло заполниться
сомнениями, отчаянием, алчностью или
ужасом. У Серого Рыцаря такого
пространства не было. Психические уловки
Гаргатула разбивались о мысли

Мандүлиса, как волны разбиваются о скалистый утес.

Вот почему атаковать Корион IX должны были только Серые Рыцари. Воинственные лорды могли собрать армии в сотни миллионов, но ни один из их воинов не смог бы и секунды уберечь свой разум под взглядом Гаргамүлота.

Из-под земли поднялись пылающие руки — настолько огромные, что схватили брата Трентиуса и швырнули с невероятной силой. Его тело ударилось о каменную башню, стоящую в окружении курганов. Один из демонов поднял окровавленную глубину из темного дерева. Из черепов, прибитых к ее концу, брызнули розовые молнии и ударили в силовые доспехи, швыряя костодесантников на землю, где их мгновенно окружали другие демоны.

Воины Шелюэля обеспечивали прикрытие ценой своих жизней. Они были окружены высокими птицеподобными демонами, на которых горело освященное топливо из огнеметов. В телах тварей дытелись дыры, прожженные снарядами

испугушки. Сам Шелюэль обнажил свое оружие Немекиды, оформленное ремесленниками Титана в виде копья, и продолжал колоть ближайшего демона, несмотря на то, что тот отрывал его свободную руку.

Воины Юстиниана старались не отставать от Мандулуса и Мартеля, но их попытка провалилась. Сам Юстиниан погиб в море розового пламени, вырвавшегося из-под земли, и был утащен вниз ужасными когтями. Его десантники были разбросаны в стороны поднявшимся из огня демоном. Чудовище раскрутило на цепи огромную металлическую болванку с шипами и успело сбить с ног двух воинов, пока их братья развернулись и изрешили его огнем штурмболтеров.

Мандулус взбирался по склону последнего кургана. Терминаторы Мартеля, которых осталось совсем немного, остановились, чтобы прикрыть огнем самого Мартеля и Мандулуса. Целая стая мелких демонов перекатилась через дальний курган и разноцветным водопадом влилась в комплекс, стремясь

присоединиться к своему господину. Мандүлис бросил последний взгляд на правосудора Шелюэля, за мгновение до того, как громадный демон швырнул того в демонский поток и мелкие существа разорвали добычу в клочки.

Мандүлис продолжал идти. Сами почва сопротивлялась ему: под ногами разбежались глубокие трещины. Впереди висела каменная башня; с обветшалых стен срывались и падали камни. Под землей нарастал, становился все пронзительнее скрежещущий вопль — это Гаргатүлот пытался завладеть мыслями Мандүлиса.

Но принцу-демону не удастся проникнуть в его разум. Мандүлис, даже потеряв большинство братьев-рыцарей, способен и сам защитить себя.

Башня грохотала, взлетела в воздух и осыпалась на землю тысячами камней. Земля разверзлась, и Мандүлис крепче уперся ногами в противостоянии внезапно налетевшему ужасному ветру.

Небеса раскололись и почернели. Волна разложения кольцом разошлась от

башни и обратила всю поверхность Кориона IX в истерзанную и кричащую плоть. Мандүлис мельком үвидел, как капитан Мартель, подхваченный завывающим ветром, взлетел в небо и пропал из виду, только огонь из его штүрмболтера еще несколько мгновений сверкал среди туч.

В самом центре бури стала расти темная колонна. Она поднялась из обломков башни и вытянулась до самых черных туч, клубящихся над головой. Это было создание извращенной плоти, нечто живое, но никогда не жившее. Появление существа сопровождалось непрерывным хором полного безумия. Рев бился в защитные барьеры Мандүлиса с такой яростью, что грандмастер впервые за всю свою долгую жизнь ощутил вспыхнувшую искру сомнения в своей способности противостоять подобной атаке.

Усилением воли Серый Рыцарь потушил эту искру и обеими руками поднял над головой меч. Штүрмболтер был не помощник в этой битве, поскольку даже освященные пули не могли сокрушить

такого врага.

Центр урагана пронесся над Грандмастером Мандулисом, и внезапно воздух стал совершенно неподвижен. Затем какофония воплей обрушилась с новой силой, скрежещущий вопль превратился в подавляющий всё низкий рев.

Истинное лицо Тысячеликого Принца показалось над Мандулисом. Грандмастер Серых Рыцарей вознес последнюю молчаливую молитву и ринулся в бой.

ТЕФИЯ

Прошло тысячелетие. Империи преследовали испытания, в подтверждение тому человечество несло неисчислимые потери. Армагеддон был уступлен оркам. Дамоклова Воронка была захвачена и заселена новыми неизвестными расами. Силы Хаоса осаждали миры Шабаша, и для их защиты был организован огромный крестовый поход.

Стратикс погиб в ужасном море смертоносной эпидемии, Сталинваст -- в огненном вихре Ускоренения. Открылось Око Ужаса, и через Кагуанские Врата излился адский поток. Инквизиция не прекращала истреблений еретиков во имя благочестивого человечества, Агентус Терра пытались прекратить действие законов и деклараций, выражающих волю Императора. За пределами реального пространства Варн создавал новые круги ада. Безумие охватывало целые системы,

и число зараженных миров неуклонно
умножилось.

В Галактике лишь две вещи
оставались неизменными. Первая — это
упорное нежелание Империи сломиться
под тяжким бременем ереси, раскола,
чужеродной агрессии и демоничества.
Второй была война — нескончаемая,
безжалостная и всепоглощающая война,
означавшая для Империи и несчастье, и
продолжение деятельности, и избавление.

Одна тысяча лет ненависти, одна
тысяча лет войны. Достаточно долгое
время, чтобы появились новые ужасы, а
старые напасти были почти забыты.

При первом попадании снаряда
Правосудор Аларик подумал о последних
днях — тех самых, когда восстанет
Император, когда в бой плечом к плечу
пойдут герои Империи прошлых веков и
солдаты настоящего. Когда настанет
время последней расплаты.

Второй снаряд ударил Аларика в ногу
и прошел до самой брюшной полости.
Правосудор понял, что еще жив; последние

дни для него пока не настали. Аларик помнил красные раны, безумно плясавшие на сетчатке глаз: они говорили, что кровяное давление падает. Оба сердца правосудора билась с перебоями, два из трех его легких были пробиты после ранения в грудь, брюшная полость наполнялась кровью. Аларик помнил, как сумел отползти под прикрытие и совсем рядом в каменный пол ударили выстрелы перезаряженной лазпушки.

Аларик помнил чувство стыда за то, что сознание расплывалось в смутное серое пятно. Правосудор помнил, как заставлял свои конечности двигаться, чтобы вынудить последний залп по культуистам, так тяжело его ранившим.

Все это Аларик ощутил, как только очнулся. Стыд. Это чувство напомнило правосудору, каким он был молодым по сравнению с некоторыми грандмастерами, проходившими по залам Титана. Конечно, Аларик обладал кристально чистым моральным стержнем Серого Рыцаря, но опиравшийся на него разум должен был еще многому научиться. Не военному делу —

эти знания были заложены во время сна так глубоко, что затмили все воспоминания Аларика о детстве, — а великой дисциплине, означавшей, что ни стыд, ни ярость, ни гордыня не должны отвлекать грандмастера и заслонять собой чувство долга перед Императором.

Аларик был всем телом погружен в цистерну с прозрачной жидкостью — изобретением апотекариев Титана. В ней быстро заживали поврежденные ткани и гибли вредные бактерии. Правосудорощутил множество обвивавших тело трубок, через которые в вены поступали лекарства. Данные о его состоянии передавались автоматическому регистратору, тихонько гудевшему и пощелкивающему где-то в стороне. Цистерну с лежащим в ней Алариком заливал свет люмосфер, укрепленных по кругу на каменном потолке.

Вся крепость-монастырь Серых Рыцарей была высечена в толще камня, образующего Титан. Помещения уровня за уровнем располагались под поверхностью спутника. Они образовывали запутанные

переходы между кельями, часовнями, тренировочными и учебными залами, лечебными отсеками, площадками для парадов, оружейными комнатами. В самой глубине лабиринтов находились могилы всех Серых Рыцарей, павших в боях за десять тысяч лет существования ордена.

Аларик повернул голову и увидел блестящий бронзой регистратор. Из него медленно, один за другим, выползали листы с глиняными зигзагообразными диаграммами жизненных показателей правосудора. В этом медицинском отсеке ему приходилось бывать и раньше: именно здесь он получил гексаграммы-обереги из тонких нитей освященного серебра, вживленных под кожу.

Между другими такими же восстановительными цистернами и столами автохирургов тихо передвигались помощники медиков. Они проверяли состояние пациентов из состава армии или другого персонала Ордена Маллеус. По нечеловечески высоким и массивным телам Аларик узнавал в некоторых пациентах своих братьев ---

Серых Рыцарей. Все помещение походило на сводчатое подземелье: нависающий низкий потолок и стены из холодного и влажного камня. Люмосферы заливали пятнами света пациентов, но оставляли в тени стоящих в стороне регистраторов и тихонько жужжащих сервиторов-санитаров.

Аларик узнал брата Тателона: ему взрывом оторвало руку у самого локтя, а все тело иссекло мелкими осколками ишрапнели. Дознаватель Цатонн, сопровождавший во время атаки инквизитора Никсосу, лежал на столе с выбороchenными внутренностями, и шпательные металлические пальцы автохирурга сновали над ними, стараясь соединить органы в систему. Аларик видел, как Цатонн упал после удара мечом в живот. Насколько он помнил, Никсос не пострадал в бою, но заключительных моментов сражения Аларик не мог видеть.

Один из помощников — мужчин и женщин с бесцветными лицами, которыми Ордо Маллеус доверял обязанности прислужников, — заметил, что Аларик

очнулся, и подошел к регистратору, чтобы проверить записи его показателей. Аларик поднялся в цистерне и стал отрывать от кожи электроды и выдергивать иглы. В черном панцире, лежащем под кожей груди и живота, зияла большая дыра с неровными краями — след от первого снаряда, пробившего доспехи. Между отвердевшими краями раны Аларик мог рассмотреть костяную пластину, образованную из сросшихся ребер. В тазу бедра было еще одно отверстие, побольше: от него к брюшной полости тянулся узкий канал внутренней раны.

Правосудор ощущал слабую боль от внутренних ранений, но они почти зажили, благодаря улучшенному строению его организма и апотекариям органа. Все тело Аларика покрывали темные шрамы и ожоги в тех местах, где доспехи раскалились докрасна от попадания лучей лазнушки; были царапины и порезы, нанесенные осколками керамической брони. Новые шрамы перекрывали следы прежних ран, полученных в битвах или при хирургических процедурах.

Из противоположного угла комнаты к нему уже спешил аптекарий Глайван. Глайван был очень стар — один из немногих Серых Рыцарей, кто достиг преклонного возраста. Его руки уже давно были заменены на бионические манипуляторы — это давало возможность проводить хирургические операции с большей точностью, чем обычными пальцами. Длинные конические пальцы Глайвана заканчивались скальпелями и пинцетами.

Обычно Серые Рыцари вне своих келий, даже в часовнях, носили боевые доспехи, но Глайван давно забросил свою броню. Под глиняным белым одеянием аптекаря его тело было охвачено стальными и латунными скобами, а резервные органы были удалены, так что Глайван лишь внешне оставался костомодесантником. Его удлиненное лицо густо покрывали морщины, и Аларик с трудом верилось в то, что аптекарий когда-то был молодым. Глайвану — одному из первых Серых Рыцарей, служивших Ордо Маллеус, — давно минуло четыреста лет.

— А, юный правосудор, — заговорил он глуховатым из-за поврежденной гортани голосом. — Ты быстро пошел на поправку. Это говорит о сильной воле. У тебя были большие ожоги от лазнұшки, очень глубокие. Твое быстрое восстановление удивило меня, а я редко чему удивляюсь.

— Я не видел, чем все закончилось, — заговорил Аларик. — Мы...

— Семеро погибли, — с печалью в голосе сказал Глайван. — Двенадцать воинов привезли ко мне, и большинство из них скоро будет в порядке. Ах да, Никсос добился успеха. Валинов был схвачен живым, и они держат его на Миласе.

Аларик выбрался из цистерны, чувствуя тяжесть в отвыкших от движения мускулах. Он увидел Валинова как раз перед тем, как шквал огня лазнұшки вырвался из подземного храма, где собрались культисты из его команды. Молодой правосудор успел рассмотреть высокого стройного мужчину с тонким лицом и обритым наголо татуированным черепом. Этот человек беспрерывно выкрикивал приказы на отерзительном

наречии варна. Его культисты -- на
инструктаже перед боем говорилось, что в
подземном храмовом комплексе их
собралось несколько сотен, -- были
сгорбленными и очень бледными, в ветхих
одеждах грязно-желтого цвета. Но они
были прекрасно вооружены и полны
желания погибнуть от огня
штурмболтеров и оружия Немекиды Серых
Рыцарей.

Аларик во главе отделения, которым
командовал совсем недавно, ворвался
внутрь одним из первых. Теперь штурм
закончен, и те, кто уцелел, возвратились
на Титан.

-- Сколько времени прошло? -- спросил
Аларик.

Помощник аптекаря протянул ему
полотенце, и правосудор стал стирать с
тела лечебную жидкость -- холодную и
вязкую, уже стекающую к его ногам на
каменный пол.

-- Три месяца, -- ответил Глайван. --
«Рубикон» на обратном пути набрал
отличную скорость. Они хотели как
можно быстрее убедиться, что Валинов

заперт на Миласе. Этот человек полностью поражен злом! — Глайван сплюнул на пол, и крошечный сервитор тутчас появился под ногами, чтобы стереть плевки. — Подумать только! Инквизитор!.. Боюсь, радикализм становится все сильнее.

Только благодаря всеобщему уважению Глайван мог свободно говорить о подобных вещах. Формально Серые Рыцари были абсолютно независимы, но на самом деле они подчинялись Ордо Маллеус. Наверное ли одобрили бы тяжёлые высказывания Серых Рыцарей по поводу инквизиции. Официально угрозы радикализма не существовало, и это все, что Маллеус могли бы сказать подчиненным.

Аларик мысленно перебрал последние воспоминания об операции: вспышки стрельбы пронзают сумрак подземных туннелей, боевые братья в вихре взрывов рвутся вперед. Если «Рубикон» и в самом деле хорошо разогнался, значит, Аларик находится на попечении Глайвана около двух недель.

--- Кого мы потеряли? --- спросил

Аларик.

--- Дознаватель Цатонн не выживет. ---

Глайван печально посмотрел на тело
дознавателя, лежащее перед
автохирүргом. --- Ле Мал, Энкалион и
Балигант были убиты в сражении.
Гайгнүн и правосүдор Наймон умерли на
«Рүбиконе», Толас и Эвайн --- у меня.

--- Энкалион и Толас были моими
солдатами.

Аларик три года назад был
произведен в правосүдоры. Ему приходилось
терять людей, но он всегда видел, как они
умирали. Между ним и отделением
существовала прочная связь; они делили
все опасности. Но на сей раз Аларика там
не было.

--- Я понимаю, правосүдор,--- кивнул
Глайван.--- Ул үготовано место в
гробницах. Грандмастер Тенцендүр
объявил, что их погребение состоится
после твоего отчета. Я скажу ему, что
ты готов.

Апотекарий поднял один из листов
регистратора и прошелся по нему

металлическими пальцами, считывая информацию о сердечной деятельности и кровяном давлении Аларика.

--- Я не стану много говорить, пока Тенцендур не выскажет свое мнение, --- продолжал Глайван, --- но я слышал от Никсосу, что ты можешь гордиться своими боевыми братьями. Когда ты упал, они в отместку усилили натиск, а не растерялись от отчаяния. Мне пришлось повигать многих лидеров в нашем ордене, и вот что отличает некоторых: что бы они ни делали, даже если погибали от рук Врага, они вдохновляли идущих за ними людей. Твои десантники решили, что ты мертв, и стали сражаться еще яростнее. Запомни это, юный Рыцарь. Я чувствую, что ты недолго будешь оставаться простым правосудором.

Аларик выдернул из своего тела последние излы.

--- Мне надо вернуться в келью, --- сказал он. --- Надо совершить обряд раскаяния над госпехати, пока ремесленники не взялись их ремонтировать. И я пропустил слишком

многого молитв.

— Делай, что считаешь нужным. Скоро ты вновь будешь готов к сражениям. Капеллан Дурендин принимает исповеди в Мандулианской часовне, и тебе стоит прислушаться к его советам, прежде чем составлять отчет. Сейчас прикажу сервиторам принести тебе облачение.

Глайван жестом отдал приказ, и два сервитора поспешили на своих гусеницах к кладовой апотекариона подыскать одежду для Аларика, чтобы он мог пройти по переходам Тумана с подобающей скромностью. После каждого сражения Аларика ждало множество дел — а, тем более, после такого, в котором он был жестоко ранен и подвергся опасности заражения злом. Ему предстояло исповедаться, пройти обряд очищения, отремонтировать и заново освятить доспехи. Затем — проследить, чтобы его имя было внесено в тома подробных записей деяний Серых Рыцарей. А после всего — отчитаться перед грандмастером Тенцендуром и инквизиторами, которые несли ответственность за эту операцию.

Жизнь Серых Рыцарей подчинялась строгим ритуалам. Очищение следовало за каждым жестоким сражением против злейших врагов, которые сокрушили бы менее сильных воинов за несколько дней. Иногда Аларик радовался, что не может больше ничего вспомнить. Но сейчас не стоило поддаваться еретическим сомнениям. Валинов схвачен, и его культ уничтожен. Эту победу стоило отметить — как и помянуть павших братьев.

Инквизитор Голик Рен-Сар Валинов был членом ордена Ордо Маллеус, с тех пор как последний лорд-инквизитор Барбиллус сделал его одним из своих дознавателей. Барбиллус был инквизитором старой школы, похожим на тех, кого запечатали фризмы храмов Маллеус, кого ставят в пример на благочестивых церемониях как образец бесстрашного служения ордену. Барбиллус надевал доспехи с золотой филигранью, изображавшей демонов, попранных ногой Императора. Он носил силовой молот, изготовленный из метеоритного железа.

Его военная кафедра побывала в самых далеких демонских глубинах. Лорд-инквизитор был солдатом, борцом, карателем зла и бичом еретиков. И когда слухи о тайных защитниках из рядов инквизиции доходили до граждан Империи, они воображали себе людей, подобных Барбиллусу.

В подчинении у Барбиллуса был обширный штат — в основном, воины, набранные из армий различных миров со всего Империи. Они с радостью шли за ним в бой, но Барбиллус нуждался и в тех, кто готовил для него поле битвы. Дознаватели. Разведчики. Ученые. Некоторые деятели работали на Барбиллуса в глубокой тайне: они выявляли представителей аристократии, подозреваемых в склонности к демоническому, или бандитские группировки из отбросов общества, опекаемые тайными обществами культистов.

Деятельность таких людей, как правило, длилась очень недолго, поскольку им грозили ужасные пытки в случае

обнаружения или безумие от слишком близкого знакомства с Врагом. Они сделали то, что было в их силах, и для них это был единственный шанс принять участие в борьбе против Хаоса.

Немногие жили достаточно долго, чтобы присоединиться к личной армии Барбиллуса. Одним из таких исключений стал Голик Рен-Сар Валинов.

В Орго Маллеус сохранились лишь отрывистые сведения о происхождении и прошлом Валинова, поскольку он сумел уничтожить или подменить большую часть документов о своей личности, хранившихся в архивах Инквизиции. Было известно, что Валинов происходил из Солнечного Сегмента, одного из миров центральной части Империи с высокоразвитой промышленностью, где выделиться и обратить на себя внимание мог только самый умный и самый жестокий человек. Записей о точном месте его рождения не сохранилось, но Барбиллус взял его на службу во времена показательной чистки развращенной верхушки военно-морских сил на Ранне.

Существовало предположение, что работа Валинова в Агентстве Ранны давала ему доступ к статистическим данным. При некоторой сноровке это могло привести Барбиллуса к кельям колдунов и искателям наслаждений среди аристократии планеты.

Другие инквизиторы утверждали, что способности Валинова ограничивались только обществом Агентус Арбитрес, или силами планетарной обороны, или даже преступными бандами, правившими огромными районами трущоб Ранны. Но самые полезные навыки Валинова ни у кого не вызывали сомнений с самого начала: он был отличным манипулятором, мог одинаково хорошо льстить и прибегать к насилию. Он мог выведать самые деликатные сведения у любого из подозреваемых.

Валинов был как раз тем человеком, какой требовался в секретной команде Барбиллуса. В поисках источников ереси и запрещенного колдовства он мог приблизиться к аристократическим

семе́йствам, войти́ в дом за́жигачного
торговца́ или вступи́ть в преступный
картель. Более́ шести́ лет Валинов
прокладывал для Барбиллуса́ путь к
сердцу́ преступной империи́ палача
КЗарра — тайного культа, за́полонившего
еретиками доки и гавани Талшена III.
Валинов искал подходы́ к жестоким
доимперским племенам человеческой расы
на Малом Герентулане; он производил
разведку́ в десятках гру́х очагов
загнивания. Он стал прекрасным
работником. Барбиллус распознал в нем
многообещающие за́гатки и произвел в
старшие дознаватели. Многие́ ожидали,
что Валинов вскоре займет место
советника Барбиллуса, вы́йдет из тени
секретности́ и встанет рядом с лордом-
инквизитором.

А затем пришел черед крепости
Агнарссона. Если Барбиллус и не погиб,
сражаясь на поверхности планеты́ против
принца-демона Мализритла Кровавого, то
он наверняка́ был уничтожен в результате
проведенного Искоренения.

Барбиллус не впервые приговаривал

тот или иной мир к гибели.

И в тот раз циклонические торпеды с борта военного корабля лорда-инквизитора были запущены его подчиненными. У них имелся приказ самого Барбиллуса об уничтожении крепости Агнарссона, если лорд-инквизитор в назначенное время не вернется с поверхности планеты, пораженной демоничесством.

Старший дознаватель Валинов с флагманского корабля наблюдал, как зеленый сельскохозяйственный мир был залит потоками магмы, хлынувшей из разорванной коры. Мализримт был уничтожен, но Барбиллус так и не вернулся на корабль,

В честь лорд-инквизитора Барбиллуса были построены храмы. Статуи, обычно изображавшие героя в разгаре битвы, с покрытым копотью лицом, с неизменным молотом в руках, украшали все инквизиторские крепости в Солнечном Сегменте и далеко за его пределами. Его имя было высечено на стене Зала Героев Имперского дворца и навеки занесено в анналы истории.

Инквизиция.

Материалы архива Инквизиции умалчивают о том, как команда Барбиллуса и его средства перешли под контроль Великого Конклава Ордо Маллеус и как Валинов вместе с десятком других инквизиторов проходил второй срок обучения. Но не было и свидетельств о том, при каких обстоятельствах в Ордо Маллеус обнаружили, что Валинов действует по собственному усмотрению, хотя это, безусловно, было раскрыто.

Валинов активно проявил себя в окрестностях Трациан Примарис во время жестоких кампаний вокруг Ока Ужаса. Возможно, он играл какую-то роль в покорении попавших под влияние Хаоса племен, обнаруженных в заключительный период Дамоклова Крестового Похода. Но более точных сведений не сохранилось. Валинов действовал крайне осторожно. Возможно, к тому времени он уже переменился и старался скрыть свои следы, чтобы другие инквизиторы не обнаружили никаких улик его

отступничества.

И о самой важной миссии Валинова тоже не сохранилось почти никакой информации. Он отправился в густонаселенный мир В'Ран в сопровождении штурмовой дивизии Ластраты-79, состоящей из легальных псайкеров, воспитанников Академии Психана, и эскадрильи кораблей класса «Меч». Валинов исправно посылал донесения о регрессирующем культе, который правил обширными районами трущоб и развалин В'Рана. Но впоследствии было сделано заключение, что Валинов сам создал эту угрозу, чтобы оправдать свое вмешательство.

Кроме этого, о миссии на В'Ран было известно, что по прошествии двух недель после прибытия туда Валинова планета была поглощена бурлящей, источающей толни пеленой раскаленного звездного облака. Возникший варп-шторм был слишком компактным и направленным таким образом, что могло быть только преднамеренно вызванное возмущение. Густонаселенный мир потонул в кошмарах варпа. После

этого непонятного шторма никто не мог с уверенностью сказать, что произошло с девятнадцатью миллиардами мужчин, женщин и детей, составлявших население В'Рана. Но астронавты докладывали о волнах на планете, разнесшихся на несколько световых лет вокруг.

Следы жестокости тянулись за Валиновым по всему Солнечному Сегменту. Он сжег столицу порта Св. Индры, устроив перегрузку в сетях теплоотводов. Пираты на звездных кораблях, которые поклонялись варну, истребили конвой пилигримов в окрестностях Немеанского Облака и называли Валинова своим предводителем. Сам Валинов, словно стараясь совершить как можно больше злодеяний во имя Хаоса, сеял вокруг себя разорение и опустошение.

К тому времени Орго Маллеус уже поручил нескольким инквизиторам выследить его и попытаться предугадать следующие действия. Они отыскивали Валинова в пораженных эпидемией общинах Пояса Таолвен. Валинов присоединился к культу, образованному

выжившими после чумы людями, которые верили, что своим спасением обязаны пантеону Хаоса. В течение нескольких недель он превратил культистов в хорошо вооруженную и фанатически настроенную партию, занявшую укрепленный астероид.

В Ордо Маллеус сочли, что Валинов готовится к решительному противостоянию. И они представили ему то, чего он добивался. Конклав обратился к грандмастеру Тенцендур, и тот направил штурмгруппу Серых Рыцарей, чтобы овладеть крепостью Валинова.

Первым, кто выскочил из абордажной торпеды и ворвался в крепость, был правосудор Аларик.

Мандулианская часовня представляла собой глиняную галерею с головокружительно высоким потолком, полную колонн и статуй в стеновых нишах. Для того чтобы дойти до огромного алтаря в передней части часовни, Серому Рыцарю предстояло выдержать строгие взгляды сотен героев Империи. Некоторые из них уже стали легендами.

другие были почти забыты, но каждый был частью организационной сети, которая охватывала весь Империят. Ближе всего к алтарю находилась статуя самого грандмастера Мандулиса, погибшего тысячу лет назад. Его фигура была вырезана в одной из колонн: герой словно поддерживал потолок часовни.

Смысл был ясен. Мандулис, как и любой Серый Рыцарь, уберегал Империят от краха.

Аларик шел по центральному проходу. Фильтры, встроенные в его нос и горло, улавливали частицы лагана, горевшего в курильницах в сутраке под сапым потолком. Вокруг колонн терцали зажженные свечи, а маленький сервитор, тихонько жу́жжа, катился между ними и убирал погасшие фитили. Неровный свет отражался от золотого алтаря, сработанного ремесленниками ордена триста лет назад. Центральный образ был посвящен Императору и изображал сцену из времён, предшествовавших ереси Хоруса.

Император глядел в сторону, словно

предчувствуя свою почти смерть в последние дни ереси. Он был с обеих сторон окружен Серыми Рыцарями, но не сокрушающими демонов или еретиков, нет — коленопреклоненными, опустившими руки. Вся картина говорила о смирении: она была призвана напоминать Серым Рыцарям, что, при всей своей силе, они могут достичь цели только благодаря воле Императора.

Аларик еще не получил от ремесленников доспехи после ремонта и был в обычном черно-сером одеянии. Босые ноги касались гладкого пола, отполированного за столетия тяжелыми ботинками, и в этом священном месте рыцарь чувствовал себя голым. Раны все еще побаливали; Аларик ощущал, как быстро заживает шрам в том месте, где лапнушка прожгла ему живот. Кожа после лечебной жидкости оставалась слишком чувствительной. Но гораздо большее было сознание собственного бессилия. Когда утирали боевые братья, он не стоял рядом с ними.

Капеллан Дурендин ожидал его в

пустынной часовне. Как и всегда, он был в массивных доспехах терминатора. Одины рукав, выкрашенный в черный цвет, указывал на его ранг капеллана, остальная броня, как обычно, оставалась серой. На руках капеллан носил энергетические когти, с которыми не расставался с первых дней службы в Оргене.

Аларик, дойдя до алтаря, где стоял Дурендин, поспешно встал на колени перед капелланом. Затем они оба преклонили колени перед алтарным образом Императора.

— Тенцендур сказал, что ты хотел со мной встретиться, — заговорил Дурендин, как только они поднялись.

Лицо его оставалось почти полностью закрытым капюшоном накидки, как у всякого настоящего капеллана, хранило бесстрастное выражение.

— Капеллан, тебе известно, что произошло. Я был ранен и без сознания. Энкалион и Толас погибли. Мне и раньше приходилось терять воинов, но я всегда был рядом с ними. В этот раз меня с ними не было.

— Я не стану отпускать тебе этот грех, правосудор. Каждый из нас должен нести ответственность за смерть боевых братьев. Ты не так давно стал правосудором, Аларик. У тебя имеется определенная способность вести за собой людей, но на этом пути ты сделал только первые шаги.

— Вот это и беспокоит меня, капеллан. Я еще не испытывал таких сомнений. Будучи Серым Рыцарем, я твердо усвоил одно: если стержень моей веры покачается, я стану ничего не стоящим воином.

— И ты считаешь, что должен сомневаться в чистоте своей души, если не в силах забыть ощущения беспомощности после ранений, нанесенных людьми Валинова? — Дурендин повернулся и из глубины капюшона заглянул словно бы в самую душу Аларика. — Запомни это, Аларик. Запомни, что значит быть сломленным и побежденным. Лидер отличается не тем, что способен избежать таких несчастий, а тем, что сможет преодолеть их и стать еще

сильнее. Твои боевые братья мертвы, но ты в силах сделать так, чтобы их гибель не осталась бессмысленной. Вот что значит быть лидером.

— Я знал, что это не просто, капеллан, — ответил Аларик. — Но никогда в полной мере не осознавал всей тяжести долга. Я знаю, что это не последнее испытание и далеко не самое трудное. Я только начинаю понимать, какие тяжелые жертвы должны нести грандмастера, чтобы Рыцари пошли за ними. Их вера должна быть абсолютной. Мне кажется, что во всем Империи нет более достойной цели, чем заслужить доверие и стать грандмастером Серых Рыцарей.

— А ты бы смог это совершить?

Аларик помолчал. Он посмотрел на пластинки полированных драгоценных металлов, образующих позолоченные доспехи Императора, на тени, скрывающие далекий потолок, на фигуру Мандулиса, державшего на своих плечах Империум.

— Да. Да, я бы смог.

— Вот в чем разница, Аларик. Ты не

можешь верить ни во что другое. То, что ты считал сомнениями, — это боль трудного урока. И ты усвоил его, доказав, что орген в тебе не ошибся. Ты любознателен и разумен, ты пользуешься доверием своих людей. В тебе есть особое сочетание свойств: оно не даст почувствовать удовлетворение до тех пор, пока ты не выполнишь долг до конца.

Аларик встал и быстро поклонился сверкающему образу Императора.

— Канеллан, теперь меня ждет Тенцендур. Я подумаю обо всем, что ты мне сказал.

— Вряд ли ты сможешь позволить себе подобную роскошь, — сказал Дурендин, когда правосудор повернулся к выходу. — Судя по тому, что было обнаружено в Поясе Таолвена, захват Валинова может показаться только первым шагом.

Ордо Маллеус занял кольца Сатурна в первые годы существования инквизиции и превратил их в свое неофициальное государство. Лорд-инквизиторы обладали абсолютной властью над спутниками

Сатурна: это давало им единственный шанс сохранить в тайне свои средства. Под контролем Орго Маллеус находились самые опасные в Галактике артефакты, тексты и люди. Чрезвычайно сложная конфигурация колец Сатурна не позволяла вражеским армиям пролететь мимо тысяч турболазерных защитных сооружений, охранявших комплекс с астероида, захваченного притяжением планеты. Единственно возможный путь внутрь пролегал через тщательно оберегаемую Орденот крепость-порт на внешнем спутнике Япет.

Мимас, из всех спутников --- ближайший к огромной клубящейся массе Сатурна, при столкновении был обезображен шрамом, тянувшимся через четверть поверхности. В этом кратере была построена тюрьма инквизиции, где в комплексе изолированных келий содержались худшие из худших. В стенах тюрьмы имелись психогенные обереги, охранялась она отрядом штурмовиков, подчинявшихся Орго Маллеус.

На Энцелаге, следующем за Мимасом

спутнике, располагалась цитадель Инквизиции — обширный роскошный дворец. Там содержался двор лорд-инквизитора Ордо Маллеус, и в личных покоях жили старшие инквизиторы ордоса.

Тефия была отгана под Либрариум Демоникум — хранилище опасных знаний, собранных за тысячелетия борьбы против зла. Либрариум был совершенно не виден с поверхности: тысячи защищенных от взгляды келий и галерей, уставленных книжными стеллажами, находились в сферическом помещении, выдолбленном в сердцевине спутника. Огромное количество книг, электронных записей, свитков и пиктов содержались при низкой температуре, чтобы предохранить от порчи хрупкие страницы и неустойчивые электронные носители. Доступ туда могли разрешить только сами лорд-инквизиторы. Сектор, где хранились документы наибольшей секретности, был одним из самых недоступных мест в Галактике.

Титан, самый крупный спутник, под своей плотной оранжевой атмосферой

скрывал огромную крепость-монастырь, охватившую всю поверхность. Со стороны могло показаться, будто весь спутник состоит из башен и укреплений.

Доки Янета, самого удаленного из крупных спутников, простирались в космос на многие километры. Там всегда находили пристанище эскадры крейсеров, конвойных и боевых кораблей, включая ударную флотилию Серых Рыцарей и огромные корабли класса «Император», реквизированные с флота Солнечного Сегмента.

Только при абсолютном контроле за этой миниатюрной империей инквизиторы могли обеспечить территориальную безопасность собранных ими знаний и изоляцию схваченных и заключенных в тюрьму личностей. Одним из требований безопасности было условие, что все захваченные вещи Валинова будут храниться отдельно. Там их могла тщательно изучить инквизитор Бризейс Лузейя.

Слабый голубовато-серый свет

заполнял исследовательские помещения. В
его лучах тускло мерцали заставленные
книгами стеллажи, закрывающие все
стены на сто метров в высоту. По стенам
архива карабкались на тонких
металлических ногах научнообразные
сервиторы. Их органы зрения, когда-то
принадлежавшие людям, внимательно
изучали заглавия на корешках книг, чтобы
выполнить заказы исследователей Ордо
Маллеус. Эти люди проводили в архиве
всю свою жизнь, тщательно исследуя
древние книги по поручению своих
начальников. Многие инквизиторы
высокого ранга ители на Тефии одного или
двух личных исследователей: их
единственной целью был поиск
неизвестной, но потенциально важной
информации о врагах Императора.

Большая часть помещений между
высоченными громадами книжных полок
обычно пустовала. Лишь несколько бледных
большезлых исследователей склонились
над потрепанными томами. На случай,
если разоблаченное ити зло овладеет
разумом исследователя, у каждого за

плечом стоял вооруженный сервитор. Дыхание облачками пара клубилось в воздухе, а все исследователи носили облегающие термокостюмы. В хранилище поддерживалась такая температура, при которой человек мог прожить не более нескольких минут.

Инквизитору Лигейе нравилось здешнее спокойствие. В такой обстановке лучше думалось. Сервитор-проводник с негромким жужжанием петлял по различным залам, затем спустился на два пролета по ступеням и привел Лигейю в помещение, где для нее были приготовлены вещи Валинова.

Лигейя носила роскошные меха и накидку, отороченную горностаем. Она предпочитала экстравагантную одежду благородных дам Империи, поскольку и сама была такой — по крайней мере, когда-то была... Поверх таррхидовых перчаток она надевала кольца, а ее ботинки были изготовлены из шкур карликовых гроксов. Когда-то давно Лигейя была очень красивой, но жизнь настолько закалила ее душу, что изменения отразились и на

лице. Хотя Лигейя все еще оставалась привлекательной и ей нравилось, что в первое мгновение люди обращали внимание только на внешность.

Ее недооценивали, и это обстоятельство не раз спасало инквизитору жизнь.

Лигейя не была прирожденным воином, хотя успела получить свою долю неприятностей. Она была исследователем, ученым; она окончила лучшие учебные заведения, которые могли обеспечить деньги аристократов. Орго Еретикус забрал ее к себе прямо из благородного семейства Гаталатора, сочтя, что способности Лигейи превосходят неловкость, внушаемую некоторым из них ее растущим гаром медуна.

Орго Маллеус переманил Лигейю из-за ее умения читать древние тексты. Там она и осталась, оказывая все более ценные услуги различным инквизиторам. Маллеус, пока не получила постоянную должность. Ее способности медуна становились острее с каждым годом.

Члены Орго Маллеус по большей

части были типичными истребителями демонов: они сроднились с оружием и доспехами под стать Серым Рыцарям. Оружием Лигейи были знания. Предполагалось, что инквизитор-псайкер Орго Маллеус должен разить молниями или уничтожать демонов с помощью слов, но главной силой Лигейи были понимание и восприятие.

Не будь Лигейи, Орго Маллеус не смог бы предотвратить многие несказанные бедствия. Как и теперь, когда планы Валинова, возможно, не были разрушены с его поимкой.

Лигейя села, и сервитор-проводник укатился прочь. Вооруженный сервитор не подошел к исследователю: одной из привилегий Лигейи было доверие, оказанное ее силе воли. Подавляющее поле, окружающее Лигейю, выключило защитные устройства в непосредственной близости от ее стола. Никакие особенности ее дара не могли привести в действие оружие, установленное в стенах.

Перед Лигейей лежали все предметы, найденные в личных помещениях Валинова

и на нем самом в момент пленения; почти все они носили следы крови или попадания болтерных снарядов. На рукаве одежды Валинова — темно-красной, затейливо отделанной серебром, тоже виднелась огромная рваная дыра от болтерного снаряда. Из отчетов Лигейя помнила, что Валинов был ранен. То, что он преодолел шок от попадания болта в не защищенное доспехами тело, говорило об огромной силе.

Валинов был вооружен особым лазерным ружьем истребителя демонов, оставшимся с тех пор, когда он работал под покровительством Ордо Маллеус. Приклад и ствол этого красивого оружия были покрыты темной кроваво-красной эмалью, а некоторые детали — позолочены. Энергетический накопитель, явно сделанный по особому заказу, судя по оплавленному краю, был сильно перегружен. Кроме ружья Валинов имел при себе и кинжал-убийцу — небольшой клинок, похожий на обычный боевой нож, но с поражающим нейросистему процессором. Именно этот кинжал и превратил в кашу

внутренности дознавателя Цатонна.

Оружие не заинтересовало Лигейю. Оно было проверено группой псайкеров и не содержало никаких секретов. Документы казались ей более важными. У Валинова были найдены пара электронных блокнотов, несколько свитков, перевязанных чем-то похожим на обрывок сухожилия, и большая книга. В электронных блокнотах содержались сведения о численности воинов и описи оружия, что доказывало удивительную способность Валинова организовать банду невежественных фанатиков. Больше ничего важного там не было.

Свитки выглядели более интересными. Листы были заполнены непонятными текстами, написанными мелким почерком, сложными схемами пантеонов и магических заклинаний, транскрипциями молитв и описаниями церемоний. Лигейя поднесла руку к ветхому пергаменту и позволила своим ощущениям просочиться на лист, воспринимая не форму букв и диаграмм, а заключенный в них смысл. Эту способность

она открыла в себе, будучи ребенком, в школе на Гаталаморе. Хотя обучавшие Лигейю Сестры считали этот дар колдовским, ей повезло, что его признали не угрозой, а полезным свойством псайкера.

Здесь проявился один из парадоксов центральной части Империи. Мужчины и женщины, чьи способности затрагивали варп и образовывали мостик между телными силами и реальным пространством, вызывали страх, но в то же время Империя не могла обходиться без псайкеров. Среди них были астропаты, передающие теленатические послания, и пси-инквизиторы, как Лигейя, чей разум мог решать такие задачи, которые не поддавались обычным людям.

Содержание свитков оказалось слабым и ускользающим, рассеянным и разочаровывающим. Лигейя подозревала, что в них заключен какой-то сложный код, но чем сильнее она углублялась в свитки, тем выше становился барьер бессмысленности. Слова не имели никакого значения. Единственным достоинством свитков был их внушительный вид. Но

настоящие знаки богов Хаоса взорвались бы в ее ощущениях ярким фейерверком.

Ради пущей уверенности Лигейя потратила еще немного времени на исследования, но быстро пришла к выводу, что в свитках не было никакого смысла. Скорее всего, Валинов сам их изготовил, чтобы убедить культистов в сотрудничестве с темными силами. Это означало, что он не считал их достойными настоящего сотрудничества с Хаосом. Возможно, он и не собирался их к этому готовить: фанатики были для него просто пущечным мясом, людьми, которыми он мог манипулировать и послать на смерть вместо себя. И они погибли, все до одного.

Лигейя оставила свитки и подогвинула к себе книгу. Фолиант был очень старым и сильно пострадал от сырости и плесени. Страницы были сделаны из плотного пергамента, но почти рассыпались — Лигейя догадалась, что книгу не раз переплетали заново. У нее не было заглавия: если оно когда-то и существовало, то исчезло вместе с

первоначальным переплетом.

Инквизитор осторожно открыла книгу. Даже не применяя свой дар, Лигейя ощутила странное покалывание в кончиках пальцев, точно содержание книги стремилось вырваться наружу и быть понятым. Перед ней открылась страница, и Лигейя узнала устаревший высокий готик.

«Codicium Aeternum».

Под заголовком шли рукописные строки, созданные уверенной рукой какого-то сервитора-писца сотни лет назад:

«Здесь содержится полное и правдивое описание уничтожения демонов, чудовищ и представителей тьмы, дополненное экстраполяциями их возвращения после изгнания».

Еще ниже виднелся оттиск печати *Orgo Malleyus*.

У Лигейи перехватило дыхание. Этого она никак не могла ожидать. Она пролистала несколько страниц.

На них всплывали ужасные имена. Лигейя узнала имя Ангрона, демона-притарха, изгнанного из реального мира в

первом сражении за Армагеддон. Увидела
имена Черубаэля и Думбрега, Н'Кари и
сотни других, с указанием дат и
предполагаемых сроков их изгнания.
Некоторые из этих имен могли смутить
мысли любого из обычных людей.

«Codicium Aeternum». Великий Трон,
если это правда...

В последний раз эту книгу видели в
тех же самых залах несколько
десятилетий назад. Ее считали
потерянной, спрятанной где-то в недрах
Тефии, где она могла стать жертвой
излишнего стремления к секретности.
Многие тома были утрачены таким
образом. Ордо Маллеус даже содержал
специальный поисковый отряд, который
осматривал нижние уровни хранилища в
поисках давно забытых, но ставших
необходимыми текстов.

Однако с этой книгой все было по-
другому. Вероятно, Валинов похитил ее
из собрания Ордо Маллеус в те дни, когда
еще работал на инквизитора Барбиллуса.
Много раньше, чем проявились первые
признаки его отступничества. Валинов

мелеял какой-то ужасный план гораздо больше, чем предполагали инквизиторы! «Codicium Aeternum», содержащий сведения о тысячах демонов, изгнанных Серыми Рыцарями, был одним из самых ценных справочников, имеющихся в распоряжении Маллеус. Оному Императору ведомо, что собирался сделать с книгой Валинов.

Лигейя встала из-за стола и махнула рукой сервитору-проводнику, ожидавшему на pogodbaющем расстоянии.

— Лигейя смотрителям Либрариума. У нас появился текст, требующий особого внимания. Пришлите вниз команду хранителей и передайте в Конклав, что это «Codicium Aeternum». Лигейя закончила.

Сервитор покатился прочь, унося послание Лигейи к смотрителям Либрариума. Они знают, как сохранить и защитить столь ценную и потенциально опасную книгу. Повернувшись снова к столу, Лигейя заметила, что книга раскрылась как будто бы на случайной странице, потемневшей от времени и сырости, с едва различимым текстом. Одно слово, одно

иля, написанное красными чернилами
красивым почерком, бросилось ей в глаза.

Гаргатүлот.

ТУТАН

Встреча была назначена в зале Унавшего Кинжала. Там несколько столетий назад грандмастер Колзано вызвал подчиненных ему Серых Рыцарей на бой, с огниги кинжалами, обещаю тому, кто его победит, свои доспехи терминатора, инкрустированные драгоценными камнями. Тело грандмастера, вместе с боевым кинжалом, давно покоилось в глубине катакомб Титана, но высокий гүлкий зал получил это название.

Помещение использовалось для занятий, обучения новобранцев рукопашному бою или, как сейчас, для встреч Ордо Маллеус с Серыми Рыцарями.

В центре зала стоял большой круглый стол из потемневшего твердого дерева. Его окружали штурмовики Маллеус в парадной форме, с серебряными

масками на лицах. Молчаливые и злобные стражники, никогда не открывавшие своих лиц, сопровождали инквизитора Никсосу почти на всех официальных собраниях. Никсос уже сидел за столом. По обе стороны стояли советники: почти неправдоподобно старый астронавт и очень стройная молодая женщина, по слухам приглашенная из самой престижной академии Имперского флота.

Старый суровый воин Никсос был в простом черном одеянии, оттенявшем посеребренные скобы и пластины. Они придавали его хрупкому телу удивительную силу и ловкость. Его лысая голова, покрытая старческими пятнами, выдвигалась вперед, словно у ястреба, а маленькие глазки постоянно двигались, выискивая жертву.

Рядом с Никсосом сидела инквизитор Лигейя — красивая и величественная, похожая скорее на элегантную хозяйку аристократического салона, чем на истребителя демонов. Ветхий фолиант «Codicium Aeternum» она принесла с собой в

портативном герметичном сейфе, предохранявшем древние страницы от повреждений.

Грандмастер Тенцендур пришел на встречу в доспехах терминатора. Он снял только шлем, открыв изборозженное хмурыми морщинами лицо с тяжелой волевой челюстью. Его сопровождало отделение терминаторов личной охраны. Правосудор Аларик, получивший свои доспехи из ремонта, замыкал строй воинов.

Аларик полностью отчитался перед Тенцендуром и успел поговорить с воинами своего отделения. Они уже начали обряд прощания с павшими боевыми братьями. Энкалиону и Толасу были отведены ниши в катакомбах Титана, где их тела будут отдыхать до того часа, когда Императору вновь понадобятся его верные слуги. Брат Ликкос начал интенсивные тренировки с ланзюшкой, которую прежде носил Толас. Остальные десантники пронесут тела павших боевых братьев на погребальном параде, где Аларику предстоит сказать прощальную речь. Ему и раньше

приходилось произносить слова прощания, но теперь это будет сделать особенно трудно.

Со временем в отделение Аларика выберут новых рекрутов. Они заменят погибших, но это случится не скоро. А до тех пор в отделении Аларика будет негосдавать двух воинов -- словно в напонтинание о постоянно грозящих ил опасности.

-- Грандмастер, -- заговорил Никсос, поднявшись со своего места в знак уважения. -- Притите мои извинения за опспешность вашего приглашения. Мы были вынуждены пренебречь многими правилами протокола.

-- Как я понимаю, в вещах Валинова были найдены особо важные материалы, -- ответил Тенцендур. Голос его был глух и утрачен из-за раны горла, полученной в те времена, когда он еще был правосудором. -- Если бы это не было так важно -- я уверен, вы бы не стали меня приглашать, -- закончил грандмастер.

Никсос махнул рукой Лузейе. Она поставила на стол сейф и подвинула его в

сторону Тенцендүра. Затем приложила большой палец к генному замку --- и крышка распахнулась, показав тронутый плесенью том «Codicium Aeternum».

Грандмастер подошел к столу, наклонился, неожиданно ловкими пальцами в латных рукавицах вынул книгу и осторожно перевернул обложку. Он прочитал вслух заголовок.

--- Мы считаем, что Валинов украл книгу до того, как его предательство было обнаружено, --- пояснил Никсос, пока Тенцендүр перелистывал покрытые пятнами страницы. --- Сама по себе она не представляет опасности, и мы даже вынесли книгу за пределы защиты Либрариума. Но вот содержащаяся в ней информация может составить массу проблем, учитывая то, что книга была в руках радикала.

--- Вам известно, для чего он ее украл?

--- Пока Валинов ничего не сказал нашим дознавателям, --- признал Никсос. --- На Миласе имеются лучшие мастера пыток нашего ордена, но процесс будет

глубительным. Однако мы можем сделать кое-какие предположения. Лугейя?

--- «Codicium Aeternum», --- заговорила Лугейя звучным, хорошо поставленным голосом, столь непохожим на глухое ворчание товарищей по истреблению демонов, --- содержит имена многих тысяч демонов вместе с описаниями и датами их изгнания. Будучи энергетически сильными существами, они не уничтожаются до конца --- лишь отсылаются обратно в варп, где могут восстановиться. Мы уверены, что «Codicium Aeternum» был составлен в попытке предугадать их возвращение. Безусловно, Хаос не поддается систематизации, но поначалу авторы старались учитывать все возможности.

В самое важное место книги Лугейя вложила закладку, и Тенцендур, открыв его, задержался.

--- Гаргатүлот, --- бесстрастно произнес он.

--- Гаргатүлот, --- повторила Лугейя. --- Он был изгнан из реального мира тысячу лет назад. Это произошло на Корионе IX, и победил его грандмастер Мандүлис.

— И он был изгнан, — прочитал дальше Тенцендур, — на одну тысячу лет.

— Теперь вы понимаете, почему мы сочли эти сведения столь важными, — сказал Никсос.

Тенцендур закрыл книгу и положил ее обратно на стол:

— Что вам требуется?

Никсос заглянул в блокнот, переданный ему советником:

— Грандмастер, мы все знаем, что творится на Кагуи. Открылось Око Ужаса, и Кагуя может пасть. Орген поручил мне связаться с дознавателями, до сих пор действующими на подконтрольной Хаосу территории, так что я не могу лично принять в этом участие. За операцию будет отвечать инквизитор Лигейя. От ее имени я прошу как можно скорее собрать и предоставить в ее распоряжение ударную силу Серых Рыцарей, чтобы воспользоваться возможностями, вытекающими из полученной информации.

Слова инквизитора не произвели на Тенцендура большого впечатления. Он

повернулся к Лигейе:

--- Галактика велика, инквизитор. Вам известно, в каком месте вернется Гаргатүлөт? Корион IX был уничтожен в результате операции Ускоренения.

--- У нас есть определенная идея, --- ответила Лигейя. --- Таро Императора учили видения, посетившие астронавтов, которые находились в то время поблизости от Кориона IX. Скорее всего, Гаргатүлөт вернется где-то в Шлейфе Святого Эвиссера.

--- Насколько точны эти догадки?

--- Они в свое время были записаны в «Codicium Aeternum». И это все, что мы имеем.

Лигейя отыскала в книге заключительные параграфы описания Гаргатүлөта, сохраняя удивительную невозмутимость. Шлейфом Святого Эвиссера называлась совокупность систем, находившихся к востоку от Солнечного Сегмента и получивших общее название по имени имперского святого. Тенцендүр даже не разобрал имени: Империя была огромна, и в ней имелось множество

почти забытых уголков, где мог
притаиться Хаос.

Тенцендур покачал головой и
подтолкнул книгу по столу в сторону
Лигейи:

— Не слишком обнадеживает, если
это все, что у вас имеется. Никсос, вы
сами упомянули об открывшемся Оке
Ужаса. Всех нас могут призвать туда,
чтобы остановить поток. Несколько
подразделений уже находятся на пути к
Кагии, и вскоре я сам к ним присоединюсь.
Совесть не позволит мне игнорировать
долг ради ваших догадок. Валинов мог
взять книгу по любой причине. Он мог
украсть ее, поддавшись ярости, или чтобы
проверить системы защиты, или
обратить на себя внимание. Но даже если
он надеялся подготовить возвращение
Гаргатүлота, Валинов схвачен и
изолирован на Мумасе, где он
подвергнется пыткам, будет сломлен, а
затем казнен.

— Вам известно, — спокойно
произнесла Лигейя, — кто такой
Гаргатүлот?

Тенцендур нахмурился. Аларик представлял, насколько грандмастер не привык к возражениям, даже возражениям инквизитора.

--- Конечно, --- сказал Тенцендур. --- Принц-демон.

--- Ордо Маллеус потребовалось сто лет, чтобы узнать его имя. Даже не настоящее имя, а то, которое он использовал при образовании культов по всему Империи. Затем нужно было несколько десятилетий, чтобы выследить его на Корионе IX, и когда, наконец, его загнали в угол, были посланы три сотни Серых Рыцарей, чтобы его изгнать. Ни один из них не вернулся назад. А похоронить смогли только Мандулиса. Если Гаргатулот намерен вернуться, нам потребуются помощь. Он до сих пор, даже из варна, способен влиять на незрелые умы. Но до тех пор, пока они не в силах окончательно вернуть его в реальный мир, Гаргатулот очень уязвим. Это наш единственный шанс нанести удар раньше, чем он обретет силу, с которой мы не справимся. Орден пытался подсчитать,

сколько граждан Империи погибли из-за культа Гаргамы, но целый корпус логистов не мог определиться с числом. Если есть малейшая возможность его восстановить, мы обязаны ею воспользоваться. Если потребуются, я пойду одна, но у меня есть обязанность перед Империей, и она должна быть выполнена.

Тенцендур помолчал.

— Я не могу вести их, — сказал он наконец. — Мое присутствие требуется в других местах, и другие командиры тоже... Я могу предоставить вам экспедиционный корпус, но офицера...

— Вот поэтому я и попросила присоединиться к нам правосудора Аларика, — сказала Лигейя, взглянув на толстого воина. — Я понимаю, что вы не в состоянии предоставить боевого командира. Правосудор Аларик первым ворвался в крепость Валинова и отлично зарекомендовал себя в бою. Я прошу направить со мной Аларика с его отделением, еще два тактических отделения терминаторов и «Рубикон». Я

понимаю, что прошу слишком многого, когда Враз наводняет Улпериут через Око. Но и вы должны понять, что маленькими силами невозможно предотвратить возвращение Гаргатүлота.

--- Если дознаватели расколют Валинова... --- начал Тенцендүр, но Лигейя прервала:

--- Грандмастер! Гаргатүлот все равно будет взывать к своим последователям. Через четыре месяца исполнится ровно тысяча лет после его изгнания, и тогда, вернувшись в реальное пространство, он сможет образовывать новые культы и направлять их деятельность. Раскалывать Валинова придется слишком долго. Мы должны отправиться прямо сейчас.

Тенцендүр обернулся к Аларикү:

--- Правосүдор?

Такого Аларик не ожидал. У него до сих пор осталось впечатление, что на Поясе Гаолвена его постигла неудача. Он еще чувствовал раны, едва не ставшие смертельными. Дүрэндин говорил о том,

какой долгий путь предстоит пройти Аларик, пока он не станет лидером Серых Рыцарей, а ему уже сейчас предлагают вместе с Лигейей выполнить миссию, которую она, по всей видимости, считает очень важной.

На мгновение он засомневался. Отказаться? Слуга императора должен быть честным, когда дело касается его возможностей. Но если он откажется, кто тогда пойдет? Тенценгур сказал правду. Око Ужаса вскоре потребует всех ресурсов Серых Рыцарей. Все старшие офицеры должны быть там.

Аларик подошел к столу и поднял «Codicium Aeternum». Книга оказалась тяжелой и сырой от плесени. На страницах мелькали отвратительные имена демонов, описания их зверств и обстоятельств изгнания. Статья о Гаргатулоте занимала несколько страниц. Тысячеликий Принц создавал культы фанатиков по всему Империи, и каждый действовал отдельно от остальных, даже не подозревая об их существовании. Каждое общество

почитателей исполняло свои жестокие планы, которые выходили на поверхность только в тот момент, когда разыгрывалась финальная драма.

Изгнание демона было довольно сложным понятием. Могущество демона, метод изгнания и обычная удача — вот что определяло, как долго он будет томиться в варне. Вероятно, Мандулис нанес Гаргатүлөтү свирепый удар, раз тот оказался изгнанным на тысячу лет. «Codicium Aeternum» был написан в попытке систематизировать все факторы и возможно точнее предсказать, где и когда произойдет возвращение демона. Но Хаос по своей природе не поддавался систематизации, и книга осталась незаконченной. Однако приход

Гаргатүлөта предсказать успели.

Если Кагуя прав, основной удар Хаоса будет направлен против Солнечного Сегмента. И тогда там понадобятся все Серые Рыцари — единственные воины, которые могут противостоять демоническим союзникам Воителя Абэгдона. Но если все Серые Рыцари

соберутся к Оку Ужаса и возникнет нечто ужасное, чтобы поразить незащищенный тыл Империи...

Валинов выкрал книгу. Забрав фолиант из Либрарии, он открыто восстал против Оргена. Был ли Таргатулот источником его морального разложения? А может, Валинов на Мимасе смеется над ними, зная, что запустил в Шлейфе Святого Эвиссера такие силы, которые ударят по Империи в момент его слабости?

— Мое отделение будет с вами, — сказал Аларик. — Валинов заставил моих воинов скорбеть. Танкред тоже был там. Из других отделений я бы рекомендовал Правосудоров Генхайна и Санторо. Они оба были в составе сил, нанесших удар по крепости со стороны солнца.

— Правосудор, тебе придется самому принимать решения, — сказал Тенцендур. — Я могу поддержать твою кандидатуру здесь, но в сражении ты будешь старшим.

— Я полагаюсь на суждение Инквизиции.

Тенцендур кивком велел охране

двигаться к выходу.

— Вы получите «Рубикон». Он стоит на Янете и будет готов к запуску через двенадцать часов. Теперь ты будешь подчиняться инквизитору Лигейе. За Трон, правосудор!

— За Трон, грандмастер! — ответил Аларик и склонил голову.

Тенценгур ушел, и шаги его отделения громким эхом разнеслись по залу Унавшего Кинжала. Инквизитор Никсос в сопровождении своих молчаливых советников и личной стражи направился в противоположную сторону, и механизмы его тела вздохнули на прощание.

— Ты — пси-инквизитор, — сказал Аларик, когда Лигейя, забрав книгу, встала из-за стола. — Мои обереги реагируют на это.

Лигейя улыбнулась:

— Я видела, как мои товарищи инквизиторы бросались пылающими толниями, но, боюсь, не способна на столь грандиозные зрелища. Я имею дело со знаниями. Я ученый, а ты?

— Все Серые Рыцари обладают пси-

способностями. Но я не слишком на них полагаюсь. Тебе это и так известно, инквизитор.

--- Да, конечно. Еще мне известно, что ты умен и любознателен, у тебя развито воображение. Я ценю эти качества. Я знаю, что ты --- прирожденный лидер, даже если грандмастера предпочтут наблюдать за тобой еще пару десятков лет, пока ты не заработаешь нашивки. Ты сможешь увлечь за собой десантников, когда надо будет сражаться, и считаться с моим мнением, когда придет время учиться. Боюсь, нам обоим придется учиться, если мои догадки насчет Гаргамүлота окажутся верными.

Лигейя изящно развернулась и ушла, взмахнув полати отороченной горностаем накидки.

Она была уверена, что он согласится возглавить ударный отряд. Она понимала, что Аларик захочет снова выступить против Валинова --- хотя бы ради того, чтобы расстроить его планы.

В свою очередь, и Аларик уже усвоил образ мыслей инквизиторов. Все люди,

будь то Серые Рыцари, обычные граждане или даже другие инквизиторы, представлялись им орудиями, которые следовало сосредоточить на определенных позициях и направить на выбранного противника. Аларик понимал, что лишь таким образом возможно направить сложный комплекс Империи на путь борьбы с врагами человечества. Но это не означало, что он с радостью чувствовал себя частицей чужих планов.

Голик Рен-Сар Валинов был обнажен и скован кандалами по рукам и ногам. На нем был металлический ошейник, начиненный взрывчаткой. Она оторвала бы Валинову голову, если бы он попытался выйти из камеры допросов, использовать психологическое воздействие (хотя Валинов никогда не проявлял подобных способностей) или просто разозлил бы надзирателя до такой степени, чтобы привести в действие взрыватель.

Камера была вырублена в толще обсидиана, иснещенного белыми прожилками; гладкие голые стены заливал

яркий свет подвешенной к потолку люстры. Валинов сидел в центре катеры на металлическом стуле, представлявшем единственный предмет обстановки.

Несмотря ни на что, Валинов все еще казался опасным. Его стройное тело обвивали прекрасно развитые мускулы. Кожу покрывали шрамы, слишком правильно расположенные, чтобы появиться только в результате ранений. Непонятные татуировки испещряли края живота, извилистыми темнотными полосами переходили на спину, потом на плечи и превращались в широкий воротник на горле и верхней части груди, словно застежка накидки, струившейся по его коже.

Продолговатое, с резкими чертами, лицо Валинова выражало настороженность и скрытое коварство. Глаза были умны и чуть насмешливы. После пленения отступнику обрили череп, и многочисленные кольца в ушах теперь казались потускневшими и неуместными.

Аларик остался на наблюдательном

пункте по другую сторону стены и наблюдал за изображением с пикт-камер, установленных по углам помещения. Камера освещалась только экранами, бросавшими серебристые блики на лица наблюдающих дознавателей. Тюрма на Мимасе была укомплектована мужчинами и женщинами, у которых сначала полностью стирались все мысли, а затем внедрялись строго определенные знания. Камеры безопасности, техника вопросов и люта́я ненависть к заключенным. Таким образом уменьшался риск воздействия на разум надзирателей — воздействовать было не на что.

Одна из надзирателей наклонилась к укрепленному на кронштейне микрофону:

— Безопасность подтверждена. Вы можете войти, инквизитор.

Каменная дверь камеры отошла в сторону. Внутрь вкатился сервитор, поставил напротив Валинова еще один стул и покинул комнату. Затем вошла и села на стул инквизитор Лигейя. В строгой темной форме, с украшениями, подчеркивавшими высокий ранг, она

выглядела как военный офицер.

Валинов поднял голову. В его глазах Аларик заметил устешку -- такую же, как в тот момент, когда отступник вонзал клинок в живот Уатонна.

Лигейя принесла с собой толстую папку с бумагами, открыла ее на коленях и стала демонстративно зачитывать один из имеющихся у Инквизиции документов.

-- Голик Рен-Сар Валинов, -- отрывисто прочитала она. -- Ты обвиняешься в ереси первой степени, поглот предательстве, демоническом сношениях с варпом и сопричастности с лицами, представляющими нравственную угрозу. Довожу до твоего сведения, что тяжесть каждого из этих обвинений исключает возможность помилования и любое из них карается смертью.

-- Значит, -- спокойно и размеренно заговорил Валинов, -- вы собираетесь казнить меня пять раз?

Лигейя подняла на него взгляд:

-- Да, таковы были наши планы.

Валинов ничего не ответил.

-- Ты слишком долго отсутствовал.

Валинов. Возможно, тебе неизвестны изменения, которые претерпела эта процедура. Она сильно усложнилась, поскольку институт наказаний пригласил псайкера, который способен поддерживать в тебе жизнь даже после смерти. Агенты Астра Теленатика потратили немало сил на его обучение, чтобы оказать услугу оргену. Следовательно, тебе предстоит пять раз ощутить смерть. Должна признаться, это нелегко -- представить, как тебе удастся сохранить сознание, когда твое тело уже начнет разлагаться. -- Теперь легкая улыбка протелькнула на лице Лигейи. -- Но я думаю, у тебя больше воображения, чем у меня.

Поначалу Лигейя держалась строго официально. Она сжато перечислила все преступления Валинова и назвала органы, которые его осуждали. Аларикү все это было известно: Конклав Ордо Маллеус на Энцелаге уже пришел к заключению, что Валинов виновен, и принял решение о возмездии.

Теперь Лигейя время от времени будет исподтишка лстить Валинову --

например выражая удивление быстротой, с
какой он организовал культистов на поясе
Таолвена. Затем она подстрекнет его
похвастаться своими достижениями,
выразит плохо замаскированное
отвращение его способностью убивать на
расстоянии и не испытывать при этом
угрызений совести...

Валинов не мог не видеть все эти
уловки, но Аларик подозревал, что так и
было задумано. Они вели игру. Валинов
точно так же играл со всеми основными
дознавателями, и Лигейя надеялась, что,
обрадованный своей догадливостью, он
допустит какой-то промах.

Лигейя играла очень хорошо, решил
Аларик. Но все же он подозревал, что
Валинов был лучше.

--- А я тебя помню, --- внезапно произнес
тот тихим угрожающим голосом,
прерывая Лигейю на середине фразы.

Аларик заметил, как дознаватель
кивнул одному из своих подручных,
который держал палец на кнопке
взрывателя ошейника.

--- Они взяли тебя из Ордо Еретикус, ---

продолжал Валинов. — Такое несчастие случается. Они, вероятно, решили, что в тебе есть некоторая твердость, но, похоже, обманулись в своих ожиданиях. Скажи, эти угрозы действуют на толстых ведьм и заголжавших правителей? Неужели ты думаешь, что инквизитора Ордо Маллеус так легко сломить? Девочка, я видел Хаос, и видел его с обеих сторон. Ты ничего мне не сможешь сделать.

Лигейя не дрогнула.

— Возможно, я выразилась недостаточно ясно. Мы заставим тебя страдать, Валинов. У тебя никогда не было доступа к самым щепетильным процедурам. Мы можем продемонстрировать их тебе, пока не иссякло желание сопротивляться.

— И что вы желаете получить в обмен на единственную смерть? — насташливо спросил Валинов. — Информацию?

— Я рада, что мы, наконец, поняли друг друга.

— В твоей голове не хватит места.

чтобы осознать все, что я мог бы
рассказать. Я видел силы, которые на
самом деле удерживают эту Вселенную, ---
и это не ваш Император. Эти имперские
паразиты направляют ваши усилия на то,
чтобы сломить дух людей, довести до
такого состояния, когда ни один мужчина
или женщина не сможет выжить, узнав
правду. --- Валинов откинулся назад. --- Ты
ведь этого не знала, не так ли? Они тебе
не сказали. Ты всего лишь посыльный,
Лузейя. Лакей. Ты думаешь, что у тебя
есть будущее, поскольку ты в состоянии
сделать нечто большее, чем просто
размозжить голову демона
энергетическим молотом, но ты самая
жалкая из всех их. Они тебе лгут. Те,
кому известна истина, обманывают тебя.

Лузейя снова перелистывала
документы в папке, словно слова Валинова
ее не касались.

--- Будучи на службе у инквизитора
Барбиллуса, ты имел доступ в
Библиотеку...

--- Целью Инквизиции, --- неожиданно
продолжил Валинов, --- является

сохранение власти в руках Агентус Терра.
И она добивается своего, рассказывая
сказки о вашем тертвом Императоре и
выдумки, называемые историей. Хаос ---
вот сущность бытия. Ему можно придать
любые очертания, его можно использовать.
Хаос мог бы освободить человечество.
Тебе известно, что такое свобода? Я
говорю о настоящей свободе, без штор на
твоем разуме.

--- К грозящим тебе смертям
прибавилась еще одна, --- заметила Лузейя,
--- шестая.

--- Лузейя, тебе когда-нибудь
приходилось убивать целый мир? Убить
всех до единого обитателей планеты,
уничтожить все, чем они были и чем
могли бы стать?

--- Ты это сделал. Ты уничтожил
В'Ран.

--- В'Ран теперь свободный мир. Но
мне и раньше приходилось убивать миры.
На службе у Барбиллуса я делал все,
только что не нажимал на кнопку. Целые
цивилизации погибали за несколько часов.
А тебе известно, что он сделал с

Ожурном? Пришлось признать несколько грузовых кораблей с беженцами, чтобы снова населить этот мир. И они по сей день разыскивают в окрестностях города неразорвавшиеся вирусные торпеды. --- Глаза Валинова оживленно сверкнули. --- Надо было там присутствовать, а не просто наблюдать. Я не псайкер, но даже я чувствовал, как они утирали. Я всегда говорил себе, что поступаю правильно. Но лишь когда узнал, что Барбиллус не вернется из крепости Агнарссона, --- вот тогда я поступил правильно. Он сгорел, как и все те, кого он приговорил к сожжению. Вот тогда я понял: то, что делает Империя, чтобы уничтожить свободы, называемые им ересью, --- и есть настоящая ересь. Ты ничего не знаешь об истинном могуществе Хаоса. Если бы знала, то поняла бы, что свобода и сила, исходящие от него, были бы лучшей судьбой для Галактики, чем страдания, причиняемые Империей в попытке скрыть истину.

--- Страдания причиняет Хаос, --- сказала Лигейя. --- Я видела не меньше, чем

ты.

Валинов покачал головой:

--- Дело в перспективе, инквизитор. Кое-кто всегда должен страдать. Но все остальные Хаос дает гораздо больше. Под властью Империи страдают все.

--- У тебя остался один шанс, --- сказала Лигейя. --- И это больше, чем ты предоставлял другим. Расскажи все о Гаргатулоте и Шлейфе Святого Эвиссера. Что ты успел сделать для его возвращения? Кто поручил тебе эту работу?

Валинов оперся о спинку стула и вздохнул.

--- Ты меня чуть не испугала, инквизитор. Какой-то миз я думал, будто тебе и в самом деле что-то известно.

Лигейя захлопнула папку и поднялась. Она окинула Валинова одним из тех строгих, официальных взглядов, что ей так хорошо удавались. Глаза Валинова в ответ блеснули, как будто он прятал улыбку.

Дознаватель рядом с Алариком отдал несколько отрывистых приказов, и

дверь каюты вновь открылась. Лигейя быстро вышла, затем сервитор вытащил стул, и дверь снова закрылась.

Свет в каюте погас, оставив Валинова в полной темноте. Аларик теперь лишь слышал прерывистое дыхание инквизитора. Из прежних донесений дознавателей он знал, что этого пленника невозможно сломить обычными методами. Лигейя была последней надеждой расколоть Валинова.

В вокс-приемнике раздался голос Лигейи:

— Правосудор, мы сделали здесь все, что могли. Переводы своих воинов на «Рубикон». У нас очень мало времени.

ШЛЕЙФ СВЯТОГО ЭВИССЕРА

Шлейфом Святого Эвиссера назывался небольшой мрачноватый участок на краю галактического запада Солнечного Сегмента, неподалеку от центра средоточия Экклезиархов, обосновавшихся вокруг Гаталатора и Чироса. Шлейф состоял из двух дюжин заселенных миров, движущихся по глинному запутанному маршруту вокруг туманности и астероидных полей, словно по пути паломничества самого святого Эвиссера.

Перед отправлением Лузейя отобрала и взяла с собой некоторые исследовательские труды. Часть времени в путешествии Аларик потратил на их прочтение. Как оказалось, когда-то Шлейф был средоточием культа Императора. Это был сверкающий образец

благочестия с соборами и храмами в
каждом из миров, многочисленными
харизматическим духовенством и
налетом неумеренно щедрой экзальтации,
благодаря чему все кафедральные шпильки
были покрыты позолотой. Жители
каждого мира соревновались в проявлении
поклонения, пока шествия Агентств
Министров не превратились в недельные
фестивали с процессиями, пересекающими
целые континенты. Во внешних
проявлениях благочестия и материальных
восхвалениях Императора они соперничали
с хранителями мощей Себастиана Тора.

Но с тех пор прошло немало
столетий. Империя была огромным и
постоянно изменяющимся организмом, и
циклы нищеты и процветания, славы и
забвения неуклонно сменяли друг друга в
тежзвездных мирах. Шлейф Святого
Эвиссера оказался почти забытым ---
просто еще один мир, где миллиарды
граждан Империи проживали свои
жизни. Численность населения, как понял
Аларик, снизилась на четверть от самого
высокого уровня. Густонаселенный когда-то

Вулканис Ультор теперь наполовину
опустел, а многие сельскохозяйственные
типы и вовсе оказались заброшенными.

Религиозная лихорадка. в конце
концов, пошла на спад, что позволило
значительно продвинуться силам варпа.
Это привело к окончательной изоляции
Шлейфа. По сравнению с прошлыми
временами, костические корабли почти не
заходили в этот район, и от бывшего
Шлейфа Святого Эвиссера осталось одно
название.

Ударный крейсер Серых Рыцарей
«Рубикон» был очень быстроходным
судном, но даже ему потребовалась не одна
неделя, чтобы добраться до Шлейфа.
Лигейя отправила астронавтическое
послание органам Инквизиции, которые
контролировали Шлейф. После этого
оставалось только молиться,
тренироваться и ждать.

Аларик и Лигейя каждый вечер
встречались в парадных залах «Рубикона» -
роскошно убранных помещениях,
отделанных деревянными панелями. Если

бы не отсутствие окон и не постоянный
монотонный шум варн-двигателей
крейсера, эти помещения походили бы на
залы дворца правителя.

--- Что ты помнишь? --- спросила как-
то Лигейя, после того как Аларик вернулся
с тренировки Серых Рыцарей. --- Что ты
помнишь из своей прежней жизни?

Аларик, сняв доспехи, в обычном сером
одеянии сидел напротив инквизитора.
Лигейя накрыла стол для ужина --- как
всегда, изысканными деликатесами с
тиров на противоположной стороне
Империума. Аларик, по своему
обыкновению, ел мало.

--- Ничего, --- ответил он.

--- Ничего? --- Лигейя удивленно
подняла бровь. --- Мне в это трудно
поверить. Именно то, что я делала еще до
того, как впервые услышала об
Инквизиции, сделало меня инквизитором.

--- У Серого Рыцаря должен быть
непоколебимый стержень веры. --- Аларик
положил на серебряную тарелку филе
рыбы-демона. Но правде сказать,
правосудорю было неловко среди роскоши.

которой окружала себя Лигейя. ---
Стержень, крепкий, как скала в океане.
Именно это мы учили в первую очередь,
хотя никто из нас и не помнит, как это
происходило. Понимаешь, ты не можешь
представить, как это --- жить без веры.
Если бы мы это помнили, в стержне
появилась бы трещина. Через нее могло бы
проникнуть что-то постороннее. У нас нет
места для воспоминаний.

Лигейя наклонилась вперед, на лице
мелькнула слабая улыбка. Сейчас в ней
было что-то от девчонки, которая
секретничает со своей подружкой.

--- Но ты был кем-то другим, Аларик.
Интересно, кем?

Аларик покачал головой:

--- Это был совсем другой человек.
Ордо Маллеус применяет самые
совершенные методы укрепления психики.
После них ничего не остается. Я мог быть
членом банды в каких-нибудь трущобах,
или охотником в диком племени, или кем
угодно. Орден набирает рекрутов с сотен
самых разных планет. Кем бы я ни был ---
меня выбрали еще подростком, а потом

превратили в кого-то другого.

Лигейя отпила глоток вина.

--- Может показаться, что это слишком высокая цена.

Аларик посмотрел в ее лицо. Он знал, что Лигейя играет с ним. У нее было ненасытное любопытство, и Серые Рыцари стали очередным объектом изучения.

--- Цена не может быть слишком высокой, --- сказал он. --- Если бы не мы, никто бы не стал этого делать. Хаос всегда не хватает самой талости, чтобы поглотить нас, и отсутствие посторонних мыслей --- ничто по сравнению с нашим поражением.

--- Я должна признать, --- сказала Лигейя, --- что ты сражается совершенно различными методами.

--- Я понимаю, что ты не сразу была призвана в Ордо Маллеус, --- продолжал Аларик, уступая собственному любопытству. --- Насколько я знаю Инквизицию, это не совсем обычно.

--- Сначала меня взяли на службу в крепость Ордо Еретикус, что на

Гаталаморе.

Не переставая говорить, Лузейя уверенно разрезала рыбу на своей тарелке, и Аларик мысленно представил, какую школу она прошла, чтобы получить подобную привычку. Его слегка удивляло, что в благородном семействе душной атмосферы Гаталамора могла появиться такая свободомыслящая женщина.

--- Они посчитали меня полезной, --- продолжала Лузейя. --- Будучи псайкером, я могла извлекать информацию независимо от формы, в которой она была записана. А Ордо Маллеус... Они сделали предложение, и я его приняла. Было некоторое сопротивление, но у Ордо Маллеус есть свои методы решения подобных проблем.

Лузейя искоса взглянула на Аларика и загадочно улыбнулась.

--- Сопротивление? --- спросил Аларик. --- Похоже, я знаю об Инквизиции меньше, чем предполагал.

--- Возможно, это делается намеренно, правосудор. Наша политика может быть очень сложной, а ты не политик, ты --- оружие. Тебе незачем

разбираться в наших постоянных интригах и распрах. Все они в основном --- предмет гордыни и догл. Но можешь мне поверить: людей вроде Валинова гораздо больше, чем признает любой из нас.

--- Ты очень откровенна, --- заметил Аларик.

Забыв о вежливости, он проглотил кусок рыбы-демона. Вкус был немного острым и насыщенным --- ничего похожего на сбалансированную, но совершенно безвкусную кормежку, которую синтезировали для Серых Рыцарей на Титане. Ему не понравилось. Такие ужины казались Аларику чем-то неестественным, вроде проявления гордыни. Он считал, что слишком много костодесантников уже погибли из-за гордыни, чтобы гнаться за подобными удовольствиями.

--- Я доверяю тебе, правосудор, --- ответила Лигейя. --- Мы зависим друг от друга. Ты не можешь проводить исследования, а я, безусловно, не в состоянии сражаться. Так что нам остается, если не доверять друг другу?

В качестве личной охраны Лигейя

взяла с собой шестерых культистов смерти. Они и сейчас стояли в сутрачных углах ее покоев — в облегающих черных комбинезонах и масках, вооруженные десятками клинков. Все они были прекрасно натренированы и каким-то образом связаны лично с Лигейей. Аларик ни капли не сомневался, что с их помощью инквизитор сможет постоять за себя даже под пулями.

В вокс-сети «Рубикона» раздался звонок, извещающий о получении астронавтического послания. Астронавты на службе у Серых Рыцарей были не более чем шифровальщиками, и после каждой миссии их мозги подвергались чистке, чтобы никто не смог воспроизвести ценную информацию. После звонка раздался голос, тусклый и невыразительный:

— Астронавтический канал открыт. Крепость Инквизиции планеты Тренитос заявляет о своей юрисдикции, запрашивает маршрут следования, декларацию пассажиров и цель поездки.

Лигейя поднялась из-за стола.

разгладила глинное синее платье и
щелкнула пальцами, подзывая колесного
сервитора-лакея, чтобы тот убрал
остатки ужина. Затем она тщательно
вытерла пальцы салфеткой, и Аларик
счел это еще одним проявлением гордыни,
поскольку Лигейя за едой брала в руки
лишь серебряные приборы.

--- Мы почти прибыли. Теперь, боюсь,
наступает черед той самой политики, о
которой я говорила. Инквизиторы Ордо
Еретикус, курирующие Шлейф Святого
Эвиссера, базируются в этой крепости
Тренитоса. Если я хочу свободно
действовать в пределах их влияния,
следует соблюдать некоторые
формальности.

--- Пойдү скажү своим воинам, что мы
скоро будем на месте, --- отозвался Аларик.

--- Хорошо. Пусть они сияют своими
доспехами, правосудор. Виг сверкающих
Серых Рыцарей только поможет нам
действовать увереннее.

Аларик окинул ее взглядом.

--- Мои десантники исправно
исполняют обряды ухода за своим военным

инквизитором, инквизитором.

Лигейя улыбнулась:

— Конечно. А теперь, прошу меня извинить, но я могу понадобиться на капитанском мостике.

Она вновь щелкнула пальцами. Культисты смерти плавно вышли из тени и превратились в почетную стражу — шестеро одетых в черное убийц, двигающихся с кошачьей грацией. Каждый из них держал одну руку на рукоятке оружия. Лица по-прежнему закрывали маски. Аларик признавал, насколько устрашающий эффект произведет их появление, и в очередной раз задумался, где их нашла Лигейя. Вряд ли подобные телохранители могли быть проявлением гордыни аристократической дамы.

На мгновение правосудор задумался, кем мог быть раньше... Когда-то, ребенком, его забрали к себе Серые Рыцари или Черные Корабли Инквизиции, а потом бесконечные сеансы укрепления психики стерли из его памяти все детали прошлой жизни. Кем бы он стал, если бы не был Серым Рыцарем?

Кем бы он ни был, это не шло ни в какое сравнение с нынешним Алариком. Так ему всегда говорили, и в это он твердо верил. Он выбросил эти мысли из головы и поспешил на тренировочную палубу, чтобы провести спорт своим боевым братьям.

За последние несколько столетий на планете Тренитос «Рубикон» был лучшим из всех кораблей, встававших в доке. Его корпус сиял оружейной броней и выведенными золотом защитными толивами. Корабль представлял собой улучшенную версию ударных крейсеров, используемых космодесантниками Агентус Астартес. Он отличался увеличенным отсеком для десантных капсул, отлично укрепленным помещением для штаба Инквизиции и сетью гексаграмм охранительных обсервов, встроенных в каждую балку и каждую переборку.

Крепость на Тренитосе знавала и лучшие дни. Это был величественный замок из темного гранита, с внушительными укреплениями, где

скрывались лазерные орудия обороны планеты и ракетные комплексы. Под их защитой из цитадели инквизиторов Ордо Еретикус велось наблюдение за всеми миратами Шлейфа Святого Эвиссера. Вокруг крепости располагались полуразрушенные строения, когда-то бывшие процветающим и богатым городом. Отсюда аристократы Шлейфа наблюдали за службой офицеров армии и флота, а также за многочисленными представителями Экклезиархии.

Трепитос был средоточием власти всего Шлейфа, но теперь он пришел в упадок. И больше всего этому способствовало снижение интереса к самому святому Эвиссеру. Живописные окрестности, ранее заселенные аристократами, предпочитавшими охоту и прогулки, теперь совершенно одичали и срослись с вытирающими городами. Население еще кое-где сохранялось, и присутствие Ордо Еретикус было призраком прошлого могущества в высокой, но почти опустевшей цитадели.

«Рубикон» перешел на низкую орбиту.

Сквозь мрачные серые тучи торчал причальный шпиль крепостного дока. Открылись бортовые шлюзы, и, пока крейсер пополнял запасы топлива, инквизитор Лигейя, ее телохранители и правосудор Аларик на представительском челноке спустились на поверхность, чтобы посмотреть, в какое состояние пришел Шлейф Святого Эвиссера за несколько столетий упадка.

Инквизитор Ламерриан Клаэс поджидал их в продуваемом сквозняками, огромном приетном зале в самом сердце крепости. Помещение, судя по количеству скамей, было рассчитано на многие сотни посетителей. Раньше здесь собиралось высшее общество миров Шлейфа, чтобы обсудить свои дела или выслушать эдикты Инквизиции. Теперь зал большую часть времени оставался пустым и тихим, как и все остальные помещения крепости.

Гигантский пикт-экран, установленный под самым потолком, был затянута темной, изрядно запылившейся тканью. Углы помещения скрывала

темнота; лишь в самом центре зала полукругом стояли регистраторы и накопители информации, наполнявшие воздух бледным зеленоватым сиянием. Здесь работал инквизитор Клаэс. Несмотря на скудность оставшегося в крепости штата и гарнизона, он и в одиночку трудился так же эффективно, как прежде.

Тощий, угловатый и беспокойный Клаэс больше был похож на агента Администратума, чем на инквизитора. Если бы не меч с резной рукоятью на поясе и печать Инквизиции на шее, его вполне можно было бы принять за одного из миллиардов писцов, которые обеспечивали работу бюрократической машины Имперума.

Аларика и Лигейю в зал проводил один из штурмовиков гарнизона Ордо Еретикус. Клаэс, окруженный мониторами и стопками отпечатанных сводок, при появлении гостей раздраженно поднял голову. Но, завидев Аларика, он удивленно выпрямился. Конечно, Лигейя была права. Аларик, почти трех метров ростом, в

массивных сверкающих доспехах, выглядел впечатляюще.

--- Инквизитор Лузейя, ---
пронзительным и удивительно сильным
голосом заговорил Клаэс и встал,
приветствуя коллегу. --- Я вас ждал. ---
Затем кивнул Аларик. --- Правосудор.

Аларик в ответ тоже кивнул.
Очевидно, что Клаэс не ожидал появления
Серого Рыцаря.

--- Боюсь, наш приход помешал вашим
занятиям, --- сказала Лузейя, кивая на
светящиеся экраны и не перестававшие
печатать принтеры.

На экранах отображалась
информация с камер слежения, колонки
статистических данных и бесконечные
страницы текста. Печатающие
устройства выбрасывали заполненные
листы прямо на пол.

--- Информация --- это источник нашей
жизненной силы, инквизитор, --- заметил
Клаэс. --- Даже в настоящее время Шлейф
Святого Эвиссера выдает массу различных
данных. Я здесь единственный наделен
достаточной властью, чтобы принимать

меры, так что обязан простатривать все.

--- Значит, нам придется тесно сотрудничать, инквизитор Клаэс, --- ответила Лигейя. Она подошла к рабочему месту Клаэса и взяла в руки один из листков. --- У нас есть причины считать, что где-то в Шлейфе Святого Эвиссера появилась или может появиться в скором времени демоническая угроза. Моя работа состоит в том, чтобы ее выявить, а с помощью правосудора Аларика и его воинов --- уничтожить.

Клаэс подошел к Аларику. Увидев на рукояти меча инквизитора геральдический крест, Аларик задумался, какое из благородных семейств так многим обязано Клаэсу, что передало ему семейную реликвию.

Клаэс протянул правосудору руку, и тот ответил рукопожатием.

--- Для меня это большая честь, правосудор. Я слышал о Серых Рыцарях, но в нашем Ордо Еретикус подобные встречи весьма редки. Добро пожаловать на Шлейф Святого Эвиссера, что бы вас сюда ни привело.

--- Нам почти нечего сказать, Инквизитор, --- промолвил Аларик, чувствуя себя неуютно на этой дипломатической встрече. --- Моя цель проста. Мы солдаты и, как всякие солдаты, нуждаемся в поддержке.

--- Да, конечно. Но вы понимаете... --- Клас повернулся к Лузейе. --- Упадок Шлейфа начался очень давно, теперь я здесь единственный постоянный представитель Инквизиции, и мои возможности невелики. Я могу обратиться к Агентус Арбитес, чьи отряды гораздо многочисленнее, чем гарнизон Ордо Еретикус, но они и сами порядком заняты. После того как вся знатная разлетелась, они взяли на себя управление несколькими тиратами. А теперь, когда Абаддон пробивается сквозь Кагуанские Врата, здесь не осталось ни одного костодесантника. Я готов оказать посильную помощь, но Шлейф давно пришел в упадок. Если он когда-нибудь и возродится, нам придется долго ждать этого.

--- Как раз времени нам и не хватает.

— сказала Лигейя. — Мне потребуются доступ ко всем донесениям о культах и любой другой подозрительной активности. Мне нужны подробности. Встречи с гознавателями, если это возможно. Боюсь, мне понадобится доступ ко всем материалам. Полноценные полномочия.

— Многие из наших гознавателей работают под прикрытием, и я не рискну добратся до них в короткие сроки. Остальных можно пригласить, но при этом мне придется нарушить строгие инструкции и отвечать перед Конклавом. Я должен знать, о какой угрозе идет речь.

— Гм... — Лигейя ненадолго задумалась. — Если вы готовы нарушить протокол, я отвечу тем же. Существо, за которым мы охотимся, известно под именем Гаргатулот. Правосудор Аларик сможет рассказать о нем лучше, чем я. Прошу, правосудор.

Аларик никак не ожидал, что ему будет отведена роль рассказчика. Но он понимал, что Лигейя права: для Серых Рыцарей история о грандмастере Мандулисе и Тысячеликом Принце

Таргатүлоте была почти религиозной притчей. Лучший пример сверхъестественного зла и самопожертвования в борьбе с ним, достойного каждого Серого Рыцаря.

Он поведал Клаэсу историю гибели Мандүлиса и изгнания Таргатүлота так же, как ее рассказывали капелланы, когда сам Аларик был зеленым новичком и с благоговением ждал своей очереди стать Рыцарем.

Рассказ был закончен; инквизитор Клаэс сел перед экранами и некоторое время молчал, даже не глядя на постоянно поступающие данные.

— Наши архивы в весьма плачевном состоянии, — заговорил он наконец. — Агентүс Механикүм еще два столетия назад перестали обслуживать лексикомеханические устройства. У меня были дознаватели, которые пытались разобраться с неполадками, но только сделали еще хуже.

— При мне у вас с этим не будет проблем. Информация — моя специальность.

— Хорошо. Тогда вы узнаете все, что известно нам. Я познакомлю вас с проводом Маршалем, это высший чин среди наших Agentus Arbitres. Вряд ли он будет благодарен мне за это, но не сомневайтесь: ему известны ваши полномочия и он окажет любую помощь. Могу предложить вам место на стоянке здесь и в любых доках Шлейфа, имеющих возможность принять ударный крейсер, но их не так уж и много. Я прикажу обслуживать и приготовить для вас комнаты в крепости, а правосудор может занять казармы, все равно они наполовину пусты.

Лигейя любезно улыбнулась, что, как успел убедиться Аларик, у нее получалось отлично.

— Я рада, что вы понимаете значение нашей миссии, инквизитор. Я должна приступить к работе немедленно. Как только заберу своих людей с «Рубикона», сразу же займусь записями.

— Я пошлю с вами проводника, — предложил Клаэс. — Учитывая состояние крепости, думаю, это будет не лишним.

Под началом инквизитора Клаэса в крепости служили около двухсот человек, в основном набранных из рядов Администратума и Агентус Арбитес. Гарнизон состоял из трех сотен штурмовиков Ордо Еретикус. Архив крепости оставался на попечении небольшой группы архивистов и исследователей, ранее состоявших в Администратуме. Их опыт, приобретенный на службе необычайно сложной бюрократии Империята, позволял работать с обширным потоком информации, предоставляемой тираном Шлейфа.

Едва увидев архив, инквизитор Лигейя заметила его плачевное состояние. Сокращенный штат не мог справиться с огромным количеством гроссбухов, электронных блокнотов и рукописных донесений. Множество записей оставалось не внесенными в каталоги, заполняя подгнившие и прогнившие полки. Они грохотались в сводчатых катакомбах продуваемой сквозняками крепости, теряясь во тьме под потолком. Каждая

запыленная желтоватая люмосфера давала света не больше обычной свечи, и в вечном сумраке слабо мерцали остатки позолоты корешков книг.

--- Поначалу Агентус Механикум поддерживали здесь порядок, --- сказала архивариус. Это была молодая, быстроглазая женщина с бледной от недостатка солнечного света кожей, в серой форме служащей Администратума. --- А без их лексикомеханики слишком трудно разобратся. Сюда поступают рапорты Арбитес, данные астрономических наблюдений, донесения дознавателей, статистика со всего Шлейфа. Мы стараемся отсортировать самую важную информацию от обычных докладов и хранить ее отдельно, но ускользает от внимания так много, и вы знаете, инквизитор...

--- Наша работа зависит от деталей, --- сказала Лигейя. --- Сколько здесь всего таких комнат?

Лигейя показала на помещение, до самого потолка занятое книжными стеллажами, от которых распространялся

запах пыли и гниения.

--- Семнадцать, --- ответила архивариус. --- Мы так думает. Большая часть этой информации относится к расцвету Шлейфа. Несколько помещений затопило, а двадцать лет назад семейство крыс прогрызло сотни книг. У нас мы постоянно ищем место, куда складывать записи, поскольку помещения архива давно переполнены.

--- Сначала я должна взглянуть на разобранные документы, --- сказала Лигейя, сняла бархатные перчатки, и тотчас кожа рук покалыванием отреагировала на насыщенный слобати воздух. --- Я попрошу предоставить всю информацию, касающуюся исчезнувших еретических культов. Особенно меня интересуют апокалиптические секты. Выясни, нет ли на Шлейфе оставшихся в живых заключенных. Я начну отсюда.

--- Конечно, инквизитор, --- кивнула архивариус, не в силах скрыть смущение.

Едва женщина покинула комнату, Лигейя вытянула руки перед собой. Она ощущала груз информации, скопившейся

пог сводати хранилища, — в основном
скучной и ничего не значащей. Но в толще
сведений, словно прожилки в мраморе,
встречались трещинки жестокости и
интересу. Затем ее мозга коснулось слабое эхо
ушедшего величия Шлейфа. Хотя его
миры и населяли миллиарды граждан
Империи, он уже постепенно утирал и
тосковал по утраченному процветанию и
благочестию. Война не могла не оставить
своих следов в Шлейфе: народы некоторых
планет пытались получить
независимость от имперского ига, и
легiónы мужчин и женщин сгинули в
сражениях, постоянно сотрясавших разные
районы Империи.

Лигейя начала обзор с того мира, в
котором находилась в данный момент. Его
особенности были видны из записей об
инвентаризациях и содержании самой
крепости. Лигейя выяснила, что светское
общество почти покинуло Тренитос,
оставив лишь холодное, алмазно-твердое
ядро Инквизиции. Оно становилось все
меньше и меньше, но до сих пор отчаянно
пыталось удержать Шлейф.

Циквизитор позволила Тренитосу
выскользнуть из зоны ее внимания и
перешла к самому значительному из
миров --- Вулканису Второму. Это был
старый, медлительный и
раздражительный мир. Но несмотря на
ветхость, он еще хранил потенциал для
последней битвы. Некоторые из его
городов-ульев почти опустели, другие были
переполнены сверх меры, словно горожане
пытались найти безопасность в общей
массе. Над Вулканисом раскинулся
бархатный покров Экклезиархии. Власть
над планетой, принадлежащая
кардиналат, была реликвией религиозного
прошлого всего Шлейфа.

Мир-кузница Магнос-Омикрон
сотрясаясь от работы заводов по
изготовлению оружия, которое сейчас же
отправлялось в Око Ужаса. Но Агентус
Механикум были крайне замкнутым
сообществом, и грузовые корабли,
посещавшие этот мир, не приносили
никакой выгоды остальным жителям
Шлейфа. Лигейе эта планета казалась
темной и закрытой тучами.

Проскальзывали только отдельные вспыхивающие вспышки технической информации: новые модели танков или лазерных ружей, выходящие с производства, неудавшиеся дипломатические переговоры о приведении Магнос-Омикрона под юрисдикцию властей Шлейфа. Механикумы держали свой мир в изоляции от остальных производств Шлейфа. Насколько поняла Лузейя, этот мир был одним из немногих здесь, кого не коснулись упадок и разложение.

Наполовину заселенные или совсем обезлюдневшие миры не производили никакой информации и отбрасывали лишь тень неведения. Садовый мир Фарфаллена сиял яркой звездочкой. Он был слишком талолоюген, чтобы оказывать какое-то влияние, но славился красотой. Скучные серые сельскохозяйственные миры поведали лишь о количествах вырабатываемой продукции и уровне церковной десятины. Металлический блеск выдавал присутствие наблюдательных станций на орбитах более значительных систем: они производили лишь поток слепых цифр,

поступающих с различных датчиков.

Экстрасенсорные способности Лигейи позволяли ей получать данные от любых медиумов. Здесь, под крепостью Тренитоса, ее взору открывался весь Шлейф. Она могла видеть висящие в пространстве планеты, и потоки их историй беспрепятственно вливались в сознание. Замеченные культы представлялись колодцами злобы и развращенности. Ответные действия Империи наносили глубокие раны, источающие стремление к возмездию. Но этого было недостаточно — Лигейе требовались детали.

Она подошла к ближайшей полке, и подол дорожного платья инквизитора тотчас покрылся слоем слежавшейся пыли. Первая взятая книга оказалась сборником ежегодных отчетов Медицинского департамента Виллендуона — сельскохозяйственного мира на самом краю Шлейфа — за последние тридцать лет. С пожелтевших страниц поднялся поток болезней и отчаяния.

Лигейя положила ладони на обложку и

впустила информацию в свои мысли.

Молча, используя способности, шокирующие светское общество, из которого она вышла, Лигейя начала работу.

Аларик вытянулся, почти поднявшись на цыпочки, и напряженно поводил руками, готовый в любое мгновение нанести удар. Он двигался так, как его учили; усиленные мускулы готовы были в долю секунды уклониться или атаковать.

Танкред, командир отделения терминаторов, был выше, и потому он заметно пригнулся, готовясь использовать преимущество в росте. Все десантники облагали большим ростом, и Серые Рыцари — не исключение, но Танкред был не только выше остальных, но и шире, с огромной грудной клеткой, прикрытой имплантированным черным щитом, с длинными руками, готовыми схватить и швырнуть. Голову Танкреда покрывала сплошная путаница шрамов, на шее висела серебряная цепь с терминаторским крестом.

Аларик ринулся вперед и замахнулся ногой по колену Танкреда. Противник заметил его движение и отреагировал так, как и надеялся Аларик, — он повернулся и отступил на полшага, чтобы избежать удара. Аларик проскочил мимо Танкреда и стукнул того локтем в спину, выводя из равновесия.

В следующее мгновение Аларик навалился на Танкреда сверху, изо всех сил стараясь опрокинуть более крупного противника. Танкред, падая на пол, сумел перевернуться. Ловкость огромного воина, как и всегда, казалась пугающе неправдоподобной. Ноги Танкреда уперлись в живот Аларика. В тот момент, когда спина терминатора коснулась пола из заклепанных стальных листов, Танкред резко выпрямил колени, и Аларик полетел спиной на пол.

Он перевернулся со всей скоростью, на какую был способен, и был готов ринуться вперед, чтобы прижать Танкреда к полу, но внезапно ощутил тяжесть на шее — нога Танкреда не давала подняться. Противник стоял над ним, словно охотник

наг добычей.

--- Правосудор, ты убит,--- раздался раскатистый бас.

Танкред убрал ногу с шеи, и Аларик смог подняться. В схватке он сильно запыхался, но Танкред дышал ровно и даже не вспомнил.

--- Хорошо, --- продолжал Танкред. --- Ну и чему ты научился?

--- Не пытаться победить тебя в рукопашном поединке.

--- А кроме этого?

Танкред был настоящим ветераном, весь покрыт шрамами и по праву командовал штурмовым отделением терминаторов. Он был старше Аларика, больше сражался и знал абсолютно все о рукопашных боях и индивидуальных схватках.

--- Не вступать в бой с превосходящим по силе противником на его условиях.

--- Неверно.

Танкред вышел из тренировочного круга и шагнул в почерневшую от времени стальную арку, ведущую к кельям. При постройке «Рубикона» была

спроектирована целая палуба, где располагались кельи, в которых боевые братья проводили редкие минуты свободного времени, часовня, тренировочные арены, оружейная мастерская, небольшой апотекарион и все остальное, что необходимо для поддержания здоровья тела и мыслей. Серые Рыцари были отделены от остальной команды «Рубикона», состоящей из искусных механиков и артиллеристов, целиком принадлежащих к Ордо Маллеус.

— Вот тебе урок, — продолжал Танкред, пока оба десантника шли по сумрачным коридорам корабля. — Надо пользоваться имеющимися преимуществами. Я сильнее и тяжелее. Ты меньше и быстрее. Я использовал свое преимущество, а ты — нет.

Аларик покачал головой.

— А ты когда-нибудь проигрывал?

— Да. Брат-капитану Стерну, — ответил Танкред. — Он оказал мне честь, слова в нос.

Брат-капитан Стерн был одним из самых заслуженных воинов среди всех

Серых Рыцарей. То, что он превзошел Танкреда в борьбе, не удивило Аларика.

— Что говорят твои люди? — спросил Аларик.

У Танкреда не было таких загадочных лигера, как у Аларика. Ветеран уже долгое время оставался правосудором, зато его связь с воинами терминаторского отделения была необычайно крепка. Танкред всегда прекрасно знал состояние морального духа своих воинов.

— Я чувствую, что они предпочли бы отправиться к Оку Ужаса, — печально сказал Танкред. — Они ничего не говорят, но я ощущаю их сомнения. Они не считают Лигейю воином.

— Она и не воин, — ответил Аларик. — И не старается быть похожей на воина. Я ей доверяю.

— Значит, и они будут доверять. Но если мы и дальше останемся здесь, не сражаясь с Врагом, это не приведет ни к чему хорошему.

Танкред предпочитал не произносить имя Гаргатулота. Это было скорее привычкой, чем исполнением приказа: все

имена демонов считались нечистыми.

— Мы даже не уверены, что он находится в пределах Шлейфа, — сказал Аларик. — Но даже если его здесь нет, это место слишком долго оставалось без внимания Императора. Я чувствую, что нас скоро призовут.

Вскоре они дошли до кельи Танкреда — небольшой комнаты с приколотыми на стенах цитатами из «Устреления демонов». Строгие слова обряда Отвращения были первым, что видел Танкред после пробуждения, и последним перед погружением в полусон. В одном углу были сложены терминаторские доспехи Танкреда: тщательно отполированные изогнутые пластины брони тускло мерцали в сумеречном свете. На плече был укреплен Знак Отваги, выполненный в форме щита и содержащий личный геральдический знак Танкреда. Одна половина поля оставалась непроницаемо черной, что символизировало костос, другая была красной, усеянной белыми звездочками. По звездочке за каждую операцию на поверхности планет:

--- Прочитай со своими людьми Катехизис Нетерпимости, --- предложил Аларик. --- Мне кажется, это самые подходящие молитвы для Шлейфа. Я проведу с отделением Санторо стрелковые обряды. Когда придет наше время, это будет не лишним.

--- Санторо --- надежный человек, --- сказал Танкред и взял личный экземпляр «Устреления демонов», постоянно лежавший рядом с доспехами. --- Крепкий. У Генхайн тоже потерял боевого брата на Ноясе Гаолвен, он тоже захочет отомстить. Мне кажется, ты правильно выбрал правосудоров для этой миссии.

--- Танкред, дело не в отпущении. Наша задача --- остановить Гаргатүлота.

--- Возможно, --- кивнул Танкред. Он перелистал страницы «Устреления демонов» и открыл изрядно запятнанную страницу Катехизиса Нетерпимости. --- Но мысль о мести очень помогает.

Камера IX почернела от крови.

Орго Маллеус обладал лучшим персоналом дознавателей и самым

совершенным пыточным оборудованием в Империи. Камеры пыток видели не одну тысячу психологических идей, осуществленных на практике.

Например, психохирургия, при помощи которой в голову пленника внедрялась новая, покорная личность.

Или сложная последовательность стрессовых ситуаций, способных убедить человека в том, что Вселенной настал конец, а дознаватели стали богаты. Или полное разрушение личности, затрагивающее все грани человеческого разума, кроме той, что содержала нужную Маллеус информацию.

Как правило, дознаватели начинали с каких-нибудь старомодных приемов. Убитым объяснялось обилие крови.

На Голике Рен-Саре Валинове, содержащемся в камере IX, были испробованы все традиционные методы. Дознаватели трудились несколько недель, но он не сломался. При тщательном обследовании его тела можно было найти едва заметные хирургические шрамы, где пришлось исправлять нанесенные

повреждения. Ордо Маллеус не допускал проявлений злобы, чтобы не покалечить своего противника.

Вопросы Валинова были почти формальными действиями. Он получил закалку инквизитора, идеологическую обработку и богатый опыт. Традиционные методы вряд ли могли сломить его волю. Персонал Миласа с угрюмой деловитостью продолжал работу, прерываясь только для того, чтобы задать вопросы. На кого работал Валинов? Что связывало его с Гаргамулом? Зачем ему понадобился тот «Codicium Aeternum»? В конце концов, настало время переходить к следующей стадии, одобренной самим лорд-инквизитором.

Экспликатор Ризгенсен принадлежал к небольшому персоналу псайкеров, разум которых сочли достаточно крепким, чтобы развивать и совершенствовать найденный у них дар. Их отгнали под начало Ордо Маллеус. Ризгенсен был теленатом: под руководством инквизитора Котеаца он учился использовать свою силу, чтобы проникать

в мысли упорствующих пленников. Немногочисленных мужчин и женщин, обладавших подобными способностями, присылали на Милас добывать необходимую информацию из мыслей самых стойких заключенных Ордо Маллеус.

Камеры наблюдения, установленные в комнате дознавателей, передавали изображение в крошечную стежную комнату. Большое окно соединяло оба помещения, и сквозь него был виден обнаженный Валинов, сидящий в пустой камере. Экраны на стенах повторяли это изображение в разных ракурсах, еще несколько мониторов отображало данные с физического состояния пленника. На стенах комнаты наблюдения висели обереги против демонических и экстрасенсорных воздействий, выполненные в виде благочестивых текстов и печатей чистоты. Ризгенсен под охраной двух вооруженных сервиторов просматривал записи предыдущей психологической атаки. Он был не первым экспликатором, которому достался столь психически

неподатливый пленник.

Двое дознавателей следили за физическим состоянием Валинова и поддерживали связь со штаб-квартирой инквизиторов на Энцелаге. Несмотря на то, что самые яркие личности Оргос Маллеус находились на переговорах или были на пути к Оку Ужаса, во дворце на Энцелаге не утихала деятельность. Оставшиеся там инквизиторы следили за происходящим на Миласе дознанием.

— Снимайте защиту, — произнес Ризгенсен, и дознаватель рядом с ним отключил встроенные в стены обереги.

Ризгенсен прикрыл глаза и мысленно встретился вперед. Камера виделась ему чуждой; в ней пульсировала перенесенная боль, и стены были покрыты многовековой кровью. Валинов представлялся мысленному взору сложным живым узлом с тонким, но алмазно твердым стержнем упрямой решительности. Ризгенсен и раньше ощущал негибкую волю пленника и всегда знал, что именно ему предстоит попытаться ее сломить. И еще экспликатор был уверен, что потерпит

неудачу. Но до уничтожения пленника надо было воспользоваться любым шансом получить как можно больше информации, и Ризгенсен, возможно, был последней надеждой Орго Маллеус расколоть Валинова.

--- Открывайте, --- скотанговал Ризгенсен.

Передняя стена комнаты наблюдения медленно отошла в сторону, и Ризгенсен вошел в камеру. Под ногами блестели пласты засохшей и почерневшей крови, воздух пропах застарелым потом.

Валинов поднял голову. Инквизитор-отступник был лишен еды и сна, но словно из гордости не допускал, чтобы его здоровье пошатнулось.

--- Экспликатор? Значит, вы совсем отчаялись. А я гадал, сколько это займет времени.

--- Этого можно было бы избежать, инквизитор, --- сказал Ризгенсен.

--- Не стоит. Пусть все идет своим чередом. Вы делаете все возможное, чтобы выкачать из меня как можно больше, а потом убить. Так что,

приступай — и давай скорее покончим с этим.

Ризгенсен протянул руку к самому лицу Валинова и сконцентрировал энергию, чтобы направить поток в мозг пленника.

Валинов сопротивлялся, и его противодействие оказалось сильным. В голове этого человека Ризгенсен видел целые поля ненависти и бьющийся шторм высокомерия. Валинов опирался на те же убеждения, что и любой другой инквизитор, — на абсолютную веру, которую невозможно поколебать. Но вера Валинова принадлежала тьме. Он весь провонял Хаосом. В немногих участках памяти, куда изменивший Инквизиции Валинов допустил экспликатора, звучали запрещенные имена богов.

Валинов издевался над ним. Ризгенсену еще никогда не приходилось сталкиваться с такой силой мысли. Валинов не мог скрыть измены, но мог произвольно выбирать детали и позволять Ризгенсену вытаскивать их на поверхность. Он и не думал сдаваться.

Алмазный щит силы воли закрывал все. Оттого, что Валинов мог быть псайкером, не существовало никаких свидетельств, только его решимость казалась нечеловеческой.

Внезапно Валинов нанес ответный удар. Встречный поток энергии мысли был так силен, что отшвырнул Риггенсена через всю камеру и бросил обратно в комнату наблюдения. Экспликатор свалился на пол и сбил двух дознавателей. Сервиторы с сердитым урчанием направили ружья и на Риггенсена, и на Валинова.

Риггенсен успел отгородиться от атаки Валинова, прежде чем та лишила бы его сознания. Он поднялся на ноги и увидел разгромленную комнату наблюдения с искрящимися от перегрузки приборами.

— Прекратить! — крикнул один из дознавателей и протянул палец к кнопке включения оберегов во всей камере.

— Нет! — воскликнул Риггенсен, схватив его за руку.

Валинов поднялся на ноги и медленно

прошелся по камере.

--- Я убил миллионы вредителей по одному только знаку вашей Инквизиции, а они посылают ко мне мальчишку. --- Он презрительно фыркнул. --- Этот разум никогда не расколется, неужели вы не видите? Мне уже нечего бояться.

Ризгенсен послал в мозг Валинова раскаленный добела луч и увидел, как тот вырвался из комнаты наблюдения и вонзился в лоб узнику. Валинов конвульсивно вздрогнул: части мозга, отвечающие за контроль над мыслями, испытали колоссальную перегрузку. Но луч разбился о стержень решимости пленника.

Мысли Ризгенсена растеклись по разуму Валинова, но обнаружили только кипящие озера ненависти. В ответ Валинов бросил безтолвные оскорбления. Он называл экспликатора слабаком. Ничтожеством. Неудачником. Ребенком. Пустышкой.

Тогда Ризгенсен послал в мозг Валинова молитву. Слова, которые могли исторгнуть слезы у демонов, отывали бьющий шторм ненависти. Валинов

вцепился в концы психического зонда Риггенсена, и они схлестнулись. Сила воли Валинова противостояла психической мощи Риггенсена. Валинов, стоя на коленях, устехался стиснутыми зубами. В углах его рта показалась кровь, но мысль осталась незамрнутой.

--- Показатели жизнедеятельности неустойчивы, --- раздался голос дознавателя где-то на самом краю сознания Риггенсена.

Экспликатор слышал тревожные сигналы прибора, говорившие о том, что у Валинова слабеет сердечная и дыхательная деятельность. Но Валинов продолжал бороться.

Яркие вспышки боли осветили мысленное поле битвы, когда тело Валинова подошло к пределу возможностей. Риггенсен ощущал сердце Валинова -- оно билось неровно и слишком часто -- и агонизирующие рывки легких, пытающихся вобрать воздух.

Риггенсен, прихрамывая, вошел в камеру. Сопротивление Валинова было подобно порыву сильного ветра. Валинов

метнул в него молнию беспредельной злобы, и Ризгенсена отбросило к стене катеры. Он отскочил от нее и ударился о противоположную стену. Ризгенсен продолжал удерживать мысль Валинова, цеплялся за нее, а сильнейшая психическая воля, с которой ему не приходилось сталкиваться, подобно дикому зверю, рвала его на части.

--- Показатели на критическом уровне! Зовите команду апотекариона! --- закричал кто-то.

Ризгенсен не слушал. Все, что он презирал, смотрело ему в лицо огромными горящими глазами ненависти. Разложение. Предательство. Капитуляция перед извечным Врагом. Валинов был полон ненависти, но и Ризгенсен тоже.

Ризгенсен призвал последние капли своей силы воли и мысленным кулаком обхватил алмаз в сердце разума Валинова. В глазах его потемнело, но Ризгенсен напряг волю сверх всех своих возможностей и попытался сокрушить алмаз.

Струнья высохшей крови слетали со

стен. Вслед за ними стали осыпаться
белые плитки облицовки, взрываясь на полу
снежными вихрями. Сервиторы гудели
клаксонами, требуя приказа стрелять.
Приборы, регистрирующие показатели
пронзительно были, предвещая скорую
смерть Валинова. Дознаватели
выкрикивали приказы. Какофония звуков
разрасталась все сильнее и сплеталась с
грохотом, который извергали мысли
Валинова.

А когда звуковой вихрь поднялся до
оглушительного крещендо и Ризгенсен
почти потерял сознание, Валинов
раскололся.

Алмаз решимости треснул, и его
осколки пробили разум Валинова. Сам он
опрокинулся на спину, из ушей и носа
хлынула кровь, окровавленные губы
беспомощно хватали воздух.

— Говори, — едва дыша, приказал
Ризгенсен.

Мысли Валинова открылись
настежь. В отвратительных картинах
воспоминаний Ризгенсен увидел
разложение и жестокость. Кричащие

лица. Потоки крови. Гибель целых миров
прошла перед мысленным взглядом
Ризгенсена.

--- Принц восстанет, --- слабым
голосом произнес Валинов. --- Тысяча лиц
обратится к Галактике, и она станет
нашей. Принц передаст человечество
Повелителю Перемен, и Галактика под его
взглядом обратится в Хаос.

--- Еще.

--- Емү... подвластны приливы судьбы, в
его руках люди станут оружием, течение
времени будет изменяться по его желанию,
все, что создает тебя и решает твою
судьбу, станет оружием его правления...

--- Еще. Скажи мне все. Все.

Валинов закашлялся, и новая волна
крови выплеснулась на его подбородок.

--- Мой принц Гаргатүлот никогда не
умрет. Только сверкающая молния может
очистить эту реальность от
Гаргатүлота, а молния погребена так
глубоко... Там нет ни времени, ни
пространства, ни судьбы, ни воли, только
Хаос... Молния погребена так глубоко...

Валинов забился в конвульсиях и не

стог больше говорить. Ризгенсен ощутил слепой ужас, завладевший его мыслями, и понял, что пленник говорил правду. Он ужаснулся своему поражению и испугался, что выдал так много. Это означало, что в его словах таилась великая и ужасная тайна, которую Валинов поклялся хранить.

Ризгенсен обернулся к дознавателям в комнате наблюдения. Они все были ранены осколками мониторов, но продолжали оставаться на своих местах.

--- Это передано на Энцелад? --- спросил Ризгенсен.

--- Все передано, --- ответил один из дознавателей. --- Записано и отослано. Система связи никогда еще не подводила.

--- Хорошо. Необходимо сделать копию для астронавтов, чтобы они переслали это инквизитору Лигейе. --- Ризгенсен снова взглянул на Валинова, у которого едва хватало сил дышать. --- И позовите сюда бригаду апотекариев. Перед уничтожением он должен быть здоров.

ВИКТРИКС СОНОРА

Успаванная серыми облаками бирюза неба над Виктрикс Сонорой к вечеру потемнела. Осада длилась уже восьмой час. В центре Теограда, второго по величине населенного пункта этого сельскохозяйственного мира, вокруг здания Административа был возведен стальной кордон из засеянных шипами баррикад, отражавших огонь с любой точки. Несколько групп арбитров, в чьи обязанности входило подавление беспорядков, под прикрытием АПС пытались подойти к мрачному зданию с затененными окнами.

Некоторые из окон были выбиты. Кое-где на тротуаре лежали убитые — их либо сбросили с верхних этажей, либо застрелили на бегу. Остатки Двенадцатого отделения Агентства Арбитрес, пытавшегося взять штурмом вход, сгрудились вокруг двери. Их

встретил огонь мощной лазпушки из обширного вестибюля и прекрасно пристрелянные авторужья снайперов.

Офицеров Арбитрес призывали со всей Виктрикс Соноры; некоторые прибыли и с других планет. Агентус Арбитрес — высшие правоохранительные силы Империи — подчинялись не местным властям, а собственному начальству. Задачей их организации, охватившей всю Галактику, было следить за выполнением имперских законов.

Какие бы ересь и предательство ни расцвели в комплексе Административа Теограда, они уже проявили себя. Двенадцатое отделение пыталось действовать согласно правилам и обойтись как можно меньшим ущербом, как призывал провост Марешаль. Но еретики встретили их огнем: многие воины правопорядка были ранены, восемь офицеров отдали свои жизни на службе Имперскому закону. Теперь арбитры со всей планеты собрались, чтобы свершить правосудие.

После шести часов осады через

орбитальный док Виктрикс Соноры
прибыл сам провост Марешаль. К тому
времени, как он взошел на передвижной
командный пункт, офицеров, окруживших
комплекс зданий, уже несколько раз
обстреляли с верхних этажей. Снайперы
Арбитрес раз за разом нацеливали
длинные лазружья на выбитые окна, ища в
них силуэты противников. Информация о
них до сих пор была крайне отрывочной.

Силы еретиков оказались
многочисленными и отменно
вооруженными. Они досконально изучили
комплекс, были хорошо организованы под
руководством толкового лидера. Двое
уцелевших воинов из Двенадцатого
отделения доложили о тучинах и
женщинах в алых масках, испускавших
ужасные пронзительные боевые кличи. Они
были одеты в типичные для служащих
Администрации черные шинели. Если не
считать этой талости, арбитрал
приходилось работать вслепую.

Никто не знал, есть ли у еретиков
заложники. Возможно, они были, но
заложники не представляли большой

ценности для арбитров. В сердце Теограда
пустила корни ересь -- и Арбитрес были
готовы искоренить ее любой ценой.

Вскоре после того, как Маршалы
принял командование, местные станции
наблюдения доложили о снижающихся с
ближней орбиты двух военных кораблях
«Тандерхок». В тот же миг на небольшую
установку планетарной обороны,
вращающуюся по орбите Виктрикс
Соноры, пришло сообщение о приближении
ударного крейсера, назвавшего себя
«Рубиконом».

Лица офицеров Арбитрес,
окружавших Аларика, были напряжены. Ни
мимики, ни улыбки. Каждый знал, что вскоре им
придется штурмовать здания
Администратума. Каждый понимал, что
может закончить свои дни так же, как и
воины Двенадцатого отделения. Но более
всего офицеров потряс тот факт, что к
ним присоединились легендарные
костодесантники -- почти мифические
воины из детских сказок и проповедей
священников. Агентус Астартес не

появлялись в пределах Шлейфа около
восьми столетий. Их приход означал, что
Враг гораздо опаснее, чем кто-либо мог
предположить.

Аларик догадывался, что арбитры
боятся его самого и подчиненных ему
гигантов больше, чем предстоящей атаки.
Офицеры не повышали голоса, когда
находились поблизости от десантников, а
только уважительно шептались. Они не
понимали, почему эти воины оказались
здесь. Достаточно того, что прибыл
провост и взял на себя командование
операцией, но костодесантники!.. Это
неслыханно. Их появление шокировало даже
командиров, ведущих отделения в бой. Они
без конца связывались с командным
пунктом, чтобы получить объяснения из
штаба Марешаля.

Аларик у оставалось надеяться, что
офицеры не будут испытывать
отвращения к сражающимся рядом с ними
Астартес.

Из слов Лигейи молодой правосудор
понимал, что обосновавшийся в Теограде
культ — не просто изолированная секта

почитателей Хаоса. Аларик не мог взять в толк, как Лигейе удалось переработать такое колоссальное количество информации на Тренитосе. Лигейя сопоставила данные о тысячах культов Шлейфа и поняла, что некоторые имеют сходство между собой. Культисты уничтожали или портили священные объекты, поклонялись существам, имеющим множество форм. Люди исполняли планы, недоступные человеческому пониманию. Все это были низилистические культы; их члены считали себя ничтожеством по сравнению с виденными только хозяевами. Люди были безликой массой, которую использовали и уничтожали ради неведомых прихотей Хаоса.

Культисты хотели служить. Они хотели умереть. И собранные со всего Шлейфа Агентус Арбитрес были полны решимости исполнить их второе желание.

— Санторо на позиции, — раздался в канале вокса голос правосудора.

Отделение Санторо было ближайшим к Аларик. Эти воины первыми окажутся в

зущее сражения, и личная палица Санторо
пожнет обильную кровавую жатву.
Сертификаторы Танкреда и отделение
возмездия Генхайна затаились на
противоположной стороне площади. Они
медленно продвигались вперед вместе с
арбитрами, готовясь штурмовать вход в
задней части здания.

--- Братья Арбитрес, офицеры закона,
--- раздался на вокс-канале Арбитрес
трачный голос провоста Марешаля. ---
Пришло время покончить с ересью. Все мы
готовы к этому. В этом мире, родном для
многих из вас, пустили корни злобные
силы. Мы -- единственные, кто может
восстановить справедливость на
Виктрикс Соноре. С нами идут Агентус
Астартес, могущественные
костодесантники. Одно это говорит о
том, как много поставлено на карту.

Провост Марешаль слышал, что
костодесантники появились в Шлейфе по
требованию Инквизиции. Если его и
нервировало неожиданное появление
Аларика или оскорбляло стремление
костодесантников возглавить атаку, что

но праву наглежало сделать его арбитром.
Марешаль ничем не показывал своего
раздражения.

При встрече провост показался
Аларикү величественным и грозным.
огромный человек с обветренным лицом, в
полном парадном костюме и с
энергетической булавой в руке. Сидя на
передвижном командном пункте в АНС,
Марешаль уверенно координировал
передвижение вокруг площади двух сотен
офицеров Арбитрес. Он действовал
решиительно и не тратил время зря.

Аларикү и Санторо предстояло вести
воинов на штурм вестибюля под огнем,
который почти полностью уничтожил
Двенадцатое отделение. Превосходные
штурмовики Танкрега проложат себе
путь через заднюю часть здания. Там
вместо боя на открытом пространстве их
ждет кошмарный лабиринт кабинетов,
коридоров, часовен и мастерских. Генхайн
огнем своего отделения создаст
штурмовикам заслон и подавит
артиллерию еретиков, чтобы она не
смогла превратить грузовой двор позади

здания в смертельную западню.

Арбитрес пойдут с ними. Пятьдесят офицеров, стоявших рядом с Алариком под прикрытием баррикады, опасливо разглядывали гигантов в сияющих сереброт доспехах, которые прибыли сюда без всякого предупреждения. Арбитрес были вооружены карабинами с разрывными снарядами; идущие впереди несли с собой энергетические палицы и широкие щиты. В целом войска защиты порядка и Арбитрес насчитывали более двухсот человек, и это был весь контингент Виктрикс Соноры. Предстоящая атака будет кульминацией борьбы против культов планеты. Если силы Хаоса возьмут верх, пострадает весь Шлейф.

— На позиции, господин провост, — передал Аларик.

Санторо, Генхайн и Танкред положили то же самое. Аларик обернулся к своим воинам, укрывшимся за массивным выступом пластальной баррикады.

— Ликкос, останешься со мной. Дворн, ты бежишь первым. Если потребуется, выбей двери.

Дворн, самый мускулистый и сильный воин отделения Аларика, молча кивнул и подбросил в руке молот — свое персональное оружие Немезиды. Редкий вид оружия, почти забытый ремесленниками Оргена, но великолепно подходящий Дворну.

— Остальным — стрелять на ходу, — командовал Аларик. — Арбитрес завяжут бой, а нам необходимо пробиться в центр двorca и уничтожить всех, кого найдем. У Танкреда такая же задача. Помните, нам неизвестно, на что способны заседавшие внутри враги. Никто не может обещать нам победу, если ты застрянеш там на долго. Мы и так потеряли слишком много боевых братьев в битве с приспешниками Принца.

Ликкос крепче сжал свою лезвущку. Дворн, Вьен, Холварн и Клоствос приложили ладони к специальным отделениям в нагрудниках, где хранились их копии «Устреления демонов», чтобы священные знания направляли воинов в бою.

— Я — молот, — затаил Аларик.

— Я — молот, — вторили ему воины.

отделения. --- Я --- ненависть. Я несущ
бедствия демонам...

Это была старинная, одна из самых
древних, молитва перед боем. Одной из
главных обязанностей Аларика как
правосудора было приготовить к
сражениям мысли людей --- точно так же,
как они готовили свои тела и оружие. По
воксу Аларик слышал, что Танкред со
своими людьми выводят ту же молитву; к
ним присоединился и Санторо. Рядом
беспокойно переглядывались офицеры
Арбитрес, наблюдавшие за старинным
боевым обрядом.

--- ...от безумия, соблазна, разложения
и лжи избавь нас, наш Император, и пусть
враг увидит Твою ярость в нашем лице...

--- Маршалль --- всем подразделениям! ---
--- раздался строгий голос провоста. ---
Атака по плану один! Всем отделениям
вперед!

Передние плиты баррикады
разъехались в стороны, и перед Алариком
открылась площадь. Почти мгновенно с
верхних этажей уродливого здания с
черными окнами протянулись вниз

огненные цепочки выстрелов. В ответ пронеслись разрывные снаряды арбитров и выбили из передней стены фонтаны стекла.

Привычные к беспорядкам на улицах, арбитры двинулись быстрым шагом, погнав щиты, чтобы защитить своих офицеров. Аларик отказался от прикрития и вырвался вперед. Перед ним шел Дворн. Аларик видел, что Санторо поступил точно так же — повел своих воинов бегом. Они первыми ударят в двери на одной стороне вестибюля, а Аларик попытается проникнуть с другой стороны. Там, где погибли солдаты Двенадцатого отделения.

В гладкий железобетон площади беспрестанно ударялись пули. Сдавленные крики раздавались там, где выстрелы противника ранили офицеров. Щиты при попадании издавали металлический звон. Очередь из карабина угодила в наплечник Вьена, а следующая задела ногу Аларика. Силловые доспехи, проверенные столетиями службы, легко отразили оба выстрела.

— Клоустус, прикрой меня! — крикнул

Аларик, когда здание нависло над ним.

Он различал выбитые окна и даже тени еретиков, занимавших огневые позиции. Клоустус, лучший стрелок во всем отделении Аларика, выпустил оглушительную очередь из встроенного в рукавицу болтера; оружие с такой отдачей при стрельбе очередями могло сломать руку обычному человеку. Разрывные снаряды разнесли в щепки рату одного из окон. Притаившийся там еретик бросился было бежать, но успел лишь дернуться, когда пуля снайпера пробила ему горло.

--- Холварн, Вьен, заставьте их спрятать головы! --- приказал Аларик, и болтерный огонь воинов его отделения застучал по высокой стене.

Ответная стрельба сверху стала еще интенсивнее --- у еретиков были скорострельные лазружья, может быть, даже мультилазер. Его красные лучи выпускали на приближающихся офицеров смертоносные красные копы. Люди бросились на землю. Холварн пошатнулся, когда выстрел лазера ударил его по ноге, оставив на доспехах светящиеся вмятины.

Санторо уже добрался до двери. Он выбил внутрь одну створку, и брат Миктос поливал вестибюль струей пламени из своего огнемета.

--- Дворн! --- крикнул Аларик. --- Давай к двери!

Огонь сверху еще усилился, и отделение стремительно ринулось к дверям. Дворн, не останавливаясь, прочертил молотом Немезиды широкую дугу, и закаленное стекло взорвалось сверкающим веером осколков.

Аларик был уже рядом. Автоматически мгновенно обострились, реагируя на полумрак вестибюля. В одно мгновение правосудор окинул взглядом все помещение. Вверх уходили этажи, увешанные знаменами. На них были начертаны призывы к повиновению и прилежанию --- обычные мантры Администратума. Над вестибюлем возвышался фонтан с наверху в виде статуи действующего Верховного Лорда Администратума, у которого были отбиты руки и выдолблены каменные глаза. Вода, выливающаяся из основания статуи в забитый трупами

бассейн, почернела и протухла.

Стрельба слышалась со второго и третьего этажей. Аларик успел увидеть закрытые алыми масками лица и форменную одежду Административа — словно печать предательства. Тела в бассейне тоже принадлежали служащим Административа: это были рабочие в серых комбинезонах и куртках бригадиров. Тела офицеров в черных доспехах лежали у двери.

Аларик открыл ответный огонь, и светящиеся полосы снарядов унеслись вверх. Один из болтов оторвал руку еретика. Он неловко повис на перилах второго этажа, но рядом с ним были десятки других. Еретики перевернули столы, используя их как прикрытие. Хотя доски были слабой защитой от болтерного огня, Серые Рыцари не стали завязывать бой. Достаточно было заставить отступников прижаться к полу.

Санторо, перепрыгивая через обломки мебели, уже продвигался вглубь здания, к многочисленным кабинетам.

Остальные воины Аларика прорвались

сквозь разбитые двери. Внезапно сверху обрушилась стрельба из тяжелого орудия. Аларик резко взмахнул рукой в направлении входа в часовню, открытого в ближайшей стене. Снаряды выбивали из пола обломки траторных плит, а один рикошетом снес полголовы каменному Верховному Лоргу.

— У них там автомюшка! — передал по воксу Дворн.

— Подавить огневую точку и продолжать движение! — крикнул в ответ Аларик.

Автомюшка была громоздким, неэффективным и вышедшим из употребления орудием, но ее огромные снаряды могли пробить даже силовые доспехи. Воины отделения Аларика обрушили на источник стрельбы залп безлого болтерного огня и встретились под арку, ведущую в часовню.

Часовня представляла собой узкую и длинную комнату стены, которой были облицованы черным тратором и увешаны портретами усердных граждан Империи, проживших жизнь в

благочестивом повиновении. С кафедрой свесилось тело подконсула, вероятно убитого во время поучения агентов.

Аларик знал, что враги здесь, — это подсказывал инстинкт и замеченное столетнее движение. Едва он повернулся, как они с криками выскочили из-за скамеек — десятки культистов с окровавленными тряпками, закрывавшими лица до горящих ненавистью глаз.

Один, со сверкающим ножом в руке, кинулся на Аларика. Правосудоротшвырнул его в сторону и услышал, как человек ударился о стену. Затрещали сломанные ребра. В следующее мгновение алебарда Аларика обезглавила второго еретика и, не останавливая движения, вонзилась острым концом в живот третьего. Удар поднял отступника в воздух и швырнул на скамью, разлетевшуюся от тяжести его тела.

Мимо Аларика пронеслась светящаяся полоса снарядов из штурмболтера. Они, словно бутафоры, прошили деревянные скамейки и прячущихся за ними врагов. Утирая,

еретики кричали — но не от боли, а от ненависти.

Из толпы уцелевших еретиков раздался выстрел лазерного пистолета. Аларик схватил за шиворот ближайшего и в упор выстрелил из штурмболтера, встроеного в доспехи. Тело культиста вырвалось из руки правосудия и бесформенной массой впечаталось в стену.

Дворн шагнул к кафедре прямо по скамьям. Аларик видел, как тяжеловесный гигант одним ударом молота пригвоздил к полу сразу двоих еретиков; третьего пронзил мечом Холварн.

Бойцы отделения заполнили часовню, и воины быстро осмотрели помещение, проверяя дулами болтеров все темные уголки между скамьями. Аларик, нагнувшись, перевернул ближайшее тело. Закрывавшая лицо ткань упала, и под ней открылось лицо молодого агента, похожего на миллиарды других мужчин и женщин, двигающих бесконечную бюрократию Империи. Вот только кожа этого человека была грубой. Чешуя, словно струнья после ожога, окружала

вытаращенные глаза и спускалась по шее
пог остатки гурно пахнущей униформы
Администрация. Тела явных
приверженцев Хаоса были отмечены, как и
их души. Значит, культ глубоко пустил
корни на Виктрикс Соноре.

Из вестибюля донеслась стрельба
арбитры и офицеры обменивались залпами
с оставшимися культистами. Аларик
понимал, что, если штурм затянется,
еретики сумеют окружить и уничтожить
арбитров. Серым Рыцарям необходимо
двигаться вперед.

--- Дворн! --- крикнул Аларик и указал
рукой на ближайшую стену часовни. --- Нам
надо идти.

Дворн кивнул, разбежался и со всей
силы ударил плечом в облицованную
каменем стену. Тонкие мраморные плитки
разлетелись на мелкие осколки, а тело
Дворна, пробив дерево и штукатурку,
вылетело в соседнее помещение.

Следом, сверкая мечом, ринулся
Холварн. За ним проскочил в дыру Аларик.
Он увидел ряды светильников над головой
и бесконечные рабочие столы, заполнявшие

просторную, но невысокую комнату. Рядом с регистраторами грохотались кучи бумаг. Потолы надзираемых, словно колонны, возвышались над морем разделенных перегородками рабочих мест. Еще выше, на потолочных балках, висели назидательные лозунги: «Новиновение — путь к спасению», «Око Императора наблюдает за тобой».

Едва Аларик успел окинуть комнату взглядом, как на него обрушился лазерный залп. Правосудор пригнулся за тонкой перегородкой у ближайшего стола. Выстрелы застучали по силовой броне. Культисты оглушительно вопили, а Дворник с ревом расшвыривал столы, стараясь добраться до ближайших противников. Он очень хорошо усвоил одно из правил костогесантников: сражайся на близкой дистанции, тогда твоя сила окажется значительным преимуществом.

Аларик, используя столы в качестве пусть слабого, но прикрытия, побежал вперед. Он видел, что культисты стреляли из-за перевернутых столов. Двоих еретиков уже достали болты

Холварна, пробившие хлипкую баррикаду. Вокруг Дворна бугебал смерч деревянных обломков; великан пробивался к ближайшей группе культистов, размахивая молотом и почти в упор стреляя из штурмболтера. Подтянулись и остальные воины отделения, стрельба стала еще сильнее.

Аларик так отчетливо услышал голос, словно тот звучал у него в голове. Голос пробивался через фильтры автоматчүвств и проникал прямо в дүшү. Это наречие Аларик слышал когда-то давно, в отсталом лесном мире, где чащи изобиловали колдовскими кұльтатами. Это наречие культистам внұшали темные силы, которым они поклонялись. Его понимали только высшие жрецы и избранные Хаоса, но Аларик по интонациям знал, что говорящий призывает своих людей идти в атаку.

В вихре лазерного огня вперед бросились десятки мұжчин и женщин. Все они выжидали в кабинетах Администратұма, пока схлынет первая волна штурма, чтобы үстретиться в контратаку. Среди них были агенты и

прислужники, надзиратели и даже один
подконсул. Еретики сжимали в руках
лазганы и карабины, похищенные со
складов департамента снабжения. Еще у
них были штыки и мечи, пистолеты и
голые руки. Атакую, они выкрикивали
злобные проклятия на языках Хаоса.

--- Держись! --- крикнул Аларик.

За секунду, оставшуюся до
столкновения, воины собрались вокруг
командира. Оружия Немезиды были готовы
встретить натиск атакующих, хотя
огонь лазружей уже разрывал воздух и
сверкал на доспехах. Аларик ощущал
слабый гул на границе слышимости --- это
обереги, встроены в доспехи, боролись с
перегрузкой, и отгача передавалась его
психическому восприятию.

И еще правосудор физически
чувствовал ненависть --- словно
непереносимое зловоние, исходящее от
культистов.

Волна из сорока или пятидесяти
еретиков обрушилась на Серых Рыцарей.
Их предводитель продолжал выкрикивать
приказы. Аларик и его боевые братья

рубили и кололи, и каждый удар отсекал руку или голову врага. Молот Дворна выбивал из толпы кровавые полукружия. Поверх красных масок Аларик различал вытаращенные глаза мужчин и женщин, молодых и старых. Отчаянные проклятия живых и крики умирающих сливались в сплошной оглушительный шум.

Аларик рванулся вперед из толпы, расшвыривая атакующих в стороны. Жрец оставался на противоположной стороне комнаты — подконсул, высший чиновник, которого можно было обнаружить в таком мире, как Виктрикс Сонора. Он был в черной шинели с серебряными шнурами и золотым поясом, подтверждавшим его высокий ранг. Лицо отступника так густо покрывали чешуйки, что оно превратилось в нагромождение уродливых шишек.

При виде рвущегося ему навстречу Аларика жрец вытянул перед собой руку. С пальцев сорвалась ослепительная вспышка, бело-голубое сияние взорвалось вокруг правосудора, но обереги защитили тело, а непоколебимая вера предоохранила разум. Штурмболтер Аларика выплюнул десяток

снарядов, но все они разорвались, не долетев до жреца.

Колдун повернулся и побежал, и Аларик полчился следом. Но шуму за спиной он понял, что воины его отделения прорываются сквозь толпу культистов, чтобы бежать за ним, но Аларик не мог ждать. Колдун выбежал из комнаты и через узкий проход устретился вглубь здания. Аларик прорвался через нагромождение деревянных столов и стал протискиваться по узкому переходу, быстро восстанавливая зрение в темноте.

Когда-то всю центральную часть Администратума занимали рабочие комнаты. Там, сидя на глиняных деревянных скамьях, без отдыха трудились младшие агенты. Они прощатывали бесчисленные справки и заполняли бесконечные ведомости. Со всех сторон их окружали иконы, прославляющие прилежание, и бранили подконсультанта Администратума, не забывая внушать тщетность любой деятельности, кроме той, что служит во имя Императора.

Теперь ничего этого не было.

Потолок и пол были сорваны. Всю середину здания занимало обширное, похожее на пещеру помещение. Пол был усеян дымящимися обломками. С перекрытий свисало множество знамен с потертостями и символами и нечестивыми изречениями, написанными кровью и нечистотами.

В центре зала, поднимавшегося на три этажа, стоял гигантский регистратор. Из его верхушки, словно трубы механического церковного органа, торчали раскачивающиеся информационные стержни. Похожее на печку основание выпускало клубы дыма. Вероятно, все рабочие регистраторы были объединены в этот колоссальный вычислитель, покоившийся в окружении целого гнезда принтеров. Потускневшая черная поверхность была обезображена красными рунатами, и машина, все еще работая, угрожающе ворчала и жужжала, как рой насекомых.

Колдун перебирал ногами над заваленным мусором полом, и магическая энергия потрескивала вокруг его подошв.

Он обернулся, увидел, что Аларик не
отстает, и еще быстрее устретился к
гигантскому регистратору, затянув
пронзительным голосом отвратительное
заклинание.

Машина злобно заурчала, и вокруг нее
клубились тени непроглядной черноты.
Обереги Аларика раскалились, показывая,
что стена между двумя реальностями
стала совсем тонкой и вот-вот начнет
распадаться. Ужасный трескучий хохот
прокатился по залу. Из темных дыр в
воздухе появились ухмыляющиеся морды и
кривые конечности.

--- Демоны! --- крикнул в вокс Аларик. ---
Отделение Аларика, отделение Санторо,
скорее ко мне!

Демоны состояли из плоти, созданной
волей Хаоса: они были одновременно и
частицей темных богов, и их слугами.
Демоны занимались искушением глупых
людей и служили пехотинцами в армиях
тьмы. Они представляли как моральную,
так и физическую угрозу: небольшая кучка
демонов могла разложить дух целой
человеческой армии, посланной против

них. Вот почему были созданы Серые Рыцари: для них посулы демонов не представляли искушения, а только еще твернее говорили о принадлежности врагов к силам зла.

«Похоже, Лигейя была права», — подумал Аларик и прыгнул вниз.

Он слышал, что его отряд совсем близко. Аларик приземлился на ноги и помчался к возникающим из темноты, мерцающим и переливающимся силуэтам.

Правосудор быстро добежал до первой группы демонов и ощутил, как они содрогнулись, почувшив веру, защищающий его душу. Десяток демонов уже образовал перед ним стену мерцающей плоти. Аларик воспользовался их замешательством, чтобы нанести первый удар. Ударом алебарды он рассек одного из демонов, но внезапно оказался в окружении. Вероятно, колдун был более могущественным, чем предполагала Лигейя, поскольку призывал из варна целую орду демонов.

Аларик колот и рубил окружившую его сплошную стену демонских тел.

Искривленные лапы тянулись ему навстречу, воющие пасти изрыгали огонь, безумные глаза сверкали ненавистью. Отделение Санторо уже появилось на краю зала, и боевые братья пытались отвлечь демонов, стреляя в них из штурмболтеров.

Аларик протянул обе руки в толпу, выдернул одного демона и разорвал его пополам. Он ринулся в образовавшийся проход, и снаряды штурмболтеров за его спиной стали разрывать тела демонов. Впереди громогдился регистратор, внутри него полыхало темно-красное пламя, а из труб со злобным свистом вырывались клубы пара. Аларик увидел кольцо примитивных деревянных скульптур вокруг основания машины и мелькающие над ними черные молнии. Колдун, освещенный серебристым огнем своих рук, стоял на самом верху. Аларик прицелился, надеясь нарушить его равновесие и помешать закончить начатое заклинание. Серые Рыцари были защищены от прямого воздействия колдовства и психического воздействия, но это не значило, что колдун не мог вызвать

еще больше демонов или обрушить здание на их головы.

--- Я --- молот! --- раздался громкий голос в воксе, и Аларик увидел огромную фигуру правосудора Танкреда, появившуюся рядом с колдуном.

Жрец обернулся, и серебряный огонь из его рук окутал броню терминатора сверкающим ореолом. Танкред взмахнул мечом Немезиды и одним ударом рассек тело колдуна наискосок, от шеи до пояса. Верхняя часть тела покатилась вниз, на правую чудовищной машины, из нижней взметнулся сверкающий серебряный огонь, угасавший по мере того, как иссякала питавшая его сила.

Ужасный пронзительный вопль сопровождал душу колдуна, вылетевшую с последним проблеском могущества из его мертвого тела. Руны на гигантском регистраторе вспыхнули белым пламенем, словно они впитали в себя энергию смерти жреца. Затем обе половины тела звучно шлепнулись на пол, и руны погасли.

--- Рад встрече, брат Танкред! --- воскликнул Аларик. --- Ты пришел вовремя.

--- Пришлось разделиться с
несколькими демонами, чтобы добраться
сюда, --- ответил по воксу Танкред, а его
воины заняли позади него позиции для
стрельбы.

Над толпой демонов пронесся
оглушительный вопль. По команде
правосудора Санторо его десантники
выпустили сокрушительный залп по
врагам, и воины Генхайна с дальнего края
зала сделали то же самое. Под
перекрестным огнем клочья плоти
демонов полетели в разные стороны.
Танкред тахнул своим воинам, спустился с
машины и вслед за Алариком ринулся в
вопящую толпу. Вопли разбросанных его
ударам демонов стали еще
пронзительнее, когда идущие следом воины
стали рубить и колоть их оружием
Немезиды.

Аларик видел, как брат Локат снес
голову одному демону, брат де Варн рассек
надвое второго. Отделение Аларика не
осталось в стороне, и Дворн своим
толотом вбил в пол третьего. Через
несколько мгновений все демоны

превратились в зловонные пятна
разноцветной крови, оставив после себя
только затухающее эхо.

С разных сторон в зал врывались
отряды офицеров. Грохот разрывных
снарядов слышался из углов здания, где еще
оставались отдельные группы еретиков.
На канале Арбитрес слышались приказы
Марешала разбить комплекс
Администратума на части и, пользуясь
успехом Серых Рыцарей в зале демонов,
довести до конца уничтожение
культистов. Арбитрес обозначили зоны, и
каждый отряд произвел зачистку,
уничтожая все, что двигалось. Культ на
Виктрикс Соноре утирал, его
предводитель подконсул был убит, а
регистратор, бывший объектом
поклонения, находился в руках Императума.

Аларик перешагнул груды мусора и
поднял одну из свернувшихся полосок
бумаги, выпущенных регистратором.
Гигантская машина продолжала дымить,
но ее урчание стихло.

«...и когда Принц восстанет, вся
Галактика станет его игрушкой, и люди —

его слугами на пути Перемени, а
Изменяющий Пути затмит все звезды, а
по правую руку будет стоять Тысячеликий
Принц...»

Напыщенные разглагольствования
покрывали все листы. Вероятно,
регистратор служил способом общения
между Гарзатүлотом и культотом. Теперь
огни в машине постепенно затухали, и без
лидера кюльта и его магии,
обеспечивающей работу, изнутри слышался
скрежет разваливающихся частей.

Аларик бросил бумагу и подошел к
одной из статуй, окружавших основание
машины. Это была грубая деревянная
фигура, вырубленная из целого ствола
темного дерева и уже обуглившаяся.
Фигура отдаленно напоминала человека,
но у нее была дюжина рук, а все лицо вокруг
широко ухмыляющегося рта покрывали
глаза. Статуя была изготовлена очень
грубо, и это делало ее еще более нелепой и
угрожающей.

— Аларик — Марешалю, — произнес
правосудор, включив вокс. — Мы здесь
закончили. Мы возьмем то, что нам

нужно, а остальное оставил на вас. Я предлагаю все сжечь.

--- Понятно, --- отозвался Марешаль. --- Я слышал, с чем вам пришлось столкнуться. Это правда?

--- К сожалению, правда, лорд провост. Не позволяйте вашим людям здесь задерживаться. Надо разрушить все.

--- Конечно, правосудор... Мои люди польщены, что могли сражаться рядом с вами. Я не думаю, что кто-то из них мог мечтать о встрече с Астартес.

Марешаль почти не отличался от остальных офицеров: он был шокирован появлением костодесантников и так и не смог этого скрыть.

--- У нас общие враги, лорд провост, --- сказал Аларик. --- Ваши арбитры отлично себя проявили. Просто проследите, чтобы работа была закончена и чтобы от культа ничего не осталось.

--- Обязательно. Да пребудет с вами Император, командир.

--- Да пребудет с вами Император, лорд провост.

Аларик поднял статую и несколько

листовок. Статуя оказалась тяжелее, чем можно было предположить, словно она не желала уходить со своего места.

--- Аларик --- всем отделениям! Возвращается к «Грозовому ястребу». Мы получили все, что было нужно. Санторо, прикрой нас на площади. Генхайн, встречается в зоне приземления. Танкред, следуй за мной.

Аларик махнул рукой воинам и по засыпанному мусором полу зашагал к выходу из зала. Космогесантники миновали усеянные телами кабинеты и часовню, прошли через вестибюль, где затихала жестокая перестрелка между Арбитрес и еретиками с верхних этажей. Теперь арбитры подсчитывали потери и помогали раненым, а пол стал липким и красным от крови.

Серые Рыцари прошли через площадь с выбоинами от снарядов и вернулись к ожигавшим их «Грозовым ястребам». Аларик, оглянувшись, увидел клубы дыма, поднимавшиеся с верхнего этажа. Марешаль последовал его совету: здание Администратура уже загорелось.

«РУВИКОН»

Кульм нашел себе на Виктрикс-Соноре почти идеальное убежище. Администратум — как самая крупная и известная своей заткнутостью организация — мог бесконечно долго отклонять всевозможные запросы и проверки. Только личное вмешательство провоста Марешаля положило конец этой волоките, и силы правопорядка вошли, наконец, в здание.

Никто не знал, сколько времени существовал кульм. В дни благоденствия Шлейфа Виктрикс-Сонора был процветающим сельскохозяйственным районом с несколькими большими городами. Со временем угасло почитание святого Эвиссера, города сохранили численность населения, но лишились доходов. Самым надежным способом выжить стал разбой.

С началом упадка на Шлейфе правоохранительные силы предоставили

этот мир самому себе. Военная полиция охраняла лишь имперские владения, а все остальное было оставлено гнить. Полиции не хватало ресурсов, чтобы поддерживать порядок в мире, а среди гражданского населения Шлейфа не нашлось лидера, способного восстановить порядок. Не осталось никаких сведений о том, что творилось в трюмбах Виктрикс Соноры, пока культ не проник в Теоград и не завладел зданием Администратума.

Возможно даже, что все началось с подконсула. Эта пугающая догадка казалась, однако, весьма правдоподобной.

Деятельность культа по большей части протекала скрытно, но Лигейя из разрозненных донесений в архивах Тренитоса сумела сложить законченную картину. Опустившиеся жители Виктрикс Соноры в течение пятидесяти лет грабили те немногие святыне места, что еще оставались на планете. Были украдены все реликвии. Двадцать лет назад неизвестные сбили грузовой корабль, вывозивший с планеты уцелевшие святыни; весь груз пропал.

Тогда влиятельные лица в
Администратуме высказали
предположение о разборках между кланом
контрабандистов. Теперь стало ясно, что
реликвии понадобились культу и он
использовал свое влияние в преступном
мире, чтобы их получить.

Не обошлось и без убийств, поскольку
мало найдется культов, которые не
давали бы выход ненависти и не
восхваляли бы своих повелителей
кровавыми жертвоприношениями. Культ
выскивал случайных жертв по всей
Виктрикс Соноре и всегда забирал с собой
все части тела. Такие незначительные
преступления мало что значили для
разлагающихся городов планеты, но в
восприятии Лигейи они засверкали
драгоценными камнями. Она уверилась,
что выслеженный арбитрами культ в
здании Администратума был тем самым,
который несколько десятков лет работал
на Гаргатүлота.

И сам Гаргатүлот, вероятнее всего,
находился где-то на Шлейфе, дергая за
ниточки, которые должны вернуть его в

реальное пространство.

Тысячеликий Принц во времена своего господства, пока его не изгнал Мандулис, создавал культы с так далеко идущими целями, что сами культисты редко могли их понять. И культ на Виктрикс Соноре был частью такого же непостижимого и медленно развивающегося плана.

Большинство людей не смогли бы осознать эту едва уловимую связь, но для Лигейи она была очевидной. Лигейя могла извлечь доказательства из самых несопоставимых фактов; она ощущала уверенность там, где любой другой терялся и опускал руки. Теперь Аларик ясно видел, почему Лигейя была призвана Инквизицией, и Орго Маллеус потратил немало усилий, чтобы переманить ее из Орго Еретикус.

Гаргатулот находится на Шлейфе, культисты на Виктрикс Соноре пострадали по его воле, и свидетельства, принесенные Алариком, только подтвердили ее выводы.

Во время стоянки на Тренитосе

Лигейя поручила персоналу обставить ее комнаты так, чтобы они соответствовали статусу благородной дамы. У рабочих было три недели, пока она перерабатывала информацию. Теперь ее покои, увешанные гобеленами и отделанные панелями темного дерева, поражали глаз великолепием убранства. В открытом камине ярко пылал огонь, а старинная мебель, собранная в заброшенных помещениях крепости, была отреставрирована и отполирована до блеска. Ковры -- некогда пыльные и заплесневевшие, а теперь отчищенные лучше новых -- легли на деревянный пол. Пикт-экраны висели на стенах, вставленные в золоченые рамы, а вокс-комплект был встроен в крышку письменного стола из твердой древесины. Над потолком висела изящная хрустальная люстра. В углу каждой из комнат стоял культист смерти, охранник Лигейи. Безмолвные стражи были настолько молчаливы и неподвижны, что почти терялись среди роскоши, к которой стремилась Лигейя, где бы она ни

оказывалась.

Лигейя понимала, что Серые Рыцари не могли этого одобрить. Они спали на жестких кроватях монастырских келий, лишенных даже намека на удобство. Лигейя не могла не заметить ступени правосудия Аларика, когда ему пришлось столкнуться с предметами роскоши, взятыми ею с собой, — оно доставило ей удовольствие. Возможно, в изящных безделушках Аларик видел предвестников слабости и разложения. Для Лигейи они были способом поддержать образ богатой и благородной дамы, чтобы скрыть свои истинные таланты.

На фоне изящно отделанного помещения статуя, стоящая в центре комнаты, казалась особенно неуместной и отталкивающей. Лигейе вовсе не хотелось знать, что олицетворяла фигура, но такова была работа инквизитора. Несомненно, в статуе заключалось нечто демоническое. Каждый ее изгиб кричал о безумии. Даже просто глядя на нее, Лигейя чувствовала, как статуя причиняет боль психической составляющей ее разума. В ее

сознание проникали намеки на
предназначение фигуры; воображение
завершало незаконченную картину,
которую скульптор видел и стремился
передать в своем произведении. Это явно
было прославление какого-то зла.

Лигейя щелкнула выключателем
вокса, и прибор начал записывать ее голос
в электронный блокнот. Многие
инквизиторы в путешествиях
пользовались услугами писцов или
лексикотехническими устройствами,
чтобы сохранить записи и
классифицировать находки. Но Лигейя
предпочитала странствовать только в
сопровождении своих культистов стерти и
самостоятельно фиксировать мысли.

--- Этот... предмет, --- начала Лигейя,
не желая присваивать название
отталкивающей скульптуре, --- состоит из
твердой древесины, не характерной для
Виктрикс Соноры. Вероятно, он был
изготовлен за пределами этого мира и
привезен культистами, что говорит о его
большом ритуальном значении.

Инквизитор помолчала. Половина из

множества глаз статуи установилась на нее
своими жесткими деревянными зрачками,
а остальные осматривали комнату, словно
в поисках выхода.

--- Текст, отпечатанный на
регистраторе культистов, вполне с
очевидными еретическими резными
изображениями, дает возможность
заклучить, что скульптура представляет
собой изображение одного из тысячи лиц
Гаргамюла.

Лигейя несколько минут молча
рассматривала скульптуру. Затем она
неохотно открыла канал психического
восприятия и ощутила океаны
информации, заключенной в резной фигуре.
Возможно, слишком обширные для того,
чтобы охватить их сознанием.

Во рту Лигейи появился
металлический привкус. Где-то очень
далеко она услышала стех... а может,
рыдания?

Прозвучало какое-то имя, но очень
слабо и слишком далеко, чтобы его понять.
Унквизитор напрягла слух и погрузилась
глубже. Глаза скульптуры стали окнами в

абсолютную Галактику, произведение
архитектуры Хаоса. Ухмыляющийся рот
произносил бесконечное заклинание,
которое переделывает Вселенную по воле
Повелителя Перемён. Структура волокон
дерева превратилась в извилистый поток
судьбы, обвивающий все вокруг,
подталкивающий к неизбежному концу -- к
окончательному Хаосу, к полноте
Перемён, к бесконечному могуществу и
непреходящему ужасу, глашатаем которых
был Гаргамулот.

Лигейя видела Галактику,
переполненную властью Перемён. Она
видела, как плачут и утирают звезды. Она
видела тиры, разлетающиеся
хрустальными осколками ненависти. Она
видела, как Галактика раскручивается и
выбрасывает все свои создания в небытие, в
глотку распорядителя Хаоса -- господина
Гаргамулота, Повелителя Перемён, бога
Тзинча...

Лигейя успела вовремя прервать свои
мысли. Она стояла на коленях, задыхалась
и была покрыта испариной. Пряды
заботливо уложенных волос свесились на

лицо. Лигейя грожащей рукой поправила причёску.

В углу комнаты культист смерти, Тайци, едва заметно склонил набок голову. Немой вопрос стражника был совершенно ясен: «Нужна помощь? Вызвать медиков?»

Лигейя покачала головой, с трудом поднялась на ноги и оперлась о стол, где стояли несколько хрустальных бокалов и графин сладкого выдержанного атасека. Она налила себе изрядную порцию и выпила залпом. Лигейя знала, что это не поможет, но мозг уверил ее в обратном — напряжение немого уменьшилось, картины впавшей в безумие Галактики слегка потускнели.

— Этот... предмет, — продолжила она диктовать, — находится теперь под абсолютным карантином. Доступ к нему разрешен только мне. Если меня не станет, доступ можно будет получить только с разрешения Конклава Верховных Лордов Ордо Маллеус.

Лигейя открыла ящик стола и вынула из плоского деревянного футляра хирургический скальпель. Она аккуратно

срезала со скульптуры тонкую стружку и
положила ее во флакон для образцов.

--- Образец материала этого
предмета будет исследован под микроскопом,
руководством, как только это
представится возможным.

Лигейя налила себе новую порцию
атамаса и, кажется, успокоилась. Если ей
нужно было доказательство, оно здесь.
Лишь она одна может его видеть: ее гармонично
встречался чрезвычайно редко, Лигейя
никогда не слышала об инквизиторе с
подобными способностями. Это ее
огорчало. Возможно, со временем она
получит доказательства, не зависящие от
ее умения извлекать информацию из
любого предмета. Но для Лигейи и этого
было достаточно.

Перед ее мысленным взором до сих пор
таячил образ Гаргамюта на фоне звезд и
бесконечного океана бурлящих Переменил.
Более слабый ум, не тренированный под
строгим руководством дознавателей и
надзором лордов-инквизиторов, не
выдержал бы этого испытания. А если это
безумие вырвется из варна в реальное

пространство, устоит ли против него
людской разум?

Наконец-то Аларик был чист.
Двенадцать часов молитв об избавлении
от разложения, к которому он был так
близко, очистили душу от нацеленного на
нее колдовства. Кожу покалывало после
ритуальной дезинфекции; доспехи сияли
от церемониального омовения в слабом
растворе кислоты с лаганом. Даже
«Рубикон» во время ритуалов,
обязательных после битвы, стал тихим,
словно задумчивым. Боевые братья
пытались осознать пережитое, не допуская
в свою душу и намека на соблазн.

Аларик и раньше приходилось
видеть ужасные вещи: с кровоточащего
алого неба над Солигором IV он смотрел
на легионы бога вожделения, марширующие
по Алазону. Все это не могло пройти
бесследно, но обряды очищения Серых
Рыцарей и молитвы стывали следы.
Других воинов подобные испытания могли
лишить рассудка, но Серые Рыцари после
очищения становились только сильнее.

В скрутом освещении кельи Аларик прочел несколько страниц из своего экземпляра «Устребления демонов». В заключительной молитве души, защищенная верой, сравнивалась с планетой, окруженной атмосферой, или с огем в гонимости воином. Вера — это щит, символ правоты; она жизненно необходима солдатам Императора. Эти слова Аларик читал тысячу раз, и всегда, как и сейчас, они приносили успокоение. Он не один. Если бы Император не наблюдал за ними, вера была бы бессмысленной, но душа Аларика оставалась невредимой — значит, щит веры уберез ее от разложения. Значит, око Императора неустанно следит за Серыми Рыцарями.

В безграничной, холодной и враждебной Вселенной, где будущее многих триллионов людей висит на тончайшей из нитей, где щупальца Хаоса проникают повсюду, только Император может указать правильный путь. Сознание того, что Он рядом, придавало Аларик необходимые силы.

Ритуалы выполнены. До следующей

битвы Аларик был в безопасности от посягательства врагов — но, как он знал, очередного боя ждать недолго.

Аларик закончил застегивать доспехи как раз перед приходом Санторо. Правосудор Санторо славился выдержкой и спокойствием; он редко позволял эмоциям вырваться наружу. При этом Санторо вовсе не был угрюм и нелюдим, и воины шли за ним, точно каждое его слово было словом самого Императора.

Если Санторо и дальше будет проявлять такие же качества воина и командира, он может занять место в семинарии ордена под руководством Дурендина. Аларик не сомневался, что его брат воспользуется этим шансом.

Санторо остановился на пороге кельи Аларика. Он был в полном боевом облачении и, как каждый правосудор, имел собственный геральдический знак на стилизованном щите наплечника. Герб Санторо состоял из единственной белой звезды на черном поле — свет среди тьмы, очищающее пламя Императора, ярость Серых Рыцарей, пронзающая сердце Врага.

--- Правосудор, --- заговорил Аларик. ---
Как твои люди?

--- Ритуалы закончены, --- ответил Санторо. --- Джаэнос получил заряд лазера по колено, но через пару дней поправится. Их души в порядке, но они не считают, что достаточно знают здешнего врага.

--- Они сами тебе об этом сказали?

--- Я это чувствую. И мои люди всегда чувствуют то же самое.

--- С этим ничего не поделаешь. Когда дело касается Врага, знать слишком много так же опасно, как ничего не знать.

--- Ты прав. Но я хотел с тобой поговорить не только об этом. Несколько минут назад инквизитор Лигейя связалась с капитанской рубкой и передала новые приказы. Она настаивает, чтобы мы отправились к миру под названием Софано Секундос.

Аларик на мгновение задумался, затем шагнул вглубь кельи и отыскал блокнот, куда заносил всю информацию о Шлейфе. В нем он прочитал, что Софано Секундос --- захолустный феодальный мир, еще не достигший технологии

изготовления пороха. Единственный представитель власти Империи тут --- проповедник Галактической Миссионарии. Преподобное процветание Шлейфа не коснулось этого мира, поскольку в нем не было никаких ресурсов. Упоминания о нем затерялись в бюрократической волоките департамента заселения и развития.

--- Звучит не слишком обещающе, --- сказал Аларик. --- В таких мирах обычно слишком немногочисленное население, чтобы скрыть хоть какой-то культ.

--- Инквизитор Лукейя считает, что привезенная тобой с Виктрикс Соноры статуя оттуда, --- пояснил Санторо. --- Инквизитор полагает, что между культурами Шлейфа есть связь, и надеется отыскать ее на Софано Секундосе. Мы должны будем оставаться на орбите и прикрывать ее. Она считает, что должна спуститься сама, без сопровождения.

--- А ты не согласен?

--- Миссией руководит инквизитор. Здесь не над чем раздумывать.

Аларик отлично знал людей, с которыми, плечо к плечу, ходил в многие

сражения. Санторо не мог, да и не хотел скрыть от молодого правосудора недостаток энтузиазма.

— У инквизитора Лузейи много общего с аристократами, а ей придется с ними общаться, — сказал Аларик. — Вряд ли ее примут лучше, если она повсюду будет водить за собой эскорт из вооруженных супервоинов. В этом случае ей легче справиться одной.

— Да, конечно. Я все расскажу своим воинам.

— И передай Генхайну и Танкреду тоже, — попросил Аларик. — А я почитаю материалы о месте назначения.

После ухода Санторо Аларик включил терминал в своей келье и запросил в банке данных «Рубикона» информацию по Софану Секундосу. Правосудор не ожидал, что окажется в неразвитом мире на задворках Шлейфа, когда вокруг так много густонаселенных миров, где, как он знал по опыту, можно скрыть целые армии культистов.

Галактическая Миссионария, через которую Агентус Министорум рассылали

проповедников и духовников
невежественным народам, не замедлила бы
призвать Сестер Битвы или даже Ордо
Еретикус, если бы заметила хоть что-то
подозрительное в своей пастве. Если на
Софано Секундосе и имеется какая-то
связь с Гаргатүлотом, она должна быть
искусно замаскирована. А в таких делах,
подозревал Аларик, Лигейя разбирается
лучше других.

Он должен ей доверять, но если... Если
предчувствия инквизитора Лигейи не
оправдаются, отвага Серых Рыцарей
покажется бессмысленной. Конечно, она
псайкер, причем весьма могущественный.
И эта женщина предана делу изгнания
Врага, но она всего лишь человек. Все ее
точные предсказания основаны лишь на
догадках.

Аларикү приходилось сражаться
против таких чудовищных существ, что
одни лишь Император мог его защитить.
И доверять правосудор привык только
Императору. Аларик был отнюдь не
уверен, что сможет так же положиться на
силы инквизитора Лигейи.

Софано Секундос был открыт настолько давно, что проследить его историю по номинальной власти Империи было почти невозможно. В последние годы Великого Крестового Похода, когда Императора уже почитали как бога, миссионеры его недавно образованной церкви были посланы в том числе и на Софано Секундос, чтобы обратить мир в свою веру. Они обнаружили почти бесплодный и однообразный мир с одним лишь обитаемым континентом. Его население могло обеспечить несколько феодальных семейств, живших в немногочисленных городах. Такие повторно открытые планеты встречались довольно часто. В период Века Раздора человеческие миры оказались разрозненными, и во время Крестового Похода были найдены те из них, кого успели забыть после первой волны колонизации.

Галактическая Миссионерия поддерживала свое присутствие на Софано Секундосе, и лишь потому об этом мире

сохранились хоть какие-то упоминания. Первый миссионарии, о котором было известно только то, что его имя Крусьен, описывал примитивные, но определенно безвредные королевства. Их правители подчинялись Сверхкоролю и время от времени чередовали споры с ожесточенными междоусобными боями. Затем на долгий период времени Администратум забыл о Софаносе Секундосе. Вследствие этой ошибки планета осталась на попечении Агентус Министорум, а там не желали ни тратить средства на захолустный мир, ни посылать значительный персонал, чтобы поддерживать миссию.

В Империи было множество подобных планет: большая их часть находилась на окраинах населенных участков космоса или была разбросана по зоне Мутных Звезд. Но немало заброшенных миров находилось и в окружении развитых систем. Официальная политика Империи провозглашала необходимость «цивилизации» таких миров и их

заселения. Но даже в лучшие времена средства Империи постоянно отвлекались на бесконечные войны и восстания в других местах. А времена очень редко бывали лучшими...

Согласно просочившимся на Шлейф донесениям миссионариев, мир Софано Секундоса был почти неспособен воспринимать новые технологии и торговые идеи. Руководство Екклезиархии сочло за лучшее не рисковать населением планеты и не стало предоставлять людям лазганы из опасений, что они перестреляют друг друга. Поэтому Сверхкороль правил своими феодалами бесстенно весь период, который был отражен в донесениях. Он не знал об Империи ничего, кроме двух вещей: что личность миссионария священна и неприкосновенна и что с неба, в случае появления ереси, прольется огненный дождь.

Представители Миссионарии сочли веру местного населения достаточно твердой, если не считать некоторого недопонимания, неизбежного везде, где

народные верования соприкасаются с официальной религией Империи. Не было никаких сведений о том, что Экклезиархии доводилось подавлять здесь какие-то восстания или возникшие культы.

Инквизитору Лигейе предстояло стать первым человеком извне, который появился на планете за все это время, — если не считать миссионеров и, возможно, любопытствующих богачей, желающих посмотреть, как выживают люди в подобных местах.

Все эти сведения Аларик прочел в электронном блокноте, ожидая на капитанском мостике «Рубикона», пока челнок Лигейи не выйдет с орбиты и не начнет спуск. Пытаясь понять, для чего Гаргатүлоту понадобилось высунуть нос из варна именно в этом мире, Аларик рассеянно постукивал блокнотом по перилам ограждения вокруг капитанского мостика.

Принц-демон и раньше, до изгнания, влиял на деятельность культов в феодальных и слаборазвитых мирах — и

Корион IX тоже считался захоластьем. Но была ли у Гаргамулоа особая причина так поступать, или это очередная уловка? Аларик знал, что Тысячеликий Принц не стал бы наводить Серых Рыцарей на свой след, оставляя на Виктрикс Соноре безобразную статую. Но может быть, на планете внизу есть какие-то улики и Лигейе удастся их отыскать. Многие будут зависеть от ее отношений с нынешним Сверхкоролем по имени Рашелха Отважный и с действующим миссионарием --- мужественным проповедником Полонием.

Все стены просторного помещения капитанского мостика украшали тщательно отполированные металлические панели с затейливыми гирляндами орнамента. Они образовывали прекрасную раму для гигантского экрана, встроенного в наклонный потолок. Вдоль стен стояли пульты управления, и за каждым находился мрачный и молчаливый член экипажа. Ордо Еретикус содержал собственный флот и почти полностью обеспечивал Серых Рыцарей экипажами

угов. Каждый член команды имел сложный психотриггер, внедренный в мозг во время сна. Это устройство по команде Серых Рыцарей могло стереть все высшие функции мозга. Таким образом в случае воздействия Хаоса на команду корабля она могла быть превращена в сборище слепых идиотов. Бесполезных, но и неспособных испортить корабельное имущество.

Экипаж знал об этом. Вероятно, потому все его члены были вечно хмурыми и невосприимчивыми к юмору. Они не разговаривали и даже не здоровались с Серыми Рыцарями. Кроме того, на всех кораблях каждые несколько лет проводилась стена экипажа. Сам «Рубикон» — значительно улучшенный вариант ударного крейсера, ведомый этой трачной командой, легко справлялся с металом грузом и расстоянием.

На огромном потолочном экране возникло изображение поверхности Софано Секундоса, наполовину освещенной солнцем. Большая часть территории казалась серо-коричневыми глыбами земли.

поднигтавшились из темноты синего океана. Лишь у самого экватора один цветущий континент — всплеск зелени на сером однообразном фоне — указывал на присутствие жизни. Где-то в центре этого оазиса находился Хаджишейм — главный город Софано Секундоса, названный по имени легендарного древнего Сверхкороля. Там были дворец нынешнего правителя и храм, построенный вокруг первой миссии Крусьена. Туда направлялась инквизитор Лигейя.

Аларик хотел бы тоже оказаться внизу. И пускай он не слышал от своих воинов ничего похожего на жалобы, — он знал, что и они предпочли бы знать, где находится противник, и получить шанс сразиться. Это лучше, чем ждать на орбите, пока Лигейя проводит непонятную политику, на которую у Серых Рыцарей не было времени. Особенно сильно переживал Танкред. Старый боевой конь в гуще сражения чувствовал себя как дома, но каждую минуту ожидания считал непростительным пренебрежением долгом.

Аларик и сам томился от нетерпения. Так было всякий раз, когда силы Хаоса опережали Имперскую разведку и вынуждали Серых Рыцарей ждать, пока они допустят промах. Как хороший правосудор и главный офицер этой миссии, Аларик не мог не понимать, насколько подобные переживания могут ослабить инстинкты воинов. Серые Рыцари были главной вооруженной силой Империи, но это не означало, что они не могут ослабить бдительность.

Аларик надеялся, что сумеет поддержать боевой дух воинов до тех пор, пока не придется сразиться с Таргатүлотом. Он верил, что Лигейя все же приведет их к нему.

--- Седьмой уровень, --- раздался монотонный голос одного из членов команды, стоящего за пультом управления. --- Контроль атмосферы в действии.

--- Снижается, --- отозвался пилот челнока, прорвавшись через треск помех.

Челнок Лигейи вошел в атмосферную оболочку Софано Секүндоса.

--- Пожелай мне удачи, правосудор! ---

звонко воскликнула Лигейя,
воспользовавшись восксом капитанской
рубки.

--- Тебе это не требуется,
инквизитор, --- ответил Аларик. --- Просто
отыщи, что они там прячут.

На экране мелькнула оранжевая
полоса входящего в атмосферу челнока,
затем судно исчезло из виду.

Теперь настала очередь Лигейи при
помощи слов сделать то, на что
неспособно оружие Серых Рыцарей.

Первым впечатлением инквизитора
Лигейи от Софано Секундоса был вкус
теплого, слегка влажного воздуха,
заполнившего кабину, едва задний борт
челнока медленно опустился. Воздух был
слегка пряным и пыльным; и еще пахло
лесами, покрывавшими весь континент.
Внутри челнока ворвался яркий
желтоватый свет, сильно отличавшийся
от холодных резких люмосфер «Рубикона»
и слабого освещения архива Тренитоса.

Лигейя надеялась, что перемена
климата пойдет на пользу ее здоровью.
Она страдала головной болью и

воспалением суставов; по ночам инквизитора мучили кошмары, в которых ее пытались схватить невидимые лапы. Она никогда прежде не тратила столько сил, как это было в архиве Тренитоса. Отыскивая информацию о деревянной скульптуре и ее возможном пути в Шлейфе, Лигейя дошла до грани истощения. Пришлось вспомнить, что она уже не та молодая женщина, какой была раньше.

— Тайци, — обратилась она к командиру культистов смерти, окружавших свою госпожу немыслимо угрожающим кольцом. — Следуйте за мной.

Культисты смерти отстегнули ремни безопасности и приготовились выйти. Ксианг, обманчиво хрупкая молодая женщина, чья культовая маска позволяла видеть только пару глаз необычного разреза, взяла простой черный чеподанчик. В нем хранились вещи Лигейи.

Оставив на борту челнока команду Еретикус, Лигейя легко спустилась по трапу и огляделась. Челнок, по совету

миссионария Полония, приземлился на большой круглой площади. Отсюда начиналась самая глинная улица Хаджишейма, ведущая ко дворцу Сверхкороля.

Перед инквизитором стояли здания Хаджишейма, выстроенные из светлого камня, с крышами из трапезной черепицы, ослепительно блестящей в лучах яркого солнца. Дорога была вымощена светлыми серыми, похожими на гранитные плитками. Стены домов были увешаны разноцветными знаменами, вывесками и занавесками. Надписи на уличных табличках и в витринах магазинов были выполнены на языке, в алфавите которого использовались аккуратные петли и завитки.

На этой улице и была подготовлена встреча. Лузья заранее дала знать Полонию о своем визите, чтобы Сверхкороль мог приветствовать ее как высокопоставленного сановника.

Рашелха не разочаровал инквизитора. Вдоль всей улицы тянулись шеренги солдат в начищенных доспехах

поверх ярко-красных лундиров, с коньями и щитами, на которых красовался двойной полумесяц — знак действующего Сверхкороля. За их спинами поглазеть на приезд гости собрались тысячи готовящихся мужчин, женщин и детей. Слухи о посланце с неба распространились быстро, хотя, вероятно, и вопреки желанию Полония. Лигейя заметила у жителей Софано Секундоса странное сочетание смуглой кожи и светлых волос. Вкуне с принятой здесь яркой одеждой это придавало им весьма экзотический вид.

Улица между рядами солдат упиралась в королевский дворец — массивное сооружение из светлого камня, стоявшее на возвышении в центре города и украшенное многоцветными знаменами и стягами.

Из дворца показалась почетная стража. Сотня всадников личной кавалерии Сверхкороля, в сверкающих от яркого света полированных латах, с лентами на конях, рысью приближалась к Лигейе. Всадники подъехали ближе, и Лигейя заметила, что большая часть

воинов ехала не на конях, а на тарраха. Согласно отрывистым сведениям о Софаносе Секундосе, эти странные горбатые животные с темной, шершавой и чешуйчатой шкурой могли бесстрашно нестись в самые яростные атаки.

Передняя шеренга офицеров, чей ранг подтверждали золотые шнуры на доспехах, скакала на более привычных глазах Терры. Это было знаком престижа.

Из строя галопом вырвался вперед одинокий всадник. Лигейя ощутила, как напряглись ее культисты смерти, готовые в любой момент схватить рукояти мечей или метательных кинжалов. Одним движением пальца инквизитор остановила охранников. Вместо копья в руках всадника виднелся глиняный изогнутый рог.

Герольд резко остановился в нескольких шагах от Лигейи и, поднеся рог к губам, издал долгий, пронзительный и скрипящий звук. По этому сигналу все воины Сверхкороля остановились.

--- В девятнадцатый год правления Сверхкороля Рашелхи, --- выкрикнул герольд на низком готике, приправленном

местным акцентом, --- его
Сверхвеличество объявил, что его дом ---
это дом представителя небесных царств!
Что его солдаты --- это ее солдаты, что
его народ --- это и ее народ. Он восхваляет
гостью и обязуется ее защищать. Во имя
Императора и давно ушедших королей! Так
повелел Сверхкороль!

Последовал еще один протяжный
сигнал, и герольд вернулся в ряды отряда.
Воины, подъехав медленной рысью,
окружили Лигейю, чтобы сопровождать ее
к дворцу. Вперед на тарре выехал один из
сопровождающих и предложил ей сесть на
лошадь с Терры. Лигейя кивнула в знак
благодарности и села в седло боком, как
это принято у благородных дам. В юности
ей приходилось раз или два садиться на
лошадь, но она сочла излишним
предоставить сопровождающему держать
поводья по пути во дворец.

Культисты смерти быстрым шагом
двинулись параллельно эскорту. Им не
надо было переходить на бег, чтобы
держаться наравне с отрядом, скачущим
быстрой рысью. Лигейя посмотрела на

людей, стоявших вдоль улицы за спинами солдат, и поняла, что культисты смерти привлекли больше внимания, чем она сама. Скорее всего, на Софано Секундосе никогда не видели ничего подобного: полдюжины прекрасно натренированных мужчин и женщин в облегающих черных комбинезонах, неся на себе по три-четыре единицы оружия, двигались с такой ловкостью и грацией, что трудно было поверить в их принадлежность к человеческому роду. Их злобеще, почти безликие маски только усиливали впечатление; казалось, что под ними не может быть человеческих лиц.

Сверхкороль Рашелха встретил Лигейю в воротах дворцового комплекса — среди широких ухоженных газонов, цветочных клумб и экзотических деревьев, окружавших ослепительно белые стены. Рашелха оказался настоящим гигантом с ореховой кожей, снежного цвета волосами и бородой. Он был облачен в глинное разноцветное шелковое одеяние. Позади него стояла небольшая армия придворных и советников. Они как будто соревновались

друг с другом в яркости и вычурности одежды, но все же уступали своему королю.

Немного в стороне от них стояла небольшая делегация скромно одетых молодых мужчин и женщин, представлявших миссию Полония.

Лигейя подъехала к королю и спешила. Сверхкороль с тщательно отрепетированной улыбкой шагнул вперед и схватил руку Лигейи обеими своими ладонями.

--- Наш народ --- ваш народ, --- прошептал он мягким басом. --- Приветствую вас.

Лигейя улыбнулась в ответ. От Сверхкороля сильно пахло какими-то специями.

--- От имени Императора приветствую вас, ваше Сверхвеличество, --- сказала инквизитор. --- Я рада, что вы с такой готовностью согласились со мной встретиться. У меня срочное дело к миссионарию Полонию.

--- Конечно. Но давайте войдем во дворец, Лигейя из далекого мира. Не могу допустить, чтобы небесные царства сочли

Сверхкороля негостеприимным.

Вся делегация прошла по парку ко дворцу. Лигейя бросилась в глаза сероватая бледность представителей миссии. Инквизитор решила, что из-за многочасовых молитв под крышей храма эти люди почти не видели солнца. Все они носили простые балахоны из некрашеной ткани --- вероятно, с целью продемонстрировать свое смирение перед Императором. Как они удивились бы, увидев экстравагантных еkkлезиархов, отправляющих службы в храмах столичных миров Империи!

--- Наши земли богаты и плодородны, --- рокотал Сверхкороль, заглушая поддакивания своих придворных. --- Наш народ обожает своего короля и преклоняется перед духами давно умерших предшественников. Мы преуспеваем и почитаем вашего Императора...

Лигейя почти не слушала. Она уже знала, что центр Хаджишейма производит благоприятное впечатление, но остальная часть города --- так же как и остальная часть государства Сверхкороля

— погрязла в бедности и невежестве. Местечковые царьки и бароны не могут управлять своими людьми надлежащим образом.

Хвастовство Сверхкороля было менее интересно Лугейе, чем сам дворец. Внутри, вне досягаемости беспощадного солнца, обширные залы сохраняли прохладу. Мозаика разноцветного тротуара на полах изображала картины из жизни прошлых Сверхкоролей Софано Секундоса. Каждую колонну венчал двуглавый имперский орел, а религиозные тексты на высоком готике соседствовали с молитвами усопшим правителям. Между колонн собирались стайки придворных. Они глазели на Сверхкороля и его свиту и периодически аплодировали восхвалениям своего тирана.

Лугейе потребовалось всего несколько минут, чтобы понять, насколько уязвим Софано Секундос. Сверхкороль удерживал баронов в подчинении только силой своей личности. Его войско составляли несколько сотен кавалерии на таррах, а этого было недостаточно, чтобы править даже одним континентом, не говоря уж обо всей

планете. Стихийное восстание могло повергнуть страну в хаос, и Лигейя знала, что такие случаи уже были в прошлом. Личное обаяние и молчаливое согласие придворных — вот в чем была сила Рашемхи. Но в этом была и его слабость. Человечество уже проходило этим путем, и Век Раздора показал, насколько опасно правление, не опирающееся на силу и добротность.

Полоний поджигал инквизитора в боковой часовне, отделанной мрамором, в изобилии уставленной курильницами с ладаном,— это было типично для Империи. Лигейя принесла извинения Верховному и обещала присоединиться к нему вечером, за праздничным ужином. В сопровождении культистов смерти она отправилась в часовню. Король вместе с придворными продолжал путь к центру дворца — залу аудиенций. Рашемху Отважного ждал нелегкий труд по сплочению населения планеты.

Полоний был очень стар и давно согнулся под тяжестью лет. Длинное одеяние полностью скрывало немоющее

тело, и в клубках тлеющего лагана миссионарий двигался медленно, словно призрак. Голову покрывал плотный капюшон, на шее висел золотой орел --- казалось, будто священник сгибается под его весом.

Лигейя жестом приказала культистам стерти отойти. Полония она застала в окружении многочисленных свитков и книг, лежащих на каменном полу и на передних скамьях.

--- Миссионарий, --- обратилась к нему Лигейя, --- я представляю Императорскую Инквизицию, и мне необходима ваша помощь.

Полоний улыбнулся, и видимая нижняя половина его лица неприятно сторщилась.

--- Инквизитор Лигейя, надеюсь, Сверхкороль оказал вам подобающие почести?

--- Он постарался произвести на меня впечатление. Но мне гораздо важнее выслушать вас.

Лигейя прошла вглубь часовни и села на переднюю скамью, плотно сдвинув книги.

--- Как вы можете убедиться, ---
заговорил Полоний, указывая торщенистой
рукой на разложенные бумаги, --- я
готовился к вашему визиту. Ордо Маллеус
может прислать ко мне своего
представителя только по одной причине.
Вы считаете, что я недостаточно хорошо
подготавливаю мысли местных жителей к
отражению неизбежной атаки Врага.

--- Я здесь не для того, чтобы вас в
чем-то обвинять, --- спокойно ответила
Лигейя, взяла первую попавшуюся книгу и
повертела ее в руках. --- Я пришла ради
своих исследований. Кто-то или что-то на
Софано Секундосе связан с близким по
времени возрождением очень
могущественного демона.

Полоний поднял голову, и Лигейя
впервые увидела его глаза --- большие и
светлые, словно глаза торского существа.

--- Демоны?! --- воскликнул
миссионарий. --- Сохрани нас Трон!

--- У инквизиторов, наблюдающих за
Шлейфом, слишком мало информации о
Софано Секундосе. Поэтому мне остается
надеяться только на вас. --- Лигейя

говорила довольно быстро и в то же время изучала обложку взятой книги. Она оказалась старинной и очень тяжелой, с искусно сделанными медными застежками.

— Я ищу любые признаки деятельности культов в этом мире.

Полоний покачал головой:

— Здешние люди преданы своей вере. Есть несколько противников Имперского культа, но это всего лишь сектанты, поклоняющиеся своим предкам. Я не обнаружил среди них ни малейших следов Врага, в противном случае тотчас сообщил бы кардиналам. Конечно, есть еще дикие племена, обитающие в лесах. С ними даже Сверхкороль ничего не может поделать, но это бандиты, а не фанатики.

Лигейя щелкнула пальцами, и Ксианг проворно приблизилась, держа в руке чешотганчик Лигейи. Ксианг притронулась к замку и откинула крышку. Цинквизитор вынула отвратительную фигуру с Виктрикс Соноры.

— Что вы можете рассказать мне об этом?

Полоний, шаркнув, шагнул вперед и

внимательно рассмотрел скульптуру. Лигейя ответила, что от миссионария пахнет лаганами и хиликатами, точно его древнее тело напичкано консервантами, предохраняющими от разрушения.

— Ужасная вещь. Мне кажется, давным-давно, когда поклонение святому Эвиссеру было в расцвете, такие предметы коллекционировали вырождающиеся аристократы. Торговцы покупали их у лесных людей. Но это было очень давно. Сегодня искусство на планете вызывает любопытство, и ничего больше.

— Когда в последний раз вывозились такие скульптуры?

Полоний пожал плечами:

— Пятьдесят лет назад... Седьдесят?.. У Сверхкороля есть советник-историк, он может точнее сказать, когда это было. Сам я считаю эти языческие поделки омерзительными. И упоминал о них в своих проповедях.

Полоний выпрямился, и Лигейя с радостью спрятала скульптуру, поскольку чувствовала, как та извивается в ее руках.

— В этом мире много проблем, —

продолжал Полоний, -- но среди них нет угрозы нашествия Врага. Люди бедны и невежественны, земля не слишком плодородна, но здесь нет признаков разложения. Я читал проповеди везде: от Хаджишейта до Каллианского Потока, что на северном побережье. Все грехи здесь только от человеческих пороков.

-- Я рада это слышать,-- сказала Лигейя.-- Но мое расследование ничуть не продвинулось.

-- Жаль, что я не в силах помочь. Имперской инквизиции придется поискать еретиков и призраков где-нибудь в другом месте.

Лигейе показалось, что Полоний улыбнулся, но она не была уверена в этом.

-- Что ж, значит, мне здесь больше нечего делать.-- Лигейя встала и расправила глинные юбки. -- На всякий случай я попытаюсь что-нибудь узнать у Сверхкороля и его советников. Хотя и сомневаюсь, что им известно то, чего не знаете вы. А вы много читаете, -- добавила она, поднимая книгу, которую рассматривала. -- Я давно уже не видела

«Стенаний» Мирмандоса.

— Мне оставил ее предшественник, — сказал Полоний. — Я всегда считал Мирмандоса недалеким. Его притчи слишком просты, чтобы использовать их в твоих службах.

— А кардиналы на Терре провозгласили его обязательным для изучения в семинарии, — заметила Лигейя. — Они были бы разочарованы, услышав о вашем неодобрении.

— Ну, кардиналы имеют право не соглашаться со старым неотесанным миссионером, — ответил Полоний.

— «Стенания», — тихо произнесла Лигейя, — были утрачены двенадцать веков назад. Ни один член Экклезиархии, даже кардиналы, если они не прожили так долго, не имеют копий.

Культисты стерли с печатей и метательными лезвиями в руках подошли ближе. Рука Лигейи лежала на обложке фолианта. Исходящая от книги информация свидетельствовала, что это тот самый том, который всеми источниками, включая Тренитос,

считался утерянным.

--- Я не верю, что ты --- Полоний, --- продолжала Лигейя. --- Властью, данной мне Священной Инквизицией Императора, я требую, чтобы ты подвергся духовному испытанию. Ты пройдешь все стадии познания, и каждое произнесенное тобой слово, ради твоей жизни и души, должно быть правдой. --- В голосе Лигейи зазвенел ледяной холод.

Культисты смерти так напрягли мускулы, что инквизитору казалось, она слышит их гудение.

--- Глупая девочка, --- бросил миссионарий. --- Глупая, упрямая и слабая девочка!

Под его кlobуком что-то всыхнуло, глаза внезапно полыхнули фиолетовым огнем и осветили лицо --- такое древнее и пустое, что едва ли хоть один человек мог естественным путем прожить столько лет, сколько отражало оно.

Воздух сгустился, и миссионарий Крусен, обнаруживший себя впервые за целое тысячелетие, всыхнул колдовским пламенем.

Спустя несколько секунд на «Рубиконе» пропала всякая связь с поверхностью Софано Секундоса.

СОФАНО СЕКУНДУС

--- Ничего нет, --- произнес офицер в
шлемте связиста. --- Мы потеряли все.
Сигналы жизни, маячок челнока ---
абсолютно все. Глухо.

Аларик спрыгнул вниз с возвышения
перед пультом:

--- Почему?

--- Я не зна...

--- Смотри на экран! --- перебил
правосудор.

Картина поверхности Софано
Секундоса исчезла с монитора, уступив
место мешанине помех. Связист в рубке,
находящейся в углублении капитанского
мостика, без конца переключал настройки
окружавших его мониторов и
регистраторов. Он отчаянно пытался
уловить хоть какой-то отчетливый
сигнал с поверхности. Но на всех каналах
слышался только треск, словно от искр
короткого замыкания.

--- Танкред, Генхайн, сажайте свои
отделения в «Громовай ястреб» и
отправляйтесь, как только получите
координаты посадки, --- распорядился
Аларик. --- Санторо, подожди меня, я узнаю
все, что смогу, и тотчас буду у вас.

--- Проблемы, правосудор? ---
отрывисто спросил Танкред.

--- Сплошные проблемы, --- ответил
Аларик, взглядываясь в экран.

Появилось изображение пригорода
Хаджишейма, расположенного над глубокой
лощиной с крутыми склонами, поросшими
густым лесом. Там, где должен был быть
центр Хаджишейма, неистово клубились
пурпурно-черные разводы помех.

--- Они подавляют связь? --- спросил
правосудор.

--- Если так, мы никогда не видели
таких помех, --- откликнулся кто-то из
рубки связистов.

Аларик немного помедлил,
взглядываясь в беспокойное пятно на
поверхности Софано Секундоса.

--- Зато они повидали такого
достаточно, --- произнес Аларик. --- Это

колдовство.

Даже с орбиты он ощущал, как щупальца магии холодным дождем стучатся в его закрытую броней душу.

Ни для ритуального очищения души, ни для обрядов над оружием, обязательных для каждого Серого Рыцаря накануне битвы, времени не оставалось. Лигейя внизу. Если она и жива еще, то скоро может погибнуть. Серые Рыцари — ее единственная надежда на спасение.

— Навигатор, в кабину! — крикнул Аларик, выбежав из капитанской рубки. — Выводи корабль на пусковую позицию. Полет-контроль! Когда я добегу до пусковой палубы, у меня должен быть курс на поверхность!

По пути к ангару «Громоых астробов» Аларик торопливо бормотал Сеть Молитв Нетерпимости. Где-то внизу взревели мощные двигатели «Рубикона»; сервиторы и члены экипажа пробежали по палубам навстречу правосудорю. Корабль резко вздрогнул, поворачиваясь пусковыми люками к поверхности Софано Секундоса.

--- ...и наполни мою душу праведным гневом и укрепи мою руку...

--- Астронавты доложили о странных явлениях в варне, --- донесся по воксу голос из капитанской рубки. --- Они говорят, что слышат вопль.

Аларик, сокращая путь в пусковой ангар, проломил ударом плеча переборку. Два из трех «Грозовых ястребов» были загружены и направлены для полета. Колесные сервиторы отсоединили шланги, по которым заливался протетий. Корабль с отделениями Танкрега и Генхайна был полностью готов к запуску; у второго, ожидавшего Санторо и Аларика, был опущен задний борт. Воины его отделения поджидали командира.

--- ...и направь мою руку, благослови оружие, пусть твоя ярость станет моей яростью и через меня испепелит плоть Великого Врага...

--- Мы получили сообщение! --- раздался голос связиста,

--- Лузейя?

--- Тайци.

--- Уже хорошо. Что он сказал?

--- Только набор координат. Но это
определенно он.

--- Где?

--- Лощина рядом с городом, как раз на
краю пятна потех.

--- Значит, там мы и приземлимся, ---
решил Аларик. Он взбежал по сходням в
пассажирский отсек «Грозового ястреба»,
где его толчаливыми кивками ветретили
знакомые лица воинов. Все надели шлемы
и пристегнули ремни.

--- Навигаторы, курс проложен?

--- Да. И программа посадки уже
загружена.

Задний борт позади Аларика плавно
поднялся на место.

--- Тогда открывайте шлюз и
запускайте корабль! --- распорядился
Аларик.

Начался предстартовый отсчет. В
отсек ворвался пронзительный гул
двигателей, усиливавшийся по мере
запуска всех систем «Грозового ястреба».
Двери ангара автоматически
захлопнулись, вызвав гулкий рев
выходящего воздуха, «Грозовой ястреб»

рванулся вперед, и его пассажиров пригавило к спинкам сидений. Аларик выглянул в иллюминатор боевого корабля, с ревом покидавшего «Рубикон». Кормового крейсера быстро отдалась. Освещенный полумесяц Софано Секундоса — пустынный и серый, кроме одного ярко-зеленого пятна с черной кляксой посередине — возник перед обзорным окном.

Аларик чувствовал темную и настораживающую магию. Но Серые Рыцари всю жизнь тренировались ради борьбы с ней.

Внизу, под темнеющим небом, проносились леса. Погруженные в тень долины были похожи на реки чернил, и, будто сломанные зубы, торчали отдаленные вершины голых скал у самого горизонта. Двигатели «Громового ястреба» взвыли еще громче, стараясь преодолеть нарастающую силу притяжения и удержать падающий корабль.

«Громовай ястреб» приближался к заданной цели, внизу уже чернела узкая

долина. Уз-за сильнейших помех датчики корабля почти не действовали, так что пилоты Маллеус вели судно на свой страх и риск. Мимо иллюминатора пронеслись темные травянистые склоны, «Громового ястреб» описал широкую дугу и выпустил шасси. Они с сильным толчком уперлись в землю, и главные двигатели столкли.

Долина оказалась глубокой и темной. По обеим ее сторонам сплошной массой зелени стоял густой сумрачный лес. Дно долины покрывали колючая трава и кустарники. Вдали виднелся темный и плотный купол колдовства. Небо над головой приобрело такой же оттенок, что и колдовство, — черный, с багровыми разводами и серебряной пылью звезд.

Открылся задний борт, и стало видно, что шасси «Громового ястреба», прежде чем остановиться, прорыли в плотной почве две глубокие борозды.

— Выходим! — скорманговал Аларик.

Через несколько секунд отделения Санторо и Аларика были на земле с оружием наготове. Едва Аларик коснулся ногами почвы, он ощутил эхо явления, с

котором предупреждали астронавты, ---
возбуждение в варне, проявление
активности где-то на границе реального
мира.

Автомобильства Аларика быстро
преодолели сумрак. Темная, густо
переплетенная растительность Софано
Секундоса цеплялась за склоны долины,
постепенно переходя в непроходимый лес на
краю обрыва.

--- Танкред? --- окликнул Аларик своего
друза по общему каналу вокса.

--- Мы спускается. Вы нашли его?

--- Нет. Начинаем поиски.

«Грозовой ястреб» Танкреда появился
над долиной, осыпал небо голубыми
искрами реактивных двигателей и
приземлился рядом с Алариком. Задний
борт с грохотом опустился, и воины
Танкреда высыпали наружу, не дожидаясь,
пока утихнут двигатели. Массивные
фигуры в доспехах терминаторов с глухим
стукот попрыгали на влажную траву.

--- Что-то нашел, --- внезапно раздался
в воксе голос брата Марла, одного из
десантников Санторо. --- Я думаю, это он.

Санторо жестом позвал своих воинов к тому месту, где находился Марл.

--- Отделение, прикрыть тыл! --- приказал Аларик, и его братья развернулись, охраняя периметр.

--- Точно, --- передал по воксу Санторо. --- Это один из ее охранников.

--- Тайци?

--- Трудно сказать.

--- Оставаться на месте, --- бросил Аларик своему отделению и поспешил к Санторо, перед которым на земле распростерлась темная фигура.

Это определенно был один из культистов смерти Лигейи --- в черном облегающем костюме, теперь порванном и испачканном. Маска упала с головы, и Аларик осознал, что впервые видит лицо одного из охранников Лигейи.

Он узнал и меч Тайци, все еще зажатый в руке; если у культистов и был лидер, кроме Лигейи, то это был именно Тайци. И если она хотела послать кого-то, чтобы передать Серым Рыцарям координаты для безопасного приземления, Лигейя выбрала бы его.

Аларик опустился на колени рядом с Тайци. Он еще дышал, но был жестоко ранен. Вся кожа покрылась ссадинами и порезами. Одна нога явно сломана, а грудь так разбита, что Аларик изумился способности культиста делать хоть небольшие вдохи. Приятное худощавое лицо хранило следы ударов; гладкие черные волосы слиплись от крови, а челюсть свернута на сторону. Осколки зубов вместе с потоками крови прилипли к подбородку.

— Он жив, — объявил Аларик. — Ты сможешь говорить?

Веки Тайци поднялись. Но под ними не было глаз.

Из глазниц Тайци жирными розовыми червями высунулись два щупальца и стали отерзательно извиваться, приоткрывая на концах алчные пасти. Лицо Тайци лопнуло в нескольких местах, и на костях обнаружились целые гнезда червей, пожиравших голову культиста смерти и оставлявших после себя пузырящуюся массу.

— Микрос! — крикнул Санторо.

Вперед выступил воин из его

отделения, несущий огнемет.

Аларик отшатнулся, и Микрос тотчас окатил извивающиеся клубки мощным потоком освященного пламени. Насыщенный аромат лагана стесался с запахом горячей плоти, и вскоре тело исчезло.

--- Это были... --- заговорил Санторо.

--- Танкред, Генхайн! --- крикнул в вокал Аларик, видя, что оба отделения уже вышли из корабля. --- Тайци маневрировали. Они ее схватили. Дайте мне...

Танкред увидел их первым, и Аларик понял: что-то случилось, раз весь отряд поднял оружие в направлении верхней кромки склона долины. Лес на склоне оцетинился копьями, словно сами деревья шагнули навстречу Серым Рыцарям. Внезапно в сгустившемся сумраке блеснуло оружие, показались знатна и яркие одежды баронов Сверхкороля. Звон металла и ржание тарров стесались с шумом холодного ветра в ветвях деревьев.

Аларик посмотрел на противоположный склон. Там тоже были

люди, возможно, многие тысячи воинов. Они ждали Серых Рыцарей. Существо в голове Тайци завладело им и заставило заманить Серых Рыцарей в ловушку.

--- Солдаты с неба! --- раздался голос герольда из рядов солдат Сверхкороля. --- Наш Император ищет отворачивающиеся к еретикам, которые охотятся за душами Его людей. Духи давно умерших королей плюют на язычников, осквернивших земли Сверхкороля. Император, Повелитель Переломов и Тысячеликий Принц проклинают ваши сердца. Ваша смерть --- жизнь для нас.

--- Сломать ряды, --- скотандовал по voxу Аларик, и Серые Рыцари плотным кольцом окружили оба «Громовых ястреба». Затем правосудор обратился к своему отделению: --- Они сейчас будут атаковать. Вьен, Клоустус --- вы впереди, со мной. Ликкос, ты с отрядом Глайвана в центре. Очистите ваши души и укрепите веру.

Наверху взревел боевой рог, и командиры армии отдали последние приказы на языке своих давно умерших

королей. Черная масса, оцетинившаяся
копьями, и кавалерия на таррах
одновременно двинулись вперед, заполнив
долину оглушительным шумом. Аларик
видел, как жилистые, узловатые ноги
тарров быстро несут их вперед. Сверкают
доспехи сидящих на них рыцарей,
развеваются разноцветные знамена
дворян баронов...

Правосудор Генхайн из середины
Серых Рыцарей прокричал приказ, и
болтеры ответили огнем. Каждый Серый
Рыцарь посылал в надвигающуюся массу
белые полосы снарядов, взорвавшихся
кровью врагов.

Тарры валялись на землю, сбрасывая
доспехов. Тела солдат превращались в
бесформенные куски плоти и реки крови.
Но следующие шеренги перешагивали через
погибших и упрямо двигались вперед,
устилая своими телами пространство
вокруг Серых Рыцарей. Задние ряды
кавалеристов неслись на десантников
Аларика, перескакивая через мертвых
сограждан. Атака разгоралась, и воздух
наполнился знакомым запахом смерти.

И вот прорвался первый из них. Аларик успел рассмотреть сжатые зубы того забралом, украшенные цветными полосами. Госпехи поверх яркой развевающейся одежды, стуглую кожу и белые волосы. Лезвием алебарды Немезиды правосудор отбил нацеленное в голову копье и ударил кулаком другой руки в раскаленные зубы тарра, несущего всадника. Рука пробила массивную челюсть, и тогда Аларик нажал пусковую кнопку штурмболтера, встроенного в латную рукавицу. Снаряд разорвал животное на части.

Всадника Аларик наколол на острие алебарды и, не страхивая тело, разрубил второго, идущего следом противника. Рядом с Алариком брат Вьен снес голову тарра, вскочил на его труп и, размахивая своей алебардой, словно палицей, расшвыривал людей в стороны. Холварн встал у плеча Аларика и проткнул мечом еще одного всадника. В бой вступил Дворн. Его толот на фланге описывал широкие дуги, оставляя за собой мешанину разбитых тел.

Аларик скорее почувствовал, чем услышал, что атакующие столкнулись с отделением Танкреда. Он увидел летящего по воздуху тарра, явно брошенного кем-то из братьев терминаторов. Затем донесся голос Санторо, выкрикивающий Молитву Стойкости. Лязг мечей подсказал Аларiku, что воины Санторо уже вступили в бой с нешишми фехтовальщиками.

Под ударами снарядов и клинков Серых Рыцарей наступающие солдаты превращались в окровавленные лохмотья. Основную массу армии Сверхкороля составляла пехота, вооруженная мечами и копьями, и эти отряды упрямо двигались вперед. Вот так можно было победить Серых Рыцарей — задавить массой. Заманить в ловушку между гвутья людскими потоками, где со временем могут подвести даже лучшие доспехи, а заряды болтеров рано или поздно закончатся. Тогда сотни рук прижмут их руки к земле, сотни тел повиснут на ногах... И все братья погибнут.

Аларик взглянул в сторону «Громовых
ястребов»; машины были облеплены
людьми, которые пытались открыть
заглушки и разбить окна. В одной кабине
что-то мелькнуло: пилоты Маллеус,
вероятно, сражались с теми, кто сумел
проникнуть внутрь. Они будут биться
на смерть, но все равно не устоят. И
«Грозовые ястребы» будут разрушены.

Толпы людей продолжали напирать.
Лезвия мечей уже доставали до Аларика,
лязгая по его доспехам. Перед ним встала
стена стали, а за ней — целое море
пылающих ненавистью лиц. Один из врагов
уклонился от молота Дворна и ринулся на
десантника, заставив его отступить на
шаг назад. За ним бросилась целая
дюжина, стараясь повалить воина на
землю. Клоустус рассек одного из
противников от шеи до пояса и отбросил
второго, но люди продолжали прорываться
в образовавшуюся брешь, бесстрашно и
фанатично.

— Танкред! Надо прорываться, их
слишком много! — крикнул Аларик в вокс.

Он оглянулся на Санторо: воин

возвышался над морем солдат и размеренно гвоздил их по головам палицей Немезиды. Со стороны отделения Генхайна доносилась болтерная стрельба. Псипушка Ликкоса посылала в задние ряды сверкающие снаряды, но врагов было слишком много, чтобы даже заметить эти потери.

Аларик понимал, что Танкред был единственной надеждой Серых Рыцарей.

--- Братья! --- вскричал Танкред. --- За справедливость! За чистоту! Будьте сильны в своей ненависти и неустрашимости!

--- За справедливость! --- откликнулись его люди.

Аларик ощутил слабый гул в той части мозга, что отвечала за психическую устойчивость и помогала выдерживать тренировки Серых Рыцарей.

--- В страданиях! И в славе! --- продолжал Танкред, разрубая мечом Немезиды одновременно двоих врагов.

А шум в голове все нарастал, превращаясь в оглушительный хор; вокруг отделения Танкреда уже заплясали белые

толпи.

И вот, словно разрыв бомбы, словно метеор, колоссальный взрыв света ворвался в толпу перед Танкредом. Сила удара потрясла всю армию Сверхкороля. В ослепительной вспышке Аларик видел, как плоть испаряется с костей, как распадаются на части тарры, как пространство освобождается от врагов. Они взлетают в воздух и падают на головы товарищей в задних шеренгах.

Инквизиторы Ордо Маллеус называли это явление холокостом, но оно было гораздо сложнее. На такой шаг были способны лишь Серые Рыцари с самой устойчивой психикой, да и те не могли действовать в одиночку. Требовалась помощь целого отделения, руководимого псайкером. И тогда ненависть к Врагу, накопленная за долгие годы тренировок и молитв, преобразовывалась в физическое явление огромной разрушительной силы.

Впереди Танкреда образовалось свободное пространство выжженной добелой земли.

Командир отделения терминаторов с

ревом рванулся в образовавшуюся брешь. Отделение Генхайна ринулось за ним, осыпая противников болтерным огнем. Сверкало оружие Немезиды, болтеры гревели без передышки. Терминаторы Танкреда теснили врагов и прорывались сквозь толпы фехтовальщиков Софано.

Аларик и Санторо следили за ними по телам убитых воинами Танкреда, уничтожая каждого, кто оказался поблизости. Ряды нападавших стесались, солдаты бросали оружие и карабкались вверх по склону, и Танкред поднимался за ними. Все больше и больше солдат противника отступали, и сражение превратилось в беспорядочное бегство. Офицеры и бароны на таррах и лошадях орали на своих людей, призывая продолжать бой, но знамена предводителей уже поникли.

Вот так можно было победить целую армию. Показать, на что способны Серые Рыцари, и дать понять каждому, что он будет следующей жертвой, если останется в строю.

Аларик проверил руны, передаваемые

авточувствами прямо на сетчатку глаз.
Рүна Дворна мигала -- значит, он был ранен.

-- Есть потери? -- спросил он по воксу.

-- Каанос мертв, -- прямо ответил Санторо. -- Микрос несет его тело.

Аларик ощутил ярость. Мало того, что Софано Секундос обманом заманил Серых Рыцарей, теперь он еще и забрал жизнь десантника. Аларик хорошо знал его. Каанос был копией Санторо -- спокойным, благочестивым и преданным воином. Теперь он уже не прочтет ни одной молитвы.

И самым тяжким грехом было бы оставить тело Серого Рыцаря на поле боя. Геносемя, которое регулировало обмен веществ Кааноса, и его дополнительные органы будут изъяты из тела и переправлены на Титан. Апотекарии имплантируют их в организм новичка, только начинающего путь Серого Рыцаря.

Но это произойдет лишь в том случае, если кто-то из них сумеет выбраться с Софано Секундоса.

-- Мы укроемся на границе леса и

убедил продолжать двигаться, — передал по
рации Аларик. — Они пошлют за нами
погоню. — Затем он переключился на
частоту отделения: — Дворн?

— Рука сломана, — откликнулся
Дворн.

Это было лучшее, что мог услышать
Аларик. Обмен веществ костогесантника
поможет быстро вылечить сломанную
кость, но до тех пор Дворн не сможет
сражаться в полную силу.

Внизу, в армии Сверхкороля, царица
судящая. Аристократы пытались
организовать перепуганную толпу и
послать погоню за Серыми Рыцарями, но
приказы не исполнялись. В рядах воинов
разгоралась паника. Танкред уже вошел в
лес, и его люди одиночными выстрелами
убивали всех, кто отваживался их
преследовать.

Аларик посмотрел вниз и увидел
оранжевое пламя над двигателями обоих
«Грозовых ястребов». Люди Сверхкороля —
то ли по наитию, а скорее, по чьему-то
приказу — перерезали топливные шланги и
зажгли протетий. Если Серым Рыцарям и

суждено покинуть Софано Секундос, то только не на этих боевых кораблях.

В полночь, в самой гуще леса они похоронили Кааноса. Правосудор Санторо, сняв с него доспехи, вырезал из горла органогеносемени. Затем брата Кааноса опустили в наскоро вырытую могилу.

Санторо произнес короткую речь о долге, самопожертвовании и героической гибели на виду у Императора. То же самое мог сказать и сам Каанос.

Аларик, слушая неизменные слова, произносимые на всех погребениях и проповедях, вдруг осознал, почему Лигейя поручила руководство именно ему. Он мог мыслить за пределами ограничений, связывающих большинство Серых Рыцарей. В то же время он был достаточно силен, чтобы помнит о самых важных вещах — стойкости к влиянию Врага, целеустремленности в битве, вере в силу, данную Императором, когда нет другой надежды на победу.

Санторо не мог стать лидером. Его убеждения были тверды, но и ум стал

негибким, закостенелым. То же самое относилось и к Генхайну с Танкредом, какими бы отличными воинами они ни были. Они — прекрасные солдаты, способные сдерживать натиск тьмы. Но вести их вперед должен такой, как Аларик. Если замыслы Врага заставят его приспособливаться, он сможет изменить правила, определяющие их жизнь.

Вот почему Дурендин так верил в него. Это свойство, не замеченное даже грандмастерами, рассмотрела в нем и Лузейя.

Но Аларик не слишком радовался своим способностям. Намного легче было бы просто слушаться приказов и сражаться. Командование Серыми Рыцарями требовало многих качеств, которых он у себя не находил. Ему придется многому научиться, пройти через тяжелые испытания и доказать, что он достоин.

Санторо закончил обряд. Боевые братья забросали землей неглубокую могилу. Аларик занес в электронный планшет координаты захоронения. При

первой возможности дознаватели Ордо Маллеус смогут вернуться и забрать тело Кааноса для захоронения в катакомбах Титана. Они заберут также доспехи и оружие десантника, сложенное у его ног.

Теперь же боеприпасы Кааноса разделили между собой воины отделения Санторо. Аларик понимал, что, если они будут долго оставаться на планете без поддержки, им может не хватить снарядов.

Прежде чем отправляться в путь, Аларик послал на «Рубикон» секретное сообщение. Правосудор известил команду Ордо Маллеус о том, что «Грозовые ястребы» уничтожены войсками Сверхкороля, и о том, что спустить на поверхность планеты челноки пока невозможно. Он приказал команде не принимать сообщений ни от кого, кроме него, даже от инквизитора Лигейи, и пообещал известить их, если ситуация изменится.

В ответ он получил краткое закодированное подтверждение.

Правосудор Генхайн отошел от могилы Кааноса.

--- Правосудор? --- окликнул он Аларика, блеснув в лунном свете своим бионическим глазом. --- Куда теперь?

--- Куда же еще? --- воскликнул Аларик, пряча свой планшет и обнажая оружие Немезиды. --- На Хаджишейт.

Дворец Сверхкороля представлял собой огромный лабиринт, спускавшийся глубоко под землю. Просторные сводчатые залы сменялись глиняными низкими галереями с белокаменными лестницами, многочисленными комнатами и узкими переходами. Повсюду на каменных стенах были выбиты священные тексты. Чем глубже вниз, тем чаще имперские толитвы затенялись нечестивыми цитатами, где воспевалась хвала службе жителей Софано Повелителю Перемен и его многоликому слуге, которым мог быть только Гаргатулот. В спертom воздухе пахло обгоревшей плотью. Фонари погасли, и целые уровни лабиринта были погружены во тьму. Злобные голоса людей доносились

со всех сторон, и все это место казалось каменной клеткой для загнанной добычи.

Этой добычей была инквизитор Лигейя. Пятеро из ее культистов смерти были еще живы — Тайци пожертвовал собой, чтобы они смогли спуститься с первого этажа под землю, — но здесь их преследовали десятки людей. Лигейя слышала молитвы и проклятия, солдатские песни, отрывистые приказы, лязг железа по камню, свист обнажаемых мечей.

— Ксианг, Шан, идите вперед. Придется спуститься еще глубже.

Лигейя торопливо шла по глиняному низкому коридору с двумя рядами статуй. Лицо каждой фигуры было словно разъедено кислотой. Два культиста смерти с глиняными грациозными прыжками встретились вперед и, словно призраки, исчезли за поворотом. Остальные плотнее окружили госпожу — Лигейя даже ощутила запах искусственных гормонов, циркулировавших теперь по их венам.

Культисты смерти были обязаны госпожой смерти служить Лигейе. Их

предназначением было убийство. Сам культ был странным ответвлением имперской церкви, сумевшим ускользнуть от внимания Экклезиархии. Культ проповедовал смерть врагов в качестве жертвоприношения Императору. Культисты смерти предлагали свою помощь любому, кто служил Императору, а поскольку Лигейя однажды освободила культ от демона-паразита, затесавшегося в организацию, ей были навечно предоставлены шестеро лучших членов в качестве охранников. Каждый из них имел комплект искусственных сухожилий и нейроактивирующий инжектор гормонов. Каждый перенес хирургическую операцию усиления мышц и изменения пищеварительной системы, что позволяло им жить за счет крови, пролитой их жертвами.

Теперь их осталось пятеро. И Лигейя знала, что даже ее культисты смерти не в силах противостоять слишком многочисленной армии Сверхкороля. В конце концов, ее загонят в угол и убьют. Ей ничего не оставалось делать, как только

сражаться до конца и стираться с
неизбежностью.

Позади Лигейи из-за угла появились
отблески факелов.

--- Ло! Гао! --- позвала она, но двое
культистов уже бежали по коридору, не
дожидаясь команды.

Гао подпрыгнул, оттолкнулся ногой
от головы ближайшей статуи и
перевернулся в воздухе. Сверкнуло лезвие, и
голова первого преследователя,
завернувшего за угол, слетела с плеч. Ло
двигалась, пригнувшись к самому полу, и
два ее кинжала снизу вверх вонзились в
живот второго нападавшего. Оба
противника были солдатами личной
гвардии Сверхкороля --- теми, что в
почетном карауле на таррах провожали ее
к дворцу. У каждого в шлеме было
прорезано по дюжине глазных отверстий, а
их мечи походили на белую кость.

Едва тела успели упасть на пол, за
стеной, на грани реальности и варпа
раздался пронзительный вопль. Лигейя
вытянула вперед руку и позволила
значению настенной надписи вниматься в

могз. Где-то позади остался незамеченный барьер, и теперь она направлялась в такое место, где спокойно могли разгуливать создания «Императора» — Повелитель Пермен и Тысячеликий Принц. Таким образом, жители Софано Секундоса поклонялись ужасному смешению религии Империи и Хаоса. Лигейя ощутила, что стены реальности становятся все тоньше.

Она повернула за угол. Сидящий на корточках Шан показал, что путь пока безопасен.

— Здесь очень сильна власть Врага, — сказала Лигейя культистам смерти, когда Гао и Ло догнали всю группу. — Это его территория, я чувствую. Здесь может быть недостаточно вашей силы. Я не думаю, что мы останемся в живых, так что лучше скажу сейчас: вы отлично служили мне, братья и сестры.

Культисты смерти ничего не ответили: они никогда не разговаривали. Но Лигейя знала, что они ее поняли.

Внезапно в стену ударился ливень стрел, и Гао проворно отскочил в сторону. Затем раздался крик; Лигейя позволила

стыслу проникнуть в мозг и ощутила ненависть и азарт погони.

Лигейя побежала. Она услышала, что и впереди звенит оружие, но к тому времени, когда достигла следующего перекрестка, Ксианг, держа в руках окровавленные кинжалы, уже выпрямилась над четырьмя обезглавленными телами.

— Они приближаются?

Ксианг кивнула. Лигейя быстро перевела взгляд на тела. У одного было три руки, а свалившийся шлем открыл третий глаз в середине лба — широко раскрытый, налитый кровью. Мутанты. Прикосновение Хаоса сказалось даже на личной гвардии Сверхкороля. Одному Императору известно, насколько глубоко попал сам Рашемха Отважный.

Лигейя физически ощущала, как ненависть сочится из стен, пола и потолка. Атакующие с воплем бросились вперед. Лигейя увидела извивающиеся щупальца и ужасающе разросшиеся челюсти, сверкающие зубами. Масса людей бросилась на них сразу с трех сторон.

Ксианг взбежала по стене до самого потолка, и, прежде чем она спрыгнула на пол, двое нападавших упали с перерезанными шеями. Ло бросилась в атаку, врезалась в толпу людей. Она неистово вращала кинжалами, отсекая руки и вспарывая животы. Но трое врагов перескочили через Ло и ринулись навстречу Лигейе. Инквизитор, вытянув вперед руку, активизировала нейрорецептор в большом атетистовом перстне. Оружие на пальце, стоявшее больше, чем весь дворец ее отца, пронзило иссиня-белым копьем лазера горло ближайшего противника и остановило атаку. Ксиро тем временем проскользнул мимо Лигейи и успел убить еще двоих, пока те не опомнились.

Лигейя почувствовала колдовство раньше, чем был нанесен удар. Низкий рев, почти на границе слышимости, возник в голове и стал нарастать до непереносимого крещендо. А затем по коридору пронеслась черная молния. Там наполнила все помещение, но сильные, как клещи, руки схватили Лигейю сзади и

бросили попереk коридора, так что она сильно ударилась о стену. Затем свет вернулся, и инквизитор увидел, что ее спас Гао, культист смерти. Но его самого взрыв психической энергии разорвал на части. Кровь Гао брызнула на Лигейю, обжигая ей глаза.

Обгоревшие куски тела Гао с глухим стуком шлепнулись на пол. Лигейя вытерла с лица капли крови и сквозь слезы увидела колдуня, обнаженного до пояса и в килте из десятков разноцветных лоскутов. Сухощавый торс был отмечен глубоко вырезанными символами Переменичивого Бога. Из ран текла кровь темного-синего цвета. Вокруг его рук плясали языки черного пламени. Колдун бросил новый заряд, на этот раз в сторону Ксианг, которая одна сдерживала натиск шестерых фехтовальщиков. Ксианг успела отпрыгнуть в сторону, но сила взрыва подбросила ее к потолку.

С каждым взрывом голоса варна становились все сильнее. Лигейя поняла, что они оказались совсем близко к главному очагу разложения, разъедающего

Софано Секундос.

Ксианг и Шан подхватили Лузейю и понесли по дытному коридору, прочь от колдуня и солдат армии Сверхкороля.

Лузейя пыталась прочесть информацию, накопленную в камнях, и представить себе сложный план нижних уровней дворца. Она увидела вокруг себя путаницу коридоров и комнат, ощутила, как они расходятся от темного пятна в самом центре.

— Сюда, — проговорила она, указав рукой на круто сворачивающий проход.

Ло и Ксико побежали вперед, а Ксианг и Шан, не замедляя бега, продолжали нести ее через клубящуюся тьму и мерцание черных огней.

Впереди показалась большая деревянная дверь, выкрашенная в темно-красный цвет. Ксико ударил ногой: дерево треснуло. Навстречу хлынули красноватый свет и нечеловеческие вопли.

Лузейю внесли внутрь. Воздух в комнате казался теплым, как кровь, каменный пол слегка вибрировал. Помещение было многоугольным, но Лузейя

не могла сосчитать количество углов. Всякий раз, когда она смотрела в какую-то сторону, углы начинали двигаться перед глазами. Комната увеличивалась или уменьшалась, меняла форму, и размеры ускользали от глаз инквизитора.

Стены закрывали полотнища, написанные на текучем наречии Софано Секундоса, но буквы извивались, словно черви. По углам комнаты были сложены кипы книг и свитков, а в центре от неглубокой законченной ямы пахло сгоревшими специями и плотью. Повсюду виднелись символы Хаоса --- восьмиконечная звезда и темная комета повелителя перемен, --- но они ускользали от взгляда Лигейи, как будто боялись, что их прочтут. Стены пульсировали энергией, и от них струился кроваво-красный свет.

В комнате было три двери. Та, в которую они вошли, уже разлетелась в щепки. Меч Ксихо сверкал в воздухе, отсекая тянущиеся к Лигейе руки вместе с оружием. Остальные две двери распахнулись, и в одну хлынул поток

солдат Сверхкороля. В том, кому подчинялась армия, сомнений больше не оставалось: на каждом из воинов лежала печать мутации. Повсюду мелькали когтистые лапы, клешни, как у насекомых, из груди таращились фасетчатые глаза, на животах кричали рты. Кое-кто уже бросил оружие, чтобы сражаться клешнями и шипами.

В гругую дверь вошел колдун. Лигейя чувствовала, как он силен. Черный огонь, покрывавший всю верхнюю половину тела, попросту прожег толстое дерево. Сквозь пылающую кожу был виден скелет, светящийся зарядом энергии. Все тело было усыпано десятками глаз, сверкавших драгоценными желчужинами.

--- Не прикасайтесь к нему! --- крикнула Лигейя, стараясь превозмочь шум в голове.

Она знала, что губительным может стать одно присутствие колдуна. Культисты с их незащищенными душами погибнут, едва дотронувшись до него. Лигейя не могла двигаться и убивать так быстро, как они, но душа псайкера.

обученного в Ордо Маллеус, обладала
большей силой, чем их тела.

Шан кружил вдоль стен, и
метательные лезвия летели из его рук,
словно пули, врезаясь в шеи и животы
врагов. Ксианг была окружена и одна
держалась против дюжины солдат. Пара
кинжалов сверкала перед ней, вспарывая
тела мутантов, выбрасывая наружу
липкие жгуты внутренностей. Ксиро и Ло
держались рядом с Лигейей, отбивая
мечами каждую попытку подойти ближе,
но противников было слишком много, и
чужовищные воины подступали все ближе.

Колдун шагнул в воздух. Комната ---
вернее, храм --- мгновенно растянулась
вокруг него, и он стал подниматься ввысь,
выбрасывая пучки черных молний. Лигейя
ощутила, что в голове вновь нарастает
шум. Для нее и культистов смерти
комната оставалась слишком маленькой,
чтобы укрыться от колдовского заряда.
Психогенная мощь испепелит всех, кто
находился в храме.

Она почти мертва. Она не выдержит
сражения против такой силы. В ее власти

распознавать значения, а не разрушать. Но значение самого храма, разложение, ненависть...

Лигейя открыла мысли, и в ее мозгу хлынул могучий поток ненависти, копившейся на страницах книг и в настенных молитвах. Поток страданий и смерти исторгли сами камни под ее ногами. Сила потока была такова, что подняла Лигейю в воздух, и инквизитор ощущала, что ее переполняет энергия. Никогда раньше -- ни в Ордо Еретикус, ни среди Маллеус -- Лигейя не думала, насколько сильной может быть ненависть. Как будто живое существо вселилось в ее тело; оно рвалось наружу, обретало форму и было слишком горячим и злобным, чтобы его удержать.

Тысячеликий Принц восстанет. Повелитель Перемен пройдет по троне, вырезанной Гаргатүлотом среди звезд. Хаос -- вот естественное состояние всех вещей, и немоущее сопротивление слепцов рассеется под натиском этого прилива. Тзинч будет править, и не останется других законов, кроме Хаоса.

Лигейя сконцентрировала все эти мысли и образы в тугой комок ненависти в нижней части живота, собирая каждое слово и каждый звук. Потом с пронзительным воплем вырвала комок из себя и швырнула в окружающий мир.

Раскаленный добела вихрь ненависти сорвался с ее губ и врезался в грудь колдуньи. Энергия переполнила его тело: оно взорвалось ослепительным пламенем, черными молниями, градом обугленных костей и каменно-твердых глаз. Пламя ураганом пронеслось по храму; культисты смерти взлетели в воздух перед волной ненависти. Она окутала солдат Верховного и испарила плоть на их костях.

Книги и свитки остались нетронутыми. Ненависть была настолько сконцентрированной, что затронула только живых существ. Только врагов. Наконец ураган затих, и Лигейя поняла, насколько она измучена. Ее тело содрогнулось и рухнуло вниз, но один из культистов вовремя подскочил и поймал ее, прежде чем Лигейя ударилась о

твердый каменный пол.

Она задыхалась. Никогда раньше Лигейя не ощущала в себе такой колоссальной силы. Она и не подозревала, что эмоции могут обладать таким могуществом. Еретикус не пытался раскрыть все ее возможности, а пришедшие на стену Маллеус заботились лишь о том, чтобы ее воля могла устоять против Врага.

Шан помог Лигейе встать на ноги. Культист смерти слегка наклонил голову. Это означало вопрос. Что теперь? Куда идти?

Лигейя огляделась вокруг. Почерневшие кости солдат Сверхкороля вперемежку с книгами валялись вдоль стен. Не слышно было больше ни приказов, ни топота ног по каменному полу. Она испепелила всех, кто был послан за ней в погоню.

--- Мы возвращается наверх, --- сказала Лигейя.

ТУССУЯ

Атака Серых Рыцарей началась перед самым рассветом. Буря, бушевавшая над городом, образовала черный купол. Он начинался за городскими стенами и закружлялся наверху покрывалом густых, почти непроницаемых для солнечного света туч, сверкавших молниями. Купол сделал невозможной любую связь: как электронную, так и экстрасенсорную. Но человек мог пройти сквозь преграду и достигь крошки лесов, начинавшихся сразу за высокими стенами города. Городские стены были деревянными, на каменном фундаменте и с каменными сторожевыми башнями. Сверхкороль перевел город на военное положение. Личная гвардия Рашетхи оставалась во дворце, гоняясь за Лигейей и ее культистами смерти. Вся остальная часть регулярной армии Хаджишейта собралась у городских стен. Тысячные отряды патрулировали

укрепления и охраняли ворота, ведущие во внутренние дворы, которые простреливались лучниками и метателями дротиков.

С внешней стороны за стенами лежал нижний город, плотно застроенный тесными лачугами. Там человека можно было безуспешно разыскивать не одну неделю. Зато верхний город, прилегающий к дворцу Сверхкороля и величественному храму тиссии из черного мрамора, был просторным. Захватчикам грозил обстрел лучников, притаившихся на крышах.

Однако Сверхкоролю до сих пор приходилось отражать атаки лишь непокорных баронов и лесных разбойников. Он и не подозревал о существовании таких воинов, как костогесантники.

Возглавляло атаку отделение Генхайна. Его воины руками крушили деревянные сооружения и, словно крысы, давили скрывавшихся там солдат. Терминаторы Танкреда проломилась сквозь крепостную стену и оказались в верхнем городе. Аларик и Санторо следовали за ними сквозь брешь и

болтерным огнем уничтожали всех, кто пытался их остановить.

Танкред двигался без остановок. Под ударами его терминаторских сапог непрочные глиняные кирпичи стены превращались в пыль. По мере продвижения воинов вглубь города горожане в ужасе разбегались с дороги. Аларик и Санторо сдерживали всякие попытки контратаковать.

Солдаты армии Сверхкороля не были такими фанатиками, как дворцовая гвардия; кроме того, они сами запутались в тех самых улицах, которые должны были стать ловушкой для захватчиков. Когда воины увидели чужовищ в броне, восьми футов ростом, гротивших стены города, словно фарфоровый сервиз, большая часть войска разбежалась. Те, кто остелился принять бой, погибали под пулями и клинками Немезиды воинов Аларика и Санторо.

На крышах верхнего города поспешно собирались отряды лучников, в то время как аристократы прятались в подвалах тех же зданий. Солдаты посылали в

захватчиков залп за залпом, но стрелы отскакивали от доспехов. С крыши старого города потекли потоки горящего масла, но чужеземцы продолжали двигаться, словно вовсе не ощущали боли.

Вихрь болтерной стрельбы стелся лучников с крыши. Но к тому времени, как Серые Рыцари добрались до широкой улицы, ведущей к королевскому дворцу, на них вновь обрушился черный ливень стрел. Из городских конюшен выгнали тарров и стегали до тех пор, пока животные в панике не бросились навстречу нападавшим. Но клинки Серых Рыцарей разрубали зверей на части.

Воины Танкреда ударами ног разбросали поспешно возведенные баррикады, прорвали строй копьеносцев, перегородивших улицу, и, не сбавляя шага, двинулись вперед. Отделение Генхайна, занявшее место в арьергарде, забрасывало болтерным огнем фехтовальщиков и копьеносцев, пытавшихся напасть сзади, пока у рыцарей не закончились заряды. Генхайну пришлось просить боеприпасы у Аларика и Санторо.

В сражение втягивалось все больше и больше людей. Бароны, желающие заслужить расположение Сверхкороля, спешно перебрасывали свои отряды в верхний город, объединяли их в огромные беспорядочные толпы и, словно стада скота, гнали по пути Генхайна. Десятки людей были задавлены насмерть или покалечены во время попытки бежать. Лучники, сумевшие выжить под обстрелом болтеров, в ужасе разбежались при виде резни, учиненной внизу над их товарищами.

Последняя сотня гвардейцев Сверхкороля собралась у главного входа во дворец. Мутанты были готовы встретить Серых Рыцарей когтями и клыками. Над их головами развевалось знамя Повелителя Перемен. Сам Сверхкороль вышел вперед, чтобы сразиться с пришельцами из костоса. Слуги приготовились обрушить на Серых Рыцарей крышу дворца, если захватчики удастся прорвать оборону.

Но костогесантники не стали атаковать дворец. Танкред, тинүя

укрепления, повел рыцарей через
притаившуюся в тени виллу барона. Пока
он разбивал каменные стены и крушил
обстановку из черного дерева, Аларик и
Санторо отбивали яростные атаки людей
Сверхкороля.

Серые Рыцари прошли сквозь бреши в
стенах, и перед ними встала конечная
цель. Аларик приказал воинам
пробиваться к наиболее вероятному
источнику тьмы, окутавшей Софано
Секундос, — к храму миссии Крусьена,
первого миссионера Софано Секундоса.

Танкред сокрушил высокие черные
двери главного входа в храм. Твердое
дерево расколосось под ударами латных
рукавиц. Командир отделения
терминаторов был весь покрыт пылью
разбитой кирпичной кладки. После
столкновения с твердыми латными
стенами доспехи слегка потялись, но это
не замедлило шагов гиганта. Его
терминаторы ринулись в пробитую брешь,
массивные сапоги доспехов крушили
каменные ступени лестницы.

--- Генхайн, прикрой нас! --- передал по
воксу Аларик. --- Санторо, за мной!

Он повел воинов своего и Санторо
отделений вслед за Танкредом. Из
находящегося поблизости дворца летели
тучи стрел; ил отвечал огонь
штүрмболтеров отделения Генхайна.
Командир отделения возмездия взял на
себя сражение с армией Хаджишейта,
находившейся за пределами храма миссии.
Остальным Серым Рыцарям предстояло
разобраться с теми, кого они обнаружат
внутри.

Аларик вслед за Танкредом шагнул в
разбитые двери миссии. Правосудора
окүтал тяжелый спертый воздух,
пахнүщий лаганом и сгоревшей плотью. Из
центра храма далеким ураганом доносился
низкий глухой рокот.

Автомочүства Аларика мгновенно
отреагировали на темнотү и расширили
зрачки, но все равно видимость оказалась
не больше, чем во время песчаной бүри. Он
мог рассмотреть только неясные силүэты
идүщих впереди терминаторов да
расплывчатые вспышки, отмечавшие

выстрелы внутри храма. Вокс-канал был забит сплошными помехами.

--- Санторо, прикрывай нас! --- крикнул Аларик, прежде чем ринуться в темноту вслед за Танкредом.

Словно беспорядочный перезвон колоколов, разгались ужасные диссонансирующие крики демонов, едва не пробившие защиту слуха. На миг Аларик показалось, что он может потерять сознание. А затем он увидел поднимавшиеся с трапезного пола розовые и голубые языки пламени, очень яркие в темном помещении. Длинными изогнутыми пальцами они быстро окружали отделение Танкреда.

Внезапно прямо из пола вверх вылетела молния, словно прожектор, осветив потолок храма. Аларик заметил, что потолок был невероятно высоким. Размеры тиссии ужасным образом исказились: она стала слишком большой, чтобы уместиться в пределах всего здания. Это место находилось уже за пределами реальности: оно было пропитано силами варна и приобретало

свойства и материала.

Потолок превратился в некое подобие далекого неба, а с разошедшихся стен выступили уродливые мерцающие каменные звезды. Могло показаться, что Серые Рыцари угодили внутрь живота огромного каменного существа; все помещение изгибалось и качалось, как будто от дыхания. Молния затрещала где-то далеко вверху, и стены застонали в ответ.

Через освещенный пол наверх полезли демоны — глиняные, светящиеся, изрыгающие огонь существа. Аларик ринулся вперед, надеясь разорвать кольцо демонов, окруживших Танкреда.

Почуввав священные обереги, встроенные в доспехи Серых Рыцарей, демоны злобно взвыли. Танкред обезглавил одного из них, и шарики светящейся крови полетели не вниз, а к далекому потолку. Перед Алариком мелькали картины нереальных схваток в темноте, прорезаемой столбами бывшего из-под пола света. Он видел, как правосудор Танкред разит демонов, брат Локат отсекает тянущиеся

и нелѹ рѹки с черными пальцами, брат Карлин наводит свой огнемѣт на выскакивающих из-под ног чѹдовищ и струя пламени бьет вниз, пока не начинает казаться, бѹдто рыцарь стоит на вѹлкане.

Аларик размахнѹлся, резко опѹстил оружіе и почувствовал, как плоть демона разрывается под ѹдаром алебарды. Рядом раздался треск — это подбежавший Дворн опѹстил молот Немезиды на грубого истошно вопящего демона. Аларик видел, что Танкред по-прежнему окрѹжен. Серые Рыцари ѹмели бороться с демонами; ѹ костодесантников было самое лѹчшее оружіе, но враги возникали, словно волны прилива. Так же было на Виктрикс-Соноре; так же — и на Корионе IX тысячѹ лет назад.

Грохот битвы прорезали визгливые крики, и сверху на воинов Танкреда ѹстретились летающие сѹщества с острыми как лезвия крыльями. Аларик подпрыгнѹл и сбил одного из крикѹнов — так, что тот заѹвыркался в воздухѹ, разбрызгивая свѣтящѹюся кровь. Вдрузь правосѹдор заметил, что один из

летающих демонов утүдрился поймать
выпущенный в него заряд. Ударом крыла
тварь обезглавила брата Краэ -- одного из
старейших боевых братьев Танкреда. Тело
Краэ в терминаторских доспехах рүхнуло
на пол и стало опүскаться еще ниже в
открывшүюся под ним чернотү.

--- Краэ! --- закричал Танкред.

Рүкой с встроенным болтером
правосүдор схватил одного из крылатых
монстров и рассек его надвое мечом
Немезиды. Но демоны все прибывали: целые
эскадрильи с резкими криками падали из
темноты. Брат Вьен неподалекү от
Аларика сбил еще одного крикүна
болтерной очередью, а Холварн наколол
второго на лезвие своего меча.

Но больше всего доставалось
отделению Танкреда. Сам Танкред едва не
лишился рүки, когда одно из чүдовищ
глубоко запүстило когти в его наплечник.
Аларик ринүлся в самую гүщу битвы, и под
его натиском демоны стали расстүпаться.
Обереги на доспехах раскалились добела и
блестели в мерцающем свете, исходящем
от кожи врагов. И все же их было слишком

многого.

Серые Рыцари продолжали яростно отбиваться от напавших демонов, как вдруг сверху ударил яркий свет. Аларик увидел, как из толпы в середине отделения Танкреда кто-то поднимается к стаям крикунов.

Сгорбленная, иссохшая фигура в длинной, разлетающейся накидке, словно пародирующей одеяния экклезиархов. Капюшон упал на спину, и Аларик открылось изнуренное лицо — худое, как у тупиц, с большими белыми глазами без зрачков. Из глаз, одна за другой, вылетали сверкающие пурпурные молнии.

Полоний? Миссионарий? Но от фигуры веяло такой злобой и древностью, что это явно был кто-то более старый, чем Полоний. Возможно, первый миссионарий Крусьен? Если это действительно он, значит, Гаргатүлот строил планы насчет Софано Секүндоса еще до того, как тысячу лет назад был изгнан в варн славным истребителем демонов Мандүлисом.

Танкред рванулся к поднимающейся

фигуре. Миссионарий достал из возгуха длинный сучковатый посох и отразил и меч Немезиды, выбросив снопы разноцветных искр. Старик с нечеловеческой скоростью нанес ответный удар. Танкред едва успел парировать его и вынужден был отступить на шаг назад.

Аларик попытался подойти ближе к Танкреду и миссионарию, но тянувшиеся из-под пола руки замедляли шаги. На месте отрубленной правосудором или любимым его воином конечности тотчас вырастало три. Танкред сумел достать старца мечом: лезвие глубоко вошло в тело миссионария, но по ране пробежал багровый огонек, и она мгновенно затянулась.

Танкред едва не падал. Миссионарий наносил удар за ударом, шквал болтерного огня терминаторов рассыпался на щите багрово-черных толний, сверкавших вокруг тела колдuna. Танкред был самым утелым из всех воинов, с которыми когда-либо приходилось сражаться Аларикy, но движениями миссионария явно руководил

Хаос. Удары сүховатого посоха не прекращались ни на мгновение и становились все сильнее.

Но вот сверкнула вспышка разряда оружия Нелезиды, и из груди колдуня показался кончик алебарды. Аларик увидел за спиной миссионария Санторо, окруженного воинами его отделения. Доспехи правосудора дымились от святающейся крови демонов, глаза блестели сквозь щиток шлема.

Санторо повернул лезвие алебарды и рассек торс миссионария, выбросив на пол пылающие внутренности. Танкред выпрямился и отрубил руку старику. Упока Санторо удерживал миссионария на острие алебарды, словно извивающегося червя на крючке, терминатор разрубил голову колдуня надвое.

Из рассеченного черепа и обширной раны в груди миссионария полыхнуло розовое пламя. Демоны пронзительно взвыли. Миссионарий взорвался, так что терминаторы и Серые Рыцари в энергетических доспехах полетели на пол. Ошметки пылающей плоти разнеслись по

всему храму.

Отгача от взрыва сотрясла даже каменный пол. Аларик ощутил, как плиты шевельнулись у него под ногами. Не доверяя воксу, правосудор сорвал шлем и вдохнул обжигающий воздух, наполненный лаганом, кровью и хитикатами огнеметной стесы.

— Все наружу! Скорее! — закричал Аларик во весь голос.

Пол внезапно просел, со стен полетели огромные глыбы тратора. Один из столбов, держащих крышу, вздрогнул и рухнул, словно подрубленное дерево. Завеса пыли свела видимость к нулю. Даже через усиливающие фильтры Аларику казалось, что он оказался в крошечной тьме.

Вспышки огня, несущиеся ему навстречу, оказались отблесками болтерных снарядов отделения Генхайна, осуществляющего прикрытие. Аларик понял, что идет в нужном направлении. Он споткнулся об огромный кусок тратора и едва не упал, но брат Клоустус, схватив за наплечник госпехов, удержал правосудора на ногах и вывел через дверной проем под относительно яркий свет.

Аларик убигел, что ступени храма
миссии усеяны трупами. Среди них
оказалось много мутантов в форме
дворцовой гвардии Сверхкороля. Отделение
Генхайна, оставаясь снаружи, выдержало
ожесточенный натиск. Судя по ранам,
козодесантникам пришлось вступить в
рукопашный бой, когда боезапас подошел к
концу.

--- Отличная работа, правосудор, ---
сказал Аларик, все еще не надевая шлема.

--- А что было внутри? --- спросил
Генхайн.

--- Это работа миссионария. Он
уничтожен, но все здание вот-вот
развалится. Нам надо найти укрытие.

Генхайн кивнул и указал на
одноэтажную виллу какого-то феодалного
барона на расстоянии короткой перебежки
от храма. Тарн и Хорст, два воина с
псинушкой из отделения Генхайна,
побежали первыми, ища по пути
возможные угрозы. Аларик приказал своему
отделению двигаться за ними, а сам
поспешил назад --- помочь Санторо вывести
отделение Танкреда. Воины обоих

отделений сильно пострадали; на доспехах
выднелись царапины от демонских когтей
и еще дымящаяся кровь. Кругом стояло
непереносимое зловоние.

Брат Микрос и брат Марл из
отделения Санторо несли на руках
массивное тело брата Краэ. Танкред со
своими терминаторами шел следом за
ними.

Аларик нагел шлем как раз вовремя,
чтобы услышать в вокс брата Тарна:

--- Мы засекли противника у задних
ворот двorca.

--- Направляются сюда? --- спросил
Аларик, окидывая взглядом внушительную
заднюю стену с богато украшенной аркой,
ведущей к садам Сверхкороля.

--- Я так не думаю. Похоже, они
убегают --- от кого-то огромного, может,
от мутанта...

Аларик увидел, как через арку от
белокатенного двorca несетя Сверхкороль
Рашетха Отважный, сопровождаемый
толпой оборванных придворных и слуг.
Сверхкороль держал в руке огромную
палицу и размахивал ею, сбивая с ног

спутников, точно отгоняя невидимого врага. Он громко выкрикивал приказы и проклятия, а по лицу Рашелхи струилась кровь.

Аларик никогда раньше не видел Сверхкороля, но его огромная фигура и властность, с которой он отдавал приказы, не оставляли ни малейших сомнений в том, кто это мог быть.

Вокруг Сверхкороля вились какие-то темные тени. Одна из них затерла на долю секунды, разворачиваясь в воздухе, и Аларик узнал культиста смерти Лигейи. Блеснули парные кинжалы, и двое слуг упали затертво с почти отрезанными головами. Второй культист вбежал в арку, взмыл в воздух и на лету отсек руку Сверхкороля. Рука вместе с палицей упала на пол, и Рашелха дико взвыл, когда из обрубка вместо крови показались кишачие черви.

Оба культиста смерти набросились на Сверхкороля, нанесли множество ран, и из каждой бил ужасный фонтан извивающихся червей. Рашелха Отважный издал последний истошный крик и

превратился в отбратительно
копошащуюся кучу.

Культисты смерти, стараясь не касаться останков короля, спустились на землю и аккуратно добили нескольких оставшихся в живых придворных. Затем под аркой появились еще двое охранников в черном. Они несли на руках инквизитора Лигейю, которая, даже не ступая на землю, каким-то образом сумела остаться величавой и невозмутимой.

Культисты с Лигейей подбежали к Аларикю; верные охранники по пути отмахнулись от нескольких стрел, слетевших с верхних этажей дворца. На лице Лигейи виднелись следы крови и копоти, ее волосы были в ужасном беспорядке и местами обгорели, но, похоже, инквизитор не была ранена. Более того, по мнению Аларика, Лигейя никогда еще не выглядела такой опасной.

— Правосудор, — заговорила Лигейя, как только культисты смерти проводили ее к порогу виллы, выбранной Генхайном. — Я рада, что ты смог к нам присоединиться. — Она оглянулась на храм

миссии: крыша только что обвалилась, и из дверного проема вылетело облако жирной черной пыли. -- Я уверена, что мы отыскали бесспорное доказательство присутствия здесь Гаргамүлота, -- продолжала инквизитор.

Аларик только что заметил, что и Лигейя, и двое культистов, принесших ее, держали в руках несколько больших связок переплетенных в кожу книг, скрученных свитков и знамен.

-- Миссионарий убит, -- сказал Аларик. -- Мы потеряли двоих воинов, и еще несколько человек ранены.

-- Миссионарием был Крусьен, -- пояснила Лигейя. -- Гаргамүлот отметил эту планету своим присутствием еще до того, как она была открыта силами Империи.

-- Вероятно, он придавал ей большое значение, -- предположил Аларик, уводя Лигейю под прикрытие белотрапных стен виллы, где внутренний интерьер почти не пострадал в ходе сражений. -- В распоряжении Крусьена были и демоны, и колдовство. Он чуть не одолел нас, а на

это способен только очень могущественный враг. Гарзатүлот возлагал на него большие надежды, если давал такую власть.

Лигейя показала на принесенные книги:

--- Возможно, здесь мы найдем причину его доверия. Надо возвращаться на «Рубикон».

--- Оба наших «Грозовых ястреба» разрушены, --- сказал Аларик. --- Но если мы закончили дела в городе, я могу передать на корабль, чтобы за нами прислали челноки.

--- Хорошо. Когда окажется подальше от этого места, надо будет сбросить на город пару торпед. Как ты думаешь?

Аларик кивнул:

--- С превеликой радостью.

Лигейя улыбнулась, и выражение ее глаз составило странный контраст с разводами крови на лице:

--- Тогда нам не стоит больше медлить.

ТАЛАССОКРЕС

За две тысячи лет до утраты аванпост на Софано Секундосе была заключена грандиозная сделка. Тысячеликий Принц покинул свое логово в реальном мире на Корионе IX и перенесся в Варн, когда прозвучал крик самого Повелителя Перемет. Ужасный вопль, полный нечестивого смысла, звон великого колокола в самом сердце Варна. Другие силы Варна — иногда союзники, но чаще тишени для проклятий, как, например, демоны — бросились врассыпную, скрываясь от раскаленной силы Тзинча. Бог лично сотряс Варн криком, призывая к себе слуг.

Принц откликнулся на призыв. Он мог себе это позволить, поскольку являл собой много больше, чем демоническое тело. Таргатулот был воплощением знаний, правдивой информации, откровений тьмы, скрытых в сердцах миллионов людей. Он мог одновременно находиться и в Варне, и в

реальном мире и держать за ниточки в
обоих Вселенных во имя осуществления
Перемен. Тысячеликий Принц был одним
из самых могущественных
представителей своего рода.

Конклав собрался на Талассокресе —
окрутанном тьмой мире, воящем в варне,
словно безумец в клетке. Каждый час
очертания его континентов изменялись:
они то плавилась, превращаясь в моря
кипящего металла, то дымились, словно
жидкий азот, то взмывали ледяными
горами к самому небу. Малодушные
приверженцы Переменчивого Бога, завидев
его, бежали вслеп за демонами, охваченные
благоговейным ужасом. На планете
остались только самые могущественные
сыны Тзинча.

Их последователи разбежались по
таявшим равнинам Талассокреса,
вспоминая старые споры и заводя новые,
продолжая тщетную борьбу, пока их
повелители предавались размышлениям.
Принцы похвалялись силой армий и
собственным могуществом. Тзинч
наградил лучших такими дарами.

которые должны были растлить их сердца за несколько столетий и привести к падению. Таков был излюбленный обычай мщения Повелителя Перемён.

Гаргатүлот оказался среди победителей — в компании Бокора Безүмца, который обращал целые народы в веру Перемён, и Малефикоса Огненнорүкого, чьи громовые удары сввергали в войны звездные системы. На Талассокресе также держали своих приспешников могущественные и жестокие Мастер Темноглаз, скрывающийся среди людей и тучивший их исподтишка, и Темискирон Дракон-Звезда. Сотня других сподвижников Повелителя Перемён расселась на тающих равнинах. Придворные демоны, безобразные и неүтолковавшие ни на секунду, скакали междү ними, пока вся планета не зазвенела от Молитвы Перемён.

Мир Талассокрес был путеводной звездой кўльта, главной осью Перемён. Конклав причинил неталый үщерб сознанию человечества. Но хотя людские тўдрецы долго искали по всей Галактике

причины вспыхив безумия, Талассокрес
оставался для них невидимым.

Когда заговорил Тзинч, вся планета
задрожала. От его голоса была сорвана
кора вместе с мантией. С тех пор
говорят, Талассокрес уже не был единой
планетой, а превратился в скопление
отдельных материков, окружающих
единую ось. Те, у кого не хватило сил
слушать слова Тзинча, были выброшены в
варн, но сильнейшие остались, и их
приближенные сияли на дрейфующих
шельфах расплавленного камня.

Тзинч говорил им о невероятных
вещах. О спутанных нитях судьбы,
проходящих сквозь Галактику, словно
сквозь гобелен; о безмерных сдвигах
составляющих реальности — времени,
пространства и общих мыслей
человечества. О десятках чуждых рас,
которые еще не знают силы Хаоса, о
безумных ордах хищников, кишущих в
варне, и о самих Переменах. Величайшие
из последователей Тзинча смогли уловить
смысл в потоке идей, доносимых голосом
бога. Некоторые нашли себе сложные

затыслы гля воплощения в реальность. Другие увидели отблески будущего, которое они могли изменить или перенести в прошлое. Кое-кто слышал только безысходность и ненависть и наслаждался ими, поскольку это были самые свирепые агенты Перемен.

А некоторые были уничтожены, поскольку были неспособны воспринимать величие замыслов Переменчивого Бога.

Гаргатүлот не был уничтожен. И не стал составлять планов под впечатлением слов Тзинча. Вместо этого Тысячеликий Принц целиком погрузился в послание своего божества. Знание струилось вокруг него и сквозь него, пока он не стал купаться в неистовом потоке информации, словно в белой реке пламени, бежавшей сквозь разбитое сердце Талассокреса.

Несколько дней подряд по неведомой шкале времени варна он получал откровения от Тзинча. Остальные принцы-демоны наблюдали за ним с ненавистью, завистью и восхищением. Кое-кто был уверен, что Гаргатүлот будет уничтожен.

Поток откровений унес демонов, сидящих у
его ног. Неудержимая мощь Тзинча еще
сильнее расшатала основу Талассокреса. В
варне появился неизгладимый рубец в виде
бесплодной темной тени, но Гаргатүлонт
остался.

Демоническое тело Гаргатүлонта в
реальном мире содрогалось от усилий
воспринять информацию. Кое-кто
утверждает, что сопутствующая этому
периоду вспышка безумия среди людей была
первым признаком присутствия
Тысячеликого Принца. Естественная
жизнь на Корионе IX была уничтожена, и
это страданий разнеслось на много
световых лет вокруг.

Наконец все закончилось. Белая река
информации иссякла. На Талассокресе
воцарилась тишина.

А когда Гаргатүлонт поднялся, на варн
глянула тысяча новых лиц.

Лигейя резко откинула голову на
спинку кресла, стараясь избавиться от
переполнявших мысли образов. Она
передвинула руки с книги на письменный

стол, но кожа пальцев и ладоней все еще
горела от нечестивых мыслей,
заполнявших страницы.

Перед глазами появились обшитые
деревянными панелями стены и роскошная
мебель. Лигейя вновь была на Тренитосе, в
комнатах, которые подготовили для нее
слуги инквизитора Клаэса. Но ужасные
образы все еще мелькали перед мысленным
взором. Гаргатүлот -- бесформенный
монстр Хаоса, склонившийся над рекой
ужасных откровений. Слова Тзинча -- бога
изменений, обмана и колдовства, одного из
самых могущественных представителей
Хаоса -- отдают эхом по варпу,
сотрясают своей силой весь мир.

Содержание книги было еще более
агрессивным, чем короткие вспышки
богохульства, полученные от деревянной
скульптуры. Только что пережитый
отрывок -- Лигейя воспринимала его со
страниц при помощи своего дара -- был
всего лишь крохотным фрагментом
откровений, содержащихся в книге. Но
текст был настолько насыщенным и
ярким, что его мог продиктовать только

Гаргатүлот. И вдобавок за этими строками Лигейя ощущала привкус застарелой злобы самого Крусьена.

Книга, продиктованная принцем-демоном, записанная тысячелетним колдунот, поражала Лигейю своей энергией.

Лежащий перед ней фолиант был лишь одним из более чем дюжины книг, привезенных из дворца Сверхкороля. Кроме них инквизитор добыла еще около тридцати свитков, содержащих сложные заклинания и молитвы. Ее верные охранники — культисты смерти — сняли со стен дворца несколько кровавых знамен. Многие тексты были записаны на наречии Софано Секундоса, и Лигейе пришлось быстро выучить его, опираясь на самые отрывочные ссылки. Обращения к «Императору» оказались не чем иным, как иносказательными воззваниями к Тысячеликоту Принцу. Без удивительных способностей Лигейи перевод занял бы несколько лет. Инквизитор пожалела, что у нее нет этого времени и приходится впускать концентрированный поток

знаний прямо в мозг.

Она закрыла книгу и опустила ее на пол. Даже в одной ночной сорочке от усилий понять смысл написанного Лигейя покрылась испариной. Пряды волос прилипли к влажному и холодному лицу.

За спиной послышался шорох ног по ковру. Если не требовались активные действия в защиту Лигейи, культисты смерти производили при движении некоторые звуки, чтобы дать знать о своем появлении.

Лигейя обернулась и увидела стоящую рядом Ксианг. Озадаченный взгляд культиста смерти напугал ее, что Лигейя сама позвала ее. Вероятно, Ксианг простояла в комнате некоторое время, прежде чем решилась выдать свое присутствие.

— А, Ксианг, прости меня, пожалуйста. — Лигейя даже сумела выдать из себя улыбку. — Мне необходимо, чтобы вы кое-что сделали. Это не входит в ваши прямые обязанности, но мне это крайне необходимо. Вот, прочти.

Лигейя достала из стола сложенный лист пергамента, на котором ее элегантным округлым почерком были написаны приказы. Ксианг взяла лист из руки инквизитора и пробежала взглядом.

--- Я понимаю, --- заговорила Лигейя. --- Любой из правосудоров мог бы действовать более эффективно. Но... вы четверо принадлежите мне, а они --- нет. Я обратилась с просьбой к инквизитору Клаэсу, и он предоставил корабль --- небольшой и легковооруженный, но очень быстрый. На нем вы сможете добраться туда за две недели, если отправитесь немедленно.

Ксианг наклонила голову и, не поворачиваясь, быстро покинула комнату. Лигейе так и не удалось до сих пор понять, как культисты смерти общались друг с другом, --- порой она чувствовала смысл их разговоров, но не замечала ни единого движения или звука. Теперь Ксианг придется рассказать товарищам о предстоящем задании.

Их осталось всего четверо. Культисты смерти по определению и

воспитанию не предавались скорби: смерть была для них желанным концом, если она наступала во время сражения за Императора. Но двое из них навеки остались на Софано Секундосе. Лигейя было нелегко смириться с потерей таких преданных и квалифицированных охранников. Они защищали Лигейю, но и она чувствовала ответственность за них. Культисты смерти принадлежали ей, и она стала смыслом их жизни. Их гибель казалась эхом ее собственной смерти.

Они не проводили никаких похоронных обрядов, а просто оставили Тайци и Гао на Софано Секундосе. Сам факт гибели был священным, дальнейшая судьба тела не имела значения. Такое пренебрежение обычаями привлекало Лигейю, но сама она не хотела бы остаться забытой и сгнить там, где застанет смерть. Она надеялась, что, когда настанет время, о ней кто-нибудь позаботится.

Лигейя налила себе порцию атасека, надеясь, что насыщенный фруктовый аромат прогонит из головы хоть некоторые из устрашающих образов.

Сделала глоток и почувствовала, что руки перестают дрожать.

Она подняла с пола следующую книгу, положила ее на стол и накрыла ладонями. Сделав глубокий вдох, Лигейя снова погрузилась в откровения Гаргатүлота.

Правосудор Генхайн тщательно прицелился, выждал мгновение, пока линзы его биомеханического глаза поймают фокус, а затем единственным выстрелом пробил лоб мишени в виде человеческого силүэта, установленной в дальнем конце стрелковой галереи.

Стрельбище на «Рубиконе» располагалось в глинном низком помещении без окон. Стены были покрыты резными изображениями батальных сцен, предназначенными для того, чтобы направить усилия на совершенствование мастерства воинов. Огневые позиции разделялись резными колоннами, олицетворяющими Имперских святых. В данный момент Генхайн находился между грозным святым Праксидесом и святым Ясоном из Хүале, попиравшими своими

ногами злополучных еретиков. В стрелковом зале дежурили несколько сервиторов, ожидая, пока Серые Рыцари потребуют дополнительные боеприпасы, а в остальном помещении оставалось пустынным, если не считать тишеней, спускаемых с потолка на блоках.

--- Хорошо? --- спросил Аларик, погойдя к Генхайну.

--- Похоже, что-то не так, --- ответил Генхайн, опуская штурмболтер Аларика. --- Оставь его мне на несколько часов, и он станет лучше, чем новый.

Способность Генхайна чувствовать оружие была предметом зависти всех остальных Серых Рыцарей. Он был одним из лучших стрелков, и даже после выполнения всех обрядов над оружием многие Серые Рыцари просили его проверить болтеры и отыскать упущенные погрешности. По мнению других десантников, штурмболтер мог работать отлично, но только Генхайн, командир отделения возмездия, мог увидеть, что оружие слишком часто заклинивает, или дергается при стрельбе очередями, или

при определенных обстоятельствах теряет точность боя.

--- Не пренебрегай ради меня своими людьми, --- сказал Аларик.

--- Мое отделение в полном порядке, --- заверил его Генхайн. --- Люди исполнительны и в отличном расположении духа. Я не слишком командую ими, когда дело касается толпы и тому подобного. В этом деле каждый должен руководствоваться своим умом.

--- А их оружие?

Генхайн улыбнулся и снова прицелился в тот же силуэт.

--- Их оружие тоже в порядке.

Он выстрелил, и пулевое отверстие появилось ровно над первым.

--- Они отлично сражались на Софаносе Секундосе, --- продолжал Аларик.

--- Верно, и я ими горжусь. --- Еще один выстрел, и пуля немного отклонилась в сторону. Генхайн выругался и стал внимательно проверять стрелковый механизм болтера. --- Я беспокоился об инквизиторе, --- признался Генхайн.

--- О Лигейе?

--- Она не похожа на воина. У
выглядела растерянной.

--- Лигейя --- сильная женщина,
правосудор, --- сказал Аларик. --- Но ты прав.
сражения она оставляет нам. --- Аларик
ненадолго задумался. Генхайн руководил
своими людьми не так, как Танкред или
Санторо; его суждение имело большой вес. ---
--- Что ты о ней думаешь?

Генхайн поднял взгляд от болтера
Аларика.

--- Я? Я считаю, она хорошо
справляется со своей работой, но с нашей ---
не слишком хорошо.

--- Что ж, ей теперь не скоро придется
вступить в бой. На Мимасе раскололи
Валинова, он обмолвился, что Гаргатулот
может быть убит только «сверкающей
молнией». Оружие Немекиды Мандулуса
было выполнено в виде молнии, так что
Лигейя послала своих культистов стерти,
чтобы они достали его из катакомб
Ситана.

--- Им нелегко придется, --- сказал
Генхайн. --- Даже для инквизиторов нелегко

пробратся на Титан, не говоря уже о том, чтобы открыть захоронение одного из грандмастеров. -- Генхайн подтянул затворный механизм болтера и вновь прицелился. -- Но, по крайней мере, это означает, что Лигейя нас понимает.

-- О чем ты? -- спросил Аларик.

-- Она поручает нам сражаться и не требует ничего больше. Она могла бы послать на Титан тебя, и ты скорее заполучил бы меч Мандулиса, но она этого не сделала. Она относится к нам с уважением. Кое-кто из Ордо Маллеус считает, что Серые Рыцари были созданы, чтобы служить им, но ты такой же суверенный Орген, как Костицкие Волки или Темные Ангелы.

Генхайн намеренно назвал два наиболеевоенравных Оргена Костогесанта.

-- Не многие из Серых Рыцарей постелятся это сказать, -- заметил Аларик.

-- Но такова истина. -- Генхайн выстрелил, на этот раз очередью, и в самом центре головы мишени появилась

целая россыпь пробов. — Если Серые Рыцари не будут думать о себе, они превратятся в слабых солдат. В этом основной стержень космогесантников. Мы сотрудничаем с Ордо Маллеус, поскольку это наиболее эффективный способ выполнить наш долг, но нас создали не ради их блага. Мы появились, чтобы выполнять волю Императора, так же как и сама Инквизиция. Я думаю, Лигейя это понимает.

— Я рад, ты настолько мне доверяешь, что высказываешь все это, — сказал Аларик.

Многие из традиционно мыслящих Серых Рыцарей могли бы сказать, что Генхайн слишком близок к отказу от субординации. С другой стороны, Аларик был рад узнать, что отобранные им для выполнения миссии космогесантники смогут подумать о себе. Если в системе тренировок и обучения Серых Рыцарей и была какая-то опасность, то лишь в том, что воины могли отупеть под тяжестью долга и долга и разучиться самостоятельно мыслить.

--- Аларик, если я не смогу доверять
своему командиру, --- ответил Генхайн,
протягивая штурмболтер, --- тогда кому
же мне доверять? Это оружие утратило
точность в длительной стрельбе, но дух
машиниста согласился стать более
отзывчивым.

Аларик взял оружие и пристегнул к
латной рукавице. Без него он чувствовал
себя непривычно, словно без руки.

--- Спасибо, правосудор. Это поможет
мне стрелять точнее.

--- Ты должен доверять своему
оружию, --- с улыбкой сказал Генхайн. ---
Иначе где бы мы были?

Когда пал Софано Секундос, по всему
Шлейфу прокатился безмолвный призыв.

На Вулканис Ультор секта,
скрывавшаяся в трещинах многолюдного
города, устроила перегрузку
геотермальных теплосетей. В
результате несколько уровней городской
застройки поглотило термоядерное
пламя.

А когда корабли, посланные

инквизитором Клаэсом, с орбиты превратили Хаджишейм в горы пенла, повстанцы в одном из отрядов боевой флотилии уничтожили три крейсера вместе со всем экипажем.

В промышленном мире Магнос Омикрон появился пророк, якобы несущий слово Бога Машины. Он требовал творческого обновления через поклонение Отниссиаху и бесконечного поиска совершенства. Прежде чем его разыскали и уничтожили, он прибрал к рукам три больших города. Для прекращения этого крестового похода Ордо Маллеус устроили небольшую гражданскую войну среди технического персонала.

Провост Марешаль терял тысячи своих арбитров, посылая их из одного мира в другой, чтобы загасить вспышки внезапных восстаний еретиков. Из командного пункта на орбите вокруг Виктрикс Соноры он руководил действиями сотен местных командиров, пытавшихся подавить мятежи по всему Шлейфу.

В одном из саговых миров

Фарфаллена --- некогда любимого места
отдыха и развлечений богачей Шлейфа ---
внезапно появилось неизвестное ранее
племя дикарей. Они вышли из заброшенных
ботанических садов и вырезали всех до
одного жителей уединенных имперских
поселений.

На Солшене XIX ---
сельскохозяйственном мире, чьи моря
изобиловали рыбой, кормившей города
Шлейфа,--- вила правителя в одну ночь
превратилась в склеп, кишевший
демонами. В ответ на видения, посланные
Тысячеликим Принцем, культисты под
предводительством сына этого правителя
вызвали к себе созданий варна. Правитель
был повешен на ретне из собственной кожи
возле одной из скал, окружавших виллу.
Планетой завладели Хаос и анархия, и
многие тысячи городов Шлейфа были
обречены на голод.

Сотни культов вышли из подполья и
начали бессмысленно крушить всех и вся.
В одну ночь, в результате
скоординированного выступления против
Экклезиархии и имперской церкви, сотни

мест поклонения подверглись грабежам.

Это не могло проглотиться долго. Күльтисты бесчинствовали до тех пор, пока не были уничтожены объединенными усилиями Арбитрес, Имперского флота и ужаснувшегося населения. И в некотором роде именно это было наилучшим результатом волнений в Шлейфе Святого Эвиссера. Выступления носили признаки последнего, отчаянного шага. Мятежи стали последней репетицией перед чем-то поистине ужасным и грандиозным. Скрывающиеся веками күльтисты пожертвовали своими жизнями ради злобещих замыслов, о которых и нашенывали безмолвные голоса.

Экклезиархия отреагировала с необычайной для нее быстротой. Орган Кровавой Розы прислал на Вулканис Ультор, в распоряжение кардинала Рекоба, отделение Сестер Битвы. Запрос кардинала относительно дополнительных людских резервов был услышан Имперской Гвардией, направившей на подмогу двенадцатый отряд разведчиков Металора и тяжелую пехоту Балүра.

Даже Имперский флот отдал приказ одному из подсекторов флотилии, направлявшейся к Кагии, изменить маршрут. Кто-то из влиятельных столпов Экклезиархии, вероятно, был сильно взволнован событиями в Шлейфе. Сестры Битвы и Имперская Гвардия были размещены во всех мирах для охраны религиозных святынь Шлейфа, но и они не могли остановить нарастающую волну паники.

Гаргатулот произнес свое слово. Услышав его, те, кто знал, как его услышать, не сомневались. Пророчества Тысячеликого Принца не оставляли никаких сомнений. В скором будущем Шлейф будет повергнут в ужас.

За пределами большого кратера на Мумасе было место, где земля постоянно перекапывалась и сдвигалась. Тысячи раз рабочие сервиторы перебрасывали ее лопатами, закрывая расщелины. То здесь, то там в результате сейстической активности на поверхность выходили изломанные кости или ухмыляющийся оскаленный череп, чтобы снова быть погребенными очередным патрулем сервиторов. В центре этого участка разоренной земли стояло единственное каменное здание, построенное в стиле высокого готика. На каждой из его стен были высечены картины возмездия и расплаты. Грешники горели в смутно обозначенной преисподней Имперского культа; рука отщепенца обрушивалась на головы еретиков. Око Императора следило за каждым преступлением, и его верные слуги осуществляли бесконечную месть.

Людей убивали десятками способов: от повешения и расчленения до удушения в ядовитой атмосфере Миласа, — и все методы казней были отображены на колоннах и фронтонах здания.

Дюжины сервиторов-стрелков караулили каждую дверь. В подземной части здания дежурил гарнизон Ордо Маллеус из лишенных мыслей солдат, готовых немедленно отреагировать на любую угрозу. Все здание было выстроено вокруг центральной палаты с множеством галерей для наблюдения. В середине зала, словно хирургический стол в учебном амфитеатре, стояла единственная платформа, окруженная скамьями для священников, архивистов и техников.

Голик Рен-Сар Валинов был перевезен в палату исполнения наказаний через семь недель после того, как был расколот экспликатором Риггенсенот. С того дня Валинов больше не произнес ни слова. Он казался еще более злобным и угрюмым, чем прежде, словно молча проклинал себя за то, что позволил Риггенсену пробить стальной щит своей воли. Вследствие

этого командо дознавателей Миласа
положила лорд-инквизитору Ордо Маллеус
о дальнейшей непригодности Валинова для
каких-либо исследований.

Конклав лорд-инквизиторов
единогласно одобрил казнь Валинова.
Выяснилось, что Лузейя блефовала при
первом допросе Валинова: не было
предусмотрено ни сотрудничества
псайкеров, ни многократного утерщвления.
Пленнику предстояла обычная
старомодная казнь. Валинова обвиняли во
многих тяжелейших преступлениях, но
казнь, ради которой его перевели в палату
исполнения наказаний на краю кратера
Миласа, должна была стать расплатой за
ересь. Имперские законы в качестве
наказания за это тяжелейшее
преступление предусматривали
расчленение.

Мероприятие было невеселым. Никто
не грустил по поводу казни Валинова, но
то обстоятельство, что один из
инквизиторов, уважаемый и ценимый
собратями, пал так низко, вызывало

зрѣлость, приправленную стыдом. Оргос Маллеус и раньше приходилось терять инквизиторов, избравших радикализм или еще худшие судьбы, но каждый случай показывал, насколько глубоки нанесенные отступниками раны. Маллеус гордился своими деяниями, и каждый предатель из их среды уталаял достоинство всего оргоса.

Экспликатор Риггенсен присутствовал на казни, чтобы принять покаяние, которое могло вырваться у Валинова на смертном ложе. Ему и раньше доводилось присутствовать на подобных процедурах, но запах антисептиков и вид сверкающего, похожего на огромного жука сервитора-палача на потолке до сих пор приводили Риггенсена в легкое ступение. Это много значило, если учитывать его специальность.

Перед Риггенсеном на возвышении сидел правительственный чиновник --- бледная женщина с обилием аугметики в теле. Она записывала все детали процедуры казни с помощью перьев, встроенных в металлическую арматуру

руж. Голова чиновника непрерывно
вращалась из стороны в сторону, поскольку
женщина записывала всех, кто входил в
сумрачную круглую комнату.

Сначала, шурша глиняными
балахонами, вошли несколько чиновников и
архивистов, ответственных за отдельные
детали экзекуции. Следом появился
инквизитор Никсос в торжественном
багряном одеянии поверх жужжащего
механизма экзоскелета. Его сопровождали
два советника — древний астронавт и
молодая женщина в форме тактического
офицера флота без всяких украшений.

Затем прибыли медицинские
техники. Главный техник контролировал
работу сервитора-палача, а остальные
наблюдали за жизненными показателями
осужденного. Они отображались на
мониторах, стоящих вокруг приподнятой
платформы. В прошлом были случаи,
когда осужденный преступник не утирал,
несмотря на выполнение процедуры
сервитором-палачом, и с тех пор медики
должны были проследить, чтобы все
сигналы жизни прекратились.

Следующие личности, появившиеся в зале, вызвали у Ризгенсена удивление. Вошли четверо культистов смерти; их гибкие атлетические фигуры были обтянуты черными комбинезонами и обвешаны кинжалами и мечами. Заглянув через плечо чиновника, Ризгенсен прочел, что культисты смерти представляют инквизитора Лигейю. Он успокоился. Абсолютно понятно, что Лигейя прислала доверенных лиц, чтобы они своими глазами убедились в уничтожении Валинова. Иначе она могла не поверить в его смерть.

Наконец всевозможные чиновники и агенты заняли места вокруг пьедестала. Люмосферы стали гаснуть, пока только пространство вокруг платформы не осталось залитым белым беспощадным светом. Затем раздвинулись механические двери и появился Валинов.

Он был обнажен до пояса, глиняные руки и ноги сковывали кандалы, но Валинов и сейчас оставался весьма значительной фигурой. Глубокие черные татуировки придавали ему дикарский вид.

и резко контрастировали с утонченным, утонченным лицом. Бугры мускулов перекачивались под кожей рук и торса при каждом движении. Валинов шел с высоко поднятой головой, не выказывая никаких признаков страха. Но истинные еретики всегда держались так — по крайней мере, до тех пор, пока душа не отделялась от тела, чтобы предстать перед гневным взором Императора.

Всякий, кто наблюдал за казнью, с одного взгляда на осужденного мог сказать, что бывший инквизитор до сих пор опасен. Недаром целой команде дознавателей Миласа не удалось его сломить, исключая триумфальный триумф Ризгенсена. Все они могли бы согласиться, что смерть была для Валинова слишком легким наказанием. Но пока столь опасный преступник оставался в живых, никто не мог дать гарантий полной безопасности.

Из первого ряда поднялся старый проповедник. В сумрачном свете его багряное с белым одеяние казалось почти черным. Он открыл потрепанный кожаный молитвенник и стал совершать обряд

проклятия, призванный наложить на душу, пораженную заразой преступника, особую отметину врага Императора.

— Хотя душа твоя поражена тленом, а деяния ужасны, мы молим Императора судить ее справедливо и беспристрастно.

Дребезжащий голос проповедника монотонно тянул знакомые строки. Главный медик в последний раз проверил механизмы сервитора-палача. Медики-помощники присоединили к выбритому черепу Валинова несколько электродов. Чиновница, сидевшая на возвышении перед Ризгенсеном, не отрывая пера от бумаги, тщательно записывала каждую деталь процедуры. В полу зала открыли люки для стока крови. Ризгенсен тоже держал в руках перо и электронный блокнот, чтобы сделать запись свидетеля смерти Валинова. Сервитор-палач развернулся: всего шесть конечностей, снабженных лезвиями, были тщательно проверены. Младший помощник проповедника творил на груди Валинова знамение аквилы.

Слуга с корзиной для отделенных органов встал наготове. Разные части

тела Валинова — голова, торс и внутренности — должны быть захоронены по отдельности, в простых, ничем не отмеченных могилах вокруг здания палаты, во избежание возрождения мертвого тела при помощи темных сил. Этот тяжелый урок давно был усвоен инквизиторами.

Культисты смерти сосредоточенно наблюдали за процедурой. Их взгляды ничего не выражали, тела были неподвижны, лишь иногда подергивались напряженные мускулы.

Проповедник заканчивал обряд. Двое солдат из Ор-го Маллеус приподняли Валинова и положили его на платформу. Наручники легли точно в замки основания за головой отступника.

Главный медик подключил контрольную систему, и сервитор-палач стал опускаться. Чиновница писала все быстрее. Первые ряды будут забрызганы кровью, но возможность лично убедиться, что еще один враг Императора утерпел, того стоила.

— ...Таким образом, Господь

Император, ты передаешь тебе эту
избращенную душу и отделяет ее от тела,
чьи руки осквернены мерзостью. Да будет
искупление для этой души в глазах Бога-
Императора, а если искупления не
последует, пусть ярость Бога-Императора
уничтожит ее навеки.

Наступила пауза перед тем, как
начнет работу сервитор-палач. Такова
традиция казни: осужденный пленник ради
искупления грехов мог воззвать к
милосердию Императора. Но никто не
ожидает, что Валинов заговорит.

--- Будь послушен, --- тихо, словно
обращаясь к самому себе, произнес он. ---
Нити натянуты. Эта смерть станет
смертью Галактик. Начинайте.

Словно в ответ рука главного медика
потянулась к переключателю, чтобы
начать расчленение. Но его пальцы так и
не прикоснулись к тумблеру.

В воздухе сверкнула серебряная
толня, и глинное узкое лезвие вонзилось в
стол рядом с медиком. Его отрезанная
куисть стукнулась о пол.

Ризгенсен наблюдал, как медик

поднял взгляд на напавшего и уставился
в немигающие и жестокие глаза на-
гаской женщины — культиста смерти.

Лишенные мыслей солдаты, стоявшие
рядом с платформой, отреагировали
первыми. Лазерные разряды их ружей
прорезали комнату, но культист смерти
предвидела каждое их движение и
изогнулась словно гимнаст, так что
снаряды пролетели в сантиметрах от ее
тела. В следующее мгновение оба солдата
упали мертвыми: два коротких меча
второго культиста рассекли их тела
пополам.

Инквизитор Никсос с криком ярости
выхватил из-под одежды
инкрустированный серебром плазменный
пистолет. Механизмы суставов
инквизитора, вынужденные двигаться с
предельной скоростью, сердито загудели.
Молодой офицер-тактик рядом с ним
бросилась на пол, потеряв свой шлем.

Двое других культистов сорвались со
своих мест. Один ринулся к Никсосу, а
второй — к платформе, на которой лежал
Валинов. Проповедник пытался загородить

пьедестал своим дряхлым телом, но культист, не сбавляя скорости, разрубил его одним движением меча.

Ризгенсен тоже носил на поясе оружие и, поднявшись, вытащил его из-под своей форменной куртки экспликатора. Он дважды выстрелил в того культиста, который отсек руку медсестры, но она отпрянула в сторону быстрее, чем пуля долетела до цели.

Культист, поспежавший к платформе, дважды взмахнул мечом, и Валинов освободился от оков. Он тотчас скатился на пол, а Никсос, быстро поняв, что главную опасность представляет осужденный, начал стрелять. Культист бросился навстречу Никсосу и угодил под разряд плазменного пистолета. Мощный выброс энергии испарил верхнюю половину тела, затянутого в черный комбинезон, и угас.

Теперь стрельба велась со всех сторон: стреляли агенты, техники, Ризгенсен и Никсос. Культист, в которого стрелял Ризгенсен, перескочила через стоящего перед ним агента, и

эксplikатор уже ждал, что холодная сталь вонзится в его тело. Но женщина в невероятном прыжке пронеслась над залом, оттолкнулась от стены за его спиной и обрушила удары меча на солдат Маллеус.

Ризгенсен снова выстрелил в нее, но всякий раз, одновременно с выстрелом, женщина нагибалась или отступала в сторону, неестественно ловко уклоняясь от пуль.

Валинов укрылся за платформой, на которой он должен был умереть. Кровь погибшего вместо него культиста забрызгала лицо отступника. Взгляд его темных глаз метался из стороны в сторону, оценивая все грозившие ему опасности. Никсос со своим плазменным пистолетом вынужден был выжидать несколько секунд, пока оружие восстановит заряд. Его помощница, офицер флота, наверняка тоже имеет при себе оружие. Солдаты, лишённые мыслей, пристрелят Валинова без всякого колебания, если сумеют выжить.

Кто еще на их стороне? Сервитор-палач, который до сих пор угрожающе

жужжал меньше чем в метре от платформы. И Ризгенсен, чье оружие стреляет медленнее, чем если бы он просто бросал пули руками.

Культист, который направился к Никсосу, с размаху прыгнул на старого инквизитора. Механические узлы лязгнули по полу. Сверкнувшее лезвие зазвенело по креплению руки с пистолетом. Второй заряд плазмы вырвался из дула, но только опалил блестящую черную маску на лице культиста.

Последний из оставшихся в живых культистов покончил с главным медиком при помощи метательного ножа: клинок вонзился бедняге в горло и пригвоздил его к спинке стула. Офицер-тактик вскочила на ноги и вонзила сверкающий энергетический нож — красивое оружие, вроде тех клинков, которыми награждают отличившихся кадетов в самых престижных академиях флота, — в голень культиста. Одним движением кисти он отшвырнул ее через всю комнату, и офицер с грохотом рухнула на передний ряд скамей.

Ризгенсен снова выстрелил, три снаряда понеслись навстречу культисту. Тот низко пригнулся и рванулся к экспликатору: Ризгенсен был крепким толодыгм мужчиной и, по сравнению с ветеранами Маллеус и старыми агентами, представлял наибольшую угрозу.

Культист преодолел расстояние в один шаг, но в следующее мгновение упал, поскольку нож офицера-тактика все еще торчал в его ноге.

Культист рухнул прямо на чиновника, сидящего перед Ризгенсеном. Экспликатор дернул спусковой крючок и выпустил всю обойму своего автоматистолета ему в спину. Культисту уже некуда было отступать, и его черное тело задержалось от взрывающихся пуль.

Возможно, Ризгенсен убил и чиновника тоже. Эта мысль слепотной темной вуалью на мгновение окутала его сознание. Но дознаватель не мог позволить сожалению и стыду остановить себя. Он покается позже. Сейчас надо постараться выжить.

Один из культистов бросил Валинову
ружье с полным магазином зарядов. В зале
развернулся веер сверкающих кровавых
огней. К этому моменту все находившиеся
в помещении прятались в укрытиях и
стреляли либо пронзительно кричали.
Никсос боролся с оседавшим его
культистом, но лезвия ножей раз за разом
опускались на его механическое тело,
угрожая разрезать даже сверхпрочные
крепления.

Ризгенсен выдернул энергетический
нож из ноги культиста, оглядел зал и
остановил свой взгляд на Валинове.
Ризгенсен был верным слугой Императора
и не собирался бежать. Он не станет
прятаться. Он не выказал страха в камере
для дознаний, когда столкнулся с
Валиновым, еще не зная, что тот собой
представляет, и сейчас не собирался
поддаваться испугу.

Валинов вел стрельбу по вбегающим
солдатам. Они отвечали тем же, осыпая
платформу градом пуль. Ризгенсена
Валинов не видел.

Время двигалось медленными

мучительными молчками сердца. Ризгенсен, в отличие от Валинова, не был тренированным убийцей, но он был силен и отважен. Ему нужен один отличный удар. Валинов крепок, его тело значительно усилено и защищено, но и оно не сможет устоять перед ударом энергетического ножа.

Внезапно Валинов развернулся и прикладом ружья ударил Ризгенсена в грудь. Дознаватель упал, сильно ударившись головой о холодный металл платформы.

Валинов, стоя на коленях, нагнулся над распростертым Ризгенсеном. Но Ризгенсен еще не умер.

У него осталось одно последнее оружие. Такое, какого нет ни у кого другого. Ризгенсену напонила о нем гибель астроната Никсосу; дознаватель ощутил ответную реакцию мыслей астроната, ускользающих из реальности, угасающую искру его психики.

Однажды он уже сломил Валинова. Он сможет сделать это вновь.

Через пелену боли и шока Ризгенсен

обратился к тому участку мозга, который отвечал за оружие, сделавшее его экспликатором. Внутренний глаз открылся и заглянул в мысли Валинова, стараясь коньем восприятия дотянуться до души бывшего инквизитора. Ризгенсен сможет вновь сломить его оборону, проникнуть в его разум, оглушить его, ослепить, наполнить голову непереносимым шумом и безумием.

Ризгенсен сосредоточился и собрал все, что в нем было, чтобы расколоть алмазное средоточие души Валинова. Он обратился к своему полужабытому детству в трущобах Гидранура. К еще более тучительным месяцам бесконечного тестирования и закаливания на подобравшем его Черном Корабле. Он вспомнил боль унижения, страх перед растущей в его голове силой, которая каждое мгновение могла стоить ему жизни.

Он вытащил все эти воспоминания и спрессовал в кристально твердое мысленное копьё. Он собрал все, чему научили его Маллеус, и ринулся на

Валинова.

Но битъ оказалось не во что. Там
ничего не было.

Мысленное копьё Ризгенсена
беспомощно качнулось в пүстоте,
посколькү у Валинова не было дүши.

Та бездна, где должна была
находиться дүша Валинова, была
последним, что үвидел Ризгенсен. За этой
пүстотой он даже не заметил
обхвативших его рук сервитора-палача,
когда Валинов забросил его тело наверх.

Началось быстрое и деловитое
расчленение экспликатора Ризгенсена.

Когда Гаргатүлот был молод ---
относительно молод, поскольку демоны не
знают ни рождения, ни смерти, --- он вел
себя как любой смертный и лишь изредка
заглядывал в варн, когда появлялась
возможность овладеть знаниями могүчей
психической силы.

Он поступал так же, как поступали
все демоны. Он үпивался ощущением
облекавшей его плоти. Он танцевал на
своих новых ногах. Он рассказывал своим

новым языком истории, которые недальновидные люди считали безумным бредом. Любой, кто его видел, понимал, что это не человек. Какое бы тело он ни носил — могущество, словно слезы, брызгало из его глаз голубыми искрами. Его речь была полна загадок, сводивших людей с ума.

Но Гаргатүлоту везло: его первые вторжения в реальный мир пришли на эпоху ничем не сдерживаемого разрушения и войн. Люди называли свое время Веком Раздора, и это был один из редких случаев в истории человечества, когда название эпохи полностью соответствовало ее содержанию.

Гаргатүлот видел, как гибла цивилизация, оставляя после себя лишь груды почерневших костей. Он видел, как королями становились безумцы, как свирепые правители сжигали целые миры, используя их как топливо для своей личной власти. Человечество в этой бойне утратило навыки межзвездных путешествий и оставалось на своих планетах, словно черви в норах. Люди

поглощали друг друга в бунтах и междоусобных войнах.

Тысячеликий Принц наблюдал, как люди вновь открыли для себя костос. Как человечество внезапно разделилось на миллионы истекающих кровью общин, брошенных в огни кипящий котел. Гаргатүлот, сгенив несколько тел безүмцев, стал героем. Ему поклонялись миллиарды людей. Он был принцем погеленой тысячи лиц, и каждое из них было снято с головы предателя. Он был женщиной, которая каждое утро плавала в океане крови, чтобы завладеть силами обескровленных ею врагов. Он был королем пиратов, объединившим десятки систем только для того, чтобы направить их друг на друга и посмотреть, кто выживет.

Век Раздора длился дольше, чем записано в человеческой истории. В те времена Гаргатүлот прожил несколько жизней среди сражений, страданий и увечий. Он познал победы и поражения, торжество триүмфа и горечь смерти. Каждое мгновение служило пищей для неүтолимой жажды знаний, которая

недала всех слуг Тзинча.

Но мало-помалу Гаргатүлот постигал истину. Он был ребенком, а Век Страданий — его игровой площадкой. Чем больше он понимал человечество, тем яснее постигал желание сил Хаоса. Каждая победа, достигнутая людьми в битвах, неизменно оборачивалась поражением. Каждая обретающая власть империя рано или поздно должна была пасть.

Человечество оказалось слишком слабым. Оно было не способно одержать настоящие победы: оно всегда проигрывало. Всегда. А в варне были боги — существа, накопившие столько могущества, что они навеки оставались богаты. Люди были не в состоянии с ними соперничать. Когда Гаргатүлот осознал эту истину, он стал презирать народы, так долго его забавлявшие.

Ему стало скучно. Время от времени он совершал набеги на реальные миры, чтобы повергнуть их в хаос ужаса, но это занятие казалось пустым и бессмысленным. Не осталось нераскрытых

тайн. Человечество представлялось ему грубым и невежественным животным, неспособным собрать воедино даже свои небогатые силы.

До тех пор, пока не был начат Великий Крестовый Поход.

Человек, называющий себя Императором, завоевал свой родной мир — колыбель всего человечества, священную Терру. Он возглавил Крестовый Поход от родной звезды к другой, завоевывая пространство и объединяя все человеческие нации в Империум. Каждый человек, обитавший в Галактике, был автоматически объявлен подданным Империума, даже если он никогда о нем не слышал. Великий Крестовый Поход так и не был закончен, но на протяжении всей своей жизни Империум пытался вовлечь в деспотические объятия каждый человеческий мир.

Галактика неожиданно вновь стала интересной. Впервые за свою историю человечество смогло собрать устойчивую и внушительную силу и установить господство над разведанной частью

Галактики. Оно продолжалось более десяти тысяч лет. Это начинание пережило смерть самого Императора от рук благословленного Хаосом Воителя Хоруса; пережило гражданские войны и вторжения — все, что могла противопоставить людям Вселенная. Империя выдержала испытания, несмотря на ограниченность человеческой фантазии и скудость мыслей.

Но, как не раз убеждался Гаргатулот, каждая победа неизбежно превращается в поражение. Каждая построенная империя должна рухнуть.

Существование Гаргатулота вновь обрело смысл. Настанет день, когда Империя падет. И Тысячеликий Принц джемонов будет присутствовать при этом.

Лигейя тяжело прислонилась к стене своей спальни; ее одежда пропиталась потом, во рту пересохло, дыхание вырывалось горячими болезненными толчками. Инквизитор грожала всем телом. На столике у противоположной стены лежала книга; от ее зловещего

содержания жалобно потрескивала древняя
платина на обложке. Книга была маленькой
и тонкой: толстик свободно уместился на
ладони одной руки, — но ее страницы
содержали ничем не прикрашенные
откровения Гаргатүлота. Тирады, полные
безумия.

В комнатах Лугейи царил ужасный
беспорядок. Повсюду была разбросана
одежда, недоеденная пища засыхала на
серебряных тарелках, стоявших на каждой
свободной поверхности. Мысли Лугейи
были слишком заняты, чтобы
поддерживать образ знатной дамы.
Теперь, когда она увидела ужасные силы,
разрывающие ткань реальности, это
больше не имело значения.

Гаргатүлот говорил с ней.
Гаргатүлот был не просто демоническим
существом — он был знанием. Он воплотил
в себе все знания, которые собрал за
неимоверно долгую жизнь, и потому его
можно только изгнать, но не убить.
Тысячеликий Принц оставлял знания в
сердцах и мыслях своих культистов, и
даже в случае изгнания из реального мира

слишком большая его часть оставалась в головах безумцев. Этим же обеспечивалось его возвращение.

Лигейя не могла его победить. Она не в силах противостоять ничему подобному. Самое основное понятие сущности Гаргатүлота оказалось настолько сложным и обширным, что ее разум отказывался его воспринимать.

Инквизитор пожалела, что рядом нет культистов смерти, которыми можно было объяснить свои чувства. Конечно, они никогда не разговаривали, но возможность высказаться облегчила бы ее состояние. Ни о чем подобном нельзя было поговорить с Серыми Рыцарями, даже с Алариком. У экипаж Маллеус, таящийся в недрах «Рубикона», был не лучше — как и инквизитор Клаэс и остальные Ордо Маллеус. Лигейя осталась в одиночестве, если не считать образа Гаргатүлота в ее мыслях.

А культисты смерти ушли. И они никогда не вернутся.

Где-то недалеко, в ее комнатах, прогремел взрыв — это болтерный снаряд

сорвал с петель дверь ее покоев. Лигейя услышала громкий приказ, и в соседней комнате среди антикварной мебели раздалась шага.

Лигейя выпрямилась. На ее руке все еще оставалось оружие в виде большого красивого перстня, где-то в вещах лежал изогнутый пистолет, которым она владела в совершенстве. Но она понимала, что все это бесполезно. Тзинч готовится поглотить Галактику. Что толку в каком-то оружии?

Дверь в спальню распахнулась от удара ногой. Лигейя, дрожа, отступила к дальней стене, представляя себе, какой жалкой она покажется незванным гостям. Растрепанная, измученная и больная, инквизитор выглядела старше своего возраста.

Она узнала вошедшего в комнату правосудора Сантора, самого прямолинейного Серого Рыцаря. Он был как раз тем, кто мог прилететь с «Рубикона», чтобы встретиться с ней лицом к лицу. Никакого воображения. Никакого шанса, что он прислушается к ее

мольбам.

Санторо приставил дуло штурмболтера к ее голове. Если Лигейя вздумает шевельнуться или заговорить, он убьет ее.

Она почему-то всегда знала, что так все и закончится. Еще до того, как она впервые услышала о Гаргамуломе, еще будучи молодым дознавателем Ордо Еретикус, не знавшим Ордо Маллеус, она была уверена, что закончит свои дни под дулом болтера в руках тех, кто должен был быть ее союзниками. Так поступала Инквизиция, так существовал весь Империиум: в критические моменты человечество истребляло самих себя.

Еще трое воинов в громогдных доспехах заполнили своими телами всю комнату, наставили болтеры на Лигейю. Лигейя вздрогнула от неожиданного холода.

--- Все чисто, --- бросил Санторо.

Вслед за Серыми Рыцарями в спальню вошел инквизитор Клаэс. В одной руке он держал электронный планшет, другая покоилась на рукояти

энергетического меча.

--- Инквизитор Бризейс Лигейя, ---
настороженно произнес он. --- Мы получили
послание от Конклава Орго Маллеус,
состоявшегося на Энцелаге, в котором
содержится требование твоего
незамедлительного ареста. Являясь
высшим представителем власти
Инквизиции в этой местности, я обязан
выполнить этот приказ. Теперь у тебя
нет выбора, Лигейя. Сдайся, или правосудие
Санторо тебя убьет.

Лигейя подняла вверх дрожащие руки.
По жесту Санторо один из
костодесантников, которого Лигейя знала
по имени брат Трэван, схватил ее за
руку, сдернул с пальца перстень и
растоптал драгоценное оружие
бронированным сапогом.

--- У тебя есть другое оружие? ---
спросил Санторо.

Лигейя отрицательно качнула
головой.

--- Свяжите ее.

Трэван свел руки Лигейи вперед, и
она почувствовала, как на запястьях

отмененысь наручники. Она сознавала, что только благодаря профессиональной солидарности Клаэса ее не стали обыскивать и не заковали в цепи.

--- Инквизитор Лузейя, --- вновь заговорил Клаэс, теперь читая по экрану планшета. --- Приказом Священной Инквизиции Императора ты арестована за преступную ересь, сношения с врагами Императора, разложение слуг Императора и другие преступления --- вплоть до слушания дела. Ты будешь отправлена на Мумас, где расскажешь всю правду, а потом твою судьбу будет решать Конклав Ордо Маллеус. Лишение свободы предупредит твои дальнейшие преступления. Твое звание инквизитора отныне аннулировано. Эти преступления связаны с помощью, оказанной Голику Рен-Сару Валинову, и с гибелью имперских служителей при исполнении священных обязанностей. По решению Ордо Маллеус, твои преступления не совершены по незнанию. Остается только определить степень виновности. До тех пор ты перестанешь быть гражданином

Император и поспуаешь в распоряжение
Орго Маллеус. Да пребудет с тобой
милосердие Императора, а мы не можем
тебя помиловать.

Клаэс защелкнул планшет. В его
глазах Лузейя увидела только печаль. Ни
одни инквизитор не в состоянии
раговаться падению своего коллеги -- это
напоминает, как мало отделяет его
самого от той же пропасти.

-- Лузейя, -- сказал Клаэс. -- Скажи,
зачем ты это сделала, и я обещаю, к тебе
будут хорошо относиться.

-- Зачем? -- По щеке Лузейи
пробежала горячая слеза. -- А что еще
остается делать? Галактике грозит
гибель. Перемены поглотят абсолютно все.
Не имеет значения, как упорно мы будем
сражаться, мы все обречены. Я видела, как
это произойдет. Инквизитор, судьбу
невозможно победить. И свобода Валинова --
это часть судьбы, как и мой арест, как и
тот факт, что все вы умрете, а ваши
триумфы обратятся в пыль.

-- Хватит! -- прервал ее Санторо.

Он шагнул вперед и ударил по лицу

инквизитора тыльной стороной ладони.
Лигейя рухнула на пол.

Уже лишившись сознания, она все же увидела, как Гаргатүлот гасил звезды, а Повелитель Перемен шел следом за ним и поражал всю материю Вселенной скверной Хаоса.

Аларик лишился товарища, которому доверял. Он потерял друга. Когда Лигейю привезли на «Рубикон» и заперли в обработанной псайкерати камере, Аларик увидел сломленную женщину, жалкую тень той пронцательной аристократки, которой он решился доверять.

С одного взгляда на лицо Клаэса Аларик понял, что инквизитор чувствует то же самое. Сама мысль о том, что Гаргатүлот мог завладеть такой женщиной, когда она даже не приблизилась к нему, казалась ужасной. Аларик впервые всерьез задумался, сможет ли Гаргатүлот сделать то же самое с Серым Рыцарем, если тот подойдет достаточно близко. До сих пор ни один из Серых Рыцарей не поддавался силам Хаоса — неужели Аларик

или один из его подчиненных станет первым? От одной этой мысли в его глазах на миг потемнело.

Лигейя отослала своих культистов не за оружием Мандулуса. Она направила их на Милас, где, действуя по ее приказу, они помогли Валинову избежать казни. Последнее, что стало известно о Валинове, — это то, что он улетел на корабле, украденном с одного из колец Сатурна. В погоню за ним отправился весь флот Ордо Маллеус, находившийся на том момент на Япете, но они потеряли преступника в гигантском газовом кольце.

К тому времени, когда арестовали Лигейю, Валинов наверняка был далеко за пределами Солнечной системы. Возможно, что вместе с ним отправился один из культистов, оставшийся в живых. Свершилось грандиозное предательство. Лигейя больше всех остальных знала о многочисленных преступлениях Валинова против жителей Улпериута, и все же она встала на его сторону и помогла избежать наказания.

Аларик не мог знать точно, когда и

как Валинов сумел запустить свои когти в душу Лигейи. Но в одном он был уверен: здесь не обошлось без помощи Гаргатұлома. Возможно, это началось еще при обнаружении «Codicium Aeternum». Или при первом вопросе Валинова на Мимасе. Аларик сам прочел несколько страниц «Codicium Aeternum». Неужели Гаргатұлом уже пытался проникнуть в его разум и внедрил в мысли свои приказы?

Гаргатұлом действовал через статую с Виктрикс Соноры и тексты, найденные на Софано Секундосе. Возможно — и через архивы на Тренитосе, в которые Лигейя погружалась с головой, добывая информацию. Ересь проникала в ее разум, а инквизитор ничего не заметила, пока не стало слишком поздно. Ее использовали. Как использовали и Серых Рыцарей, чтобы они сыграли свою роль в непостижимых планах Гаргатұлома, сплетенных в Шлейфе Святого Эвиссера еще до изгнания повелителя демонов.

Теперь Лигейя пропала, и Аларик придется вести сражение в одиночку.

Гаргатұлом не был просто

чужовищем, убитым Мандулисом. Он был
знанием, укоренившимся в головах его
последователей, — тем знанием, которое
могло поразить разум его нешек и
заставить их совершать безумные
поступки. В прошлом, еще на пути к
званию правосудора, Аларик не раз
доводилось бороться с демонами и
культистами, но они всегда были для него
врагами, которых можно видеть, ощущать
и убивать. А Гаргатулот стал силой,
уничтожение которой не повлестно Ордо
Маллеус.

После того как «Рубикон» покинул
Тренитос и направился к Миласу, Аларик
постарался собрать отрывочные
результаты исследований Лигейи в одно
целое. Ему наглежало опустошить
занимаемые ею помещения и все
содержимое сжечь, поскольку никто не мог
определить, сколько и каких записей
коснулась зараза ереси. Но эти записи были
последней надеждой Аларика. И если во
всем Империи и был кто-то, кто мог
продолжить расследование Лигейи и не

стать жертвой Гаргатүлота, то это
только Серый Рыцарь.

Инквизитор Клаэс предоставил в
распоряжение Аларика все ресурсы
Тренитоса. Лучший корабль Клаэса -- мон-
самый, которым воспользовались
культисты Лигейи, -- до сих пор стоял под
арестом в доках Янета. Но инквизитор
нажал на тайные пружины, и через
несколько дней у Аларика было два
торговых судна -- самых быстроходных во
всем Шлейфе, с командой из бывших
экипажей военной флотилии.

Аларик послал Генхайна на
«Рубиконе» доставить Лигейю на Милас.
Затем командир отделения возмездия
должен был отправиться на Титан и,
действуя от имени Аларика -- как брат-
капитана и командира ударной группы, --
получить меч Мандүлиса. Если это
оружие действительно было «сверкающей
толнией», о которой говорил Валинов, --
значит, меч воплощал в себе единственный
шанс Серых Рыцарей в грядущем
противостоянии с Гаргатүлотом.

Отделения Санторо и Танкреда

остались в крепости. Они оборудовали себе
кельи и тренировочные залы и
практиковались в рукопашных схватках.
Когда-то крепость казалась
могущественным, почти неприступным
сооружением. Теперь же Аларик, готовясь
продолжать расследование, стоявшее
Лигейе разума, всерьез полагал, что
Шлейф Святого Эвиссера обладает куда
меньшими ресурсами, нежели сеть
культов Гаргатүлота, зародившихся
больше тысячи лет назад.

Усиление активности культов
привлекло в тиры Шлейфа немалые силы
Имперской Гвардии и военных флотилий,
но все же их было недостаточно, чтобы
охватить всю систему. Даже если бы
удалось убедить Экклезиархию
предоставить в распоряжение Аларика
подразделения Сестер Битвы — преданное
и мощное войско, заслуживающее уважения,
— всех собранных сил едва хватило бы для
одного хорошего удара.

Большая часть Серых Рыцарей
сейчас направились к Оку Ужаса сражаться
с непрерывным потоком демонов.

изливавшимся в реальный мир из варпала. Остальные с трудом закрывали самые критичные позиции, сдерживая натиск демонов через черные дыры по всему Империиуму — Маэльстром, врата Варпала, туманность Диоклетиана и дюжины других кровоточащих язв реальности. Так что с Титана не стоило ждать подкрепления.

Теперь Аларик понимал, почему от лидера требуется обладать многими различными качествами, в необходимости которых он прежде не был уверен. Он должен был сражаться и побеждать, не допускать, чтобы пошатнулась его вера в Императора, и вести за собой братьев Серых Рыцарей. Но более того — он должен был исполнять все это даже тогда, когда сознавал, что остался совсем один.

«ПЕРЕВОЗЧИК»

«Перевозчик» неспешно тащил свой груз через Сегментум Солар. Двигатели опасно постукивали из-за нагара в изношенных клапанах, а устаревший курс-контроллер тратил слишком много топлива на беспрестанные корректировки маршрута. Перелет между Юрном и Эпсилон Октариус был тяжелым; обилие конкурентов не позволяло тратить время на ремонт разваливающегося грузового судна, а полученных денег вечно не хватало, чтобы заменить его на новое.

Капитан Цамбе знал, что, вероятно, встретит вместе со своим «Перевозчиком». Цамбе уже стукнуло сорок семь лет. Это хороший возраст для капитана грузового судна: большинство коллег утирало глаза гораздо раньше из-за несчастных случаев или разгульных ночей в портах. Цамбе пережил два серьезных крушения и Император знает сколько пьяных драк на

стоянках. А когда, наконец, стал капитаном собственного корабля, понял, что теперь до смерти не вырвется из этой кабалы. Он задолжал слишком многим людям, чтобы сунуть от них отделаться, и никогда не накопит достаточно денег, чтобы модернизировать свою потрепанную посудину.

По крайней мере, экипаж — три десятка людей, что занимали несколько жилых помещений вокруг обширного чрева корабля, — знал, на что идет. В огромных безвоздушных грузохранилищах лежало несколько партий промышленных товаров с Юрна: от запчастей к станциям слежения до лазржей массового производства, упакованных в деревянные ящики.

Помощники Уамбе были людьми жестокими и угрюмыми; возможно, они использовали «Перевозчик» для того, чтобы скрыться от правосудия. Но пока они выказывали хоть небольшое уважение к техноритуалам и знали, с какого конца подойти к гиперключу, капитана это не

беспокоило.

Тесный и жаркий капитанский мостик «Перевозчика» провонял потом и машинным маслом. Цамбе с годами начал заплывать жиром. Теперь он плотно заклинивался в командном кресле и медленно пропитывал его потертую обшивку своим потом. На подлокотнике брякала полупустая бутылка юрнианского «Второго лучшего» — вонючего, но сильнодействующего спиртного, без которого капитан уже не мог уснуть. От холодного, ненавистного костюма, где капитан провел большую часть жизни, его отделяла лишь прозрачная пластальная полусфера — точно выпуклый глаз гигантского насекомого.

«Перевозчик» недавно выпрыгнул из Варна. Корабельный навигатор второго класса — костлявый и дерганый парень, выпускник одного из Нижних Домов, теперь мог несколько дней медитировать, чтобы подготовить следующий варп-прыжок. Навигатор был почти полным нулем в своей работе, зато плата Нижнему Дому за его услуги такой не казалась. Астронавты

Телл обходилась не намного дешевле, но она хоть и měla какое-то представление о том, что делает.

Ўамбе ненавидел космос и потому не мог отвести от него взгляда. Капитан узнал, что в один из дней космос ворвется и убьет его — и это случится, как только Ўамбе ослабит бдительность. Однажды ему довелось оказаться в нескольких сантиметрах от жесткого вакуума и увидеть, как грузы выворачиваются наизнанку в пробое корпуса. Это было давно, еще когда капитан мог позволить себе иметь грузей. Космос погубил больше мужчин, чем это сделали женщины, — какими словам уже ничего не надо добавлять...

Рядом с Ўамбе гудели и пощелкивали стоящие в беспорядке анализаторы и устройства связи. Время от времени выпускали облачка пара протекающие трубы охлаждения. Капитан слышал, как натужно гудели двигатели, проталкивая «Перевозчика» через гравитационные поля висящего над ним пояса астероидов. Этот корабль долго не протянет.

Может, после прибытия на Эпсилон Октариус оставить судно гнить в порту и отправиться на планету? И там найти другой способ прожить отмеренное ему время, которого Ёамбе не заслуживал? Послать к черту плату за стоянку, туда же и кредиторов?..

Но капитан прекрасно знал, что на Эпсилон Октариус он загрузит корабль продовольствием и предметами роскоши и потащит все это обратно на Юрн.

--- Босс, --- ожил вокс-канал с корты, прерываемый помехами. Говорил Лестин --- бригадир мотористов и единственный человек, которому Ёамбе мог довериться двигатели «Перевозчика». --- Босс, у нас проблема.

Ёамбе сплюнул:

--- Что за проблема?

--- Столкновение. Похоже, что-то случилось в четвертом отсеке.

--- Вы в состоянии справиться с этим «случилось» или отсек разрушен полностью?

--- Керрел пошел посмотреть. Он пока не вернулся.

Цамбе совсем ни к чему было терять людей. Выручка за этот рейс будет слишком невелика, чтобы набирать новых членов экипажа.

--- Сейчас прыгь. Постарайся, чтобы до тех пор никто не умер.

Цамбе выбрался из капитанского кресла и спрятал бутылку «Второго лучшего» в один из стоящих рядом анализаторов. Спиртное, рядом с нагретой трубой, стало шипеть и булькать. Пробираясь от кресла к выходу, капитан не переставая сыпал проклятиями. Прикоснувшись рукой к металлической перегородке, он ощутил, как сильно угрожит корпус корабля. Предыдущий владелец вырезал на трубах и балках литании богу машины. Высокий готик толить должен был обеспечивать безопасность и работу всех механизмов. Но, похоже, от этого мало толку.

Через выходящие в главный коридор иллюминаторы Цамбе заглянул в обширные грузовые отсеки. Там грохотались массивные кипы строительных материалов.

инструментов, оружия — всех тех вещей, которые жители Эпсилон Октариус были не в состоянии изготовить сами. Затем капитан заковылял в сторону кормы по длинному коридору с полукруглым потолком, в полной мере ощущая свой возраст и свой вес.

Однажды, работая на вооруженном торговом корабле с Балүра, Ыамбе стал свидетелем протечки плазменного реактора и видел, как две тысячи человек заживо сгорели в жидком пламени. Будучи капитаном, он потерял семерых человек, когда отказал механизм воздушного шлюза. А с каждой смертью, как верил Ыамбе, небольшая часть его души становилась темной и холодной. Вот почему прирожденные астронавты так жестокосердны, словно дети зрков.

Коридор постепенно сужался, от него уходили многочисленные боковые ответвления. Их сеть охватывала выпуклые громады плазменных реакторов, машинных отсеков и варп-генераторов.

Ыамбе на ходу воткнул в ухо бусинку вокса:

--- Лестин?

--- Босс, мы нашли его, --- прозвучал ответ Лестина, но в его голосе не было и намека на радость.

--- Где он был?

--- Шагах в двадцати от нас. Кто-то загнал его в воздушный шлюз. Похоже, Керрел от чего-то убегал.

--- От чего это?

--- Мы не стали там околачиваться и выяснять, --- ответил бригадир мотористов. --- Я закрываю все переборки вокруг четвертого отсека.

Цамбе зашел в корабельный оружейный склад --- маленькую темную комнатку, где на стенах было развешано все имеющееся оружие, снял со стойки короткоствольное ружье и торопливо зарядил магазин шестью патронами. Экипажи костических кораблей чаще всего брали с собой в рейсы именно короткоствольные ружья. На корабле ни к чему дальнобойность, а более мощное оружие грозило пробить корпус или разрушить какую-нибудь жизненно важную систему. Цамбе еще задержался, чтобы

достать из ящика ячеистый бронежилет и натянуть его на массивное туловище. Затем снова вышел в коридор. Жилет не сходил с выпирающим животом, но все равно это было лучше, чем ничего.

— Лестин, проследи, чтобы парни из реакторной команды не остались запертыми, — приказал капитан по воксу.

— К реакторным отсекам подходит слишком много вентиляционных труб, и туда мог забраться кто угодно.

Ответа не последовало.

— Лестин?!

Бусинка шуршала треском помех. Вокс-система на «Перевозчике» была на последнем издыхании и, похоже, отказала в самый неподходящий момент. Так решил Цамбе, передернул затвор и грузно двинулся по коридору.

Впереди слышались шаги; они были слабыми и неровными. В сумрачном освещении мелькнула чья-то тень, и Цамбе едва не выстрелил в голову появившегося перед ним человека.

Это был корабельный навигатор. Любого навигатора только с натяжкой

можно было назвать человеком. Уменовать их мутантами считалось невежливым, но Ёамбе мог думать о них только так. Эти существа умели заглядывать в варн и вести через него корабль. Все они были глиняными и хилыми созданиями, и навигатор «Перевозчика» --- не исключение. Вот только сейчас он был не просто хил: он был ранен. Темно-голубая форма Нижнего Дома почернела от крови. Она толчками вытекала из раны на груди, тонкой струйкой тянулась изо рта и оставляла извилистый след на полу.

Навигатор по имени Кревакалик свалился на руки Ёамбе и едва не опрокинул капитана на спину.

--- Что это?! --- тяжело дыша, воскликнул Ёамбе. --- Где?

Кревакалик сполз на пол и посмотрел на Ёамбе снизу вверх из-под повязки, прикрывающей третий глаз на лбу --- варн-глаз.

--- Это... она была в... она пришла за мной, а Гелл была первой...

--- Гелл мертва? --- перебил капитан. Кревакалик кивнул.

Плохие новости. Гелл, корабельный астронавт, была единственной, кто мог послать телепатический сигнал бедствия.

Кревакалик закашлялся и выплюнул на Ыамбе теплый сгусток крови. Навигатора придется оставить: через несколько мгновений ему конец. Ыамбе уже приходилось это видеть. Легкие и внутренности навигатора пробиты. Будет милосерднее оставить его умирать, чем пытаться помочь.

А Ыамбе надо идти дальше -- и не глядя, чтобы разыскать Лестина или еще кого-то из команды. Единственная рабочая спасательная капсула находится на корме. Ыамбе уже понял, что ему необходимо как можно скорее покинуть судно.

Он бросил навигатора умирать на полу в коридоре. Если Кревакалик и просил капитана остаться, слова утонули в кровавой пене на губах.

Впереди коридор широким полукругом огибал один из плазменных генераторов -- громадный выпуклый цилиндр высотой с пятиэтажное здание. Там вырабатывалась энергия для корабля.

Плазменное ядро с негромким гудением заставляло работать все корабельные системы. Из проходящих по полу и стенам труб охлаждения поднимались небольшие облачка белого пара.

На ближайшей контрольной панели лежало тело. Это был Ранл — паренек, которого экипаж «Перевозчика» подобрал во время последней технической стоянки. Ранл был молодым и глупым, возможно — беглым преступником, но он делал то, что ему велели, и вел себя тихо. Он не заслуживал того, чтобы ему отрезали голову и рассекли тело, но именно так с ним и поступили.

Цамбе никогда не видел, чтобы так убивали — тело было рассечено на части, как будто наг нит поработал первоклассный мясник. Капитан огляделся и заметил, что Ранл был не один — с перил верхнего перехода, идущего вдоль генератора, свешивался еще один труп. Цамбе не смог его узнать, но увидел, что обе кисти рук отрублены, а на стене внизу появились ржаво-красные потеки крови.

Под потолком возникло движение, но

настолько быстрое, что Цамбе ничего не успел рассмотреть. Похоже, кто-то прыжками двигался по наружной стене, вместо того чтобы идти по переходу. Цамбе попытался нацелить на него оружие, но тень пропала раньше, чем он поднял дуло.

Его люди погибали. Кто-то пробрался на корабль и вознамерился убить каждого, кто попадется на пути. Сначала они отправились за астронавтом и навигатором — значит, никто не успел подать сигнал бедствия.

Пираты? У Цамбе были с ними свои счеты. А может, даже ксеносы. Каждый астронавт слышал достаточно историй о диких ксеносах — от жестоких вырожденцев эльдаров до зеленокожих убийц, нападающих на имперские суда.

А может, это еще более примитивная форма жизни? Говорят, что тираниды используют быстрых и опасных многоруких тварей в качестве шпионов. Эти в состоянии испортить любой механизм и убить всю команду на борту корабля. В рассказах, которые с

красочными и кровавыми подробностями звучали в барах, тавернах и борделях по всему Империи, жили и другие чудовища, способные пробраться на корабль и вырезать всю команду.

Вновь что-то мелькнуло — теперь ближе и ниже. Цамбе едва успел уловить тень боковым зрением. Капитан понял, что не сможет убить его, — это какой-то чужак, смертельно опасное существо. Неужели он, капитан Цамбе, кончит свои дни как Ранл? Будь проклят этот корабль! Пропави пропадом весь груз! Он не собирается здесь умирать.

Цамбе бегом обогнул реактор и бросился к низкой двери, ведущей на корму. Там есть единственная спасательная капсула, и она должна быть в рабочем состоянии. Если ее никто еще не взял и если какой-то корабль пройдет достаточно близко, чтобы уловить сигнал бедствия, капитан может остаться в живых.

Чем ближе он подходил к машинному отделению, тем грязнее и теснее становился коридор. Под ногами клубились

облака из охлаждающей системы. Вонючий маслянистый воздух забивал нос, почти сразу же пересохло в горле. Дыхание Ёамбе стало натужным и силным... Он слишком стар для всего этого.

Внезапно ожил канал вокса. Треск потех прервался мужским голосом --- низким, сильным и уверенным.

--- Капитан Ёамбе, --- произнес он. --- Сколько топлива на твоем корабле?

Ёамбе остановился. Вокс-передатчик был только у Лестина. Значит, тот, кто говорил, поймал Лестина, а парень направлялся на кортү. Кто бы это ни был, он находился между Ёамбе и спасательной капсулой.

Ёамбе развернулся и побежал обратно тем же путем, которым пришел. Затем свернул в служебный туннель, отходящий из коридора и слишком узкий, чтобы продвигаться по нему с той скоростью, с какой хотелось...

Надо где-то спрятаться. Короткоствольное ружье в руках показалось слишком тяжелым и бесполезным; капитан едва удержался,

чтобы не бросить его. Должен быть какой-то выход. «Перевозчик» — большой и захламленный корабль. В нем полно огромных грузовых отсеков, где можно затеряться. Однажды Ыамбе поймал там безбилетника, водившего за нос экипаж в течение семи месяцев...

Он должен спрятаться. И выжить.

Ыамбе ощупью стал отыскивать вход в отсек, где находился единственный корабельный челнок. Это большое низкое помещение располагалось между двумя реакторами. В нем стоял потрепанный трансатмосферник, которым пользовались для перелетов между кораблями на стоянках в орбитальных доках. Низкий квадратный челнок был таким же старым и грязным, как и весь остальной корабль, но если Ранл не забыл заправить его топливом, как было приказано, Ыамбе запустит его и откроет шлюз отсека, чтобы выбраться с корабля.

Спаслись при помощи одного только челнока невозможно. В нем нет ни воды, ни продовольствия. Запас воздуха рассчитан всего на семь часов, да и

энергетические батареи настолько изношены, что для обогрева кабины придется жечь прометий. И дальность действия передатчика на челноке не оставляет надежды на обнаружение каким-нибудь кораблем.

Зато Ыамбе мог бы сам выбирать, как ему умереть. Спрятаться на корабле и попытаться перехитрить захватчиков — или убежать на челноке и погибнуть от холода и удушья. Или просто застрять в шлюзе...

Ыамбе почти добрался до челнока, как вдруг из-за машины вышел человек. Едва капитан попытался поднять оружие, как непонятно откуда вылетело серебряное лезвие и, вонзившись в руку, пригвоздило ее вместе с ружьем к бедру. Белая вспышка шока перед глазами Ыамбе сменилась алой пеленой боли. Он рухнул на колени. Кончик лезвия царапнул по кости, но выходить не собирался.

Идущий ему навстречу мужчина обладал высоким ростом и превосходным телосложением. Даже в потрепанном и запачканном скафандре он утвдвался

выглядеть величественным. Его резкое, продолговатое лицо и череп были гладко выбриты, и всю кожу покрывала густая сеть татуировок. Большие темные глаза словно ввели Ыамбе насквозь; и на мгновение капитан даже забыл о боли в руке и ноге, о теплой струйке крови, стекающей на пол.

— Сколько топлива, — повторил мужчина тем же самым низким и звучным голосом, что слышался по вокс-каналу, — имеется на твоём корабле?

— Убирайся, бандит! — огрызнулся Ыамбе.

Только отчаяние удерживало его от обморока. Он не хочет здесь умирать. Он не умрет. Он собирался бросить корабль на Эпсилон Октариус и отправиться на поверхность, чтобы начать новую жизнь, подальше от костоса. Он не должен погибнуть!

Человек что-то бросил в Ыамбе — что-то теплое и ужасное; оно шмякнуло капитана по голове и свалило его на грязный металлический пол. Боль тотчас вонзилась в мозг горячей иглой, а когда

пятна перед глазами рассеялись, Цамбе
увидел, что рядом с ним лежит
отрезанная голова Лестина с отвисшей
челюстью и открытыми глазами.

--- Сколько топлива на твоем
корабле? Твой человек сказал, что он
этого не знает.

Цамбе погнул голову. В глазах
захватчика зияла полная пустота. На
секунду капитану показалось, что он
заглянул в варп, в бесконечность Хаоса,
сводящую людей с ума.

--- Достаточно, --- заикаясь,
пробормотал Цамбе. --- Достаточно,
чтобы добраться отсюда до Эпсилон
Октариус. Если требуется больше, надо
запустить второй реактор.

--- Хорошо, --- бросил мужчина, а
потом перевел взгляд куда-то за голову
Цамбе. --- Убери его.

Цамбе оглянулся. Сзади кто-то стоял,
хотя капитан и не слышал ничьих шагов.
Это была женщина в черном блестящем
облегающем костюме, под которым были
видны тугие мускулы, словно кольца змеи,
обвивавшие тело. Глаза с золотистыми

крапинками смотрели на капитана с презрением.

— Я не могу здесь умереть... — заговорил капитан, но это не помешало ей поднять глинный блестящий меч и одним ударом рассечь Цамбе пополам.

Аларик не мог ощущать состояние Шлейфа, как это делала Лигейя, но ему хватало и донесений, стекавшихся в крепость на Тренитосе. Промышленный мир Магнос Омикрон был объят гражданской войной, в которой верные Императору агенты сражались с толпами последователей нечестивого проповедника. На Вулканис Ультор было введено военное положение. По приказу кардинала Рекобы подразделения тяжелой балурианской пехоты непрерывно патрулировали улицы и ограждали богатые кварталы верхнего города от банд культистов, роящихся в трущобах.

Немногочисленные корабли военной флотилии Шлейфа беспрестанно курсировали между тирати и уничтожали каждый грузовой корабль, если его капитан

не мог вразумительно перечислить груз и
всех членов экипажа.

Апокалиптические бедствия
обрушились на многие миры. Как только
распространились первые слухи, граждане
Империума наводнили соборы.
Проповедники совершали многолюдные
молебны во имя спасения и всепрощения.
Молящиеся приходили в экстаз.
Временами собрания благочестивых
имперцев невозможно было отличить от
сборищ культистов Гаргатүлота.

Аларик начал осознавать, насколько
силен Тысячеликий Принц. Один лишь слух
о его существовании вызвал неизмеримые
страдания и ужас.

Возможно, вся необходимая Аларикү
информация содержалась в архиве
Тренитоса. Но молодой капитан Серых
Рыцарей был не в состоянии
перестотреть все бесконечные кипы бумаг
на полуистлевших полках. Весь штат
подчиненных инквизитора Клаэса не раз
уже пытался это сделать, но и они
потерпели неудачу. Аларикү оставалось

работать лишь со свежими донесениями из
миров Шлейфа да с той небольшой частью
документов по истории системы, что
была разобрана и тщательно
рассортирована.

Комната над архивом была высокой и
продувалась бесконечными сквозняками.
Сквозь высокие стрельчатые окна
пробивались скудные лучи света, с трудом
рассеивая сумрак. Несколько служителей
крепости сновали вдоль полок,
закрывающих все стены помещения, и
приносили Аларикю требуемые
материалы. Он понимал, что не сможет
ничего обнаружить сверх того, что уже
простоотрела и изучила Лигейя, но
приходилось использовать любые
возможности. Ставка была слишком
высока, чтобы хоть чем-то пренебрегать.

Сотни донесений, лежащих перед
Алариком, рассказывали о зверствах,
учиненных культистами Гаргамулоа. В
них упоминались взрывы бомб, массовые
убийства, лжеежи, еретические проповеди
по вокс-сети, набеги на имперские соборы,
многочисленные похищения людей...

Цинквизитор Лигейя могла
погружаться в самое сердце тьмы, могла
исследовать безумные идеи, занимавшие
мысли последователей Гаргатүлота. Все
это было недоступно Аларикү. По
сравнению с Лигейей, его разум оставался
закрытой комнатой.

--- Брат-капитан, --- раскатился по
свояком знакомый низкий голос.

Аларик оторвался от кипы донесений
и увидел идущего к нему через архивную
комнату Танкрега. Двое работников
крепости с удивлением обернулись, чтобы
посмотреть на громадную фигуру.
Танкрег был в своих терминаторских
доспехах, и его рост почти вдвое превышал
рост нормального человека.

--- Астронавты крепости получили
послание, что Генхайн благополучно
добрался до Титана.

--- Хорошо. --- Аларик все еще не
привык, чтобы к нему обращались «брат-
капитан». --- Я хочу, чтобы мы были готовы
к выступлению, как только «Рубикон»
вернется. У нас совсем не осталось
времени. Гаргатүлот все ближе.

Танкред кивком указал на пачку
бумаг:

--- Насколько все плохо?

--- Очень плохо. Ни один мир не
избежал разложения. Пострадал даже
Магнос Омикрон. Войска планетарной
обороны не справляются. То же самое
относится к правоохранительным
органам. Арбитрес стараются изо всех
сил, но им приходится подавлять слишком
много культов.

Аларик грустно покачал головой:

--- Как долго они здесь таились?
Неизвестно. На Софано Секундосе было
совсем другое дело. Это изолированный
мир, и процесс мог идти несколько
столетий. А сейчас мы столкнулись с
миллионами мужчин и женщин. Сотни
культов в каждом мире по всему Шлейфу.
И все они соблюдали секретность, но
только до сих пор.

--- Военные флотилии в состоянии
изолировать этот район. Надо объявить
Крестовый Поход.

Танкред имел все основания так
говорить: раньше случалось, что зачистке

погвергались целые сектора костоса. В
мирах Шабаша, в зоне Асклепиана и в
некоторых других районах -- все эти миры
очищались Крестовым Походом войск
Имперской армии и флотилий.

-- Если бы Шлейф был охвачен
открытым восстанием, если бы половина
Имперских войск не была прикована к Оку
Ужаса, Маллеус, возможно, так бы и
поступил, -- ответил Аларик. -- Но не
теперь. Гаргатулот не выступает
настолько открыто, чтобы привлечь
внимание всего Империиума. Это наше
дело.

-- Ты говоришь так, словно впадаешь в
отчаяние. -- В голосе Танкреда прозвучали
предостерегающие нотки.

-- Это не отчаяние, правосудор, --
ответил Аларик. -- Ему нет места, пока
жив хоть один из нас. Просто я все больше
убеждаюсь, насколько хитер наш враг.
Гаргатулот давно все это спланировал --
возможно, еще до того, как Мандулис
впервые его изгнал. И тот факт, что он
возвращается в тот же промежуток
времени, когда открылось Око Ужаса, --

это не совпадение. Но у нас есть одно преимущество.

Аларик поднял пачку самых ужасающих отчетов:

--- Он не выступает открыто. Это все попытка нас отвлечь. И пока дело касается Арбитрес и сил планетарной обороны, его уловка срабатывает. Но мы не такие. Мы знаем, что до тех пор, пока культисты не вызовут его в реальный мир, Гаргатүлот очень уязвим. Когда он хорошенько обоснуется здесь, как раньше на Корионе IX, -- ему ни почем любой Крестовый Поход, даже если мы сумеет его выследить. Но сейчас он уязвим. Он знает о нашем присутствии и боится нас.

--- Но как мы его отыщем, брат-капитан? Мы не можем сражаться с тем, кого не видим.

Аларик взмахнул руками, словно бы хватывая весь архив.

--- Это где-то здесь. Культисты Гаргатүлота должны подготовиться к ритуалу возвращения Гаргатүлота, а сейчас большая часть культов на Шлейфе занята тем, что отвлекают силы

Императором от тех, кто занят этими приготовлениями. Лузейя могла бы отфильтровать культы, проявляющие истинную активность, а не отвлекающие маневры. Но ее здесь нет, и нам придется все сделать самим.

--- Тогда я лучше не стану мешать тебе работать. Мои люди будут бдительны.

--- Конечно. Да ведет тебя Император, правосудор.

--- И тебя тоже, брат-капитан.

Аларик посмотрел вслед выходящему Танкреду. Как правильно считал Танкред, Серые Рыцари были созданы для того, чтобы сражаться с преступниками, из-за которых весь Шлейф объят пламенем, а не копаться в архиве в поисках улики, возможно отсутствующих. Танкред никогда бы открыто не высказал сомнения, он был слишком хорошим солдатом и слишком заботился о том, чтобы соответствовать требованиям командира. Но он не мог скрыть свои опасения от Аларика.

Аларик понимал, что может

требовать от Серых Рыцарей только повиновения приказу, но не в силах контролировать их мысли. В запасе был еще один ресурс — доверие братьев-воинов. Аларик надеялся, что сможет удержать его до тех пор, пока не отыщет ключ к разгадке Гаргатүлота.

Лучше сражаться только с одним врагом.

КАТАКОМБЫ

Многие говорят, что нелегкая постынь времени ощущается на Титане сильнее, чем в других местах, и слои истории давят здесь особенно тяжело. На самом деле причина в том, что сила тяжести на Титане несколько больше, чем на Терре. Это объясняется наличием сверхплотного стержня, внедренного в ядро спутника во времена Темной Эры Технологий. Но в этом утверждении есть и другая истина: история буквально высечена на скалах Титана в виде лиц забытых героев, восхвалений когда-то известных всему миру деяний, в виде мозаичных картин ужасных сражений против сил Хаоса.

Вся поверхность Титана изрезана, словно огромное золото высекло из планеты укрепления и цитадели. Их стены с самых ранних дней Империи за слоем за слоем покрывались каменной

резьбой. Здесь хранится столько истории, что она переполнила бы все библиотеки Инквизиции, если бы только стоглавы могли вырваться наружу.

Правосудор Генхайн размышлял, сколько мог бы узнать Император, если бы его ученые сумели правильно прочитать все образы и письмена со стен подземелий Титана. Под верхними уровнями Титана, где жили и молились Серые Рыцари, находились катакомбы с захоронениями. Длинные сводчатые туннели были вырублены ремесленниками еще до того, как Ордо Маллеус возродился из огня Ереси Хоруса.

Генхайн, спускаясь вместе с процессией в катакомбы, где будут похоронены его боевые братья, смотрел на высеченные в камне лица Серых Рыцарей. Боевые братья, в старинных силовых доспехах, вели бесконечную битву против угхтылавшихся каменных демонов. Эта колонна была поставлена в память о безымянных святых Императора. Сводчатый потолок покрывали имена братьев — тех павших в боях Серых

Рыцарей, тела которых было невозможно отыскать для захоронения на Титане.

Генхайн шел вслеп за капелланом Дүрендином. Дүрендин, в полном комплекте черных доспехов, в череполиком шлеме из серого металла, не раз проходил по этим переходам. Будучи капелланом, он оставался попечителем мертвых и заботился о них так же, как и о душах живущих братьев.

Следом за Генхайном шагали воины его отделения с носилками, на которых лежало тело брата Краэ — павшего Серого Рыцаря из отделения Танкреда, доставленное командиром на борту «Рубикона». Брат Каанос тоже погиб на Софано Секүндосе, но его тело осталось захороненным на планете. Генхайн знал, что, если Серые Рыцари вступят в бой с Гаргатүлотом, еще до завершения этой миссии в катакомбах Титана появится множество новых могил.

Краэ лежал в белой погребальной накидке, надетой поверх массивных пластин терминаторских доспехов. Под ней простатривались очертания алебарды

Немезиды, лежащей на грүди. Могүчие
рүки в латных рүкавицах покоились на
рүкояти оружія. Следом за носилками
шагали несколько новичков. Это были
совсем юные үченики, только начавшие
процесс трансформации в Серых Рыцарей.
Они несли күрильницы, наполнявшие
спертый воздух катакомб гүстым резким
ароматом священного лагана. Генхайн
припомнил это время, почти скрытое
пеленой психоустановок и бесконечных
медицинских процедур. Когда-то он сам
шел вслед за погребальной процессией
Серых Рыцарей и задал, сколько пройдет
времени до тех пор, пока его тело,
прикрытое белой накидкой, окажется на
таких же носилках.

Процессия в полном молчании
двигалась по катакомбам. То здесь, то
там стены расступались, открывая ниши,
высеченные в каменном массиве. В каждой
из них покоились останки Серых Рыцарей,
погибших столетия назад. На полу часто
виднелись описания погзигов боевых
братъев, лежащих в нишах. Бүквы были
почти стерты сапогами бесчисленных

погребальных процессий. Генхайн на ходу читал обрывки слов.

Имена некоторых его братьев не попадут даже в историю Серых Рыцарей, поскольку они сражались и умирали в пропущенные летописцами периоды времени.

Дүрендин дошел до зала, где предстояло похоронить Краэ, и впустил туда Генхайна с его воинами и новичков. На пьедесталах рядами стояло около пятидесяти каменных гробов. Три или четыре возвышения оставались пустыми, и одно из них было предназначено для Краэ.

Краэ останется лежать здесь до тех пор, пока отделение Танкрега не вернется со Шлейфа. Воины снимут с тела доспехи и возьмут оружие Немезиды; затем боевые братья проведут ритуал очищения и будут наблюдать, как ремесленники ордена изготовят вокруг тела каменный гроб.

В прошлом величайших героев Серых Рыцарей хоронили вместе с доспехами и оружием, но драгоценные комплекты терминаторской брони следовало беречь.

Агенту Астартес решили передавать их новым десантником, вводимым в состав одного из отделений ордена. Геносетям Краэ, иссеченное из тела лично Танкредом, будет имплантировано в организм новичка — и тогда постепенно появится новый Серый Рыцарь. Клинок Краэ тоже вручат костодесантнику, получающему первое освященное оружие; болтер и боезапас будут распределены между воинами его отделения. Таким образом, Краэ даже мертвым продолжит борьбу против великого Врага и отомстит злобным силам, погубившим его тело.

— На виду у всевышнего Императора, в сражении против сил разложения, лицом к лицу с Врагом пал брат Краэ.

Низкий печальный голос Дурендина, казалось, заполнил все катакомбы. «Устремление демонов» содержало десятки погребальных молитв. Дурендин множество раз произносил и знал наизусть каждую из них. Брат Краэ выбрал для своих похорон одну из простейших. Генхайн помнил этого скромного воина, точно

исполнявшего приказы правосудора
Санкреда и считавшего себя не кем иным,
как инструментом воли Императора.

Дурендин продолжал службу; Генхайн
и все воины склонили головы. Новички за
их спинами впитывали каждое слово
капеллана, отыскивая для себя смысл в
панегирике павшему Краэ.

— Враг не нашел в его мыслях ни
единой лазейки и не встретил милосердия
от его руки. На виду у Императора он пал
и бок о бок с Императором будет
сражаться против врага в конце всех
времен. Во имя Золотого Трона, во имя
повелителя человечества, пусть брат
Краэ живет в нашей борьбе.

Дурендин закончил молитву, и
новички молча по одному вышли из зала.
Они вернутся в кельи и будут размышлять
обо всех боевых братьях, подобно Краэ
павших на поле боя. Их геносемя теперь
имплантировано в тела учеников: оно
регулирует их превращение в Серых
Рыцарей.

Генхайн обернулся к брату Ондурину,
который нес огнемет отделения и

выполнял обязанности неофициального заместителя:

--- Ондурин, отведи отделение на «Рубикон» и прикажи экипажу готовиться к вылету. Я скоро догоню вас.

Ондурин кивнул и молча вывел отделение Генхайна из зала. На дороге из катакомб у них уйдет примерно два часа.

Правосудор Генхайн остался в зале наедине с Дурендином.

--- Брат-капитан Аларик оказал великую честь брату Краэ, отправив его тело на Титан, --- заговорил Дурендин. --- Но вряд ли он отослал тебя и «Рубикон» только ради этого.

--- Вы правы, капеллан. Он послал меня с просьбой от его имени.

Дурендин кивнул:

--- Я получил твое астропатическое послание. Это весьма необычная просьба. Такого не случалось уже много столетий. И еще реже такие прошения выполняются. Аларик все тебе рассказал?

--- Все. И еще он объяснил мне, что обладает властью исполняющего обязанности брата-капитана и может

доказать настоящую потребность в этом предмете, который я должен получить.

Дурендин устехнулся в глубине своего череполикого шлема:

— Конечно, правосудор. Но ты должен понимать значение этой просьбы. Как опекун наших павших братьев я должен относиться к ней очень осторожно. Следуй за мной, правосудор.

Дурендин пошел между пьедесталами к выходу. Генхайн, опустив взгляд, увидел, глядящие на него каменные лица — суровые, покрытые морщинами и шрамами. Лица людей, чьи души не могли успокоиться. Генхайн знал, что они и по сей день ведут непрекращающуюся борьбу с Врагом, как сам Император сражается из недр своего Золотого Трона. И борьба эта будет длиться до конца всех времен.

Через сводчатый проем они вышли в коридор, и Дурендин продолжил путь вниз. Генхайн следовал за ним в полутраке. Люмосферы здесь были расположены очень редко, и многие из них погасли. В стенных нишах многие столетия лежали тела

воинов.

Туннель закручивался по спирали, взрызаясь в кору Титана. Вдоль стен стояли статуи, настолько старые, что черты лиц были стерты временем. Шаги Дүрэнгина по гладкому каменному полу будили гүлкое эхо.

Воздух стал теплее. Белые зубы скелетов поблескивали в полутраке. Генхайн мельком заметил на стенах резные изображения Серых Рыцарей в давно устаревших силовых доспехах. Он видел подобные на мозаичных картинах в часовнях и в иллюстрациях старинных рукописей.

После недолгого спуска коридор выходил в огромное подземное пространство. Помещение было настолько большим, что гальная стена казалась горизонтом, а потолок — бескрайним каменным небом. Зал, словно богатый трачный город, был заполнен рядами огромных, искусно изготовленных сооружений из гранита и мрамора.

— Наших мертвых не всегда хоронили бок о бок, как братьев, — тихо пояснил

Дүрендин. — Орден постепенно изменяется, хотя это и не всем заметно. Этот уровень сохранился с тех пор, когда Серых Рыцарей, как величайших героев, хоронили в таких городах мертвых.

— Как давно это было? — нехотя спросил Генхайн.

Как и все Серые Рыцари, он сражался с ужасными противниками и видел такое, что могло бы свести с ума менее стойкого человека. И все же молчаливый некрополь вызывал в нем чувство глубокого благоговения.

— Последнее захоронение было сделано более девятисот лет назад, — ответил Дүрендин. — Идем дальше, правосудор.

Дүрендин шагнул под каменное небо и направился по широкой улице, вымощенной плитами из блестящего гранита. С обеих сторон высились гробницы — некоторые высотой в несколько этажей. Одни были украшены резными картинками сражений, на других виднелись монументальные символы: стилизованная буква «J», обозначающая инквизицию, и меч с книгой — эмблема Серых Рыцарей.

Генхайн заметил и выцветшие, написанные некогда яркими красками образы Серых Рыцарей в древних доспехах терминаторов. Они мечами и алебардами прогоняли огромные полчища тлетворных демонов с извивающимися щупальцами. Другая гробница была увенчана массивным империальным «Грозовым ястребом» — костическим челноком, словно готовым в любой момент вознести душу лежащего под ним костогесантника.

Дурендин свернул за угол, и в дальнем конце прохода Генхайн увидел помещение, выстроенное в форме древнего амфитеатра. Арочные проходы в закругленных стенах вели на арену, где сотни сидящих каменных фигур молча смотрели на обсидиановый прямоугольник, что стоял на возвышении в центре.

Дурендин вошел в амфитеатр. Он оказался огромным, как одно из заведений для гладиаторских боев, которые можно было найти в городах самых жестоких империй Империи. Фигуры наблюдающих людей были закрыты накидками и капюшонами с символами различных

организаций Имперіума: Инквизиции, Agentus Механикум, Экклезиархии, Администратума и даже Agentus Терра. Символичность памятника не оставляла сомнений: все мужчины и женщины Имперіума, знали они это или нет, были в неоплатном долгу перед Серыми Рыцарями.

— Теперь ты понимаешь, почему мы хороним павших воинов как братьев, — сказал Дүрендин, — а не как королей.

Генхайн на мгновение лишился дара речи. Произнеси такие слова любой из новичков — и он немедленно был бы жестоко наказан за нечестивость.

— Серые Рыцари совершают свои собственные ошибки, правосудор, — продолжал Дүрендин. — Аларик настолько доверяет тебе, что отправил сюда, так что и я доверю тебе объяснения. В прошлые времена жертвами гордыни становились целые ордена крестоносцев. К счастью, ни один Серый Рыцарь не поддался этому греху — частично из-за усилий капелланов, которые вовремя замечали склонность к

гордыне и старались увести братьев со скользкого пути. Вот почему мы больше не хоронили здесь наших мертвых.

Дурендин спустился по крутым ступеням к подножию обсидианового саркофага, в глубокую черную тень. На блестящей поверхности камня на высоком готике были высечены названия миров и Крестовых Походов, где сражался погребенный воин, обозначения уничтоженных им демонов и почести, которыми его удостоили лорд-инквизиторы Ордо Маллеус.

Последняя боевая почесть относилась к Кориону IX.

Дурендин шепотом прочел короткую молитву. Затем он приложил ладонь к смонтированной в саркофаг панели, и полированная крышка с чужовищным скрежетом медленно отошла в сторону. Из-под пола поднялись мраморные ступени, ведущие к гробу, и Дурендин, поднявшись, встал у изголовья. В воздухе разнесся сильный запах снадобий и хитикатов, которыми в те времена обрабатывали тела Серых Рыцарей перед погребением.

Генхайн последовал за капелланом
вверх по ступеням. Поднявшись настолько,
чтобы видеть внутренность саркофага, он
в невольном почтении склонил голову.

Грандмастер Мандулис был
похоронен без доспехов: во времена его
гибели терминаторские латы переходили
по наследству тому Серому Рыцарю,
который добивался чести быть принятым
в отделение терминаторов. Саван
грандмастера пожелтел от старости и
плотно прилегал к скелету — так что
были ясно видны все кости и изгибы черепа.
Генхайн заметил шрамы вокруг глазниц и
на макушке черепа, грудную пластину из
соединенных ребер и отверстия, через
которые к телу подключались системы
жизнеобеспечения и выходили окончания
нервных волокон. Обереги Мандулиса,
вмонтированные в доспехи для защиты от
демонов, в последние минуты жизни
раскалились так сильно, что их следы до
сих пор виднелись на костях причудливым
спиральным узором.

Кисти рук Мандулиса были сложены
на груди и все еще держали меч Немезиды.

Рисунок сверкающей молнии, выполненный из золота, начинался от крестовины и доходил до середины лезвия. Золото и серебро все еще ярко блестели. Лезвие оставалось настолько чистым, что отраженное в нем каменное небо казалось ярче, словно святость оружия придавала благородство даже отражению.

Чем больше Генхайн смотрел на тело грандмастера, тем больше замечал нанесенные ему ужасные повреждения. Какое-то едкое вещество расплавilo часть грудной пластины и проникло внутрь, оставив на ключице шершавые пористые следы. Тонкие трещины покрывали конечности в тех местах, где кости были сломаны, а затем восстановлены апотекариями, готовившими тело к погребению. Верхняя часть черепа представляла собой совокупность мелких осколков. Мандулис погиб в смертельной схватке с Гаргатулотом. Злоба принца-демона была настолько сильна, что он пытался раздробить тело Серого Рыцаря на кусочки.

--- Бүдбэ это кто-то дүрүгой, ---
заговорил Дүрөндүн, --- просьба Аларика
никогда не была бы выполнена --- бүдбэ он
братом-капитаном или кем үгодно. Но
Мандүлис үлөр, изгоняя Гаргатүлота
Никто не сможет отрицать, что он
согласился бы на любые жертвы, чтобы
сделать это снова.

Капеллан нагнүлсэ и осторожно,
чтобы не сломать хрупкие кости, разогнүл
пальцы Мандүлиса, державшие рукоять
меча. Затем поднял оружие и протянүл
его Генхайнү. Лезвие осталось таким же
острым, как в тот день, когда
грандмастер обнажил его в последний раз.

Генхайнү оно показалось тяжелым.
Меч был изготовлен в те времена, когда
оружие Немезиды держали по-дүрүгомү
массивный клинок предназначался для
того, чтобы рубить доспехи и кости.
Мечи Немезиды, которыми сейчас
пользовались боевые братья Генхайна, были
натного тоньше и легче --- для того, чтобы
колоть и резать.

--- Ни одна гробница в городе мертвых
не открывалась үже четыреста лет, ---

произнес Дүрендин. -- Орген хотел бы
показать Аларикү большую поддержку --
особенно теперь, когда с ним нет Лугейи.
Но Аларик, как и все мы, знает, что и в
лучшие времена сил оргена не хватало на
все. А сейчас, когда открылось Око Ужаса,
на счету каждый Серый Рыцарь. Мы
признаем, что угроза появления
Таргатүлота реальна, и надеемся, что
меч Мандүлиса поможет Аларикү, раз не в
силах помочь его братья, воюющие у Ока
Ужаса. Я бы хотел лично сказать это
брату-капитану, но уверен, ты передашь
ему мои слова.

Генхайн понимал, что Дүрендин все
это мог высказать Аларикү лично, через
астронатов. Тот факт, что капеллан не
стал прибегать к их помощи, подсказал
Генхайну, что Дүрендин не надолго
задержится на Титане.

-- Да пребудет с вами Император в
Оке Ужаса, капеллан, -- произнес Генхайн.

-- Пусть тебя ведет по Шлейфу Его
свет, правосудор, -- ответил Дүрендин.

Они спустились к подножию
саркофага, и крышка вновь закрыла тело

древнего грандмастера. Два Серых Рыцаря в полном молчании отправились в долгий обратный путь на поверхность Титана.

У поддавшейся Хаосу Лигейи не осталось шансов на спасение.

Как только «Рубикон» прибыл на Япет, Лигейю усыпили и погрузили в стазис. Это состояние длилось до тех пор, пока команда дознавателей с Мимаса не заперла ее в самой надежной камере из всех, что были у Орго Маллеус. Это помещение берегли для пленников, одержимых самыми сильными демонами. Камера висела на низкой орбите над темной стороной Мимаса и была закреплена на поверхности глиняным металлическим кабелем. Единственный путь в мрачный металлический куб лежал через сервитора-перевозчика: он, подобно насекомому-паразиту, карабкался по кабелю и присоединялся к шлюзу в нижней части куба.

Сооружение состояло из камеры и комнат наблюдения. В нем имелся достаточный запас кислорода и топлива,

чтобы поддерживать жизнь в заключенном, но оба этих источника в случае необходимости мгновенно перекрывались. Кроме того, помещение было оборудовано полным комплектом приборов, позволявших проводить интенсивные допросы, оказывать на пленника как физическое, так и психическое давление — вплоть до девятой, самой опасной степени.

В эту камеру не сочли необходимым поместить Валинова: он никогда не проявлял ни малейших признаков психической активности. Но, учитывая обстоятельства его спасения, Конклав решил запретить Лигейю в самом надежном из всех имеющихся помещений.

Инквизитор Никсос знал Лигейю. Ужасно как всякий нормальный человек, почти не имел шансов добиться успеха в допросах. За долгую службу инквизитор привык к мысли, что его коллеги и знакомые тоже могут впасть в ересь и стать опасными для Империи. Никсосу не раз призывали для допросов бывших грузей; в недрах Империи заживо гнили несколько его

бывших соратников, высокопоставленных инквизиторов.

Старик понимал, что страшнее трагедии падения перед Врагом для слугителя Империи́та может быть только то, что павшего не передали в руки правосудия. Поэтому конклав Органа Маллеус без раздумий доверил именно Никсосу вести дознание Лузейи.

Кабина сервитора-перевозчика была рассчитана на двоих человек. Никсосу ощущал, насколько сильно она пропиталась страхом и отчаянием всех тех инквизиторов и дознавателей, кто совершал поездки для общения с демонами в человеческом облике. Иллюминаторы кабины выходили на изрезанную скалами голую поверхность Мидаса и в черное небо, над которым нависла многоцветная туша Сатурна.

— Командование Мидаса дано разрешение, инквизитор, — произнесла сидящая рядом Хокеспур — красивая молодая женщина, которую переманили в команду Никсосу из Коллегии Тактики гавани Святого Джовьена.

Ее молодое красивое лицо было отмечено несколькими незажившими кровооттеками, а при ходьбе красавица опиралась на трость. Хокеснур едва избежала гибели во время неугавшейся казни Валинова. Усиленная коррекция, проведенная по просьбе Никсосу, залечит видимые раны, но глубокие отметины в душе после встречи со злобным и хитрым врагом останутся на долгие годы.

Никсос и сам едва не умер в тот день. Если бы не резервные внутренние органы, кинжал культиста смерти мгновенно убил бы пожилого инквизитора. Никсос постарался прогнать ужасные воспоминания. Нет смысла размышлять о близости смерти, иначе можно провести в страхе всю оставшуюся жизнь.

--- Пусть нас поднимут, ---
откликнулся Никсос.

Хокеснур нажала кнопку на панели управления, и сервитор начал карабкаться вверх, покачиваясь на ходу. Сервосистемы Никсосу загудели, сдвигая движение. Уже более тридцати лет старик не имел возможности передвигаться своими

силати -- с тех самых пор, как культисты едва не расчленили его тело, принося жертву богам. Тело Никсоса осталось искалеченным, но разум стал более проницательным. Никсос увидел все, что происходило в головах этих людей. Он понял, что сотворил с ними Хаос, и разглядел знамения, скрытые от них самих завесой невежества. Увидеть такое и выжить -- на это могло хватить сил только у инквизитора.

Сервитор добрался до верхнего конца кабеля, и металлический лязг оповестил о стыковке с летающей камерой.

-- Мы на месте, -- передала Хокеспур на Митас по вокс-связи.

После недолгой паузы одна из стенок транспортной кабины плавно отъехала в сторону.

Никсос и Хокеспур оказались в небольшой комнате дознавателей. В ней стояли несколько панелей регистраторов и мониторов, демонстрирующих жизненные показатели пленника. Воздух здесь был холодным, но не свежим -- он отдавал металлом и едва годился для

дыхания. Сквозь единственное окно была видна камера арестанта; туда же вела и узкая дверь, так что дознаватели могли войти к пленнику и разговаривать лицом к лицу.

Пленником была инквизитор Лигейя. В простом костюме цвета слоновой кости, которыми Митас снабжал арестованных, она свернулась в углу камеры на выложенном белыми плитками полу. Ее глинные волосы — как помнил Никсос, всегда тщательно причесанные — теперь растрепались и липли к лицу тонкими седеющими прядями. Никсос никогда не видел, чтобы она выглядела настолько старой.

Лигейю била дрожь. В камере было холодно, и по распоряжению Никсosa пленницу некоторое время не кормили. Почти все время ее держали на грани сна, но остатков сознания было достаточно, чтобы чувствовать дискомфорт.

Никсос устроил свое наполовину механическое тело на стуле. Он до сих пор ощущал глубокие раны, словно кто-то колот его изнутри тупым ножом.

Жизненные показатели Лигейи были стабильны. Ее сердечный ритм отражался мерцающей линией на одном мониторе; два других показывали состав крови и температуру тела. Лигейя затерзала, устала и проголодалась.

Никсосу удовлетворило такое состояние пленницы.

--- Разбуди ее, Хокеспур, --- равнодушно произнес он.

Хокеспур взяла из ящика на полке пистолет, набрала ког на замке, повернула и вошла в камеру. Никсос наблюдал, как она вводит в горло Лигейи дозу стимуляторов. Лигейя вздрогнула, вздохнула, затем перекатилась на спину, неожиданно широко распахнула глаза и приоткрыла рот.

--- Подними ее, --- приказал Никсос через вокс-передатчик.

Хокеспур схватила Лигейю за плечо, приподняла в сидячее положение и, помогая себе тростью, прислонила пленницу спиной к стене. Лигейя тряхнула головой, огляделась, перестала дрожать. В ее глазах появилось остысленное выражение.

Хокеспур вернулась в комнату наблюдения и заперла дверь.

--- Лигейя, --- осторожно спросил Никсос, --- ты знаешь, где находишься?

Окно в камеру пленника было прозрачным с одной стороны; Лигейя видела перед собой лишь собственное отражение.

--- Нет, --- слабым голосом ответила она.

--- Хорошо, --- произнес старый инквизитор. --- Единственное, что для тебя имеет значение, это то, что в случае отказа отвечать на наши вопросы тебе предстоят жестокие страдания.

--- Я... Я все равно пострадаю...

--- Если ты откроешь все, что нам необходимо, мы откажемся от тебя и страдания закончатся. Но пока ты принадлежишь нам, и мы можем делать с тобой все, что посчитаем нужным. Ты --- просто хранилище информации, которую мы выкачаем. Этот процесс будет легче, если ты согласишься сотрудничать. Ты перестала быть человеком, Лигейя, в тот момент, когда предала свою нацию и

Императора. Единственное, что тебе осталось, --- это смерть. Я могу потворствовать ей, но те, кто придут после меня, не будут столь благородны.

Никсос на время затолчал. Теперь он хотел, чтобы заговорила Лигейя.

--- Ты ведь Никсос, правда? --- наконец произнесла она. --- Ты меня знаешь. И они считают, что ты быстрее сложишь меня в расколоть.

Лигейя всегда была сообразительной. Именно по этой причине Орго Маллеус и переманил ее из Орго Еретикус.

--- Это правда, --- согласился Никсос. --- И ты оба знает, что они ошибаются. Я не могу поступить с тобой так, как они ожидают. Только не со своим товарищем инквизитором. Так что это твой единственный шанс.

Лигейя прикрыла глаза рукой и вздрогнула. Внезапно она растаяла:

--- Нет, нет, Никсос. Ты мне не друг. У меня нет никаких друзей.

--- Твои культисты были твоими друзьями. Они погибли ради тебя.

--- А тебе известно, почему они мне

служили? Я должна была присутствовать при их казни! Они были еретиками и знали, что должны сгореть в огне. А им просто нравилось убивать, и с тех пор они убивали ради меня.

Никсос теглил. Он допускал возможность, что Лигейя попытается сделать с ним то, что с ней самой сделал Валинов. На этот случай старый инквизитор отдал Хокеспур приказ убить его при первых же признаках аномальности в его поведении. И Никсос не сомневался, что красавица выполнит распоряжение.

--- Что он приказал тебе сделать? --- спокойно спросил он.

Лигейя печально покачала головой:

--- Никсос, никто и ничего мне не приказывал. Неужели ты даже этого не понимаешь? Я видела, что произойдет. Я видела, что я должна сделать. Меня никто не контролировал, и мое решение принято без всякого влияния.

--- Что же ты видела?

--- Я видела, что Гаргамүлот восстанет и Валинов будет

способствовать его возрождению. Это не плохо и не хорошо -- это просто должно произойти. Однажды я взглянула сквозь плену и заставила себя понять. И тогда все стало ясно. -- Лузейя неожиданно подняла голову, и в ее покрасневших глазах сверкнула жестокость.

Хотя она могла видеть только свое отражение, казалось, что взгляд пленницы проникал прямо в душу Никсоса.

-- Что бы ты ни делал, инквизитор, как бы ни поступал кто-то другой -- это не имеет ничего общего с тем, что вы сами хотите, -- продолжала Лузейя. -- Никто не может ваше действие вам не подвластно, вы просто реагируете на возникшие вокруг перемены. Все вы -- марионетки Вселенной. Единственно важная вещь в этой Галактике и в любой другой, единственно достойная почитания и поклонения или хотя бы мимолетного размышления -- это контролирующие нас перемены.

-- Повелитель Пермен, -- произнес Никсос. -- Тзинч.

Уголком глаза Никсос заметил, как

вздвинула Хокеспур, услышав это имя. Молодая женщина была настолько прямолинейна, что не могла без содрогания слышать запретные имена из уст слуги Императора.

— Люди дали ему это имя, — сказала с печалью в голосе заметила Лигейя. — Но ему не нужно никаких имен. Ничто из того, что мы делаем, не имеет значения. Перемены вынесли решение о возрождении Гаргатула и о помощи Валинова. Я была единственной, кто мог освободить Валинова, и я это сделала. Я ничего не выбирала. Дело было завершено еще до того, как я начала действовать.

Никсос откинулся на спинку стула и смотрел, как Лигейя, покачнувшись, сползла на пол. Ее по-прежнему широко открытые глаза глядели в потолок.

Так, значит, вот как ее сломали! Ее убедили, что все действия людей управляются судьбой, а не собственной волей, что ни один ее поступок не зависит от желания. Она была избавлена от всякой ответственности за свои деяния и превратилась в марионетку того, кто с

ней говорил. Возможно, это был сам
Гаргамүлөт, возможно --- Валинов,
отыскавший какой-то неведомый способ
общения. А может быть, кто-то третий,
кого еще не обнаружили. В любом случае
дүх Лигейи оказался в подчинении. Никсосу
доводилось видеть такое и раньше, и он
понимал, насколько трудно теперь
победить ее упорство.

--- Лигейя, где сейчас Валинов? Что он
задумал? Он все еще остается в контакте
с тобой?

Лигейя ничего не ответила.

--- Ты все нам расскажешь. Ты и сама
это знаешь. Ты же знаешь, что рано или
поздно мы тебя сломаем и ты ответишь
на все только что заданные мной вопросы.
Ты можешь понять, что все равно уже
сломлена и это просто вопрос времени?
Разве не так работает Вселенная, а,
Лигейя?

--- Ее сердечный ритм падает, сэр, ---
вмешалась Хокеспур.

Паника всегда сопровождается
сомнениями. А сомнения --- оружие
Циквизиции.

--- Все так и будет, Лигейя, --- продолжал Никсос. --- Мы слотили Валинова. Неужели ты уверена, что выдержишь, если не выдержал даже он?

--- Мы не выбираем, --- словно бы самой себе сказала Лигейя. --- Мы только служим.

--- Где Валинов? Что он собирается сделать? Как нам его остановить? Ты должна нам ответить, но ты не обязательно должна страдать. Ты ведь это понимаешь, не так ли? Тебе известно, чем все это закончится.

--- Мы только служим! --- на много громче повторила Лигейя. --- Мы служим Перемнам, и Пермены --- наша судьба! Слушайте его слова! Преклоните колени во тьме и подчинитесь свету!

--- Сердечный ритм ускоряется. Появились аномальные излучения мозга. --- Лицо Хокеспур стало зеленоватым в мерцании мониторов. --- Еще немного, и нам придется ее возвращать.

--- Судьба уже слотала тебя, Лигейя! --- закричал Никсос, видя, что пленница горестно захныкала. --- Судьба распорядилась, чтобы ты тебя арестовали

и привезли сюда. Она сделала тебя усталой и измученной, и она хочет, чтобы ты рассказала нам все, что тебе известно! А иначе -- почему ты оказалась здесь? Судьба бросила тебя в камеру, чтобы я дал тебе шанс заговорить раньше, чем над тобой поработают экспликаторы. Чего еще хочет твоя судьба, если не твоих признаний?

-- Она уходит, -- сказала Хонеспур, и тревожный звонок регистратора жизненных показателей подтвердил ее слова. -- Сердце остановилось.

Лигейя согронулась и внезапно села прямо.

-- Трас'клея'таллзрия! -- прокричала она каким-то ужасным, неестественно низким голосом. Казалось, что он прорвался сквозь стену и ударил в голову Никсосу. -- Цак'те'лангра'клаа...

Никсос кулаком ударил по кнопке аварийной защиты, и перед окном упала стальная занавес. Голос Лигейи затих. В нескольких услышанных словах Никсосу почудилось нечто чудовищное, нечто древнее и ужасное. Лигейя заговорила на

неведомом языке, и это было наихудшим из признаков: ее голова настолько переполнилась запретными знаниями, что они выплескивались наружу. Только Император знает, сколько бед она могла бы принести незащищенному разуму!

— Она ушла, — ответила Хокеспур, глядя на ровные зеленые линии жизнедеятельности, появившиеся на экранах мониторов.

— Верни ее, — сказал Никсос. — Надо оставить фронт работ для экспликаторов.

Женщина, захватив с собой медицинский набор, вновь набрала код замка и поспешила в камеру. Лигейя лежала на полу и судорожно подергивалась.

Никсос увидел, как Хокеспур, достав нартециум, впрыснула Лигейе полный комплект медикаментов, чтобы заставить ее кровь двигаться. Теперь и Хокеспур, и Никсосу предстоит пройти обряд очищения мыслей, чтобы убедиться, что содержимое головы Лигейи не оставило следа на их разуме. А саму Лигейю будут охранять еще тщательнее:

гвоздарики бугет производиться
дистанционно, а вход в камеру позволяют
только пыточным сервиторам.

Лигейя кашлянула и сделала долгий
прерывистый вдох.

— Оставь ее, Хокеспур, — сказал
Никсос, поднимаясь со стула. — Мы
потеряли ее уже давно.

Больше ничего не оставалось, как
только запереть дверь камеры, вызвать
сервитора-перевозчика и возвращаться на
Энцелад. Женщина, которую когда-то знал
Никсос, исчезла. Ее личность поглотил
нечестивый разум.

Ей предстоят жестокие страдания.
Но теперь это проблема Миласа.

«Рубикон» быстро, как только мог,
оставил на Тренитос отделение
Генхайна и меч Мандулуса. Крейсер
пришвартовался в доке над крепостью
Тренитоса в тот момент, когда
последний из малых кораблей флотилии
Клаэса отправился дозором по Шлейфу. В
распоряжении Клаэса были несколько
дознавателей — в основном отобранных из

числа арбитров Шлейфа — и самых сообразительных работников персонала крепости. Сейчас почти все они с головой погрузились в безумие, охватившее Шлейф Святого Эвиссера.

Аларик убедил Клаэса, что сведения о растущей активности культов сейчас важны Ордо Маллеус, как никогда. Люди, которые еще оставались в подчинении инквизитора, были разосланы по всем округам Шлейфа. Сам Клаэс на последнем корабле направлялся к Магнос Омикрону, где гражданские волнения грозили разорвать на части крупные города этого промышленного мира.

Первостепенной заботой Клаэса было гражданское население Шлейфа. Серые Рыцари ничем не могли помочь ему в подавлении беспорядков: их малочисленная группа была нужна в другом месте. Аларик целиком сосредоточился на Гаргатулоте. Серый Рыцарь надеялся, что власти Шлейфа смогут держать систему под контролем достаточно долго и что костодесантники успеют изучить ситуацию.

Генхайн отыскал Аларика в архиве, в окружении сваленных в груды книг и бумаг. Аларик снял доспехи и работал при свечах. На Тренитосе наступила ночь, а люмосферы, висящие высоко под потолком, только окрашивали темному в желтоватый цвет.

Молодой капитан Серых Рыцарей был поглощен работой. Перед ним на столе, среди открытых книг и пачек разрозненных бумаг, лежало несколько электронных блокнотов. Кроме этого, в комнате были свалены пустые подносы и тарелки. Аларик проводил так много времени в архиве, что приказал немногим оставшимся в крепости слугам приносить еду прямо сюда. Он писал что-то автоквиллом, и в глазах блестели огоньки свечей.

Костогесантники способны оставаться без сна до сотни часов, не испытывая затруднений, но сейчас, глядя на Аларика, можно было сказать, что он не спал гораздо дольше. «Рубикону» потребовалось более трех недель, чтобы слетать на Сатурн и вернуться обратно.

Генхайну показалось, что Аларик не отдыхал почти все это время.

--- Брат-капитан, --- негромко произнес Генхайн. Аларик немного помедлил, затем поднял голову:

--- Правосудор. Я рад снова тебя видеть.

Генхайн поднял в руках меч Мандулуса. Его тяжелое, острое как бритва лезвие казалось живым. Сияющий клинок, отражая тусклый свет, делал его ярче, и в комнате сразу просветлело.

--- Дурендин сказал, что Мандулус с радостью передал бы тебе меч, --- сказал Генхайн.

--- Я не собираюсь владеть этим мечом. Танкред обращается с подобным оружием куда лучше меня. --- Аларик отложил автоквилл и откинулся назад. --- Прости меня, правосудор. Ты отлично справился с заданием. Не было никакой уверенности в том, что Орген удовлетворит нашу просьбу. Спасибо.

Генхайн подошел к столу Аларика и положил меч.

--- Брат Краэ помещен в катакомбы.

--- Хорошо. Я извещу об этом Санкреда. Жаль, что мы не смогли забрать и тело брата Кааноса.

Серые Рыцари оставили тело Кааноса на Софано Секундосе, предварительно забрав его геносетя.

Генхайн окинул взглядом стопки книг и донесений:

--- Мы приближается к разгадке?

--- Возможно, --- устало ответил Аларик. --- Гаргатүлот пытается скрыть истинные намерения при помощи своих культистов. Все это лишь отвлекающие маневры.

Аларик махнул рукой на стопки донесений, повествующих о новых и новых беспорядках. Неизвестные лица вывели из строя геотермальные станции на Магнос Омикроне и разрушили несколько уровней столичного города-улья промышленного типа. Группа, называющая себя «Новая судьба», захватила широковещательные передатчики орбитальной станции и заполнила эфир несколькими системами бесконечными трансляциями нечестивых обрядов.

--- Гаргатүлот обратился к своим последователям: они исполняют все, чтобы превратить Шлейф в аг. И отвлечь внимание от тех, кто непосредственно работает над его возрождением.

--- Как можно быть уверенным в намерениях Принца? --- спросил Генхайн.

Аларик пристально взглянул на него:

--- Как раз сейчас Гаргатүлот очень слаб. Ему приходится бороться, чтобы выжить. Конечно, каждый воюет по той же причине. Ты маскируешь свои силы, выходишь на позицию и наносишь удар. Гаргатүлот может предсказывать приход Повелителя Перемел, но в данный момент он просто старается выжить, как делал бы любой из нас.

Генхайн простотрел еще пару отчетов. На Вулканис Ульторе внезапно участилось рождение мутантов. Экипажи кораблей, курсирующих в пределах Шлейфа Святого Эвиссера, докладывали о внезапном и необъяснимом безумии членов команды.

--- Здесь так много всего. Гаргатүлот может делать что угодно. Вот почему он

наслал на Лигейю безумие: он знал, что она сможет отсортировать поток информации и выбрать самое нужное.

Аларик тяжело вздохнул. Генхайн впервые видел своего боевого брата на грани отчаяния.

— На Мумасе уже началось гознание, — сказал правосудор. — Она действительно безумна, говорит на неведомых языках.

— Клаэс пытается мне помочь, но и он, и все его помощники могут только собирать информацию, — отозвался Аларик. — Я надеялся выступить, как только вернется «Рубикон», но, пока мы не отыщем смысл во всех этих донесениях, нам некуда идти.

Аларик внезапно поднялся и взял меч Мандулиса. Как и все космогесантники, он был очень высок, но рядом с глинным и широким лезвием стал казаться гораздо меньше. Одному Императору ведомо, как выглядел Мандулис с этим оружием! Аларик поднял меч, повернул его в руке и взглянул на свое лицо, глядящее с блестящей поверхности. Отражение подчеркнуло впадины вокруг глаз и

морщины. Меч не просто отражал свет --- он был настолько чист, что видел истину. После тысячелетнего захоронения на Титане меч остался таким же посвященным, как в тот день, когда был изготовлен.

--- Инквизитор Клаэс отдал крепость в наше распоряжение, --- неожиданно твердо сказал Аларик. --- Уровни с седьмого по двенадцатый необитаемы, и Танкред со своим отделением отрабатывает там приемы боя в городе. Пусть твои люди тоже примут в этом участие: я хочу, чтобы все были готовы к сражениям. Мои люди присоединятся к вам немного позже.

--- Да, брат-капитан. А где будешь ты?

--- Я буду молиться, --- ответил Аларик. --- Я должен подумать без всего этого... шума. --- Он показал на кипы бумаг и стопки книг. --- Нельзя, чтобы Гаргамүлот спутал наши мысли.

--- Дүрэндин доверил мне несколько откровений, которые, без сомнения, хотел бы высказать тебе лично, --- сказал Генхайн. --- Не мое дело повторять их, но...

брат-капитан, мне кажется, Лигейя была права, выбрав тебя.

--- Это еще придется доказать, правосудор. А теперь позаботься о своих воинах. Надеюсь, я скоро смогу позвать их.

--- Да, брат-капитан. --- Генхайн повернулся, чтобы уйти. --- Да направит тебя рука Императора.

--- Надеюсь, что направит, правосудор, --- отозвался Аларик. --- Без него мы можем сбиться с пути.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ УЛЕЙ

В ведомстве кардинала Рекобы кипела работа. Связной офицер Агентуры Арбитрес стоял под стеной часовни и взволнованно выкрикивал приказы в вокс-передатчик. Он распределял отряды Арбитрес в помощь местным правоохранительным войскам по всему Вулканис Ультору. Еще трое агентов, представляющих военный департамент снабжения, сидели за столами в окружении принтеров, из которых беспрестанно сыпались бланки заявок.

Десятки младших агентов неустанно носились туда и обратно — так они пытались организовать линии поставок для солдат, продолжавших прибывать в мир-улей.

Представители аристократических семейств, включая родственников планетарного губернатора Вулканис Ультора, наводнили нижние коридоры и приемные, пытаясь найти хоть

кого-нибудь, кто согласился бы их
выслушать.

Кардинал Рекоба понимал, что
кризис неизбежен, и потому принял
командование обороной на себя.
Губернатора Ливрианиса, чтобы не
допустить его возможного разложения,
пришлось заключить под домашний арест.
Губернатор был медлительным и
трусливым человеком, и в преддверии
возможной катастрофы вся тяжесть
управления легла на плечи Рекобы.

Вулканис Ультор был самым
крупным и значительным из
густонаселенных миров Шлейфа. Его
граждане составляли немалую долю от
числа всех обитателей системы — так
что он должен был любой ценой устоять
против подвигающейся волны ереси.
Рекоба оказался единственным человеком,
обладающим достаточной властью и
решительностью, чтобы организовать оборону,
пока кризис не разросся и легионы Врага не
хлынули в город.

Кардинал Рекоба давно убеждал своих
коллег священников, что Экклезиархия,

обладая как светской, так и духовной властью, способна укрепить и военную мощь Имперского культа. И вот вам доказательство! Шлейф Святого Эвиссера больше чем когда бы то ни было нуждался в истинной вере, и его главный город-улей доверил именно Рекобе возглавить оборону.

Кардиналу предстояла битва за духовное выживание не только Вулканис Ультра, но и всего Шлейфа. Это не просто военный конфликт, и Рекоба был намерен справиться с ситуацией.

Штаб Рекобы занимал несколько уровней Центрального Улья — столицы Вулканис Ультора. Кардинал расположился во втором конусе. Главный же конус, где жили семейства губернатора и его приближенных, был изолирован муниципальным полком охраны порядка. Вооруженные легкими ружьями и кинжалами солдаты охраняли каждый вход.

Личные покои Рекобы занимали три уровня. Внутрь допускались только самые

доверенные помощники и приглашенные делегаты. Остальные помещения были разделены на обширные залы для приемов священников и часовни, где недавно сам Рекоба отправлял духовные нужды элиты Вулканис Ультора. Теперь на этих уровнях расположились штабы многочисленных организаций, задействованных в обороне города.

Рекоба только что принимал у себя канонессу Оргена Кровавой Розы, чьи Сестры обороняли от повстанцев озеро Рапакс на самой границе Центрального Улья. Доступа в личные покои кардинала добивались и несколько офицеров Имперской Гвардии. Им нужно было скоординировать передвижения военных патрулей в «горячих точках» планеты.

В покоях кардинала было тихо. Рекоба сидел в приемной и просматривал недавно поступившие донесения. Сейчас, когда все вокруг было словно охвачено лихорадкой, Рекоба как никогда нуждался в уединении. Ему, кроме всего прочего, необходимо было сохранять ясность мыслей. Так просто оказаться втянутым

во второстепенные детали — сотня жизней
здесь, сотня там...

Рекоба сделал глоток привозного
гравианского вина — с отменным
ароматом, не зря сохраненного для дней
кризиса, — и вернулся к обзору общего
состояния Вулканис Ультор.

Кардинал увидел, что несколько
уровней Третьего Улья до сих пор не
выходят на связь. Их захватили заводские
рабочие, поддавшиеся влиянию какого-то
месссианского движения, внезапно ставшего
популярным. Рекоба неодобрительно
покачал головой и хмыкнул. Он надеялся,
что закрытия всех главных входов и
выходов будет достаточно, для того
чтобы прекратить беспорядки. Однако
теперь стало ясно, что улы слишком
многих жителей не могут устоять перед
наплывом ереси. Чтобы не допустить
вспышки повального безумия, придется
отправить в улей часть Двенадцатого
полка металорских разведчиков.

Следующим рапортом, взятым с
письменного стола, оказалось донесение
командира Седьмого пехотного полка с

Салтена. Он сожалел, что не может предоставить полк для защиты Вулканиса Ультора, поскольку должен исполнять обязанности по охране своей планеты. Рекоба вздохнул. Надо бы лишиться привилегий несколько священников Салтена. Тогда полковник уяснит, что хорошо подобранные слова отрядных проповедников могут поколебать его положение.

В дверь из твердого дерева кто-то постучал. Рекоба раздраженно поднял голову.

--- Войдите, --- резко бросил он.

Сервитор-прислужник, блеснув полированной хромированной рукой, отворил дверь. Вошел дьякон Ойниас --- толодой, старательный священник, которого Рекоба считал доверенным посыльным и помощником.

--- Ваше священство, --- обратился к нему Ойниас, --- один человек настоятельно просит встречи с вами.

--- Наполни этому человеку, что в моем офисе действуют строгие правила. Я не могу попусту тратить время.

Препроводи его к аббату Торелло, если это дело столь важно.

--- В том-то все и дело, ваше священство, --- слезка покраснев, ответил Ойниас, --- что он настаивает на своих особых полномочиях обратиться непосредственно к вам.

--- У меня нет времени...

--- Для меня вы найдете время, кардинал, --- раздался из-за спины Ойниаса звучный голос.

Оттолкнув молодого дьякона, в комнату вошел человек --- высокий, хорошо сложенный, с худощавым аристократическим лицом и пронизательными глазами. Поверх зеленой офицерской формы на нем был роскошный дорожный плащ, отороченный горностаем; на груди висело несколько кинжалов в ножнах. Сапоги из синткожи блестели, словно стекло.

--- Простите мое вторжение, ваше священство, --- с вежливым поклоном продолжал гость, --- но нам лучше поговорить с глазу на глаз. Я принес важные новости относительно обороны

Вулканис Ультора и об угрозе всему
Шлейфу Святого Эвиссера.

Раздражение Рекобы несколько
улеглось.

--- О каких полномочиях вы говорили?

--- Я имею честь говорить от лица
Святого Органа Имперской Инквизиции, ---
сказал гость, вынимая из-под плаща
маленькую инквизиторскую розетку. --- Я
инквизитор Голик Рен-Сар Валинов.
Боюсь, наш враг опаснее, чем вы
предполагаете.

На зубчатых крепостных стенах
Трепитоса было ветрено и холодно.
Темные гранитные глыбы угрюмо
нависали над краем стены и мрачными
ветхими постройками города,
простершегося от стен крепости вниз, по
голой серо-коричневой равнине. Вероятно,
когда-то Трепитос был красив. Теперь
замок казался истощенным и умирающим.
Крепость до сих пор представляла собой
величественное зрелище: неприступные
стены с массивными проемами ворот,
высокие башни и бойницы с огневыми

точками. Но металлические части ворот порядком заржавели, а гарнизон, несший охрану на стенах, давно исчез.

Крепость стояла еще до того, как Ордо Еретикус выбрал ее своей штаб-квартирой на Шлейфе. И сейчас трудно было представить для нее иное будущее, кроме медленного и унылого разрушения.

Аларик стоял на стене. Усиленное зрение капитана Серых Рыцарей улавливало слабый блеск тусклого солнца на краю океана, довольно далеко отсюда. В небе, прямо над головой, сияла серебряная полоска «Рубикона»; в немногочисленных обитаемых домах города мерцали огоньки. Любой обычный человек протерз бы до костей на протозглom ветру. Аларик едва замечал его.

Он был так близок к разгадке. Он знал это. У него было преимущество, которого Гаргатулот не мог ожидать от Серых Рыцарей. На Софано Секундосе Аларик столкнулся с одним из избранных демона, которого, как наверняка предполагал Тысячеликий Принц, невозможно было обнаружить. А это

означало, что повоз, приведший Серых Рыцарей сюда -- в культовый храм на Виктрикс Соноре в здании Администратума, -- не менее весом.

-- Брат-капитан! -- сквозь забывания ветра окликнул его Танкред. Он шел по направлению к Аларикю в полных боевых успехах и ростом превосходил даже огромные каменные зубы. -- Помощники обнаружили то, что ты искал.

В латной рукавице Танкред держал электронный планшет.

-- Отлично, -- сказал Аларик, приняв блокнот. -- Возможно, нам придется выступить очень скоро. Ты готов?

-- Как всегда, брат-капитан.

Аларик заметил, что Танкред вспомел, а его латы утратили блеск. Правосудор недавно закончил ритуальные тренировки со своим отделением. Танкред постоянно усиливал нагрузки. Правосудор превратил нежилые уровни крепости в убийственно опасные лабиринты и заставлял Серых Рыцарей их преодолевать. Санторо тоже тренировал своих воинов, устраивая бесконечные

поединки на стенах и верхних этажах крепости. Сражения были необходимы Серым Рыцарям. Шлейф вокруг них погружался в безумие, и смотреть на это, не пытаясь вмешаться, было бы для них тяжчайшим грехом.

--- Теперь ты знаешь, где искать? --- спросил Танкред.

--- Я знаю, откуда начинать, --- ответил Аларик. --- И понимаю, почему Гаргатүлот свел с ума Лигейю. Информация --- вот его слабое место. Если у нас будет достаточно знаний, мы сможем обернуть их против него. Подумай сам. Мы нанесли ему удар на Софаносе. Секүндосе, потому что раскрыли часть плана, задуманного Гаргатүлотом еще до его изгнания. Здесь есть определенная связь.

--- Связь?

Аларик торопливо просмотрел файлы планшета.

--- Нам известно, что на Виктрикс-Соноре культисты грабили храмы и похищали реликвии. Они проделывали это очень долго, пока, наконец, их не

обнаружили. Арбитрес решили, что это просто злоба, и при всем том, что вытворяли культисты, никто не придавал этому значения. -- Аларик немного помолчал. -- У... на Софано Секундосе древний Крусьен основал свой культ в Имперской миссии. Он мог спрятаться где угодно: в лесу, в горах. У него для этого имелась целая планета. Но он оставался на самом виду -- в месте, освященном имперской церковью. Почему?

-- Враз склонен к извращениям, -- не задумываясь, ответил Танкред. -- Его поступки не поддаются логике.

-- Но теперь мы не на Софано Секундосе. Почему такая активность возникла здесь? -- Аларик развел руки, словно охватывая всю систему. -- Раньше, когда Гаргатулот имел власть, он обосновался на Корионе IX. Этот мир располагается на краю Сегмента Насификус, и на его поиски Маллеус потребовалось сто лет. А почему Шлейф? Есть окраины, куда более отсталые, чем Шлейф. Есть целые сектора пустых миров, где можно было бы спрятаться. Что

отличает Шлейф Святого Эвиссера от других мест?

--- Святой Эвиссер? --- спросил Танкред.

--- Вот именно. Күльты Гаргатүлота охотились за реликвиями. И теперь ему понадобилась величайшая из реликвий, чтобы завершить обряд возрождения.

Аларик поднял электронный планшет, на котором были записаны координаты:

--- Замок Памяти на Фарфаллене. Здесь находится самый большой на Шлейфе архив Экклезиархии. Насколько нам известно, он все еще там. Нам предстоит выяснить, где захоронено тело святого Эвиссера. Потому что Гаргатүлот возродится именно в этом месте.

Главный оборонительный рубеж Вүлканис Ультора располагался полукругом вдоль основания Центрального Улья. Он состоял из сотен километров успешно вырытых окопов, бесконечных линий колючей проволоки, огневых позиций для самоходных «Василисков» и даже

огромного орудия «Ординатус», управляемого группой техножрецов Вулканис Ультора. В сотнях зигзагообразных вспомогательных траншей, проходивших от переднего рубежа к окраинам улья, толпились тысячи солдат балурианской тяжелой пехоты, 12-го разведывательного полка Металора, 197-го гжантианского иштуртового отряда и сил планетарной обороны Вулканис Ультора.

Тыловые позиции были доверены мужчинам и женщинам из трущобных банг Центрального Улья. Они откликнулись на призыв департамента снабжения и согласились принять участие в обороне города в обмен на обещание оставить им выданное оружие. На северной оконечности рубежей, где неровное плато встречалось с берегом озера Рапакс, находился опорный пункт Сестер Оргена Кровавой Розы. Для переговоров линий кардинал Рекоба лично отобрал сотни проповедников и священников, чтобы войска не лишились моральной поддержки и духовного руководства.

Нападшие, когда они атакуют -- а это случится, несомненно, -- должны подойти с равнин, простершихся перед оборонительными линиями. С другой стороны Центральный Улей огражден зазубренными горными цепями. Это значит, что равнины -- единственное возможное место для подхода к городу. Ждать атаки следует отсюда.

Рекоба понимал, что в случае поражения Центрального Улья Вулканис Ультор падет и вместе с ним разобьется ось, удерживающая весь Шлейф. Кардинал собрал войска и боеприпасы со всей планеты и даже с других миров, пожертвовав меньшими ульями и отдельными поселениями для спасения столицы.

В северной части оборонительного комплекса кардинал отвел место для командного центра, состоявшего из поставленных кольцом массивных бункеров и плац-парадов. Все сооружение было выполнено по стандартному образцу и сброшено с орбиты транспортным кораблем Агентус Механикум несколько

дней назад. По периметру комплекса располагались огневые точки, перекрывающие всю местность. Центральный плац защищала от нападения с воздуха еще и счетверенная установка автоматических орудий «Гидры».

В небе кружили транспортные и командные челноки и патрулировал специально выделенный для этой цели истребитель «Грозовой ястреб», с которого перевели на поверхность три отряда воинов. В середине главного плаца на подмостках стояла трибуна, подключенная к вокс-сети, охватывающей все окрестности Центрального Улья.

Едва первые утренние лучи пробились сквозь пыльную пелену облаков, центральный плац начал заполняться войсками. Первыми появились отлично вымуштрованные и элегантные полки балурианской тяжелой пехоты. Разведчики с Металора были менее искушены в парадных маршах, и оружие воинов, как и их экипировка, было самым разнообразным: от штурмболтеров до

боевых кинжалов орков, от глиняных синих
шинелей до камуфляжных безрукавных
накидок.

Пришли подразделения Имперской
Гвардии, еще не получившие приказ
отправиться на позиции. Все они уже
через несколько часов должны были
оказаться на передовой. Появились и
призванные на защиту города бандиты; их
разбойничьи группы, одетые в цвета банд,
рыскали в задней части площади.

Наконец офицеры прокричали
приказы подтянуться и выровнять строй.
Котиссары прошлись по рядам, воины
приняли стойку «спирно». Все сознавали,
что очень скоро окажутся в гуще сражения
против Император знает какого врага.
Притихли даже бандиты.

И вот появился кардинал Рекоба,
окруженный советниками. Все стали
занимать места рядом с трибуной. Сам
Рекоба надел полный парадный костюм.
Красное с белым одеяние кардинала
составляло резкий контраст с унылой серо-
зеленой формой военных. Золото высокой
титры сверкало в тусклых лучах

поднимающегося солнца. Вместе с кардиналом на трибуне стояли несколько дьяконов и проповедников. Старших офицеров повсюду сопровождали лексотехники и адъютанты.

Последним, в полном одиночестве, на плац вышел инквизитор Валинов. Он сразу прошел к кафедре. Вокс-трансляторы разнесут его голос по всему плацу, и подсоединенные к ним передатчики доведут слова до каждого из многих тысяч солдат. Кардинал Рекоба приказал всем офицерам проследить, чтобы их люди внимательно слушали речь. Даже вещательная сеть Центрального Улья передавала выступление, поскольку оно считалось важным для каждого жителя.

Валинов окинул взглядом множество собравшихся на площади людей. Обращенные навстречу лица показали, что слушатели не знают, кто он такой. Сегодня он применил знания, полученные во время службы дознавателем у инквизитора Барбиллуса. Валинов надел для выступления отполированные до блеска латы и прицепил к поясу

старинный меч, взятый из оружейной коллекции губернатора.

Сегодня Голик Рен-Сар Валинов был героем.

— Мужчины и женщины Вулканиста Ультора, — начал он, — солдаты, Сестры Битвы и граждане. Всем вам известно, что для Шлейфа Святого Эвиссера настали трудные времена, и нам грозит еще большая тьма. В нашей системе появился враг, о котором мы сегодня можем говорить совершенно свободно. Я видел этого врага, сражался с ним — и, поверьте мне, я знаю, что он может быть побежден. Перед вами возникнут вещи, которые могут привести вас в отчаяние, появятся непонятные явления, но вы должны сражаться. Враг силен ложью, он постарается поколебать вашу решимость, используя ступение и замешательство. Нельзя позволить ему добиться успеха. Чем бы он ни грозил, вы должны сражаться и продолжать бой, пока Шлейф вновь не станет свободным. Я даю вам этот приказ, и он важнее всех остальных, поскольку я говорю от имени Священного

оргоса Имперской Инквизиции.

Валинов затолк. Официальные власти никогда не упоминали о существовании Инквизиции, но по всему Империи о ней ходили самые различные слухи. Гвардейцы за бутылкой контрабандного вина рассказывали о людях, которые способны уничтожить планету единым словом и при малейшем подозрении на ересь подвергают зачистке население целых миров. Валинов представлялся им как раз такой фигурой — легендой, воплотившейся в жизнь, сказанием, ставшим былью. Осознав, что им командует инквизитор, солдаты вздрогнули. Настоящий, истинный инквизитор! Даже лекстеханик, который записывал каждое слово, немного потемнело.

— Но есть кое-что еще более ужасное, о чем я должен вам рассказать. Все вы слышали об Агентус Астартес, героях Империи, защитниках человечества.

Валинов знал, о чем говорил: во время Раннского Кризиса балурианцы сражались бок о бок с Белыми Консулами. В часовнях Центрального Улья ителись витражи с

изображением костогесантников, уничтоживших мятежников Океанского Улья несколько столетий тому назад. Если истории об инквизиторах взрослые люди рассказывали друг другу долгими вечерами, то костогесантники были героями удивительных детских сказок.

— У вы слышали о Ереси Хоруса, когда Враг овладел умати миллиардов и развязал гражданскую войну против верных подданных Императора. Мой долг сказать вам, что костогесантники были в самой гуще этого конфликта. Половина воинов из их числа перешли на сторону врага и пошли вслед за Хорусом.

Валинов дал время слушателям переварить и это. Имперская история — в том виде, в каком она доходила до простых людей, которым не стоило многого знать, — опускала детали возникновения Ереси Хоруса. Фраза о Легионах костогесантников, перешедших на сторону Хаоса, упала на благодатную почву.

Валинов позволил себе возвысить голос. Он видел, как широко раскрылись

удивленные глаза слушателей. Если бы
такие слова произнес кто-то из них, это
было бы ересью, а из уст инквизитора это
было откровением.

— Эти предатели хранили свою злобу
десять тысяч лет. Теперь, когда Око
Ужаса открылось и взгляд Врага снова
обратился к Галактике, они вернулись.
Предатели космогесантники считают
Шлейф Святого Эвиссера слабыми
загворками Империи. Они считают,
что если основные наши силы брошены к
Оку Ужаса, то они вольны поступать, как
им угодно, с нашими миром и нашими
дочками. Если мы остановим их здесь,
изменники будут отброшены обратно во
тьму, и вместе с ними исчезнет влияние
Врага, которое сотрясает Шлейф.

Я говорю вам все это потому, что
предатели космогесантники
направляются сюда, на Вулканис Ультор.
Я был послан вперед истребителями
демонов Инквизиции, чтобы
удостовериться, что вы знаете, с кем
придется сражаться. Когда-то они были
лучшими солдатами Империи, теперь

безвозвратно погразли в ереси. Но они не ожидают встретить сопротивление. У нас есть преимущество неожиданности. Вот почему битва состоится именно здесь, и вот почему она должна быть выиграна.

Валинов сделал паузу, восстанавливая дыхание.

--- Оознавательные листы уже розданы всем офицерам. Вглядитесь в форму и знаки отличия этих врагов! В своем отступничестве они гордо носят знаки ереси. Их символы --- меч и книга. А в нагашку над благородством, которым они когда-то славились, они называют себя Серыми Рыцарями. Они пользуются помощью демонов и черной магии, но мы сильны сердцами имперских граждан и стальной волей Императора!

Валинов чувствовал, как смешались эмоции людей. Они ощущали страх. Каждый слышал о костодесантниках, но никогда не думал с ними встретиться, не говоря уж о том, чтобы вступить в бой. Люди ощущали гордость, потому что именно им доверили остановить врага. У

благословение: ведь защита одного города
улья неожиданно приобрела значение
Крестового Похода против тьмы под
предводительством героя Империи.

--- Занимайте ваши позиции,
повинуйтесь командирам, верьте в Трон
Терры и не показывайте спину врагам!
Здесь будет разбит Враг, и здесь мы
будем ковать новое будущее.

Все слышали о костогесанниках.
Многие слышали об Инквизиции. Но никто
не слышал этих слов -- Серые Рыцари. Так
преувеличенная секретность Инквизиции
стала ее слабым местом. Валинов
наслаждался этой иронией, спускаясь с
кафедры, чтобы заняться подготовкой
грядущей битвы.

Лигейя попросила культистов
стерти воспренятствовать казни
Валинова. Но не осталось никого, кто мог
бы попросить за саму Лигейю.

Она все еще находилась в катере,
парящей над верхним слоем атмосферы
Мидаса. Ни одному дознавателю не
удалось добиться от Лигейи ничего, кроме

потока непонятных отрывистых слогов, которые впервые вырвались у нее при встрече с Никсосом. Как источник информации она утратила значение, а освобождение Валинова делало ее врагом Империи, представлявшим постоянную моральную угрозу.

Лорды-инквизиторы приняли единственно возможное решение: Лигейя должна умереть.

Инквизитор Никсос, стоя за главным пультом управления в самом сердце комплекса Миласа, терпеливо ждал, пока медики, экспликаторы и дознаватели проведут последние тесты. В прошлом бывали случаи, когда особо зараженные тересью узники ждали до последнего мгновения перед казнью, чтобы проявить магию Хаоса, которую утвдрялись скрывать в процессе дознания. Однако Лигейя ничуть не изменилась: она все время находилась в состоянии психического шока.

Сердечный ритм оставался неровным, излучение головного мозга --- беспорядочным. Несколько пикт-камер

наблюдения показывали ее в разных ракурсах, но она по-прежнему лежала, свернувшись калачиком в углу катеры, и угрожала. Она чуть не умерла, когда Никсос проводил дознание, и с тех пор постоянно оставалась на волосок от смерти.

--- Жизненные показатели без изменений, --- доложил один из медиков, закончив тестирование.

--- Активность головного мозга без изменений, --- произнес второй.

Главный медик, пожилой городской мужчина, занявший должность после гибели предшественника во время неудавшейся казни Валинова, обернулся к Никсосу:

--- Медики закончили.

--- Хорошо, --- кивнул Никсос. --- Экспликаторы, доложите.

Голос главного экспликатора донесся по вокс-связи из другого помещения:

--- Психическая активность на уровне остаточной. Никаких изменений.

Никсос поднялся к узлу связи, который был подсоединен к катере Лигейи через несколько освященных фильтров, что

угрозы, опасность заражения
слушателя.

Никсос открыл канал связи, и его
голос проник в камеру.

--- Лигейя, --- заговорил инквизитор, ---
это конец. Я обещал, что все закончится,
и вот время настало. У тебя есть
последняя возможность искупить вину,
перед тем как утратишь. Скажи нам, где
находится Валинов и что он замышляет.
Сделай это, и Император, возможно,
проявит милосердие, которое ты уже не
можешь тебе обещать.

Лигейя пошевелилась. Она подняла
голову и прямо взглянула в одну из камер
наблюдения, так что Никсос мог
рассмотреть смертельно бледное лицо с
почти прозрачной кожей, запавшие
покрасневшие глаза, седые волосы,
прилипшие к влажному лбу. Лигейя
тряслась и как будто задыхалась, пальцы
сжались в судороге, а зубы то
сжимались до скрипа, то разжимались.

--- Цак'те'лангра'клаа! --- внезапно
выкрикнула она, словно выплевывая слова,
засевшие где-то в глубине ее мозга. ---

Цак'те'ландра'клаа! Сафе'грекалл'кри'аа!

Никсос поспешно выключил звук, оставив изображение Лигейи на мониторе и исходить беззвучными воплями.

--- Она для нас потеряна. Перед лицом Императора свидетельствую об отлучении ее от человеческой расы и приступаю к уничтожению.

Никсос опустил кулак на большую кнопку в центре пульты. Задняя стена камеры беззвучно отошла в сторону, и изображение слегка вздрогнуло, как только весь воздух вырвался наружу. Лигейя вцепилась тонкими пальцами в плитки пола, стараясь удержаться перед неожиданной близкой чернотой космоса. Камера открылась в безвоздушное пространство; внизу виднелись голые скалы Мидаса, наверху сиял разноцветный ореол Сатурна. На фоне черноты неба сверкали звезды и светились потоки пыли, образующие кольца планеты.

Лигейя с ужасом смотрела в бездну перед собой. Несколько мгновений она, не отрывая взгляда от бесконечной тьмы, пыталась отползти к противоположной

стене катеры. Но непреодолимый холод уже сковал ее конечности, вакуум запечатал легкие, и она беспомощно упала на спину. Глаза покраснели от крови, вытекшей из разорванных сосудов. Лигейя судорожно пыталась вдохнуть отсутствующий воздух... Затем она замерла --- совершенно неподвижно, широко раскрыв глаза и разинув рот.

Никсос выжидал несколько минут, стараясь заметить хоть малейшее движение. Ничего.

--- Наблюдайте за ней в течение трех дней, --- наконец приказал он командующим разведывателей. --- Затем уничтожьте тело.

Как инквизитор, она заслуживала достойного захоронения --- возможно, даже под крепостью Энцелага. Но Лигейя больше не была инквизитором. Ее смерть --- предостережение остальным. Все прочее должно быть забыто.

ФАРФАЛЛЕН

Мир Фарфаллен постепенно умирал. Когда-то он был миром-парком — одним из немногих в семействе планет, сохранным в девственной чистоте. Он был вознаграждением и местом отдыха аристократов Шлейфа. Уединение в мирепарке прельщало самых амбициозных правителей и удачливых торговцев, имевших заслуги перед Империей.

Во времена процветания Шлейфа, когда массовое паломничество давало возможность извлекать выгоду из благочестия, на Фарфаллене образовалось удивительное смешение пышных девственных лесов и тщательно ухоженных ландшафтных парков. На опушке густых тропических лесов прятались белотрапные виллы. На бескрайних просторах лазурного моря высились башни величественных замков. Небесные яхты бороздили облака, а на

обширных равнинах процветала охота на завезенных с других планет крупных хищников.

Экклезиархия, приложившая немало усилий для процветания Шлейфа, обладала на Фарфаллене огромным поместьем. Там был построен Замок Памяти. В нем, для грядущих поколений, собиралось и накапливалось духовное наследие церкви. Администратум владел десятой частью мира-парка, так что его высшие чиновники тоже могли отдыхать на Фарфаллене в свое удовольствие.

Мир со стабильной экосистемой, умеренным и предсказуемым климатом, почти без местных хищников, да еще под защитой Агентус Терра на фоне общей трагичности Империи казался островкомрая. Но все это было в прошлом.

Большая часть Фарфаллена заросла в отсутствие надлежащего ухода. Ландшафтные парки исчезли, уступив место колючим диким кустарникам. Корни деревьев разрушили императорские виллы. Вслед за уменьшением числа паломников иссяк и приток средств. На

Фарфаллене осталась только горстка благородных семейств, стареющих в своих отрезанных от остального мира и постепенно ветшающих затках. Завезенные хищники, численность которых больше не регулировалась охотниками, расплодились, и джунгли стали небезопасными.

Но хуже того — без зова, без приглашения на Фарфаллен пробрались дикари и заселили самые отдаленные уголки лесов. Многие столетия их присутствия никто не замечал, и стремительно сокращавшееся население тигра-парка долгое время оставалось в неведении.

Но по Галактике прокатился зов Гаргатұлта, и сотни тысяч дикарей внезапно хлынули из леса, выполняя свою часть работы для Повелителя Перемет.

Серые Рыцари потеряли два «Громовых ястреба» на Софано Секундосе, потому Аларик взял с собой столько воинов, сколько помещалось в одной оставшейся машине. Выбор пал на его

собственное отделение и отделение Генхайна. Внизу их могли ожидать неприятные сюрпризы, и Аларик верил, что Генхайн лучше других отреагирует на неожиданность.

По мере снижения Аларик наблюдал поверхность Фарфаллена из окна «Грозового ястреба». Наступил поздний вечер, пышный лесной ковер стал темно-зеленым. Кудрявые заросли напоминали густую шерсть какого-то исполинского зверя. В таких чащах дикие племена могли долго и успешно скрываться от цивилизации. Непременно, что вдали от имперского глаза они легко стали добычей Хаоса.

Лес быстро уносился назад по дну ущелья «Грозового ястреба», и вот на горизонте вырос Заток Памяти. Это было массивное прямоугольное сооружение, высеченное в склоне скалы, возвышавшейся над лесными кронами. Резной фронтон украшали героические фигуры из прошлого Экклезиархии; мелкие создания Хаоса сидели у них под ногами. Мертвыми глазами смотрели высокие стрельчатые

окна.

«Грозовой ястреб» спустился еще ниже и облетел вокруг цели. Аларик заметил следы беспорядков на Фарфаллене. Огни горящих на земле костров освещали катни. Законченные пятна отмечали места, где раньше висели знамена. На краях крыши появились выбоины от катней и огненных снарядов примитивных катапульт, стрелявших по защитникам замка. Над крышей замка деревья на скале были изломаны и сбиты. Дикари явно карабкались вверх в надежде спуститься на крышу, но были перебиты и сброшены наземь. Несколько разбитых безжизненных тел еще висело, застряв в трещинах скалы немой свідательством первых мгновений атаки. Замок Памяти, самый значительный бастион Улперуэма, оставшийся на Фарфаллене, был в осаде.

— Замок ответил на наш запрос, — доложил пилот «Грозового ястреба» из команды Ордо Маллеус. Если экипаж Маллеус на «Рубиконе» и оплакивал гибель двух других пилотов на Софано Секундосе, они никак это не показывали. —

Мы можем приземлиться на крыше.

--- Так и сделай, --- сказал Аларик.

Обработанные Маллеус экипажи были странным племенем. Каждый из них проходил психоустановку по подавлению эмоций. Аларик было известно, что кое-кто имел сердечные демонаторы, которые должны были активироваться под воздействием ужаса или эйфории. В случае успешного воздействия сил Хаоса прибор мог уничтожить людей раньше, чем они навредят. Члены экипажа не многим отличались от сервиторов. Они были лишены возможности развиться в полноценную человеческую личность.

Во имя священной, праведной борьбы с силами Хаоса сами борцы уничтожали и коверкали жизни миллионов людей. Аларик впервые подумал, что это --- само по себе --- уже победа Врага.

«Грозовой ястреб» пролетел над вершиной скалы, над крышей замка и, продолжая снижаться, сделал новый разворот перед посадкой. Аларик успел рассмотреть рубежи осады. Дикари вырыли окопы вокруг замка, и кучи земли

указывали те места, где они наверняка копали туннели, надеясь отыскать проход внутрь под фундаментом. В замке обязательно должно быть множество подземелий и погребов, так что у осаждающих есть все шансы добиться успеха.

Позади линии окопов горели огромные костры; вокруг них плясали всклокоченные разрисованные фигуры. Аларик увидел, что он заметил среди них тунтантов и проблески колдовского огня, но в этот момент «Громовай ястреб» окончательно снизился.

Дикари не представляли опасности для «Громого ястреба». Из оружия у них имелись только катапульты и луки. «Громовай ястреб» выпустил шасси и коснулся крыши Замка Памяти, оставив на каменном склоне черные отметины от пламени двигателей.

Задний борт опустился, и внутрь ворвался запах древних камней и горящего дерева. Отделения Аларика и Генхайна прыгнули на выщербленные трапезные плиты крыши.

С наблюдательного пункта на передней стене затка к ним подбежал пожилой дьякон с бочкообразной грудью и лицом, испещренным шрамами. На дьяконе развевалась прокопченная и порванная одежда еkkлeзиарха; в руке он держал изрядно помятый карабин. Молодые послушники и архивисты, застывшие на стенах, глядели на Серых Рыцарей широко раскрытыми глазами, не в силах скрыть благоговения.

Один лишь дьякон хотя бы отдаленно напоминал способного сражаться воина. Дни Затка Памяти были сочтены.

--- Благословенный Трон! --- звучным басом закричал дьякон, подбегая к высидившимся костодесантникам. --- Как долго мы молились о спасении! Мы уже стали сомневаться, что подкрепление когда-нибудь придет. И вот, в ответ на наши мольбы, к нам прибыли костодесантники! Истинно, Император услышал наши молитвы!

--- Мы не подкрепление, --- твердо заявил Аларик. --- Кто здесь главный?

У дьякона опустились плечи. Если он

и лелеял надежду на то, что Закон
выстоит, слова Аларика ее уничтожили.
Но слуги Императора не должны
оплакивать потери, и дьякон постарался
скрыть разочарование.

--- Я главный на крыше, --- ответил он.

--- А внизу?

Дьякон вздохнул:

--- Никто не взял на себя командование
обороной. Мы не солдаты. Я когда-то
воевал, но я не способен возглавить
защиту. После смерти духовника
Архелгаста старший по рангу среди нас ---
главный архивист Серевик. Но он только
ученый.

--- Хорошо. Я должен увидеть его, и
как можно скорее.

--- Я пошлю одного послушника, чтобы
он показал дорогу вниз. Но... брат... Если бы
хоть один из вас мог остаться... Только
один воин. Подумайте, что может быть
здесь утрачено, подумайте, что может с
нами сотворить Враз! Один
костодесантник в бою стоит сотню
обычных солдат, это всем известно.

--- Выстоит Фарфаллен или нет ---

ему придется сделать это в одиночестве, дьякон. Когда мы вступим в битву с врагами, мне понадобятся все боевые братья. Старайтесь держаться своими силами, а мои десантники не будут умирать здесь за вас.

По лицу дьякона было видно, что он не согласен, но он сдержался. Дьякон не создан лидером, но, кроме него, здесь больше никого не было. Теперь все надежды остаются в живых рухнули; ему предстоит столкнуться со смертью лицом к лицу. Единственная битва, которую он может выиграть, — это борьба с отчаянием.

Заток Памяти углублялся в толщу скалы и представлял собой плотное скопление высоких часовен и коридоров, которые, казалось, были прорублены без всякого плана и без цели. Кипы фолиантов и свитков грохотали в каждой комнате и нише, и даже некоторые коридоры были завалены бумагами. Если заток и строился по какому-нибудь проекту, он был явно не приспособлен под библиотеку. Аларик на ходу поднял толстую книгу. Обложка

гласила, что внутри содержатся записи о поступлении церковной десятины с одной из второстепенных часовен Вулканис Ультора. Последний приход был зарегистрирован триста лет назад.

Все помещения пропахли сгнившей бумагой. Послушник, которому дьякон поручил проводить гостей, — долговязый парень с запавшими глазами, с древним лазурьюем, которым он явно не умел пользоваться надлежащим образом, — вел Серых Рыцарей все ниже и ниже, пока из-за стен не послышалось завывание собравшихся снаружи дикарей. Послушник ужасно боялся Серых Рыцарей. Лишь немногие из граждан Империи видели костодесантников, не говоря уж о том, чтобы к ним приближаться. Возможно, они казались парню сном, навеянным ужасами блокады.

— Как же все это систематизируется? — спросил Генхайн, повторяя мысли Аларика.

— Ну... сэр, на самом деле никак, — ответил послушник. — Архивисты держат все сведения в порядке, но только в своих

головах. Они ничего не записывают. Слово Императора — в сердцах и ушах его подданных, а не на бумаге, где еретики могут исказить его к собственной выгоде.

Аларик мысленно вздохнул. Подобно всем имперским организациям, Экклезиархия управлялась с невероятным огромным штатом сотнями разных способов. Каждый проповедник и духовник поступал по-своему. Несмотря на древностный консерватизм синодов на Терре и Офелии VII, различные интерпретации догм делали разные ветви Имперского культа совершенно непохожими друг на друга.

Традиции Затка Памяти определялись скорее былым процветанием Шлейфа, чем волей Императора. Старшие архивисты защищали свое положение в тире-парке, делая вид, что только ими одними известна вся хранимая информация.

В средних уровнях затка располагались кабинеты архивистов. Большая их часть опустела, поскольку штат сотрудников сильно поредел. Открытые кельи послушников стояли

Вдоль другой стены коридора. В одной из них Аларик заметил двух тощих, совершенно измотанных парней. В другой келье на жесткой кровати лежало прикрытое простыней тело с изрядно потрепанным томиком «Гимнов Императору» на груди.

— Главный архивист Серевик, — едва слышно сказал долговязый послушник, указав на резную дверь из твердого дерева.

Проводник отступил в сторону. Аларик открыл дверь, и навстречу ему вырвалось густое облако лагана. Послушник с трудом подавил кашель, а Аларик вошел внутрь.

Усиленные системы организации позволяли Аларiku не обращать внимания на густой дым и сумрачное освещение. Представшее перед ним зрелище было удручающим. Серевик, пожилой неприметный человек с наружностью ученого, склонился над пюпитром, сосредоточенно изучая огромный иллюстрированный фолиант. Было ясно, что архивист давно не покидал своей комнаты.

Серевик поднял взгляд на вошедших, явно собираясь сделать выговор послушнику, постелившему нарушить его работу. Увидев Аларика, заполнившего своим телом весь дверной проем, архивист изумленно распахнул водянистые глаза и чуть не выпал из кресла. Он вскочил и отшатнулся к противоположной стене, роняя по пути стопки книг и свитки.

--- Кто?.. Сохрани нас, Трон!

Аларик шагнул в комнату. Окинув взглядом помещение, он заметил в углу неубранную постель и разбросанные повсюду свитки и книги.

--- Архивист Серевик?

--- Главный... Главный архивист. Мчас Лаваньян Серевик.

--- Отлично. Я действующий брат-капитан Серых Рыцарей Аларик на службе Инквизиции Императора.

--- Инквизиция? Мы... мы чтим Императора и верно служим ему. Нет необходимости...

Аларик поднял руку:

--- Мы здесь не для того, чтобы вас судить. На Шлейф нагвинутась тьма, и

для борьбы с ней необходимо получить кое-какую информацию.

Серевик попытался справиться со своим испугом, но его голос все еще дрожал.

--- Я... слышал ночью, как они поют, даже здесь. Они говорят, что пришел их Принц...

--- И они правы. Он возрождается где-то в пределах Шлейфа, и, если мы собираемся с ним сражаться, надо выяснить, где именно. Потрясения, подобные здешним, охватили все миры Шлейфа. У нас очень мало времени.

--- Остальные архивисты мертвы. Здесь так много всего утрачено...

--- Это не могло быть потеряно, --- отрезал Аларик. --- Тысячеликий Принц возродится там, где находится захоронение святого Эвиссера.

Архивист долго молчал.

--- Такого захоронения не существует, --- сказал он наконец.

Аларик подошел ближе и навис над Серевиком:

--- Для возвращения Принцу необходимо тело Эвиссера. Он выбрал

Шлейф только по этой причине.

--- Брат-капитан, нет такого захоронения. И нет святого. Нагение Шлейфа только подтвердит этот факт. Мы были обречены много лет назад.

Серевик кусал губы, пытаясь собраться с мыслями. Настал момент, к которому он всегда готовился, и это было для него важнее всего, важнее обороны замка.

--- Что здесь происходит? --- спросил Аларик.

--- Брат-капитан, Имперская Инквизиция не может нас спасти. Церковь Императора должна собрать собственный совет.

--- Ну, ладно. --- Аларик повернулся к ожидавшему у двери Генхайну: --- Сожги здесь все.

Серевик ахнул:

--- Сжечь?! Но эти книги священны... Это наше...

--- Замок Памяти скоро падет. Все знания попадут в руки Врага. Если Замок не принадлежит Императору, значит, он может стать оружием врагов.

— Но это невозможно! Немыслимо! Это... святотатство! Священные слова должны остаться! Их уничтожение хуже ереси!

— Раньше я считал, — спокойно заговорил Аларик, — что архивисты здесь только пытаются упрочить свое положение. Но это ведь не единственная причина, по которой вы держите все знания в памяти. Правда, Серевик?

Брат Онгурин уже снял с плеча огнемёт. На его форсунке заплясал голубой огонек.

— Вы назначены сюда, чтобы охранять знания. Вы здесь, потому что Экклезиархии известно что-то о Шлейфе, о святом Эвиссере и о Гаргатүлоте, и эти знания должны остаться в тайне. Но мы предлагаем все это уничтожить, так что, когда дикари разорвут вас на куски, они не найдут никаких секретов. И почему не сжечь все сразу? Мы только оказываем вам помощь. Почему ты хочешь все сохранить?

Голос Серевика прерывался рыданиями:

--- Потому что... я еще жив!..

Аларик поднял руку. Онгурин опустил дуло огнемета и приготовился пустить стрелу пламени на сложенные в соседней келье книги.

--- Экклезиархии стоило подобрать более сильного духом человека для хранения секретов. Рассказывай все, что нам нужно. Иначе все здесь сгорит, а ты будешь на это смотреть.

По щеке Серевика скатилась крупная слеза.

--- Я не могу вам рассказать. Благословенный Трон, они взяли меня сюда совсем ребенком. Я еще ничего не знал, но мне уже втолковывали, что выдать тайну --- это смертный грех. --- Серевик поднял голову, пошевелил грожащими губами. --- Но... я могу вам показать.

Келканнис Эвиссер был незначительным человеком. Молодым агентом его направили в крошечный офис Администратума на Солшене XIX, вскоре после того, как эта планета была открыта и признана пригодной для

развития сельского хозяйства. Эвиссер был всего лишь именован в реестре -- так же как и миллиарды других мужчин и женщин, не способных добиться чего-то большего.

Уже к концу жизни Эвиссера случилось так, что Солшен XIX оказался на пути зеленокожих грабителей. Это была одна из тысяч вооруженных банд орков, которые занимались мародерством на окраинах Империи. Их периодические жестокие набеги на разбросанные имперские поселения были такой же частью жизни граждан, как молитва, работа и стирание.

После того как они покинули Солшен XIX, там не осталось ничего. Огни гытящиеся развалины.

И Келканнис Эвиссер.

О таких случаях -- когда после жестоких нападений выживал только один человек на планете -- по всему Империи слезались легенды. Огни считали уцелевших злодеями, которым досталась вся удача за счет окружающих; другие -- счастливыми, которых защитило милосердие Императора. Для

Администратұма выживший одиночка был
всего-навсего еще одним агентом, которого
надо пристроить до тех пор, пока не будет
восстановлен разрушенный мир на Солшене
XIX.

Но Келканнису Эвиссеру не суждено
было вновь стать винтиком гигантской
машины Администратұма.

В том, что зеленокожие вырезали
всех его коллег, он убедил волю
Императора. Теперь ему стало ясно, что
даже орки в какой-то мере были
инструментами в руке Императора. По
его мнению, они были посланы, чтобы
продемонстрировать Эвиссеру бесконечное
милосердие и силу Императора,
ослепительный жар его ярости и
безграничность веры в предназначение
человечества господствовать среди звезд.

Келканнис же остался в живых,
поскольку был ничтожнейшим из
умертвленных, как и миллиарды остальных
людей, составляющих Его наставу. Своим
долгом Келканнис считал показать всем,
что внимание Императора в равной
степени обращено и к низшим, и к

высокопоставленным

гражданином

Императора.

Его считали безумцем. Он отказывался признавать их правоту. Те, кого посылали урезонить его, прислушивались и тоже начинали верить, что не только слепая удача избавила Эвиссера от жестокости зеленокожих. Даже то обстоятельство, что Администратор не смог вновь превратить его в деталь огромной машины, делало Эвиссера особенным. Даже безликая, безграничная бюрократия Императора не смогла сокрушить его дух.

Он был не просто проповедником, на которого снизошла милость Императора. Он воплощал в себе надежду — надежду на то, что самые скромные мужчины и женщины способны играть значительную роль в планах Императора, охватывающих все человечество. Надежду на то, что каждая душа что-то значит для Императора.

А гражданам Императора больше всего не доставало как раз этой надежды. Все тираты приглашали к себе Эвиссера. И когда

он появлялся, правители и Арбитрес были не в состоянии разогнать толпы почитателей Келканниса. Прошло немного времени, и кое-кто стал поговаривать о его святости.

А потом стали происходить чудеса. Один из портовых ульев Тренитоса захватила жестокая чума. Эвиссер отправился в самое сердце карантинной зоны и оставался там на протяжении шести месяцев. Он облегал последние часы жизни тысячам людей, приносил им утешение и веру, что они утирают по воле Императора. Это само по себе было чудом. Несмотря на многие часы, проведенные у ложа умирающих, болезнь не тронула Эвиссера.

Восстание рабов-мүтантов на Магнос Омикроне грозило анархией этому миру-кузнице. Эвиссер чудесным образом прошел под обстрелом и поговорил с предводителями мятежников. Не имея никаких других средств, кроме чистоты слов Императора, внушенных ему свыше, Эвиссер уговорил повстанцев сложить оружие и вернуться под тяжелую руку

Императора.

Где бы ему ни приходилось странствовать, вслед за его кораблем шли в варн все попутные суда: в кильватере Эвиссера варн оставался спокойным и безмятежным. Ни один из кораблей, следовавших за Келканнисом, не был потерян в безумии варн-штормов. Благодаря поездкам Эвиссера для помощи отчаявшимся и обездоленным людям Шлейф был впервые отмечен безопасным сообщением между системами.

Эвиссер приносил милость Императора утирающим, чья смерть в другом случае казалась бы бессмысленной. Повсюду, куда бы он ни приходил, возрастали вера и усердие людей. Жители Шлейфа обожали Эвиссера и вскоре стали шумно его восхвалять. В годовщину чуда на Тренитосе они устраивали в его честь фестивали и парады. Ему посвящались построенные часовни.

Вскоре никто уже не сомневался в его святости. Разве мог не быть святым человек, по воле Императора облеченный милостью и способностью творить

чудеса? Ставший живым воплощением Его господства над человечеством? И люди стали почитать святого Эвиссера в ежедневных молитвах.

Келканнис Эвиссер, при жизни ставший святым, творил чудеса, носившие его имя. Не одно десятилетие он провел в странствиях и посетил чуть ли не все миры Шлейфа. Куда бы он ни приходил, повсюду в его честь возводились часовни и храмы. И Замок Памяти был выстроен на том месте, где он впервые высадился на Фарфаллене. Говорят, что как только он ступил с трапа своего челнока, на всей планете распустились цветы. Эвиссер благословил темные башни Вулканис Ультора и подземные геотермические кузницы Магнос Омикрона, поля Виктрикс Соноры, полные рыбы океаны Солшена XIX и все звезды, сиявшие над Шлейфом.

Благодаря святому Эвиссеру захолустный район космоса превратился в густонаселенную и процветающую систему миров. Паломники приходили и приносили с собой богатства. В благодарность святому Эвиссеру

меленные граждане ставили монументы. Они забыли заветы Экклезиархии о сдержанности и скромности и возводили в честь святого Эвиссера храмы с золотыми куполами, украшенные драгоценными камнями статуи, музеи с бесчисленными произведениями искусства.

Святой был рожден на Шлейфе с целью показать, что Император смотрит на каждого --- бедного и богатого, могущественного и ничтожного. На тех, кто помогает Его церкви, и тех, кто прозябает в трущобах ульев и кузниц.

И пока живет Шлейф Эвиссера, сам Эвиссер не может умереть.

Аларик в сердцах захлопнул книгу. Серевик проводил капитана Серых Рыцарей в запертый подвал под замком. Там, на полу, в кажущемся беспорядке были разбросаны книги и свитки. Но Серевик точно знал, что написано в каждом из них. Он выбрал для Аларика только самые важные --- истинную и подтвержденную фактами историю святого Эвиссера.

И когда мифы и панегирики были

отброшены, исторических фактов
оказалось совсем немного. Все, что нашел
Аларик, это краткая схема жизни святого.
Никаких деталей. Ни описания семьи
Эвиссера, ни его сподвижников, ни даже
указания на его внешность. Конечно,
невозможно было написать полную
историю Императора: события далекого
прошлого всегда излагались в
интерпретации рассказчиков, если они
вообще сохранялись. Но здесь было что-то
другое. Почему тогда замок Памяти
требовал от своих архивистов хранить
тайну святого Эвиссера?

Аларик был почти один в сумрачном
помещении. Испуганный послушник,
назначенный для помощи в поисках книг,
ждал у двери. Хоть замок и подвергся
осаде, традиции помощи одного слуги
Императора другому свято сохранялись.
Генхайн и брат Онгурин, все еще с
огнеметом наготове, ждали за дверью.
Воины отделений Аларика и Генхайна
образовали защитный кордон вокруг зала.
Аларик был уверен, что слышал, как под
полом скребутся дикари, копающие

туннель. Через некоторое время они наверняка ворвутся внутрь замка.

— Правосудор Генхайн, — позвал Аларик. Генхайн вошел, оставив Онгурина снаружи. — Что ты об этом думаешь?

Генхайн подошел к столу, за которым сидел Аларик, и взглянул на исписанные страницы. Это были выдержки из поверхностной истории Шлейфа. Серевик утверждал, что описание святого Эвиссера и несколько документов, подтверждающих некоторые из его чудес, и есть основная часть той информации, которую Экклезиархия сохраняет в секрете.

— Не так уж и много, — заметил Генхайн, проглядев содержимое страниц.

— Но это все, что у нас имеется.

— Возможно, в этом и есть суть.

Аларик ненадолго задумался. Что ему было известно? Жил человек по имени Эвиссер, утверждавший, что черпает вдохновение в словах Императора, и он был провозглашен святым. Вот и все.

Конечно, в этом и есть суть.

Аларик вскочил, схватил со стола книгу и кинулся из зала, потягивая только

рядом с послушником, грожавшим возле-
гдвери:

--- Где Серевик?

Парень боязливо показал рукой. Аларик бросился в указанном направлении и вышел в глинную низкую галерею. Все ее стены и потолок были закрыты вырванными из книг страницами, припиленными к деревянным панелям либо наклеенными прямо на камни. Это было похоже на старое лоскутное одеяло.

Серевик стоял в центре и смотрел на тысячи слов --- как будто в окно на пейзажи Фарфаллена в пору его процветания.

--- Святого Эвиссера никогда не было, --- прямо заявил Аларик, швырнув книгу к ногам Серевика. --- Экклезиархия никогда не провозглашала его вознесение. Он был объявлен святым людьми, и Экклезиархия стиралась с этим, --- но он был простым смертным.

Из главного архивиста словно выпустили воздух. Теперь Серевик уже не казался таким представительным, как прежде. Он печально покачал головой:

--- От этого человека произошло

только хорошего. Хранить этот секрет было позором. — Он посмотрел на Аларика, и Серый Рыцарь подумал, что Серевик вот-вот заплачет. — Вы можете себе представить, какой вред был бы нанесен Шлейфу в случае разоблачения Эвиссера кардиналами? Возникли бы ужасные раздоры. Ненависть обратилась бы не на врагов, а на верных слуг Императора.

— Но он творил чудеса, — сказал Аларик. — Эвиссер выковал могучий Шлейф из захолустного района космоса. Он должен был стать первым кандидатом на канонизацию. Что могло ей помешать? Что обнаружили кардиналы?

— Тогда стало слишком поздно, — продолжал Серевик. Знание слишком долго хранилось в его голове, словно в запечатанной бутылке. Теперь он должен был совершить грех разоблачения и выплеснуть всю информацию. — Эвиссер был святым для всех людей уже несколько десятилетий. Священный Синод рассмотрел вопрос о причислении его к лику святых. И принял решение, что слишком поздно что-то менять. Люди

обращались к Эвиссеру в молитвах. Нельзя
искоренить такую веру, особенно если она
превращает Шлейф в единое целое.

Аларик понимал, что Гаргатүлот не
просто выбрал Шлейф. Весьма вероятно,
что Тысячеликий Принц сам его и создал.

--- Итак, кардиналы были вынуждены
позволить поклонение Эвиссеру --- до тех
пор, пока Шлейф не пришел в упадок, а сам
Эвиссер не оказался забыт. Но почему он
так и не стал святым? --- спросил
капитан. --- Что они отыскиали в его
жизни?

Серевик с трудом подавил рыдания.
Снаружи через стены донеслись песнопения
дикарей, готовых начать очередную
атаку.

--- Все это...--- почти шепотом
произнес Серевик, --- все сгорит...

Аларик схватил его за горло и поднял
вдоль стены галереи, пока голова
архивиста не стукнулась в потолок.
Стоило капитану захотеть, и рука в
латной рукавице сломала бы шею
Серевику.

Тот заставил себя посмотреть

Аларик в глаза:

--- Его... его родной мир. На нем лежало пятно. Если бы... кардиналы проигнорировали этот факт, а потом он обнаружился, могли бы возникнуть еще более ужасные распри... Эвиссер --- предатель, священная война, еще одна эпидемия неверия...

Аларик отпустил Серевика, и тот бесформенной кучей рухнул на пол.

--- Вас выдало то, что все это не было записано, --- сказал Аларик, пнув ногой книгу в сторону Серевика. --- Ни родного мира, ни места захоронения. Ни канонизации. И все из-за того, что Екклезиархии было известно пятно на биографии Эвиссера. Им могли овладеть темные силы. И кардиналы были правы. Но решили, что лучше позволить ему пустить корни в Имперских мирах, чем признать свое бессилие справиться с новым проповедником. Где он родился? Где был похоронен?

Серевик захныкал.

--- Говори! Или все сейчас сгорит, и ты сгоришь вместе с книгами.

Серевик закрыл голову руками. Он был сломлен. Со времен послушничества его учили хранить священную тайну Шлейфа, помнить и оберегать ее во имя Императора. Теперь ему ничего не осталось. Совсем ничего. И даже зная, что, независимо от его слов, книги все равно сгорят, архивист сдался.

--- Он родился на Софано Секундосе, ---
прошептал Серевик. --- А похоронили его на
Вулканис Ульторе.

ВУЛКАНИС ФАУСТУС

Уже через три дня после неудавшейся казни Валинова Конклав Энцелага отправил на Шлейф корабль с посланием. Он вез слишком секретную информацию, чтобы доверить ее астронастам. Имперские организации на Шлейфе могли быть связаны с восставшими повсюду культурами. Раньше случалось, что внавшие в ересь астронасты служили каналами утечки важных сведений. Единственным выходом в такой ситуации был посланник.

Сообщение было весьма простым. В нем говорилось о возможности появления Валинова в пределах Шлейфа, а сам он признавался настолько опасным, что даже разговор представлял угрозу заражения ересью. Единственной примененной к нему мерой признавалось уничтожение.

Послание было доверено дознавателю Грээ — высококлассному пилоту и доверенному агенту лорд-инквизитора

Коатеца. Для пущей надежности ей
вживили под кожу особые стимуляторы
мозга, которые позволяли хранить
сообщение в голове, не рискуя выдать его
при любых психических воздействиях.

Дю Граэ была тем самым пилотом
истребителя, который бросил
«Штормовую молнию» в небо Армагеддона,
обеспечив перевес в сражении с
хитроумными летательными
приспособлениями зеленокожих. Корабль,
на котором она летела теперь, был почти
таким же маневренным, как истребитель.
Черное блестящее стреловидное судно ---
самое малое и быстроходное из всех
способных преодолеть варп-кораблей,
которое смогли отыскать в Орго Маллеус
за короткий срок. Оно пронзало варп,
словно нож, а экипаж состоял только из
Дю Граэ и навигатора.

Сначала корабль легко преодолевал
материум, но спустя три дня внезапно
поднялся варп-шторм. Мощная вспышка
черного безумия широким полумесяцем
охватила Солнечный Сегмент от Ранны
до В'Рана. Менее маневренное судно давн

было бы уничтожено, но дю Граэ, вслепую управляя кораблем, пока навигатор подсказывал приемлемые течения варна, продолжала вести узкое судно сквозь бурлящие заносы ненависти по направлению к Шлейфу.

Но это требовало дополнительного времени. Слишком много времени. Если Валинов получит столь большую фору, они едва ли успеют его остановить.

Без помощи астронавов дю Граэ не могла ни доложить об осложнениях на Энцелаге, ни связаться со Шлейфом. Ей оставалось лишь уповать на Императора и надеяться, что подготовка Врага затянется еще на несколько часов, а ее корабль полетит быстрее.

Дю Граэ выскользнула из варна точно на краю системы Вулканис, и рубку тотчас залил живой свет красной звезды. В первую очередь надлежало предупредить кардинала и губернатора, находившихся на Вулканис Ульторе. Следующим пунктом была штаб-квартира Инквизиции на Тренитосе.

Даже со стороны было понятно, что

положение на Шлейфе үхүдүшүлсө. В
системе находились корабли военного
флота Империи — без сомнения
направленные сюда из-за возросшей
активности культистов. Старый боевой
крейсер класса «Марс», оставшийся с тех
пор, когда истребители являлись самым
предпочтительным оружием, служил
базой для патрулей истребителей-
бомбардировщиков, ведущих охоту на
вражеские корабли. Крейсер класса
«Лунный» под названием «Священное
пламя» и три конвойных корабля класса
«Меч» эскадрильи «Очищение» держались
непосредственно на орбите Вулканис
Ультора.

Без помощи астронавтов гю Граэ не
могла связаться с кораблями, не подходя к
ним вплотную. Но ее терзали сомнения. А
вдруг поблизости появились корабли сил
Хаоса, которым ничего не стоило
справиться с ее легковооруженным судном,
если они его обнаружат? Она решила
держаться подальше от приближавшегося
Вулканис Ультора, пока не получит
информацию из разговоров между

экипажами находящихся поблизости кораблей.

Дю Граэ решила отлететь в сторону. Она направила корабль на орбиту Вулканис Фаустуса --- ближайшей к звезде, обожженной и бесплодной планеты. Обрывки перехваченных разговоров свидетельствовали о скором и неизбежном конфликте. Вероятно, силы Хаоса на Шлейфе возросли до критической массы, и все ожидали начала полномасштабных военных действий. Экипажи работали без перерывов, стараясь подготовить к сражениям старые суда. Не хватало артиллерийских орудий. Департамент снабжения не мог обеспечить истребители достаточным количеством топлива.

Из тени Вулканис Фаустуса появился гордый силуэт слегка обветшавшего ветерана под названием «Беспощадный». Близость звезды затрудняла связь, так что авианосец выпустил три истребителя, которые подошли ближе. Как только они оказались на подходящей дистанции, они сканировали корабль дю Граэ и передали короткое сообщение о

том, что в системе Вулканис небезопасно. Устремители «Беспощадного» предложили эскортировать дю Граэ до космопорта на столице Вулканис Ультора.

Дю Граэ поблагодарила командира эскадрильи и выключила двигатели, давая возможность истребителям подойти вплотную и отбуксировать корабль. И в то время, когда она беспомощно болталась на орбите, капитан «Беспощадного» отдал приказ: «Огонь!» Истребители выпустили все имеющиеся у них ракеты, превратив корабль дю Граэ в быстро расплывающееся облако плазмы. Вместе с пилотом погибло и сообщение о том, что человек, называющий себя инквизитором Валиновым, — на самом деле слугитель Хаоса.

Голик Рен-Сар Валинов наблюдал, как корабль посланца вспыхнул мерцающим треугольником. Голубые прямоугольники истребителей «Беспощадного» окружили еще пару минут, увертываясь от разлетающихся обломков. Огромный орбитальный

командный пульт, установленный в занятом Валиновым помещении, был настроен на отображение пространства вокруг Вулканис Фаустус. Как убедился Валинов, истребители вскоре скрылись за скалой, чтобы присоединиться к несущему кораблю на другой стороне планеты. Ради того, чтобы обеспечить Валинову полную свободу действий, Рекоба был вынужден вышвырнуть двух прихлебателей из числа аристократов и отдать ему целый уровень улья. Теперь Валинов сидел в окружении множества регистраторов, пикт-панелей, голографических экранов и орбитального командного пульта, чтобы быть в курсе всего, что творится в системе.

--- Уничтожение подтверждено, --- слышался обезличенный воксом голос командира эскадрильи.

--- Отличная охота, эскадрилья «Тэта», --- последовал ответ капитана.

Громадный голубой прямоугольник «Беспощадного» показался из-за необитаемой планеты и стал разгоняться для короткого перехода на орбиту

Вулканис Ультора. Три истребителя
следовали за ним, словно щенки за
матерью.

Из-за двери донесся шум, и в комнате,
шурша пышным парадным одеянием,
появился кардинал Рекоба.

--- Инквизитор! --- воскликнул Рекоба. ---
Я только что услышал. Это был
самозванец?

--- Хорошо, что мы вовремя его
обнаружили и успели сбить, --- сказал
Валинов. --- Если бы мне не доложили, эти
гости сумели бы прорваться прямо сюда. У
Врага множество хитроумных способов
нам навредить. И одному Императору
известно, что бы произошло, если б они
прорвались.

Рекоба беспокойно сглотнул.

--- Это посланец Темных Сил?

Валинов кивнул:

--- Я убедился в этом, как только
истребители просканировали корабль.
Уверен, это был колдун. Хорошо, что они
быстро его уничтожили: в противном
случае все экипажи могли бы пострадать.

Рекоба покачал головой:

— Значит, они были совсем близко. Благодарение Вечноживущему, что их смогли остановить. Вот уж поистине, да защитит нас Трон...

— Да защитит нас Трон, ваше священство, — стиренно откликнулся Валинов.

Они и впрямь подобрались очень близко. Валинов мысленно прикинул, кого могли послать с сообщением. Вероятно, кого-то из лучших. Возможно, самого Никсосу: он ведь едва выжил после Миласа и наверняка жаждал принять участие в уничтожении бежавшего узника. Хотя нет... Скорее всего, это был кто-то из лорд-инквизиторов Энцелага. Они должны были взять дело в свои руки, чтобы исправить допущенные ошибки. Вероятно, этот клоун Коатец, проповедующий массовые убийства, послал на смерть одного из своих лучших пилотов. Валинов позволил себе слегка улыбнуться: таких крестоносцев, как Коатец, легче всего использовать в своих целях. Конечно, они должны были послать корабль с сообщением. И Валинов не мог не

воспользоваться этим обстоятельством, чтобы умножить страхи защитников Шлейфа.

Похоже, вся Галактика знает свою партию в грандиозном танце Хаоса и истинно повинется его музыке. А что может быть приятнее для Повелителя Перемел, как не цепи рабства его врагов, выкованные их собственными руками?

--- Должен ли я приказать капитанам усилить патрулирование? --- спросил Рекоба. --- Нам обещали доставить еще дюжину истребителей с Магнос Омикрона, и мы сумеем переправить их на дальнюю орбиту, на наблюдательные станции...

Валинов поднял руку.

--- Нет. Переведите капитанов на ближнюю орбиту. Но и дополнительные истребители тоже. Остальной части Шлейфа придется выдерживать собственную битву. Вулканис Ультор --- краеугольный камень системы. Он должен выстоять во что бы то ни стало. Отгородитесь от остального мира стальной стеной, кардинал. В скором будущем нам потребуются для обороны все имеющиеся

силы.

--- Конечно, инквизитор, --- почти покорно ответил Рекоба.

Валинов с удовольствием послушал, как кардинал передает распоряжения помощникам.

Прежде чем выключить экран, Голик Рен-Сар Валинов еще раз взглянул в космос. Пустое место там, где недавно находился корабль-посланец, означало гибель последней надежды Шлейфа.

Канонесса Людмила остотрела в бинокляр место будущей битвы. Ее боевые сестры, солдаты Экклезиархии занимали позиции в бункерах и окопах, окружавших перерабатывающий химический завод на берегу озера Рапакс.

Слева протянулись позиции балурианской тяжелой пехоты --- хорошо вооруженных и утелых воинов. Они, как верила канонесса, не должны дрогнуть под натиском врагов и оставить ее сестер без прикрытия. Справа простиралось само озеро Рапакс --- огромная впадина, наполненная такой загрязненной отходами

жидкостью, что язык не поворачивался
назвать ее водой.

Люгмилла командовала обороной
крайнего правого фланга; ей помогали
сотни боевых сестер. Многие считали
сестер Агента Сороритас самыми
грозными войсками Империи после
козодесантников. Защищенные силовыми
успехами, вооруженные тяжелыми
болтерными ружьями, сестры были
способны отбросить ураганным огнем орды
Хаоса.

За пределами столичного улья
простирались голые изрезанные равнины,
носящие синеватые шрамы столетних
загрязнений. Земля была иссушена и
разбита до такой степени, что
превратилась в растрескавшуюся
каменистую пустыню и дюны непла-
Вдали из сутрака поднимались предгорья,
образующие подступы к гораздо меньшему
Улью Верданус. Позади Люгмиллы
располагалась гордость Вулканис Ультора
— столица, Центральный Улей, место
заседаний правительства планеты,
системы и всего Шлейфа.

Битва могла бы закончиться в несколько мгновений, если бы стоящий на пустыре рядом с Ульем «Ординатус» мог засесть приземляющихся врагов и в режиме самонаведения послать на их головы залпы прицельного огня. Но Люгмилла знала, что этого не произойдет. Во главе атакующих пойдут костодесантники Хаоса, Предательские Легионы, которые смогут воспользоваться своей скоростью и мощью. Эти воины окажутся перед защитниками еще до того, как кто-то узнает об их приземлении. Сражение будет разыграно не на равнине, а здесь — на расстоянии вытянутой руки. Атака врагов должна захлебнуться в рядах защитников.

Люгмилла окинула взглядом укрепления, построенные в небывало короткие сроки силами привлеченных к обороне городских бригад чернорабочих. Плоский массивный пластобетонный корпус завода подходил к самому берегу озера. Люгмилла разместила на его крыше несколько карательных отделений для поддержки передовой линии тяжелыми болтерами и орудиями мультимелта. Два

ракетных танка «Экзорцист» охраняли ворота завода, и в резерве позади бетонных сооружений оставалось еще несколько отделений Сестер Битвы. Они не смогли войти в помещение завода из-за находящихся там летучих хитикатов. Впрочем, до этого войти не должно.

Вокруг завода петляли глиняные линии окопов, оцетинившихся колючей проволокой. Перед окопами, на случай танковой атаки, были разбросаны бетонные блоки. Их можно было сдвинуть, чтобы организовать контратаку и подставить врага под перекрестный огонь карательных отделений и противотанковых групп балурианцев. Сестры из окопов первой линии имели возможность отступить в бункеры, стоящие позади них в неглубоких воронках. Эти убежища были сброшены вниз с кораблей низкой орбиты, где и были изготовлены, как только началась подготовка к сражению.

Атакующим, чтобы прорвать линию обороны, надо пройти несколько рядов окопов и бункеров. Но в таком случае их

встретит огнем оставленный в резерве
большой отряд балурианской пехоты, да и
сестры, выйдя из бункеров, нанесут
противнику удар с тыла.

Таков был план. Но Людмила, как и
все остальные, знала, что планы
существуют лишь до тех пор, пока не
прозвучит первый выстрел. И все же ---
чтобы преодолеть такую защиту, как
эта, требуется по-настоящему
массированная атака. Этот участок,
охраняемый решительно настроенными
сестрами, --- один из самых укрепленных в
системе. Он почти так же непреодолим,
как и отравленные токсинами воды озера
Ранакс.

Людмила посмотрела в сторону
балурианцев. Пехотинцы выстроились для
отрядной комиссарской проверки. Комиссар
в черной форме обладал властью наказывать
каждого --- солдата или офицера --- при
малейшем подозрении, что тот
пренебрегает долгом перед Императором.
Людмила даже слышала его голос, когда
он отрывисто читал короткие
наставления каждому проверяемому

отделению. Комиссар предупреждал, что враг уже близко. Он попытается не только уничтожить тела воинов, но и завладеть их мыслями. И любой, чья вера не выдержит испытания, должен быть рад, если получит пулю от своих товарищей. Это война за души, а не просто политический конфликт.

Люгмилла закрыла магнокүляр и по короткому туннелю спустилась в командирский бункер. Две целестуанки из ее личного элитного отделения стояли по обе стороны от двери по стойке «смирно». Старшая сестра Лакрита поджидала канонессу, чтобы посоветоваться.

— Канонесса, — склонив голову, обратилась к ней Лакрита. — Серафимы заняли свои позиции.

В отделении серафимов, которыми командовала Лакрита, служили искусные рукопашном бою сестры. Они шли в бой с прыжковыми ранцами, чтобы сразу оказаться в гуще битвы. В их задачу входили быстрые контратаки в том случае, если противник преодолет первый ряд окопов.

--- Я хочу, чтобы первой линии уделялось наибольшее внимание, --- сказала канонесса. --- Балүрианцы нам помогут, но враги постараются использовать каждую брешь.

--- Конечно. Мои сестры --- те, кто находится рядом с балүрианцами, --- говорят, что солдаты нервничают.

--- Это понятно. Не забудь, на том участке тебе нагложит запевать боевые гимны. Балүрианцы должны услышать наш пример.

--- И еще, канонесса... Могу я говорить откровенно?

--- Продолжай.

--- Речь инквизитора Валинова пробудила некоторые сомнения среди солдат и, как мне кажется, среди сестер тоже. Прежде никому из нас не приходилось встречаться в бою с Предательскими Легионами. Школа Прародительницы учила нас, что их не существует.

--- Молись, чтобы ее слова скорее стали правдой! --- Людмила на мгновение задумалась. --- И если кто-то из

балүрианцев начнет задавать вопросы ---
пусть молится вместе с нами. Если они
дрогнут, мы погибнем.

--- Я поняла.

--- У, сестра...

--- Канонесса?

--- Легионы костических десантников
пали из-за того, что Враг сумел
воспользоваться их гордыней и
невежеством. Мы не повторим их грехов.
Не позволяй Врагу сломить твой дух еще
до начала битвы.

Лакрима отдала честь, вышла из
бункера и направилась к своим боевым
сестрам. Люгмилла проводила ее
взглядом: высокая, крепкая женщина
казалась еще массивнее из-за силовых
госпехов и прыжкового ранца, висящего за
спиной. На черных рукавах, надетых поверх
блестящих красных госпехов, виднелась
кровооточающая роза, символ ордена. В
давние времена, еще до Ереси Хоруса,
костодесантники, для похвалы своей
мощью, украшали госпехи устрашающими
метками, но боевые сестры не позволяли
себе такой вульгарности.

Одна из сестер штаба, ведающая обеспечением связи, поднялась из подземного уровня бункера.

— Канонесса, с нами связался штаб кардинала Рекобы. Инквизитор Валинов хочет лично посетить наш участок обороны.

— Передай, что это для нас большая честь, — ответила Люгмилла. — Я надеюсь, что укрепления отвечают его требованиям.

Сестра торопливо вернулась к пульту, чтобы передать сообщение.

Люгмилла считала Валинова природожденным лидером. Он взял в свои руки командование обороной, даже не приложив к этому никаких усилий. С тех пор как он сказал о реальности угрозы со стороны Предательских Легионов, военные жадно ловили каждое его слово. Люгмилла подозревала, что и ее сестры тоже. Люгмилла была бойцом, а не политиком, но даже она восхищалась той быстротой, с которой Валинов взял под контроль это гигантское дело.

Валинов — не просто отличный

руководитель обороны. Он посланник одной из самых могущественных сил Империи. Сестрам чаще доводилось работать с Ордо Еретикус, а не с Ордо Маллеус, но Валинов сам раскрыл свою принадлежность к Маллеус. Его участие подтверждало демоническую природу угрозы, нависшей над Вулканис Ультором.

Предательские легионы и демоны. Немного найдется в Империи сил, способных им противостоять. Людмила понимала желание Валинова проинспектировать участок обороны сестер: это не политическая показуха, а настоящая озабоченность. В надежде найти точку для удара, стянуть всю оборону и прорваться в улей, демоны ударят именно здесь — на самом краю линии. Сестрам придется держаться.

И они будут держаться.

«Рубикон» оставил Замок Памяти в огне. Арии скоро пророят туннель в нижние уровни замка. Когда они это сделают, защитники погибнут вместе со своими книгами. Серевик, скрываясь в

объятот пламенем подземелье, вероятно, будет одним из последних. Аларик знал это и все же покинул Фарфаллен: капитан не мог рисковать ни единым Серым Рыцарем, чтобы помочь защитникам в заведомо проигранном сражении. Он был лидером, а лидер не имеет права разбрасываться жизнями своих людей, когда нет надежды на успех.

На капитанском мостике «Рубикона» стояла полная тишина, если не считать монотонного гула двигателей и стрекотания корабельных регистраторов. Координаты были загружены; через несколько мгновений должен начаться короткий варп-прыжок. Чтобы добраться до системы Вулканис, потребуется лишь несколько часов. Навигатор Маллеус хорошо знал свое дело и мог переместить корабль как можно ближе к цели.

Аларик со своего командирского кресла наблюдал за спокойной подготовкой к прыжку. Затем раздалось шипение пневматических дверей, и в рубку вошел правосудор Санторо:

— Брат-капитан? Я запросил у

экипажа всю информацию о Вулканисе
Ультор.

--- Ц?

--- Ничего такого, чего не было бы нам
известно. Густонаселенный мир,
контролируемый Экклезиархией, под
номинальным управлением губернатора.
Мы посмотрели местоположение объекта,
обозначенного Серевиком. Озеро Рапакс
находится почти на окраине столичного
улья. Непохоже, чтобы там что-то было.

--- Но мы уверены в обратном. Мы
получили координаты посадки?

--- В этом-то и состоит проблема.
Астронавты говорят, что никто из них не
получал ответного сообщения.

--- Карантин?

--- Возможно.

На Вулканисе Ульторе еретические
культы развили наибольшую активность.
Телепатический карантин выглядел
вполне логичной мерой.

--- Однако для нас это
неутешительное известие, --- заключил
Аларик. --- Придется лететь без
приглашения. На всякий случай объяви

боевую готовность: если Вулканис Ультор пошел по пути Фарфаллена, нас может ожидать негостеприимный прием.

--- Ясно. Пойдя проинструктирую людей.

Аларик спустился с командирского постота и встал на одном уровне с Санторо. Как всегда, правосудора выдавало выражение лица.

--- Правосудор, я знаю, что ты разочарован из-за невозможности принять бой, --- сказал Аларик. --- Гаргатүл может обратить твои чувства против нас.

--- Брат-капитан, Враг не найдет во мне оружия.

--- Я знаю, но он попытается найти. Это сражение будет происходить не на наших условиях.

--- Так было всегда. И для Мандүлиса, и для нас.

--- Постарайся объяснить это своим людям.

Санторо отдал честь и покинул рубку. Аларик понимал, что правосудор еще не совсем доверял ему как лидеру. У

грандмастера едва ли присвоили бы Аларикү звание брата-капитана. Только безумие Лигейи заставило его принять командование. Гаргатүлот будет самой строгой проверкой его способностей. Независимо от того, что произойдет дальше, Аларик узнает, достаточно ли крепок его стержень веры.

Но эта битва, безусловно, касается не только его самого. Она определит судьбу миллиардов имперских подданных, которым грозит участь страшнее смерти, если темная звезда Гаргатүлота вновь поднимется на небосклоне.

--- Навигатор готов к варп-прыжку, --- произнес один из членов экипажа навигационной команды.

--- Машинное отделение готово, --- донесся по воксу рапорт механиков из самой глубины «Рубикона».

Одна за другой все команды доложили о готовности. Корабль был на пороге варп-прыжка.

--- Начинайте прыжок, --- приказал Аларик, и «Рубикон» ринулся в варп.

Кости́ческая оборо́на, воздвигну́тая
вокруг Вулкани́с Ультора, стала самой
мощной из всех, что знала когда-либо эта
система и Шлейф Святого Эвиссера.
Корабль «Беспоща́дный» был довольно стар.
но испытан в боях; несколько его палуб
заполняли бомбардировщики «Звездные
ястребы» и торпедные катера
«Мстители». Всеми судами управляли
закаленные в битвах пилоты, ожидающие
скорой отправки в Око Ужаса.

«Святое пламя» был новым и прочным
кораблем. Его команда, гордившаяся
быстротой сужда, могла массированными
бортовыми залпами превратить огромные
участки космоса в заполненную шрапнелью
убийственную зону. Эскадрилья
«Очищение», состоящая из трех кораблей
прикрытия класса «Меч», была совсем
недавно образована, и краска на кораблях
сверкала как в тот день, когда они сошли
со станелей Гидранура.

Два боевых корабля и три корабля
прикрытия с легкостью охватывали все
пространство вокруг планеты.

Их сенсорные датчики улавливали

сигналы всех крупных населенных пунктов и непрерывно принимали информацию от внешних систем наблюдения. В системе Вулканис были приостановлены все торговые перевозки, и любой движущийся предмет воспринимался как вражеская угроза.

Приказы инквизитора Валинова были предельно ясными. Враг приближается. Все остальное вторично. Лучший способ уничтожить противника — это перехватить корабли на высокой орбите, где из-за полной нагрузки они будут наиболее уязвимы.

Капитану «Беспощадного» Тракино было приятно сознавать преимущество засады. Тракино происходил из старинного офицерского семейства Ластраты. Аналитический ум прирожденного воина капитан оценил десятки сражений. Новомодные тактические доктрины утверждали, что бортовые залпы — это лучшее оружие, но Тракино был уверен в другом. Устремители и бомбардировщики, волна за волной, могут достичь результатов, недоступных ни одному

большому кораблю. В навигационной битве они будут быстры и опасны, словно рой разъяренных крылатых хищников.

Гракино ждал, сидя на позолоченном капитанском троне в рубке старого гордого корабля. Капитанская рубка была отделана с такой пышностью, что напоминала скорее балльный зал во дворце родного мира капитана, чем командный пост военного судна. Гракино ждал в спокойной уверенности, что Вулканис Ультор теперь — самое безопасное место во всем Шлейфе.

Почти весь экипаж «Святого платени» состоял из выпускников военно-морской академии на Гидрануре. Все они фанатично верили в превосходство артиллерии и дисциплины при сражениях с любыми врагами.

Капитаном корабля был Принкос Гурвелейн, произнесший прощальную речь в академии девять лет назад. Он считался лучшим выпускником за последнее десятилетие.

Гурвелейн приучил офицерский корпус «Святого платени» анализировать любую

ситуацию и слаженно работать над принятием решений, применяя строгие доктрины академии. Устремители «Беспощадного», безусловно, принесут большую пользу в качестве отвлекающего фактора, но решающую победу обеспечит артиллерия «Святого пламени».

Капитан «Святого пламени» состоял в отдаленном родстве с вице-адмиралом, который комплектовал эскадрилью «Очищение». В частых личных переговорах с капитанами кораблей прикрытия было решено, что все четыре судна будут действовать слаженно. Мощный огонь бортовых орудий «Святого пламени» и корабли прикрытия, сгоняющие противника в зону обстрела, — при таких условиях никто не постыет приблизиться к Вулканис Ультору без того, чтобы не попасть под шквал снарядов.

Принкос Гурвелейн, как полагает настоящему капитану, не сомневался, что учтены все вероятности. Капитанский мостик «Святого пламени» был отделан скротными деревянными панелями и тканью, повторяя интерьеры старинных

лекционных залов академии. И сам корабль был как бы продолжением академии, хранилищем самых ценных знаний всего военно-морского флота. Приблизженные офицеры Гүрвелайна энергично работали над огромными пергаментными картами системы. Склоняясь над столами с линейками и компасами, они отдавали приказы механикам в машинное отделение и артиллеристам на палубы; управлялись с не умолкавшими ни на минуту устройствами связи.

И в этот момент пришло экстренное сообщение с системы внешнего наблюдения. В систему Вүлканис только что вошел неизвестный корабль — возможно, в полной боевой готовности. По всем признакам в нем распознали боевой крейсер костогесантников, но его скоростные качества и внешнее оформление не соответствовали образцам.

На «Беспощадном» и на «Святом платени» сообщение было получено одновременно. И капитаны обоих кораблей нашли единственное объяснение. Как и предупреждал инквизитор Валинов,

прибыли Предательские Легионы.

«СВЯТОЕ ПЛАМЯ»

--- Тревога! --- закричал кто-то из навигационной команды, завидев злобные красные огоньки, возникшие на широком экране капитанского мостика.

--- Связисты, что у вас? --- спросил Аларик. Член экипажа из отделения связистов поднял голову.

--- Мы послали сигнал оповещения на Вулканис Ультор, но ответа не поступило.

Аларик сжал поручни пульты. Какая-то бессмыслица. Они вошли в систему Вулканис меньше часа назад, и внезапно, даже без запроса опознавательных сигналов с «Рубикона», боевой авианосец несется на них во весь опор и запускает звено вооруженных истребителей-бомбардировщиков.

--- Архив, приказываю определить класс и назначение этого корабля и всех других, находящихся в системе. Кто-то

предупредил их о нашем появлении и представил нас врагами.

Остальные правосудоры прислушивались к разговору через вокс-каналы.

--- Неужели флотилия системы попала в руки Врага? --- спросил Танкред.

--- Не знаю, --- ответил Аларик.

Но такую возможность он не отрицал. Если Гаргатүлот сумел овладеть утами всех экипажей флотилии, это объясняло их враждебность. Но по последним данным, Вүлканис Ультор сохранял прочные позиции и его защитники сплотились вокруг кардинала Рекобы. Если ересью заразилась целая система, это должно было произойти с невообразимой скоростью.

--- Скорее всего, это дезинформация, --- заключил Аларик. --- Если они считают, что нас послал Гаргатүлот, значит, будут атаковать при первой же возможности. Никакие наши заверения не помогут.

Кто из граждан Имперіута слышал о Серых Рыцарях? Весьма немногие. Даже

если командиры кораблей и заметили наружные знаки «Рубикона», смогут ли они их распознать?

Аларик понял, что Гаргатүлөт воспользовался секретным положением Инквизиции, чтобы обратить его в свою пользу. Овладел Хаос утати экипажей атакующих кораблей или нет --- «Рубикону» ничего не остается, как пробиваться через их заслон.

--- Сколько времени у нас осталось? --- спросил Аларик.

Тревожные сигналы уже разнеслись по кораблю, и на капитанском мостике стало шумно. Команды «Рубикона» отправляли подручных с распоряжениями в разные части корабля.

--- Менее двадцати минут, --- последовал ответ команды навигаторов. --- Затем первая волна сможет нанести удар.

--- Примените все имеющиеся меры защиты. Задействуйте отражатели, артиллерию --- все, что есть. Прорвется мимо них в верхние слои атмосферы. Мы здесь не для того, чтобы с ними драться. Надо беречь силы для Вулканис Ультора.

Послышались отрывистые команды артиллеристов. Несколько мужчин и женщин экипажа Маллеус бегом бросились из рубки на артиллерийские палубы, где предстояло зарядить и подготовить к стрельбе торпеды и осколочные снаряды. Торпеды с короткими взрывателями образуют достаточную массу осколков, чтобы в ней утонула основная часть снарядов противника, хотя при этом «Рубикону» может не хватить боеприпасов для встречи с другими кораблями.

--- Всем правосудорам отправляться на пусковую палубу. Я беру «Громоподобную истребительницу». Танкред, ты полетишь со мной. Генхайн и Сантаро, вам придется спускаться в десантных капсулах. Надо успеть погрузиться до тех пор, пока нас не настигли истребители.

Командиры отделений подтвердили получение приказа. Они уже были наготове: Серыл Рыцарям, для того чтобы выполнить распоряжение Аларика, потребуется всего несколько минут. Ему самому надо поспешить.

Аларик включил вокс-канал, общий для всего экипажа:

— Команда «Рубикона», ваша цель ясна. Вам необходимо ввести корабль в верхние слои атмосферы Вулканиса Ультора и осуществить запуск десанта. Все остальное вторично. Это касается сохранения корабля и ваших собственных жизней. Пожертвуйте «Рубиконом». Пожертвуйте собой. Я знаю, что Ордо Маллеус готовил вас к этому. Но ни один человек не может знать, готов ли он к смерти, пока не столкнется с ней лицом к лицу. Император верит, что вы исполните долг. Я тоже верю вам. Команда управления, занимайте капитанскую рубку, используйте любые способы, но подведите корабль как можно ближе к этой планете. Вам не обязательно знать, что поставлено на карту. Достаточно того, что я прошу вас это сделать. Идите за Императором, и Он будет с вами.

На некоторое время установилась тишина. Члены экипажа — люди со стертыми мыслями и строгой

психической установкой. Они не могли
отреагировать иначе даже на столь
эмоциональное обращение.

Красные огоньки на экране
становились все ближе, и капитанская
рубка вновь заполнилась шумом энергичной
деятельности.

Аларик спустился с командирского
возвышения. Офицер из команды
навигаторов быстро отсалютовал ему и
заступил на место капитана. Аларик
успел увидеть, как один посыльный был
отправлен в машинное отделение —
убедиться в готовности двигателей к
маневрам. Команда артиллеристов
занялась подсчетом боеприпасов,
необходимых для отражения первой волны
снарядов. Офицеры-навигаторы отмечали
положение остальных кораблей в системе —
трех судов прикрытия и крейсера. Эти
корабли дрейфовали, выжидая своей
очереди для нанесения удара.

Архивисты, среди которых было
несколько ученых с портативными
банками памяти, встроенными в мозг,
опознали в ближайшем корабле

«Беспощадный» — ветерана порта Мовремен Готической войны. Это неплохо. «Беспощадный» стар, а значит, тихоходен. «Рубикон» сможет проскользнуть мимо него и его артиллерии. А потом, на границе космоса и атмосферы Вулканис Ультора, начнется настоящее сражение.

Аларик редко обращал внимание на экипаж «Рубикона». Капитана Серых Рыцарей устраивала надежная и почти невидимая работа членов корабельной команды. Некоторые из них были выведены для того, чтобы оставаться незамеченными, — в ходе отбора наиболее восприимчивых к психическим установкам особей.

Команда «Рубикона» могла самостоятельно провести корабль сквозь огонь. Выполнить приказ и не задуматься о неизбежной гибели. Обеспечить продвижение корабля, дать Серым Рыцарям возможность высадиться на поверхность планеты.

Теперь Аларик был им не нужен. Он выскочил из капитанской рубки, чтобы присоединиться к боевым братьям, а

Экипаж остался выполнять свою работу.

Капитан Тракино наблюдал с капитанского мостика «Беспощадного», как огоньки истребителей двинулись к кораблю Хаоса. Подумать только, они даже попытались выдуть себя за имперцев и спрашивали разрешения приземлиться на Вулканис Ультор! Инквизитор Валинов предвидел каждый их шаг. Но, если они считают старый корабль вроде «Беспощадного» легкой добычей, они жестоко ошибаются.

--- Команда истребителей! Я хочу, чтобы вперед выдвинулись торпедные катера. Отведите назад «Звездные ястребы» и штурмкатера. Сначала надо их обработать огнем.

--- Есть, капитан! --- откликнулся жизнерадостный голос из команды истребителей. Она состояла из нескольких десятков офицеров, многие из которых родились на корабле за долгое время его службы.

Экипаж «Беспощадного» завершал подготовку к сражению. Активность на

капитанском мостике все возрастала. Команды медиков разворачивали передвижные пункты помощи в машинном отделении и на артиллерийских палубах. Бригады заправщиков беспокойно ожидали на палубах возвращения первой волны истребителей и бомбардировщиков, чтобы пополнить их топливные и боевые запасы.

— Красиво, не правда ли? — сияя гордостью, воскликнул Тракино. — Чертовски красиво!

Он повернул дорожное тело в кресле и открыл панель в подлокотнике трона, чтобы вытащить бутылку превосходного искрящегося цироуанского вина. Сковырнув пробку пухлым большим пальцем, он, салютуя, поднял бутылку.

— За войну! — закричал Тракино.

Несколько членов команды капитанского мостика с энтузиазмом откликнулись на этот тост. Штаб истребителей не прекращал отдавать последние приказы к атаке.

Едва прозвучали первые команды «Огонь!», капитан Тракино сделал большой глоток, чтобы отметить начало

сражения.

Вино ему понравилось.

Первый залп торпед был встречен ответным огнем «Рубикона». Снаряды с короткими запалами, пущенные с боевого крейсера костогесантников, взорвались шквалом обломков. В черноте костоса раскрылись яркие цветы, оставив после себя мерцающую завесу серебристых металлических фрагментов.

Атакующие первой волны — около тридцати машин — выпустили торпеды и заложили крутой вираж, чтобы избежать обстрела оборонительных орудий «Рубикона». Большинство торпед взорвалось в стене обломков. Яркие вспышки разрывных зарядов беззвучно пронесли в темноте, оставив после себя расходящиеся волны в завесе осколков, словно брошенные в воду камни. Несколько торпед прорвалось через заграждение и вызвало на корпусе боевого крейсера черные сполохи: броня корабля поглощала энергию взрывов.

Произошли первые разрушения. Пока

аварийные команды «Рубикона» пытались
восстановить мощностъ заградительных
щитов, приблизились остальные волны
атакующих. Теперь это были «Звездные
ястребы» — истребители-
бомбардировщики, легко преодолевшие зону
металлических осколков. Несколько
машин было уничтожено фрагментами
торпед, попавшими в двигатели, но
большая часть одолела преграду. Пилоты
были заслуженными ветеранами и не раз
сталкивались с подобными
препятствиями. Сверкающая завеса до-
пороы скрывала их от «Рубикона». «Звездные
ястребы» налетели на крейсер
внезапно, готовясь нанести удар. Они
вошли в глинный бреющий вираж и стали
обстреливать корпус крейсера из
установленных на носу турболазеров.

На оружейных палубах и в
артиллерийских отсеках боевого корабля
погибли первые люди.

Аларик слышал выстрелы второй
волны атакующих и цепочку глухих
взрывов по всей протяженности корпуса

«Рубикона». Вместе со своим и Танкреда отделениями он уже пристегнулся ремнями в единственном оставшемся у Серых Рыцарей «Грозовом ястребе».

После погребения Краэ в подземелье Титана у Танкреда остались трое терминаторов. Сам Танкред шел в сражение со своим мечом Немезиды. Локат и Голвен держали в руках алебарды, а Карлин нес с собой тяжелый огнемет. Все десантники-терминаторы во многом были похожи на Танкреда — не знающие сомнений воины, всегда готовые к атаке. Они жили ради воплощения замыслов Императора и умело пользовались оружием Немезиды и массивными доспехами.

Карлин регулярно посещал семинарские занятия у капеллана, и его пылкая вера как нельзя лучше соответствовала освященному пламени, которым он уничтожал врагов. Локат обладал почти такой же силой, как сам Танкред. Его алебарда Немезиды была священной реликвией, подаренной братом-капитаном, с которым он воевал, будучи

еще новичком. Гловен искуснее всех владел приемами боя с алебардой, а Крест Терминатора он заслужил на борту покинутого людьми космического корабля, где истребил культ похитителей геносемени.

Аларик принес на «Грозовой ястреб» меч Мандулиса, держа его под мышкой.

— Это тебе, правосудор, — сказал он и вручил оружие Танкреду.

Танкред принял меч и удивленно взглянул на Аларика:

— Брат-капитан, не думая, чтобы я заслужил...

— Танкред! Из всех нас ты лучший воин. Тебя смог победить только брат-капитан Стерн. Сверкающую Молнию можно доверить только тебе. Ты владеешь мечом лучше любого Серого Рыцаря.

Танкред отложил свой меч Немезиды в сторону и поднял клинок Мандулиса. Это громадное оружие необычайно подходило великану-терминатору. Меч был изготовлен в расчете скорее на силу, чем на мастерство, а Танкред в бою проявлял в

равной мере и то и другое. В его руке меч держался так же твердо и ровно, как, вероятно, в руке самого грандмастера Мандулиса тысячу лет назад.

Внутренность кабины «Громого ястреба» осветилась сиянием меча. В отражении на клинке Танкред казался еще массивнее, еще стуглее и сильнее, словно в блестящем металле обнажилась душа правосудия.

— Значит, Гаргамулот был изгнан этим мечом, — словно самому себе задумчиво произнес Танкред. — Я могу в это поверить.

Он повернул меч, проверяя его балансировку, убедился, что кромка остра как бритва, а поверхность лезвия безукоризненно чиста. Оружие казалось продолжением Танкреда, словно он был рожден с этим мечом в руке. Для Аларика это была священная реликвия, а для Танкреда — оружие, направляемое волей Императора.

Наверху раздалось еще несколько глухих ударов разрывных снарядов — так близко, точно они угодили в корпус

наг самой пусковой палубой. В глубине корабля слышался вторичный взрыв. Аларик ощутил вибрацию корпуса. Это значило, что двигатели «Рубикона» перед маневром заработали на полную мощность.

— Моли Императора, чтобы у тебя осталась возможность воспользоваться этим оружием, — сказал Аларик, прислушиваясь к пронзительно высокому гулу разбитых защитных щитов корпуса.

Двигатели «Рубикона» пригнали кораблю мощное ускорение в тот момент, когда снаряды атакующих судов выбивали из его корпуса рубиновые искры. Боевой крейсер, используя свою мобильность, внезапно рванулся вперед — сквозь облако осколков собственных торпед, навстречу несущимся истребителям. При виде стремительно надвигающегося корабля многие пилоты были вынуждены нарушить строй: теперь снаряды попадали только в крепкую броню носовой части «Рубикона».

Крейсер не сбавлял хода. Выстрелы по

его бортам прекратились. Те истребители, что развернулись для повторного захода, попали под мощный обстрел корабельных орудий, которыми теперь не мешала завеса обломков. Более семидесяти машин было уничтожено или повреждено. Их опытные пилоты либо погибли, либо оказались выброшенными в бездну почти без надежды на спасение. От попадания снарядов «Рубикона» боезапас истребителей взрывался прямо на борту, разнося корабли с экипажами в пыль.

Огромный серебристый корпус «Рубикона», несмотря ни на что, мчался сквозь костос. Атака была скоткана.

Запас артиллерийских снарядов боевого крейсера почти истощился, его корпус в нескольких местах полыхал огнем. «Мстители» и «Звездные ястребы» сделали свое дело, но они не смогли остановить «Рубикон».

Оставив множество машин кружиться в реактивных струях двигателей, преследуемый эскадрилей истребителей и залпами летящих перед ними торпед, крейсер на полной скорости

донесся к Вулканис Ульторү.

Капитан Тракино, сидя на мостике «Безжалостного», слышал, как захлебывается атака его истребителей. Хриплые вопли из взорвавшихся огнетопных кабин. Треск помех и цепочки последовательных взрывов боезапасов. Треск разбитых силовых передатчиков. Отчаяние и смерть.

Команда операторов, направляющая действия истребителей, не раз вслушивалась в отголоски удаленной гибели. И капитану Тракино приходилось терять тысячи человеческих жизней в космических сражениях, но до сих пор эти звуки вызывали отчаяние.

--- Навигация! --- вскричал Тракино, перекрывая возрастающий грохот в рубке. --- Почему мы до сих пор стоим на месте? Куда они направляются?

--- Летят к планете, сэр! --- донесся ответ из толпы навигаторов, где десятки молодых офицеров бились над картами и компасами, а регистраторы дытили от интенсивных вычислений.

Тракино разразился громким,
торжествующим смехом:

--- Тогда мы их опередим и
уничтожим бортовым залпом! Им не
удастся от нас удрать! --- Капитан
хлопнул ладонью по подлокотнику своего
трона. --- Артиллерия! Доложить
обстановку!

Офицер-артиллерист --- военный в
седьмом поколении, с отцом которого
Тракино разыгрывал сражения сразу на
трех досках, --- проворно поднялся с места:

--- Орудия полностью перезаряжены,
капитан. При такой скорости я могу
гарантировать три полных залпа в
носовую часть корабля.

--- А если ты развернется, чтобы
ударить в тыл?

Офицер-артиллерист ненадолго
задумался.

--- Два хороших половинных залпа по
корме, --- сказал он наконец.

--- У меня есть бутылка сухого
шампанаса, которая старше меня. Дай мне
три половинных залпа по их корме, и
бутылка твоя. Слышал?

--- Да, капитан!

«Безжалостный» не относился к классу оснащенных артиллерией судов, но вопреки желанию Тракино, как он сам признавал, после Готической войны на авианосце было установлено несколько орудий. Они могли, в случае необходимости, поднять огненный ураган, сквозь который не прорваться чужому крейсеру. Трех полных залпов в носовую часть, а затем трех половинных в корму --- из перезаряженных орудий, да еще почти в упор --- должно с избытком хватить, для того чтобы разгромить любой корабль. А потом останется только собрать уцелевшие истребители и бомбить боевой крейсер, пока он не развалится на части.

Тракино подумал, что должен позволить и эскадрилье «Очищения» принять участие в уничтожении противника. Таков был обычай вежливости, принятый среди капитанов.

А эти выскочки со «Святого пламени» пусть сами о себе позаботятся!

--- Навигаторы, немедленно начинайте разворот! --- приказал Тракино.

Двигатели медленно повернули
старый потрескивающий корабль, выводя
его наперерез боевому крейсеру.
«Безжалостный» легонько вздрогнул.

Тактический голографический
дисплей уменьшил сектор обзора, и
рассеянные в бездне истребители пропали
из виду. Теперь на экране остались только
две мерцающие метки — яркий голубой
символ, обозначающий положение
«Беспощадного», и красный треугольник
боевого крейсера сил Хаоса. Он истекал
горящим топливом, терял металлические
обломки, но упорно продвигался к планете
Вулканис Ультор.

Аларик едва успел пристегнуться
ремнями, как вдруг по всему «Рубикону»
завыли тревожные сигналы.

--- Опасность столкновения, ---
пробормотал капитан самому себе, слушая
нарастающий рев двигателей.

«Беспощадный», для определения цели,
начал с нескольких одиночных выстрелов.
Снаряды пронеслись мимо

приближающегося носа «Рубикона». Сержанты-артиллеристы внесли поправки, офицеры из капитанской рубки одобрили изменения в прицелах, и после этого все орудия «Беспощадного» выпустили залп.

Корабль с полнотью заряженными щитами и способными на ответный огонь орудиями выдержал бы этот шквал и ответил на него. Но у боевого крейсера осталось в исправности всего несколько щитов, и ответных выстрелов не последовало. «Беспощадный», ничем не рискуя, посылал залп за залпом в носовую часть корабля врагов. Массивный бронированный нос боевого крейсера, закрытый несколькими слоями адамантина, пронизанный освященными берегатами, был сперва смят, а затем и пробит снарядами мощных орудий. Целые пластины брони, сорванные взрывами, закружились в темноте костоса.

Прогретели вторичные разрывы, и из трещин брони вырвались струи пламени. Последний колоссальный взрыв целиком снес носовой отсек, закрыв мощным

выбросом огня всю переднюю часть «Рубикона». Костос быстро поглотил пламя, и на месте носовой части крейсера остались только развороченные обломки обгоревшего металла.

Корабль не уменьшил скорости, но после разрушения множества систем опасно вильнул в сторону. Во многих помещениях и переходах возникали пожары; переборки, не выдерживая давления, лопались и разлетались в мелкие щепки. Капитанский мостик сотрясся от взрывов, и, если бы он был расположен на несколько метров ближе к носу, рубку могло бы разорвать.

Тысячи Маллеус из состава команды погибли, сожженные заживо или выброшенные в открытый костос. Из разбитой носовой части вылетали секции брони, груды обломков и исковерканные затерзанные тела.

От сотрясения «Рубикона» и «Грозовой ястреб» сильно качнуло. Раздался стук корпуса о крепления.

— Кто-нибудь пострадал? — спросил

по воксу Аларик.

--- Никто, --- ответил Генхайн, ожидавший вместе со своими воинами в десантной капсуле рядом с «Грозовым ястребом».

--- У нас никто, --- добавил Санторо.

Аларик окинул взглядом воинов своего отделения: его десантники не пострадали. Для того чтобы ранить кого-то из терминаторов Танкреда, такого удара также было недостаточно.

Аларик включил канал капитанской рубки:

--- Что это было?

--- Взрыватели уничтожена носовая часть, --- раздался ответ, едва слышный из-за повреждения множества сетей.

--- А рубка?

--- Минимальные разрушения.

Навигаторы корректируют курс. Расчетное время вхождения в атмосферу -- двадцать две минуты.

По голосу отвечавшего члена экипажа и по шуту, стоявшему в рубке, Аларик понял, что не он один считал этот промежуток времени слишком большим.

«Рубикон» проскочил ниже «Беспощадного» и настолько близко, что обломки металлическим дождем застучали по днищу старого корабля.

На правом борту, по сравнению с левым, было гораздо меньше артиллеристов. Не все орудия успели перезарядить, но и они внесли свою лепту. Едва «Рубикон» вышел из мертвой зоны, обстрела под брюхом «Беспощадного», корабль накренился, чтобы дать возможность лучше прицелиться, и орудия выбросили все имеющиеся снаряды в кормовую часть боевого крейсера.

От светящегося града снарядов раз за разом прерывались мощные струи выхлопных газов. Вместо них из разбитых двигателей на многие километры протянулись ленты перегретого пара. Один из плазменных реакторов раскололся, и в холодный костос извивающейся лентой потекла кипящая плазма. При вторичном взрыве образовалась пробоина в корпусе на четыре палубы в глубину. Обнажился командный центр, управляющий

моторным отделением. Ведущие офицеры-механики с изумлением увидели над собой вместо потолка зияющую бездну. Воздух мгновенно улетучился, лишив их возможности дышать, кровь застыла в венах.

Над отверстием медленно проплыл «Беспощадный», продолжая поливать «Рубикон» огнем своих орудий. Связь между машинным отделением и рубкой «Рубикона» оборвалась. После этого корабль летел вслепую.

Орудия по правому борту «Беспощадного» израсходовали весь боезапас. «Рубикон» с разбитой носовой частью, с сильно поврежденной кормой, прошел под кораблем, истекая воздухом, плазмой, рассыная оплавленные обломки. Но он еще не погиб. Позже, в архивах флотилии на Япете будет записано, что крейсер был способен двигаться.

Несмотря на то, что оставшиеся плазменные реакторы гудели от перегрузок, «Рубикон» продолжал отвесно падать на бледный диск Вулканис Ультора.

Капитан Тракино, подняв голову, увидел перед собой офицера-артиллериста в тщательно отутюженной форме с сияющими пуговицами.

— Орудиям правого борта не хватило всего нескольких выстрелов на четвертый половинный залп, — доложил офицер.

«Молодой нахальный щеголь», — подумал Тракино, вынимая из подлокотника капитанского трона бутылку атасека.

Не отводя взгляда от офицера, он отбил горлышко бутылки о металлический подлокотник и опрокинул все содержимое себе в глотку, обильно поливая вином подбородок и грудь. Когда бутылка опустела, он с размаху швырнул ее на пол рубки.

Еретики они или нет, но эти терзавцы знали, как построить проклятый корабль.

Капитан Принкос Гурвелейн, сидя за одним из многих регистраторов в корабельной рубке «Святого пламени»,

наблюдал, как «Рубикон», теряя обломки, прорывается сквозь завесу огня бортовых батарей «Беспощадного». «Беспощадный» никогда не мог похвастаться своей артиллерией, но он открыл стрельбу по приближающемуся врагу почти в упор из всех имеющихся орудий. Тот факт, что вражеское судно все еще двигалось, свидетельствовал о его необыкновенной прочности.

Гүрвেলাйна нельзя было назвать капитаном старого образца. Его слово не было законом на корабле: эту привилегию он оставил офицеру безопасности Лорну и корабельному комиссару Гравикю. Пока офицеры усердно выполняли долг, необходимости в железной руке не возникало. Гүрвелайн же был скорее организатором офицерского корпуса «Святого пламени». Теперь в академии учили именно этому — работе в команде, ответственности и смирению.

Гигантский голопроектор создал в воздухе рубки образ вражеского крейсера со стальной кортой и потоками плазмы, текущими из разбитого реактора. Затем

В сектор обзора датчиков «Святого
пламени», следивших за движущимся
объектом, попал «Беспощадный». Силэт
корабля проплыл по потолку рубки.
Вражеский боевой крейсер продолжал
двигаться прямо на Вулканис Ультор. Он
не предпринимал никаких маневров и
неуклонно направлялся к поверхности
планеты.

— Доложите мне о повреждениях
этого корабля, — сказал Гурвелейн.

Один из нескольких десятков
офицеров инженерного состава взял вокс-
передатчик:

— Капитан, у нас нет описания этого
судна. Это боевой крейсер
костодесантников, и его спецификаций
нет в нашей базе данных.

— Выскажите свои предположения.

— Обширные повреждения носовой
части, безусловные разрушения
второстепенных систем. Возможно,
задеты командные структуры. Один
плазменный реактор пробит, мощность
двигателей упала до семидесяти
процентов. Потери в личном составе от

тридцати до пятидесяти процентов.

--- Артиллерия и аналитики! --- резко
оборвал его Гүрвелейн. --- Если сравняться с
ним в скорости и накрыть несколькими
последовательными залпами бортовых
орудий, какова вероятность уничтожения
корабля?

Возникла долгая пауза.
Артиллеристы и математики
подсчитывали все факторы.

--- Восемьдесят процентов, ---
последовал ответ.

--- Отлично! Связисты, передайте в
эскадрилью «Очищения» приказ занять
позицию на высокой орбите на тот случай,
если враг прорвется. Всем остальным: я
хочу, чтобы мы развернулись
параллельным курсом и были готовы
открыть огонь через семь минут. После
того как все это закончится, я пожму руку
капитану Тракино за первичную обработку,
которую они для нас провели. Всем
подразделениям: выполняйте свой долг!

По приказу Гүрвелейна офицерский
корпус «Святого пламени», насчитывавший
более сотни человек, мгновенно включился

В работу. Отделанный деревянными панелями капитанский мостик завибрировал от бурной активности. Навигаторы прокладывали векторы курсов кораблей. Артиллеристы и механики устремились на оружейные палубы, чтобы подготовить к стрельбе огромные орудия. В машинном отделении расставлялись аварийные команды: ведь даже поврежденные орудия вражеского крейсера, при удачном стечении обстоятельств, могли разгромить жизненно важные системы «Святого пламени».

Военный корабль представлял собой прекрасное зрелище: все механизмы и все члены экипажа преследовали общую цель и были связаны общими обязанностями. От рабочих машинного отделения до командного состава во главе с капитаном Гүрвелейном — весь экипаж «Святого пламени» объединился в общем порыве.

Если бы во всем Империи был такой же порядок, как на «Святом пламени», Враз навеки был бы изгнан обратно в бездну. Но в данный момент Гүрвелейна удовлетворило бы и

превращение одного боевого крейсера в костодесантников в пылающие обломки.

Сквозь разрывы в грязных тучах Валинов видел в небе белые искры стрельбы, обрушенной «Святым пламенем» на «Рубикон». Ему была известна колоссальная огневая мощь «Святого пламени». Если Валинов затронул верные струны, если все нити сойдутся вместе, как ил и положено, то конец близок!

Голик Рен-Сар Валинов ехал в наземном каре с открытым верхом мимо окраинных нищенских поселений, окружавших западную кромку Центрального Улья. Впереди иссохшую землю прорезали бесконечные траншеи, окаймленные колючей проволокой, прерываемые большими пластобетонными бункерами. Даже на значительном расстоянии от тыловых сооружений Валинов видел спешащих на позиции людей. Он слышал сигнальные свистки и передаваемые по воксу оповещения о боевой тревоге. Рекоба все-таки сумел организовать сплоченную оборону, а по

цени командиров уже распространилось
известие о появлении врагов в пределах
системы. Все знали, что противники, как
и предполагал Валинов, направились сразу
к Вулканис Ультору и Центральному
Улью.

Наземный кар, которым управлял
офицер-связист из тяжелой балурианской
пехоты, обогнул тыловой склад со
стеллажами лазружей, готовых к
отправке в любой сектор обороны, где
возникнет нехватка оружия. Валинов
встал с заднего сиденья и пристотрелся к
багровым вспышкам взрывов, говорящих об
ожесточенном обстреле.

Последняя из культистов Лугейи
сидела рядом с ним, и ее всегда
напряженные мускулы время от времени
слегка подергивались. Валинов
позаботился, чтобы спрятать культиста
на время, пока он занимался делами в
особняке Рекобы. Женщина выглядела
зловеще и могла свести на нет все его
старания заручиться доверием кардинала.
Сейчас, за пределами города, ему больше не
надо было ее скрывать. Валинов должен

выглядеть настоящим воином, и присутствие культиста смерти без слов напомнит окружающим о нависшей угрозе.

Офицер повернул кар на север, и Валинов увидел, что они едут вдоль участка, занятого балурианскими пехотинцами. Тяжелая пехота Балура славилась жесткой дисциплиной. Эта черта воинов, наряду с панцирными доспехами и лазружьями, приспособленными для мощной стрельбы на близком расстоянии, представляла для Валинова особую ценность. Балурианцы сделают то, что им будет приказано, — даже если им, всем до одного, придется погибнуть.

Пехотные офицеры громко отдавали приказы, расставляя отряды по позициям. Все участки обороны простреливались перекрестным огнем. Контратакующие подразделения заняли места в укрытиях, тяжелые орудия нацелили стволы на мертвую равнину. Полковой комиссар обходил строй с болт-пистолетом в руке, но Валинов знал, что дисциплинированные войска подчинятся и слову. Разве что в

самом конце битвы понадобятся угрозы, но тогда это уже не будет иметь никакого значения.

Наземный кар проехал дальше на север, к химическому заводу, стоящему на белом от отходов берегу озера Рапакс. В сумрачном освещении, стенившем утреннее солнце Вулканис Ультора, заблестели ярко-красные доспехи сестер Оргена Кровавой Розы. На крыше завода Валинов заметил сестер из отделения возмездия, вооруженных тяжелыми болтерами. Воины отделения серафимов, выделяющиеся прыжковыми ранцами на спинах, стояли на коленях перед старшими сестрами. Это подразделение готовилось к контратакам в том случае, если противник прорвет линию обороны.

Канонесса Люгмилла привела с собой более двух сотен боевых сестер. Валинов, натереваясь остотреть их позиции, хотел лично поблагодарить ее и еще раз предупредить о свойствах врагов. Он натеревался сказать, что у их предводителя должно быть могущественное демоническое оружие. Его

необходимо захватить и передать Инквизиции для уничтожения. Людмила наверняка ему поверит, поскольку яркие вспышки стрельбы на высокой орбите подтверждали правоту Валинова.

Валинов уже победил. Сам Повелитель Перемен обещал ему это, оставалось лишь еще немного притвориться и позволить нитям судьбы сплестись вокруг него в желаемый узор. Валинов и сейчас ощущал тяжесть судьбы, нависшей над Вулканис Ультором, сковавшей свободу этого мира. Хаос сам по себе воплощал истинную свободу, торжество беспредельных возможностей души. Он давал возможность человечеству развиваться под руководством Повелителя Перемен.

Но сначала необходимо было стереть в тысячах смертных всякое представление о свободе. Только так они смогут осознать мудрость Тзинча. Человечество должно быть целиком, без остатка подчинено воле Тзинча, чтобы потом стать свободным. Людские массы никогда не смогут осознать эту единственную истину. У

потому избранным — таким, как Валинов,
— вышло стать инструментами
воцарения Хаоса.

В небе уже можно было разглядеть
силуэт «Рубикона» — осколок яркого
серебра, за которым летели обломки и,
словно хвост кометы, растекалась
горящая плазма.

Наземный кар остановился в тылу
участка Сестер Бумвы. Водитель-
балурянец ловко соскочил вниз и открыл
дверцу для Валинова и культиста
смерти. Валинов шагнул на иссохшую
пыльную землю, расправил плечи. Одной
рукой он придерживал противоосколочную
накидку, другой — рукоять
энергетического меча.

Культист смерти тотчас заняла
место немого сзади, и Валинов на
мгновение задумался, итела ли она
представление о том, во что ввязалась.
Женщина никогда не разговаривала; он
даже не знал ее имени, но был уверен, что
она последует за ним до самой смерти, как
шла за предыдущей госпожой Лигейей.

И это тоже его устраивало. Какую бы

судьбу ни готовил Тзинч для Вулканиста
Ультора, для исполнения его замысла
потребуется много смертей.

--- Рубка! --- кричал Аларик, едва
слыша свой собственный голос в грохоте
разлетающегося на части «Рубикона».

Снаряды все еще молотили по корпусу
корабля, с ревом дегонировали, со скрипом
отрывали пластины брони. Сквозь сотни
отверстий в костос с оглушительным
свистом вырывался воздух.

Аларик услышал едва различимый на
фоне помех голос:

--- ...докладываю о разрушениях...
почти тридцать процентов...

--- Мы долетим до низкой орбиты? ---
прокричал Аларик.

--- ...разрушены системы... мощность
двигателей... упала до двадцати
процентов...

Аларик даже не мог разобратить, кто
из команды Маллеус ему отвечал. Похоже,
капитанский мостик тоже разрушен.
Сколько же погибло членов экипажа?
Сколько еще погибнет, пока «Рубикон»

окончательно не ослепнет и не распадется на части?

«Грозовой ястреб» неистово трясло в стартовой ячейке, словно он преодолевал в полете жестокую турбулентность. Серые Рыцари оставались накрепко пристегнутыми ремнями безопасности, а по всему кораблю гревели взрывы.

Внезапно на вокс-канале исчезли все помехи, и сквозь шум гибнущего боевого крейсера прорвался отчетливый голос:

--- Брат-капитан Аларик, капитанский мостик разрушен. Мы настроили системы «Рубикона» на высадку десанта, но не осталось никого, чтобы откорректировать курс в случае отклонения корабля.

Аларик узнал голос офицера, командира связи, но не мог вспомнить его имя.

--- Если двигатели выдержат, --- продолжал командир, --- мы войдем в атмосферу через шесть минут. А сейчас мы направляемся на вашу палубу, чтобы удостовериться, что двери ангара откроются.

--- Отличная работа, офицер, --- сказал Аларик, снова услышав треск помех. --- Какое твое имя?

--- Ни у кого из нас нет имени, --- донесся едва слышный ответ. --- Выбрось десанта через шесть минут, брат-капитан. Да защитит вас Император.

Боевые крейсеры, используемые Оргенати Агентус Астартес, не несли на себе тяжелой артиллерии. Их строили ради скорости и маневренности. Основной задачей этих кораблей была быстрая и безопасная переброска космодесантников для участия в наземных операциях. Крейсеры могли выдержать чудовищные обстрелы; их прочность была сравнима с прочностью судов имперской флотилии, намного превосходящих по размерам. На «Святом пламени» подсчитали, что для полного уничтожения «Рубикона» потребуется почти весь боезапас, имеющийся в бортовых орудиях.

Однако «Рубикон» был настолько уникальным, что его нельзя было назвать обычным крейсером космодесантников.

Ордо Маллеус укомплектовал его так, что корабль превосходил даже адмиральский крейсер флотилии. При постройке «Рубикона» использовались редчайшие сплавы и технологии. Даже Агентус Механикус были не в состоянии их воспроизвести.

Ордо Маллеус требовал от Серых Рыцарей почти невозможного, но и снабжал их наилучшим образом. «Рубикон» был одним из самых надежных кораблей, летающих со времен Темной Эры Технологии.

Танец «Святого пламени» и «Рубикона» подвел их к первым слоям атмосферы Вулканис Ультора. Разреженный воздух зажег глиняные яркие ленты вокруг снарядов, вылетающих из орудий правого борта атакующего корабля. «Рубикон», соприкоснувшись с атмосферой, весь расцвел огненным цветком; пламя обтекало его бока, сливалось с горящим воздухом из разбитого носа и било фонтаном из простреленных двигателей. Второй реактор тоже взорвался и залил пылающей плазмой весь машинный отсек.

Затем оторвался такой огромный
фрагмент корпуса, что «Рубикон» стал
вдвое короче. Из пробойны продолжали
вылетать обломки и тела погибших
членов экипажа. Когда рванул склад
боеприпасов, грохот поглотил все
остальные звуки. «Рубикон» начал
разваливаться.

«Святое пламя» вышло из игры,
опасаясь, что сгущающаяся атмосфера
расплавит внешнюю оболочку корпуса. Но
«Рубикон» был крепче, и последние
двигатели продолжали толкать остатки
корабля вниз — в атмосферу, где можно
было выбросить десант.

Для того чтобы расстрелять
«Рубикон» еще одним бортовым залпом,
«Святому пламени» пришлось бы
спуститься по глиняной дуге ниже, войти в
атмосферу и не отставать от крейсера.
Но на этот маневр могло уйти до
двадцати минут, и к тому моменту
стало бы слишком поздно для удара.
Капитан Гурвелейн приказал прекратить
погоню.

В конечном счете «Рубикон»

окончательно сбила эскадрилья «Очищения», поджигавшая своего часа в верхних слоях атмосферы. Боезапаса трех кораблей класса «Меч» было вполне достаточно, чтобы сбросить на поверхность планеты обломки крейсера, а при небольшом везении хватило бы и одного корабля. Но у них оставалось мало времени. В любую секунду «Рубикон» мог отстрелить десантные капсулы, полные костодесантников-предателей, и тогда разбитый корабль утратил бы свое значение.

Для капитана «Очищение-Бета» --- ведущего в этом подразделении --- не осталось никаких сомнений. Капитан Масрен Тал был благочестивым имперцем, рожденным на флоте и заслужившим место в рубке усердной службой, длившейся всю его жизнь. Тал всегда знал, что в один из дней должен погибнуть, исполняя волю Императора. Он дал клятву Императору (который все видит и все слышит), что в назначенный час не заставит себя ждать.

Масрен Тал был уверен, что его

офицеры и весь экипаж согласились бы с ним, если б у него осталось время ит все объяснить. Он без малейших колебаний приказал разогнать «Очищение-Бета» до предельной скорости.

Заработали двигатели «Грозового ястреба», но их было едва слышно сквозь рев пламени, объявшего «Рубикон» в атмосфере Вулканис Ультора. Аларик хотел было призвать десантников по воксу крепиться и беречь веру, но решил, что его голос вряд ли кто услышит, а потому оставил воинов молиться самостоятельно.

«Грозовой ястреб» немного наклонился в зажимах; моторы взревели, готовые бросить судно вперед, как только крепления откроются. Всю кабину, после первых же сигналов тревоги, залил красноватый свет. Аларик мог видеть суровое лицо Танкреда. Правосудор прижал руку к копии «Устреления демонов», которая всегда находилась в нагрудном отделении его доспехов, и шевелил губами, неслышно читая молитву ненависти к врагам.

Связаться с Санторо или Генхайном не было никакой возможности: в канале вокс-связи царила сущая неразбериха из-за помех. Аларик не мог даже подать сигнал члену экипажа Маллеус, находившемуся в рубке «Грозового ястреба». Он уже понял, что пилот — возможно, единственный из команды Орго Маллеус, кто остался в живых на «Рубиконе».

Как много людей погибли ради продолжения борьбы! Сколько перенесено страданий ради того, чтобы Серые Рыцари могли выполнить долг. Можно подумать, что Хаос уже победил... Но подобные мысли как раз и подталкивали людей в объятия Хаоса. Аларик торопливо прочел молитву раскаяния.

Позади «Грозового ястреба» прогремел оглушительный взрыв. Затем — ужасающий скрежет разрываемого металла. В корабль явно врезалось нечто огромное. А может, сопротивление атмосферы оказалось непосильным для неукрепленного корпуса и «Рубикон» развалился пополам.

«Грозовой ястреб» и десантные

капсулы этого не выдержат. Двигатели вытолкнут «Громового ястреба» вперед и разобьют о двери ангара: на «Рубиконе» не осталось никого, кто мог бы проследить за открытием люков. Десантные капсулы останутся запертыми в зажимах, пока не разобьются вместе с крейсером о поверхность Вулканис Ультора. Серые Рыцари погибнут — и Гаргатүлөт с самого начала знал, что этим все закончится.

Аларик приложил руку к своей копии «Устреления демонов», спрятанной в нагруднике, и помолился, чтобы кто-нибудь отомстил за него.

Но вот «Громовой ястреб» рванулся вперед, и Аларика прижало спиной к сиденью. Ближайший к нему иллюминатор с щелчком открылся, и капитан увидел, как уносится назад пусковая палуба — цистерны с горящим прометием, обожженные исковерканные тела, пробоины в обшивке, сквозь которые вылетают клубы черного дыма...

А затем грохот и скрежет гибнущего корабля остался позади, и стал слышен

только рев двигателей «Громого
ястреба». Аларик вытянул шею
посмотреть, как удаляется «Рубикон», и
замечил, что пусковая палуба, где
несколько мгновений назад стоял
«Громовай ястреб», вся объята пламенем.
Внезапно в корпус «Рубикона» врезался нос
другого корабля и прорезал боевой крейсер,
словно ножом. От сильного удара его
собственный корпус раскололся надвое и
прогремели новые взрывы.

Аларик не видел, как взорвался
«Рубикон», но почувствовал ударную волну,
тряхнувшую снижающийся «Громовай
ястреб». Рыцарь понял, что разрушен
последний плазменный реактор. Цепная
реакция превратила оба корабля в огни-
стый шар, как будто на небе Вулканис
Ультора зажглось новое солнце.

--- капсула спускается... --- донесся по
рации обрывок рапорта то ли Санторо, то
ли Генхайна.

Значит, один из них уцелел. А может
быть, и оба, если оставшиеся в живых
Маллеус успели открыть ангар. Теперь,
конечно, из всего экипажа «Рубикона»

никто не выжил.

--- Боевые братья! --- закричал Аларик, перекрывая шум двигателей. Серые Рыцари, оторвавшись от молитв, посмотрели на командира. --- Гаргамүлон может решить, что мы все погибли. И я намерен показать ему, что это не так. Но хотя мы сейчас живы, многие из нас наверняка погибнут. Теперь давайте помолится, как будто это наше последнее обращение к Императору.

Серые Рыцари склонили головы.

--- Я --- молот! --- начал Аларик. --- Я --- меч в Его руке...

ОЗЕРО РАНАКС

Канонесса Люгмилла спешила по темным извилистым траншеям на передовую линию обороны. При встрече с подразделениями боевых сестер она по пути коротко благословляла их на бой. Повсюду царил гнетущая тишина, но Люгмилла повидала немало битв и знала, что за обманчивым спокойствием в душах горит праведный гнев.

Она миновала очередной поворот. Впереди открылся окоп, затянутый по наружному краю колючей проволокой. На этом рубеже обороны Люгмилла расположила почти сотню сестер. Они представляли собой нерушимую скалу, о которую должна разбиться атака врагов. Сестры отлично умели отражать массированные атаки. Силовые успехи и болтеры позволят им продержаться достаточно долго, чтобы дожидаться контратаки отделения Серафимов.

Тишина на позициях только подчеркивалась едва слышными молитвами. Каждая сестра знала наизусть множество страниц из молитвенника; многие зашивали эти священные тексты в рукава или накидки, надеваемые поверх доспехов. Вера служила им щитом и оружием, была их образом жизни.

Сестры укрывались за высоким краем окопа. В пересечениях траншей стояли тяжелооруженные воины — сестры с усиленными болтерами или с мультиметлами, так что отдельные прорывы атакующих были обречены на провал. Для защиты от танков врага в землю было врыто несколько бронированных машин. Танк «Экзорцист» стоял таким образом, чтобы его орудия могли накрыть ракетным залпом широкие окопы, если противник их займет.

Старшие сестры деловито занимались последними приготовлениями к битве. Они сдержанно отдали честь канонессе, спешившей занять место на передовой линии. Людмила подключилась

к вокс-каналу, чтобы ее услышал весь
отряд из двух сотен сестер.

— Император — наш отец и наш
защитник, — начала Людмила, цитируя
духовные откровения благочестивой
святой Мины, в честь которой тысячу
лет назад и был основан Орден Кровавой
Розы. — Но и мы должны защищать
Императора, поскольку он есть
человечество, и человечество есть не что-
иное, как вера и усердие во имя
Императора. Оскорбление веры есть
оскорбление Императора и каждого
гражданина Империи. И наш
величайший долг — это поддержка веры.
Но одной поддержки недостаточно: мы
должны бороться против тех, кто
оскорбляет веру человечества своей
завистью. Мы призваны вести нескончаемую
войну за душу Империи. И хотя может
показаться, что борьба эта никогда не
закончится, победа есть даже в самом
жестокотном поражении. Лучшее
подтверждение нашей веры — жертва. Мы
жертвуем собой, защищая души
человечества. И это тоже победа; она

сильнее любого зла, причиненного еретиками. А значит, в каждом сражении заключен сияющий триумф, которого не может опрачить ни один изменник или отступник.

Люгмилла помолчала, давая время словам, произнесенным святой Миной на смертном ложе, проникнуть в души сестер. Каждая из них не раз слышала эти откровения. Но теперь, в тишине перед боем, они затрагивали души как никогда раньше.

Затем канонесса Люгмилла запела негромким скорбным голосом:

--- *A spiritus dominatus, domine, libera nos...*

Заслышав высокий готик начальных строк, сестры поддержали пение канонессы в Боевом Гимне Императора:

--- От молний и бури огради нас, наш Император...

На главную молитву Императора тотчас откликнулись все сестры и стали попевать:

--- От мора, обмана, искушения и войны, огради нас, наш Император...

Сестры из отделения Серафимов в задних окнах и звенья Возмездия вокруг химического завода — все подпевали гимну. Пели экипажи танков и сестры-госпитальеры на мобильных пунктах помощи вдоль всей линии обороны. Их голоса эхом отдавались в воксе. Даже сестры-ассистенты в штабе кардинала Рекобы запели, укрепляя сердца, чтобы вера оказалась соразмерна долгу:

— От нашествия Врага огради нас, наш Император...

Те из солдат на соседнем участке, кто знал Боевой Гимн Экклезиархии, тоже присоединились к пению. Молитву, начатую в северном секторе, поддержали сотни голосов, и образовавшийся хор наполнил загрязненный воздух верой и надеждой.

Пение еще не закончилось, когда обломки «Рубикона» рухнули на окопы балурианцев.

Чтобы остаться незамеченными противовоздушными батареями, «Громоподобный» спустился к самым плоскогорьям

Вулканис Ультора. Аларик видел, как по
мутно-серым небом быстро несутся
плоские пыльные равнины иссохшей,
безжалостно отравленной химическими
отходами, лишенной всякой жизни земли.
Все вокруг выглядело унылым и голым. Ни
один человек не мог бы выжить среди
барханов пепла и ядовитых сточных канав,
впадающих в реки.

Аларик проверил метки на
встроенном в доспехи приборе. Маячки
десантных капсул работали — значит,
отделения Санторо и Генхайна тоже
спускались, и достаточно близко друг от
друга, чтобы точка между ними могла
служить пунктом общего сбора. «Громовай
ястреб» не мог поглотить ближе к линии
обороны. У Серых Рыцарей не было никаких
транспортных средств — так что до озера
Ранакс придется добираться пешком.

Недолгий осмотр с мостика
«Рубикона» показал, что северный участок
обороны достаточно хорошо укреплен и
костодесантникам придется нелегко.
Гаргатүлот обо всем позаботился.

О месте захоронения святого

Эвиссера Аларик знал только одно: оно расположено на берегу озера Ранакс. Серевик больше ничего не мог добавить. Все остальное придется выяснять на месте, как трудно ни было бы до него добраться.

— Сколько еще лететь? — спросил Аларик, перекрикивая рев двигателей.

— Тридцать секунд! — крикнул в ответ пилот Маллеус.

Аларик попытался вообразить, что чувствует пилот, зная, что все его коллеги погибли в огненном шаре, едва не поглотившем и «Громоподобную ястреб». Но кто знает, о чем может думать человек, у которого нет даже собственного имени? Когда ради службы Ордо Маллеус его разум лишен всего, что придает существованию человеческие свойства...

Задний борт «Громоподобной ястреба» отошел назад и вниз. В проеме стали видны быстро убегающая назад земля и вихри непла, поднятые выхлопными трубами двигателей. Равнина быстро приближалась. На земле наверняка много артиллерии — возможно, даже

«Ординатус», готовый уничтожить Серых Рыцарей еще до начала атаки. Им придется двигаться как можно быстрее: каждый момент, пока они не доберутся до озера Ранакс, грозит гибелью.

Аларик еще с «Рубикона» пытался связаться с Вулканис Ультора, чтобы предупредить о прибытии Серых Рыцарей, действующих от имени Инквизиции. Но после первых же позывных все каналы связи оказались закрытыми. Защитники были убеждены, что Серые Рыцари являются передовым отрядом Хаоса, и не шли на переговоры из опасений подвергнуться влиянию ереси. Единственным способом добраться до цели теперь оставалось пробиваться с боями, и Аларик уже ощущал на своих руках кровь имперцев.

Резкий запах хитикатов, пропитавших воздух Вулканис Ультора, заполнил кабину.

— Мы приземляемся, приготовиться к высадке!

Воины отделений Аларика и Танкреда быстро отстегнули ремни безопасности. «Гротовой ястреб»

развернулся и стал заходить на посадку. Серые Рыцари напряженно следили, как приближается земля.

Аларик первым выпрыгнул из корабля, за ним последовали все воины. Отделение Танкреда тоже быстро выгрузилось, тяжелые тела в доспехах терминаторов оставили на поверхности небольшие вмятины. Правосудор Танкред нес меч Мандулиса. Отполированное до зеркального блеска лезвие казалось до странности ярким в полутраке поднятых облаков непа и пыли.

— Улетай отсюда! — приказал по voxу Аларик пилоту Маллеус — несомненно, последнему оставшемуся в живых члену экипажа боевого крейсера. — Перебирайся на запад.

Пилот ничего не ответил. Машина слегка присела при развороте, затем двигатели взревели, и «Грозовой ястреб» взлетел, оставив после себя клубящийся шлейф непа.

Аларик взглянул на метки в приборе обнаружения. Огоньки горели ярко — значит, десантные капсулы где-то

поблизости.

--- Генхайн, Санторо, мы
приземлились, -- передал по воксу Аларик.

--- Генхайн приземлился, -- раздался
голос правосудора. --- Мы готовы
выступить.

--- Санторо приземлился, -- доложил
второй правосудор.

--- Мы направляемся к вам. Займите
оборону и будьте готовы...

Аларик не успел договорить. Сквозь
пелену пыли пробился оранжево-розовый
свет. Что-то, горящее небывало ярким
пламенем, пронзило серо-сизую пелену туч
Вулканис Ультора. Казалось, что этот
предмет падает неправдоподобно
медленно. Стало видно, что его нижняя
часть раскалилась добела, а следом
тянутся огромные языки огня. Аларик
услышал шум, словно поднялась буря, а
затем узнал очертания исковерканного и
оплавленного двигателя «Рубикона».

--- Всем костюмодесантникам
немедленно в укрытие! --- закричал он в
вокс и упал на растрескавшуюся землю.

Колоссальная белая вспышка

налетела яростной волной. Рев усилился, по равнине прокатилась ударная волна, как будто от взрыва очень мощной бомбы, и на Серых Рыцарей обрушился горячий ураган. Рев оглушал, словно взвыла целая армия демонов. Внезапно огонь в небе погас. Тучи пепла и разбитых в пыль скал взметнулись над землей, окутав все вокруг толстым непроницаемым одеялом. На Вулканис Ульторе стало темно, как ночью. Обжигающая буря бушевала над затаившимися космогесантниками. Отголоски ударной волны непрерывно сотрясали землю. Канал вокс-связи забили помехи, слабое солнце полностью скрылось из виду. Вместо неба над головами кружились трачные тучи пыли и пепла.

— Ко мне, Серые Рыцари! — во всю силу легких закричал Аларик. — Скорее! Собирайтесь вместе!

Серые Рыцари не должны оставаться там, где их могут обнаружить. Они — лучшие воины в Галактике; но на открытом пространстве они представляют собой слишком удобную цель.

Из темноты показался Танкред. Меч Мандулиса в его руке сверкал так ярко, что, казалось, был объят пламенем. Следом появились братья-терминаторы.

--- Мы здесь, брат-капитан,--- угрюмо прокричал командир отделения.

Аларик собрал свое отделение и вместе с Танкредом встретился навстречу Генхайну и Санторо, к озеру Рапакс.

Если бы весь боевой крейсер пылающим метеором врезался в поверхность Вулканис Ультора, он на долгие десятилетия погрузил бы мир в злиту и уничтожил целые экосистемы. Упавшая секция «Рубикона» заключала в себе лишь небольшую часть его веса, и двигатель долгое время расходовал топливо, чтобы десант мог благополучно достичь поверхности. Потому удар не уничтожил весь Центральный Улей и большую часть окружающей равнины.

Но для защитников города это было слабым утешением. Рухнувшая секция угодила в южный участок оборонительных

укреплений, занятый балурианской тяжелой пехотой. Эффект оказался куда более разрушительным, чем от огромных снарядов «Ординатус», построенных Агентус Механикум. Даже артиллерийский обстрел с орбиты не мог бы вызвать таких последствий.

Тепловое излучение и ударная волна уничтожили большую часть отряда балурианцев. Сотни людей захлестнуло потоками непла и пыли, обрушившимися на окопы. Три километра укреплений — от передней линии до тыловых складов — были стерты с лица планеты. Командный пост испарился вместе с полковником Гортцем и почти всем его штабом. Сестры-госпитальеры погибли на пунктах помощи. Склады оружия и боеприпасов взорвались фонтанами огня и шрапнели.

Стоящий за позициями балурианцев «Ординатус» тоже был выведен из строя. Шквал обломков взорвавшейся секции «Рубикона» оторвал дуло и зарядную часть гигантского орудия.

Плазменные реакторы не взорвались только потому, что их содержимое

выплеснулось еще на высокой орбите, когда «Очищение-Бета» развалил боевой крейсер нагвое. Вместо вспышки ослепительной плазмы внезапно наступила темнота, громадная масса земли и неплывзметнулась до уровня крайних конусов Центрального Улья, а затем осыпалась вниз. Шквал обломков и земли засыпал ничейную территорию перед окопами, накрыл южный участок укреплений балурианцев и северный — почти до озера Рапакс. Засыпало и окраины Центрального Улья. Многие люди оказались похороненными, многие задохнулись, а остальные откапывались из куч непл, проникавшего буквально повсюду.

Северная окончность оборонительных сооружений была окутана тьмой, словно уже наступила ночь. К югу почти все было целиком разрушено: линии связи разорваны, бункеры снесены ударной волной, боеприпасы и горючие материалы уничтожены взрывами. Защитниками овладело стянение. Лишь самые стойкие и мощно экипированные воины были готовы сражаться с теми, кто наступал столь

решиительно.

Этими воинами были боевые сестры
Agenta Sororitas.

Сквозь темноту Аларик заметил правосудора Санторо с болтером в руке, готового стрелять. Остальные четверо десантников его отделения тесной группой затаились под прикрытием лепестков развернутой десантной капсулы. Подождя ближе, Аларик хлопнул правосудора по спине:

--- Я рад, что ты благополучно приземлился.

Санторо хмуро кивнул:

--- Ночь наступила слишком рано. Похоже, мы правильно выбрали место.

В полутраке показался Генхайн. Если бы не усиленное зрение костодесантника, Аларик мог его и не заметить.

--- Лахис ранен, --- произнес Генхайн.

Бокс все еще был забит помехами, так что Аларику приходилось из всех сил напрягать голос:

--- Серьезно?

--- Раздробил ногу при посадке. Ее не

спассти.

Аларик увидел брата Гренна и брата Ондурина, помогавших Лахису передвигаться. Нижняя часть правой ноги Серого Рыцаря была исковеркана. Сквозь трещины доспехов виднелись осколки костей. Обыкновенный человек на его месте давно потерял бы сознание.

--- Десантник, ты можешь сражаться?
--- спросил Аларик.

--- Да, --- ответил Лахис. Он был сравнительно молодым Серым Рыцарем, всего два года назад переведенным из новичков в отделение Генхайна. --- Но я не могу бежать.

--- Твои братья будут тебе помогать, пока ты не доберется до линии фронта. После этого придется передвигаться своими силами. Ты будешь прикрывать нас огнем болтера.

--- Понял, брат-капитан.

--- Мы оставим тебя одного. Ты вряд ли уцелеешь в бою.

--- Я все понял.

Аларик взгляделся в бушующую пыльную бурю. Он не мог рассмотреть

перерабатывающий химический завод,
отмечавший береговую линию озера
Ранакс, но чувствовал, как его
притягивает центр сплетенной
Гаргатүлотом паутины.

— Вокс забит помехами. Нам его не
восстановить, так что держитесь рядом,
чтобы не угаляться за пределы
слышимости. Оборону держат граждане
Умпериума, но, пока жив Гаргатүлот, они
— наши враги. Мы отомстим за их гибель,
как только доберется до Тысячеликого
Принца.

С этими словами Аларик встретился
в темноту. За ним поспешили все Серые
Рыцари. Каждый из них думал, сколько
еще понадобится смертей, чтобы
закончить борьбу и отомстить
Гаргатүлоту за гибель невинных людей.

Канонесса Люгмилла пригнүлась к
земле в окне первой линии.
Умплантированные дыхательные
фильтры с трудом задерживали поток
пыли и непла, не давая грязи проникнуть в
легкие. Некоторые сестры, защищая глаза

от пыльной бури, надели на головы шлемы со священными рисунками. Люгмилла редко надевала шлем, предпочитая как можно отчетливее видеть врага, чтобы сильнее его ненавидеть.

Вдоль траншеи к канонессе поспежала сестра Лакрима, командующая отделением Серафимов.

— Удар пришелся по балурианцам! — крикнула она. — Они в полном смятении. Штаб Гортца исчез. Мы остались одни.

— Ты видела, что это было?

Лакрима остановилась рядом с канонессой. Лицо старшей сестры пересекали струйки пота, смешанного с пылью; блестящие красные роснехи потускнели от перла.

— Оно упало с неба. Кое-кто из сестер даже подумал, что экипаж «Ординамуса» нас предал. Оно было похоже на метеор. Наверно, какое-то хитроумное оружие Врага.

— По милости Императора, и сам Враг мог погибнуть внутри этого снаряда.

— Вряд ли его план так прост, — трачно заметила сестра Лакрима.

--- А вот здесь ты права, --- ответила

Людмила и достала инферно-пистолет.

Где-то дальше по траншее раздались выстрелы из тяжелого болтера. Резкие щелчки проткнули глухой гул бури.

--- Враг приближается! --- раздалось из окна.

--- Как далеко врагу? --- закричала Людмила, повернувшись к стрелявшим сестрам.

--- Близко! Нам почти ничего не видно, но это определенно десантники!

Десантники Хаоса. А при такой плохой видимости сестрам придется сражаться с ними лицом к лицу, без поддержки отделения Возмездия, расположившегося на крыше завода.

--- Лакрита, выведи сестер на первую линию. Мы не можем отступить, будем сражаться здесь.

--- Да, канонесса.

Старшие сестры заканчивали читать молитвы перед боем. Людмила ощутила, как ее охватывает напряжение, но оно было вызвано не сомнениями, а

долгим боевым опытом. Так бывало перед каждой битвой: под покровом темноты, окутавшей Вулканис Ультор, напряжение должно излиться кровавым ливнем.

Ударили выстрелы болтеров костогесантников. В ответ раздался грохот тяжелых болтеров сестер Кровавой Розы, ловивших едва видимые цели. Костогесантники обладали полным набором авточувств — это давало им колоссальное преимущество, тогда как сестры не имели шансов прицелиться в удаленного противника.

— Сестры! — воскликнула Людмила. — За Трон во веки веков! Вперед!

Аларик увидел, как из окопов поднимаются первые защитники города. Они тяжело переваливались через ряды колючей проволоки и стреляли из болтеров, прочерчивая снарядами в темноте красно-белые цепочки. Он рассмотрел красные доспехи и черные накидки и знамена с образами и символами Оргена Кровавой Розы.

Сестры! Гаргамулот вывел их против

Сестер Битвы. Гнусный план принца-демона становился все яснее. Сестры были преданными, благочестивыми и прямодушными солдатами Имперской церкви; они не раз сражались под командованием Инквизиции.

Но времени для колебаний не осталось. Сейчас некогда думать о милосердии. Сейчас перед ним только враги.

Едва первые болтерные снаряды ударили в доспехи, Аларик перешел на бег, направляясь на окопы первой линии. Болтерная стрельба грохотала со всех сторон, доспехи едва выдерживали удары, и воздух дрожал от пролетающих снарядов. Аларик с разбегу бросился в бой. Ударами алебарды Немезиды он отбросил первую сестру и отсек руку второй. Из темноты на него смотрели полные ненависти глаза, и повсюду сквозь грохот стрельбы слышались грозные молитвы Императору. Рядом с Алариком вступил в бой Дворник. Его молот Немезиды, сверкнув, словно молния, опрокинул еще одну сестру.

Танкред сильными ударами

разбрасывал нападавших сестер в стороны, расчищая себе путь. Огнемет брата Карлина выбросил мощную струю пламени, чтобы пробить проход. В ответ запылали огнеметы сестер. Вокруг отделения Танкреда стало светло от огненных вспышек, словно Серые Рыцари сражались с боевыми сестрами в преисподней.

Десантники Аларика продвигались вперед вслеп за командиром. Алебарда брата Клостура столкнулась с энергетическим мечом старшей сестры, не перестававшей даже во время сражения выкрикивать девизы Имперского Кредо.

Резким ударом сверху вниз она рассекла грудь Клостура, а второй рукой обрушила мощный удар в его лицо, опрокинув на спину в разлетающийся пенел.

Аларик не мог останавливаться. Он должен был двигаться вперед.

Стрельба грохотала со всех сторон. В бой включились воины отделения Генхайна, и тотчас раздался залп тяжелой пистолеты. Воины оставили брата Лакиса с исковерканной ногой где-то

позади, и он, отыскав укрытие, поддерживал своих товарищей яростным огнем болтера.

Сразу после отделения Генхайна к линии обороны подбежали воины Санторо. Они прыгнули в окопы на пересечении двух траншей. Этот участок должен был простреливаться сестрами из тяжелых орудий, но в крошечной тьме оказалось невозможно прицелиться. Аларик увидел лишь цепочки болтерных снарядов, словно праздничным фейерверком освещавшие схватки на коротких дистанциях. Сам он все еще оставался на открытом пространстве и был очень уязвим. Аларик побежал по следу, прожженному огнем товарищей Танкреда, и увидел правосудора, стоявшего чуть ли не по колено в горящем проеме. Огнеметы сестер изрыгали струи пламени через край окна.

Рука Клодуса исчезла с дисплея на краю сетчатки Аларика: костюмодесантник или погиб, или был слишком далеко, чтобы маячок его датчиков мог пробиться сквозь помехи. В любом случае он был уже потерян.

Аларик заметил воина из отделения Санторо — скорее всего, брата Джаэгноса. Он стоял на коленях, а покрытые вмятинами доспехи дымились от множества болтерных пробойн. Он все еще вел огонь из болтера, но алебарда Немезиды лежала рядом с ним на земле. Аларик успел заметить, что рука, в которой Джаэгнос обычно держал священное оружие, превратилась в кровавые лохмотья. В следующее мгновение вокруг десантника взметнулся пепел, поднятый стрельбой разъяренных сестер.

— Вперед, рыцари! — закричал Аларик. — Вперед!

Внезапно по наплечнику ударил болтерный снаряд, и все плечо загорелось от боли. Танкред, выделавшийся черным силуэтом на фоне пламени, прорвался сквозь путаницу колючей проволоки и, выкрикивая боевые молитвы, прыгнул в окоп. Аларик страхнул пелену боли и тоже рванулся к траншее. Сестра, встретившая его сразу за колючей проволокой, увернулась от его оружия и суета прикладом

болтера нанести удар по лицу.

Аларик схватил ее за ворот силовых доспехов, поднял над землей и швырнул в жидкий огонь, горящий под ногами. Сестра упала на колени, и платья охватило ее с ног до головы. Она попыталась выстрелить, но Аларик ударом алебарды снес ей голову.

Менее закаленный человек мог бы сломаться. Но только не Серый Рыцарь. Если Аларик, убивая благочестивых сестер, подгастся отчаянию, Гаргатүлонт вновь будет торжествовать победу.

Капитан прорвался сквозь колючую проволоку и нырнул в окоп. На дне траншеи лежали тела убитых — простреленные болтерными снарядами или заколотые оружием Немезиды. Танкред все еще сражался, и меч Мандүлиса, несмотря на вихри пепла и пыли, сверкал осколком зеркала. В стробоскопических огнях стрельбы Аларик увидел, как брат Локал вонзил лезвие алебарды в грудь одной из старших сестер.

Окопы давали костодесантникам шанс на спасение, укрывая от обстрела сестер, находившихся в тылу.

Превосходные госпехи и навыки рукопашного боя создавали дополнительное преимущество.

--- На север! --- крикнул Аларик. --- Как можно скорее на север!

Впереди раздалась стрельба из тяжелых болтеров. Санторо выкрикнул приказ своим воинам: укрыться в нишах и землянках. Танкред в усиленных госпехах терминатора выступил вперед, принимая огонь на себя. Даже усиленное зрение костодесантника не помогло Аларику разглядеть, что происходит впереди. На слух он мог только различить свист снарядов, их удары по стенам траншеи и грохот тяжелого болтера. Еще трещали керамитовые госпехи, свистел в воздухе меч Мандулуса, да где-то шипела струя вылетающего из огнемета промета.

Внезапно в этом шуме появился новый звук. В воздухе взревели двигатели, пронеслись над их головами по широкой дуге и опустились среди воинов Аларика и Генхайна, в тылу группы Серых Рыцарей.

Едва Аларик это услышал, как тут же узнал вой прыжковых ранцев. Он понял,

что не успеет разглядеть противника за
низкой завесой непла, как серафимы
нанесут удар сзади. Их сдвоенные болт-
пистолеты наполнят узкую траншею
шрапнели. И еще он знал, что
элитное подразделение сестер состояло из
самых сильных воинов, бесстрашных и
искусных в ближнем бою. Серым Рыцарям,
для того чтобы выжить, придется убить
этих храбрых и верных слуг Императора.

Старшая сестра серафимов ринулась
ему навстречу с энергетическим мечом в
руке. Аларик успел отвести клинок, но
сестра налетела на него, и он ощутил
горячее дыхание, вылетавшее сквозь
стиснутые зубы. Сила удара возросла
благодаря инерции прыжкового ранца, и
Аларик, покачнувшись, упал на спину. Он
сумел перехватить клинок сестры той
рукой, в которой была алебарда, но сестра
коленом прижала его руку с болтером и с
размаху опустила локоть на челюсть
Аларика. От сильного удара у него
закружилась голова. Аларик из всех сил
рванулся — пока сестре не пришел на
помощь еще кто-нибудь из серафимов и не

изрешил капитана болтерным огнем.

--- От проклятий навших... --- не
переставала бормотать сестра, нанося
удар за ударом.

--- ...огради нас, Император, ---
выдохнул Аларик.

При звуках Боевого Гимна Империи
старшая сестра на долю секунды затерла.
Этого мгновения Аларик ухватило, чтобы
выдернуть руку и мощным ударом
отбросить сестру к противоположной
стенке окна. Он ощутил, как хрустнула
ее челюсть; если бы не сломалась челюсть,
возможно, треснула бы шея.

Подбежавший Дворн ударил сестру по
руке, но болт-пистолет выпустил очередь
снарядов в нагрудник Серого Рыцаря.
Доспехи отразили удар, рассыпав вокруг
искры, а Дворн отшатнулся. Руки
брата Ликкоса были заняты псинуской. Он
попытался ногой сбить серафима на
землю, но сестра проворно отпрыгнула.
Выстрел Дворна только выбил из стены
траншеи фонтан светящейся земли.
Остальные сестры вслепую стреляли по
окну сверху, и их снаряды налетали со

всех сторон. Отделение Генхайна было занято сражением с другими серафиматами, а с севера доносились оглушительные разрывы: там Танкред и Санторо столкнулись с тяжелыми болтерами отделения Возмездия и экипажами врытых в землю танков.

Воздух пропитался кровью, дымом и запахом пота. Пепел носился повсюду, темному прорезали лишь вспышки снарядов и взрывов. Казалось, все вокруг было захвачено адским ураганом.

Старшая сестра с разбитыми в кровь губами поднялась на ноги.

--- От нашествия демонов! --- вскричал Аларик сквозь грохот сражения, не опуская нацеленного на сестру болтера. --- Огради нас, Император!

За спиной Аларика слышался шум схватки, и он увидел, как через колючую проволоку на Серых Рыцарей прорывается еще одна из сестер. Вьен попытался ее оттолкнуть, но она оказалась проворнее. Отбив его алебардой согнутой рукой, она столкнула его почти на Аларика. Аларик снова повернулся к цели, но внезапно увидел

перед собой дуло inferно-пистолета.

--- От проклятия мутации... ---
медленно произнес он.

Аларик заметил, что доспехи старшей сестры отделаны золотыми символами Экклезиархии. На рукавах вышиты слова молитвы на высоком готике, а на щеке видна татуировка розы. Еще он рассмотрел на морщинистом лице несколько тонких шрамов, видимо оставленных медикатами после операции реконструкции.

--- Серый Рыцарь, --- сказала канонесса.
--- Покажи свою книгу.

Аларик позволил себе опустить болтер, открыл маленькое отделение в нагруднике и достал небольшой томик «Устреления демонов».

--- Прочти из нее, --- велела сестра.

Аларик открыл изрядно потрепанную страницу.

--- Природа демона такова, что благочестивый человек не всегда может ее определить, но, определив, должен с ним бороться, --- торопливо прочел капитан, ощущая вокруг дыхание смерти, слыша

стрельбу штурм-болтеров Серых Рыцарей, лязг клинков по керамиту и взрывы. -- А потому Врага должно узнавать не по рассуждениям, а по аллегориям и притчам...

-- Сестры! -- воскликнула канонесса, и Аларик понял, что она обращается к своим товарищам по воксу. Вероятно, где-то в тылу у сестер имелась вокс-трансляционная станция, которая помогала поддерживать связь. -- Прекратить огонь! Всем немедленно прекратить огонь!

-- Серые Рыцари, прекратить огонь! -- откликнулся Аларик. Впереди, где находилось отделение Танкрега, в траншее прогремел еще один взрыв. -- Танкрег! Немедленно прекрати стрельбу! Все подтягивайтесь ко мне!

Аларик огляделся. Серафимы стояли позади него, нацелив на рыцарей болт-пистолеты. Еще несколько сестер поднялись на край окна и тоже прицелились в Аларика. Серые Рыцари постепенно окружили его; они тоже держали наготове штурмболтеры и

оружие Немецуды. Аларик заметил, что из нескольких пробоин в доспехах Ликкоса течет кровь, а нагрудник Дворна покособился и гылится. Воины Генхайна пострадали меньше, но все же были покрыты ранами и царапинами от пуль. На земле лежали несколько раненых или убитых сестер; земля на дне траншеи пропиталась кровью.

Одна из боевых сестер потогла канонессе подняться на ноги. Ее лицо побелело от потрясения, но в глазах уже не было ненависти.

--- Правосудор? --- спросила канонесса.

--- Брат-капитан, --- отозвался Аларик. --- Исполняющий обязанности.

--- Боюсь, в этой сумятице произошла ужасная ошибка.

Канонесса опустила взгляд на тела лежащих сестер. Как хорошо она ни владела бы своими чувствами, полностью скрыть горечь потери не удалось.

--- Здесь не было ошибки, --- возразил Аларик. --- Причина всех возмущений на Шлейфе находится здесь, на Вулканис Ульторе. И чтобы ее скрыть, Враз

использовал имперские войска. Этот Враз рассчитывал, что никто из защитников не слышал о Серых Рыцарях, но, как я полагаю, он ошибся.

--- Мой Орген служил при инквизиторе Каратазове в районе Потока Тигуриана. Серые Рыцари тоже были там, хотя мне и не довелось сражаться рядом с ними. Вам повезло, что я вас узнала. --- Канонесса опустила инферно-пистолет. --- Канонесса Люгмилла Картина, Орген Кровавой Розы.

--- Брат-капитан Аларик. Ваши сестры защищают озеро Рапакс?

--- Вряд ли оно стоит того, чтобы его защищать. Мы занимаем позиции на фланге обороны, а на озере стоит только хитический перерабатывающий завод.

--- Больше на озере ничего нет?

--- Нет, только завод.

--- А вы были внутри?

Люгмилла покачала головой.

--- Валинов предупредил нас, что внутри находятся опасные хитические вещества.

Аларик остолбенел.

--- Инквизитор Валинов?

--- Да. Вы знакомы с ним?

Аларик задумался. С чего же начинать объяснения? Но, видя, что честная канонесса ждет ответа, он решил сказать всю правду:

--- Валинов наш враг. Он был приговорен к смерти Ордо Маллеус, но сумел скрыться. Эта неразбериха --- его рук дело. Он приказал вам оборонять завод, поскольку именно там должен возродиться его хозяин.

--- Но Валинов --- инквизитор, --- решительно заявила канонесса, и Аларик понял, что еще не до конца завоевал ее доверие. --- Он действует с благословения кардинала Рекобы и всех жителей Вулканис Ультора. А вы убили несколько моих сестер и чуть не убили меня. Серый Рыцарь ты или нет, но ты требуешь слишком высокого доверия в такой короткий срок.

--- Мы не агрессоры, --- сказал Аларик. --- Первые выстрелы прозвучали с вашей стороны.

Людмила оглянулась на юг, где под

слоем пенла еще рдели остатки
рухнувшего корабля:

--- Балүрианские пехотинцы могли бы
это оспорить, брат-капитан.

Танкред протолкнулся ближе к
Аларикү. Серворегүляторы его
терминаторских госпехов работали с
полной нагрузкой, керамитовые пластины
почернели от копоти и пропахли
прометием.

--- Канонесса, --- үзрюмо произнес он. ---
Ваши сестры отлично сражаются. Но я
хотел бы убедиться в этом другим
способом.

Людмилла перевела взгляд на него.

--- А где сейчас Валинов? --- спросил
Аларик.

--- Его офис в конүсе кардинала
Рекобы, --- ответила канонесса. --- Но когда
произошел взрыв, он собирался
остатривать наши позиции.

--- Значит, он үже здесь.

Аларик опустил голову и посмотрел
на погибших сестер, храбрых солдат и
слүг, незаменитых для Империүма. Уз
тыла үже спешили сестры-госпитальеры,

чтобы позаботиться о раненых и унести мертвых.

--- Канонесса, я очень боюсь опоздать, и мне требуется помощь --- ваша и ваших сестер. Валинов затевает нечто ужасное на берегу озера Рапакс, а чтобы отвлечь внимание, он подстроил нашу стычку. Он рассчитывал, что мы будем драться до конца, но, к счастью, ошибся. С вами или без вас, я намерен наказать его, но, боюсь, нам одним не справиться.

--- Я не смогу вам помочь, пока не узнаю, против кого мы будем сражаться, брат-капитан.

Аларик вздохнул. Как можно разъяснить существование зла, состоящего из знаний; зла, которое в качестве оружия использует безумие и разложение? Зла, которое невозможно ни понять, ни убить; которое, однажды родившись, внедряется в структуру Империи и для его обнаружения требуется тысяча лет?

--- Сестра, --- осторожно начал Аларик. --- У нас не так много времени для подробных объяснений. Но он называет себя Гаргатүлотом...

САД ИЗВАЯНИЙ

Тяжелая балурианская пехота из-за падения обломков корабля лишилась трети состава. Люди были испепелены взрывом, их прах развеялся в воздухе вместе с пылью. Полковник Гортц погиб, система связи вышла из строя, так что еще одна треть солдат оказалась отрезанной и беспомощной. Эти несколько сотен воинов, не имея возможности связаться со штабом, были вынуждены затаиться в окнах и держать оборону от врага, которого они так и не видели. Последняя треть балурианцев -- более семисот солдат -- собрались у северной оконечности участка имперских войск. Балурианцы отличались превосходной дисциплиной, но почти все офицеры погибли. Не осталось никого, кто мог бы повести воинов в наступление после катастрофического взрыва.

Однако солдаты Империи могли

сражаться и без офицеров. Когда офицеры были неспособны вести людей — будь то из-за некомпетентности, измены, недостатка воли или, как произошло на Вулканис Ульторе, из-за фатального несчастного случая, — командование принимала на себя другая структура.

Комиссар не был тактиком. Не был он и стратегом. Он не мог спланировать атаку или организовать успешную оборону. Но когда солдаты нуждались в руководстве, все это не имело значения. Если не было настоящего командира, то комиссары вели солдат с передовой навстречу врагу, которого не могли рассмотреть ни полковник, ни остальные офицеры. Они вступали в бой, когда не представлялось возможности применить тактическое искусство или опыт, когда оставалась только кровожадная фанатическая отвага.

Комиссар Танатал никогда не сомневался, что сумеет повести балурианцев в бой, если не останется никого, кто мог бы это сделать. Именно к этому комиссара готовили с тех пор, как

Он впервые пришел в начальную школу для сирот множества имперских войн. За многие годы сурового обучения Танатал понял, что долг — это меч, который может убить тебя, а может и обратиться против врага. Этот меч выпало нести именно ему.

Комиссар не думал о сохранении жизней людей, о чистоте победы или даже о собственном благополучии. Его заботило только наказание врагов Императора — лишь за то, что они существовали в Его государстве. Через священное пламя войны Танатал был призван вести души солдат в объятия Императора.

Он считал себя вправе отбраковывать трусов и слабовольных, чтобы в составе балурцианской пехоты оставались только настоящие солдаты, которые не имеют права дрогнуть перед гибелью во имя Императора.

Полы глиняного кожаного черного плаща отяжелели от налившей грязи, ячеистые доспехи сдвигали тело, но Танатал упорно шагал сквозь вихри неплатящих траншей на север. Он слышал, как

солдаты окликали по именам товарищей, кричали от боли и громко молились. При виде погибших от удара солдат комиссар ненадолго остановился, чтобы снять остроконечный шлем и надеть дыхательные фильтры. Теперь, когда большая часть пепла задерживалась в аппарате, дышать стало свободнее.

Тучи пепла разорвались, и Танатал мог хоть что-то увидеть, хотя было все еще темно, как в полночь. Во мраке вспыхнул тусклый свет факела, и Танатал заметил нескольких людей, едва различимых на разрушенных укреплениях. Они выбирались из-под завалов, небольшую группу солдат возглавлял сержант.

--- Сержант! --- закричал Танатал. --- Куда ты направляешься?

--- Они идут на нас через сектор сестер. Мы соберемся на задней линии окопов. Займем вспомогательные траншеи и организуем другую линию...

Танатал выхватил болт-пистолет и прострелил сержанту горло. Стоящие рядом солдаты затерли.

--- Отряд! --- забормотал Танатал, словно

отдавал приказ на плац-параде.--- Мы двинемся на север! Противник нанес удар, чтобы отрезать нас от цели своего наступления, но он просчитался! Пока жив хоть один пехотинец Балұра, враг не пройдем!

Люди, пользуясь темнотой, попытались скрыться от Танатала. Прогрело еще два выстрела, и один из солдат запертво повис на колючей проволоке. Больше никто не пробовал убежать.

--- Наш враг на севере! Отряд будет атаковать его!

Вокруг котиссара начали собираться люди. Танатал перепрыгнул через несколько тел и выбрался на край окопа, чтобы его было видно со всех сторон. Он выхватил из рук стоящего рядом человека факел и поднял высоко над головой, направив свет в пепельную завесу.

--- Враг пытается отрезать нас и окружить! Сейчас он убивает наших братьев, а вскоре возьмется за нас! Он уже считает, что победил! Но если он рассчитывает добиться победы --- тогда,

клянусь Императором, ему придется уничтожить нас всех до одного! Пока жив хоть один балурианец, Император будет защищен!

Танатал снова выстрелил -- на этот раз не целясь, просто в темноту. К нему по траншеем подошли еще несколько балурианцев. Танатал, пробираясь через колючую проволоку и завалы земли, направился на север. Толпа за его спиной росла с каждой минутой.

-- На север! -- кричали люди. -- Враг хочет обойти нас с тыла! Следуйте за нами!

Среди воцарившейся сумятицы быстро образовалась сплоченная группа людей, шагающая сквозь темноту. Танатал, сумев привлечь внимание, не собирался его упускать. Он говорил о необходимости отомстить. Он стрелял в тех, кто пытался скрыться в темноте. Он воспользовался яростью балурианцев и превратил ее в оружие против страха. У него не было мысли о том, что люди обратились к нему, а не бросились в отчаянии искать безопасное убежище, сердце котиссара

восторженно трепетало.

Он принес им спасение. Он направил их на путь, который вел от грехов трусости к ослепительному свету Императора.

Враг где-то здесь. Он должен быть здесь. Разрушительный удар был только первым шагом в решительном наступлении. Танатал не мог позволить балурианцам уклониться от участия в битве.

--- Комиссар! --- раздался впереди чей-то голос.

Приглядевшись, Танатал на фоне клубов дыма рассмотрел очертания наземного бронированного кара. Из него выпрыгнул человек и быстро зашагал по грязи. Это был высокий стройный мужчина в глиняной шинели, с энергетическим мечом в руке. Клинок активизировался, засияв бледно-голубым светом. Танатал увидел гордое аристократическое лицо и решительно сверкающие глаза.

--- Комиссар, благодарение Императору! А я подумал, что все балурианцы погибли!

— Нет, пока жив хоть один из нас! — громко воскликнул Танатал, чтобы его слышали солдаты. — Нет, пока мы еще в состоянии заставить врагов страдать!

— Тогда ваши люди станут моим почетным караулом, комиссар. Враг здесь, неподалеку, и он очень силен, но с вашей помощью я смогу воздать ему по заслугам.

— Человек взмахнул мечом, отдавая салют. — Инквизитор Голик Рен-Сар Валинов почтет за честь сражаться рядом с вашими людьми, комиссар.

Танатал сжал ладонь Валинова. Два пиджера скрепили договор крепким рукопожатием.

— Что от нас требуется, инквизитор?

— Преданность и сила, комиссар. Это все, что необходимо. — Валинов поднял меч, чтобы все могли видеть его лезвие, сияющее, словно пойманная молния. — За Трон и погибших балурианцев! Отмщение и справедливость, сыны Императора! Месть!

— Месть! — закричали в ответ стоящие рядом солдаты, и вскоре все вслед

за Танаталом стали без конца повторять
этот призыв.

Несеть. Всем известно, что ради
отмщения стоит сражаться. Комиссар
Танатал знал, что его долг будет
выполнен. Сынам Балұра представится
возможность вступить в бой.

Уродливый күб здания химического
завода маячил в темноте, среди
нагромождений пластобетонных глыб,
покрытых грязными потеками. Аларик
разглядел на крыше сестер из отделения
Возмездия, пытавшихся определить цели
для тяжелых болтеров. Вокруг завода
были разбросаны бетонные блоки
противотанковых заграждений и стояло
несколько танков. Все это представляло
отличные укрытия для Серых Рыцарей и
сестер по пути к цели.

Завод стоял на самом берегу озера
Ранакс. Зловонные волны бились в заднюю
стену здания. На бетонных блоках, из
которых был построен завод, проступили
следы химикатов, впитавшихся в стены.
Все сооружение имело неприглядный и

заброшенный вид. В нем, словно в тюрьме, не было ни окон, ни украшений. Лишь одна единственная покрытая ржавчиной дверь вела внутрь здания.

Запах озера Рапакс — резкая химическая вонь с привкусом металла — проникал повсюду. В темноте едва виднелась покрытая масляной пленкой поверхность воды, все еще не успокоившаяся после взрыва. Над водой поднимался отвратительный мутный туман, смешивался с теплом и превращался в едкую торось.

Аларик выбрался из группы защитников и подошел к двери завода. Рядом с ним собрались его десантники и отделение Санторо; немного позади остановилась канонесса Люгмилла.

Канонесса взяла с собой почти сотню сестер. Она успела повидать немало возмущений на Шлейфе. Теперь Люгмилла знала, что за ними стоит Гаргамүлот, и понимала причину высадки Серых Рыцарей на планете Вүлканис Ультор.

Целая паутина лжи и манипуляций обратила сестер в инструмент Врага, но

теперь все хитросплетения вышли наружу. Люгмилла чувствовала себя настолько оскверненной, что только кровавая мечь могла бы очистить ее душу.

--- Сестра Гелуиза, --- громко обратилась Люгмилла, стараясь преодолеть треск помех на канале связи. --- Быстрее спускайтесь сюда со своими мультимедиами!

Заржавевшие стальные створки завода не могли бы открыться, даже если бы сестрам удалось отпереть замок. Стоящий неподалеку танк «Экзорцист» мог бы сбить их снарядом, но и сестрам, и Серым Рыцарям пришлось бы отступить далеко назад, чтобы не пострадать от взрыва. Зато при помощи мультимедиа можно было аккуратно срезать двери и быстро проникнуть внутрь.

Гаргатүлот знал об их приближении. Что бы они ни обнаружили внутри, сестрам и Серым Рыцарям придется с этим сражаться.

Старшая сестра Лакрима вывела своих воинов вперед. Два отделения потеряли в бою так много сестер, что

теперь объединились в одно. Сестра Лакрима с багровым кровопотоком во всю челюсть командовала семерыми серафиматами.

Лакрима коротко отдала честь и увела сестер под прикрытие контрфорса в стене завода. Танкред занял позицию по другую сторону от дверей. Без всяких приказов было решено, что эти два отделения первыми ворвутся внутрь здания.

Отделение сестры Гелуизы спускалось со стен, неся с собой громогласные мультиметры и тяжелые болтеры, заряженные разрывными снарядами. Аларик заметил, что у старшей сестры биомеханическая рука, а половина выбритого черепа изуродована огромным шрамом от ожога.

--- Заметили что-нибудь внутри? --- спросила Люгмилла.

--- Ничего, --- ответила Гелуиза.

--- Открывай двери, --- командовала канонесса. --- Сестры, готовьтесь! Лакрима и Рыцари пойдут первыми. Укрепите свои души, Враг в первую очередь постарается

повлиять на вас.

Людмила повернулась к Аларик:

--- Мне известно, что ни один из Серых Рыцарей не склонил свой разум на сторону Хаоса. Но Агента Сороритас, бывало, теряли сестер в сражении с Врагом. Это случалось редко, и никто этого не признавал, но...

--- Довольно того, что Гаргатулот вас использовал, --- сказал Аларик. --- Я не позволю продолжать жить ни одной из вас, если ее разум поддастся Врагу.

Людмила кивнула в знак благодарности. Затем обернулась к сестре Гелуизе:

--- Огонь!

Мелталучи врезались в сталь, вызвав извержение искр и бросив на пелену непланомерные зловещие отблески. Одна секция двери упала, но даже Аларик, со своим усиленным зрением, не смог увидеть ничего, кроме темноты.

Лакрима, выбежав из убежища, встретилась вперед с мечом наготове. Серафимы с болт-пистолетами последовали за ней, следом ринулись воины

Санкрега. Их терминаторские госпехи
едва прошли в открывшийся проем.

--- Все чисто, --- раздался через
несколько секунд голос Санкрега на канале
вокса.

--- Вперед! --- скотанговал Аларик и,
погнав алебарду, побежал к двери.

Санторо и Генхайн двинулись за ним,
последней вошла канонесса Люгмилла с
несколькими отделенными сестер. Гелуза
осталась прикрывать вход снаружи.

Внутри был крошечный трек. Не
просто отсутствие света ---
непроницаемая, всепоглощающая темнота.
Аларик не различал ни стен, ни потолка.
Древний пол когда-то был выложен
мрамором и искусными участками
мозаики, но теперь все потрескалось и
раскрошилось. В здании завода не
оказалось ни химических цистерн, ни
перерабатывающих машин. В помещении
было пусто и холодно; в воздухе пахло
только древностью. Внутренность завода
была герметично закрыта от
разъезжающих вод озера Рапакс.

Аларик медленно двигался вперед.

Единственным ориентиром служил только слабый отблеск света из открытого дверного проема. Капитан с трудом различал силуэты серафимов, Лакримы и терминаторов Танкреда, образовавших редкую цепь впереди них. В руке Танкреда неярко мерцал меч Мандулуса. Несмотря на покрывавшую его кровь и пыль, он испускал удивительно чистый свет.

Аларик догнал Танкреда и понял, почему тот остановился. Насколько хватало глаз, в темноте перед ними простирался мрачный лес огромных изваяний. Казалось, они, словно деревья, вырастали из тракторного пола. Все скульптуры были во много раз выше любого человека, все потрескались от старости. Многие изваяния сильно наклонились. Это были фигуры, изображенные в развешивающихся накидках или пышных одеяниях, но время и темнота превратили их в едва различимые тени. Аларик подошел ближе к Танкреду и увидел, что лицо ближайшей статуи совсем исчезло, как будто разъеденное гнилью. На месте

глаз зияли пустые дыры, а вместо рта
угадывались очертания зубов. Это
изваяние кардинала или дьякона в глинном
балахоне когда-то твердо стояло на полу.
Сейчас статуя опасно накренилась,
готовая упасть на любого, кто подойдет
ближе.

--- Вперед! --- командовал Аларик. ---
Разойдитесь, но оставайтесь в пределах
вижимости.

Он тиснул безликого кардинала и
увидел перед собой десятки статуй ---
толпу монументов, заполнившую, казалось,
все внутреннее пространство завода. Здесь
стояла поджарая фигура в форме
костической флотилии, но ее голова
превратилась в неопределенной формы
камень. Из темноты выступило изваяние
астропата: по замыслу скульптора, он
творил знамение аквилы, но теперь его
рука превратилась в бесформенную кучку
каменей под ногами.

Здесь был даже костодесантник ---
грандиозная каменная статуя, упавшая на
пол и наполовину разбитая. Серафимы
Лакримы рассредоточились вдоль

каменного десантника, используя его колоссальные формы как прикрытие, а потом стали пробираться вперед среди обломков, оставшихся от его торса и запяточной сумки.

Под ногами Аларик обнаружил потускневшие вставки из черненого золота, когда-то бывшие частицами замысловатой мозаики, теперь почти полностью уничтоженной временем.

— Я что-то обнаружила, — не очень внятно из-за сломанной челюсти передала по воксу сестра Лакрима. — Это передо мной.

Людмила и Аларик приказали своим людям использовать один и тот же вокс-канал, чтобы Серые Рыцари и сестры могли сражаться как одно целое.

— Танкред, проверь, что там такое. Мы идем следом за тобой, — сказал Аларик.

Затем он услышал, что Людмила приказывает сестрам двигаться вперед с обеих сторон, чтобы окружить возможного врага.

Аларик вслеп за Танкредом миновал

огромную каменную сестру-госпитальера. Если не считать отбитых рук, статуя почти не тронуло разрушение. За ней пол поднимался и переходил в пирамиду ступеней. Они вели все выше — к некоему подобию храма, освещенного сверху очень слабым сиянием. Аларик пристально взгляделся в темноту и обнаружил колонны, поддерживающие фронтоны с гавно осыпавшимися скульптурными фигурами, резной фризом, на котором осталось несколько букв высокого готика, и обломки меньших фигур в углу каждой ступени. Они настолько пострадали от времени, что человеческие формы были едва различимы.

На фризе под фронтоном можно было разобрать только одно слово: ЭВУССЕР.

— Мы нашли его. Это гробница, — объявил Аларик.

— Похоже, что сюда уже долгое время никто не заходил, — сказала Людмила. — И здесь никого нет.

— Валинов на Вулканис Ульторе, и этому должна быть причина.

Аларик был уверен в своих словах. Все

складывалось одно к одному. Весь Шлейф оказался созданной Гаргамүлом головоломкой, и здесь они отыскиали ее последний кусочек.

--- Мы можем взять штурмом это сооружение,--- сказала Лакрита, остановившись вместе с сестрами у подножия ступеней. --- Терминаторы пойдут первыми, а мы будем прикрывать тыл.

--- Отлично, --- кивнул Аларик. --- Санторо, ты пойдешь с ней. Генхайн, следуй за нами: в случае необходимости прикроешь огнем. Я должен посмотреть, что там находится. Танкред пойдет со мной. --- Аларик обернулся к Люгмилле, распределявшей своих боевых сестер вокруг храма: --- Поддержите нас, сестра. Эта атака может разделиться на несколько направлений, но другого способа узнать, что внутри, нет. Приходится принимать решения на ходу.

--- Это как раз для нас, брат-капитан. Для нас обоих. Столкнуться с неведомым противником, когда всем остальным это не под силу. Сражаться с самой тьмой.

Именно для этого ты и создан.

Канонесса была права. Сестры Битвы, как и Серые Рыцари, были созданы для борьбы с самым мощным злом. Их обучение и тренировки начинались с раннего детства. Они происходили в среде духовенства, и моральная закалка, полученная сестрами, была едва ли слабее психоустановок Серых Рыцарей. Сестры почти ничем не напоминали женщин, которыми могли бы стать. Они уже принесли Императору величайшую жертву, лишившись власти над собственными жизнями. Они полностью превратились в солдат и должны были исполнять волю Императора, как только в этом возникала необходимость.

У Серых Рыцарей и боевых сестер общим был не только противник, но и судьба.

— За Трон, сестра, — произнес Аларик, поднимаясь вслед за Танкредом по ступеням.

— Да сохранит нас Император, брат, — ответила Людмила.

Воины Аларика и Танкреда стали

подниматься по лестнице к таячившему
наверху храму. Черные прожилки гнили
пронизывали траторные колонны, и
верхние ступени были испещрены
темными маслянистыми полосами. При
ближайшем рассмотрении казалось, что
все сооружение поражено заразой. И только
сейчас стало ясно, насколько оно велико.
Колоннады терялись в темноте. В ней
пропало из виду и отделение серафимов
Лакримы.

За первым рядом колонн выднелись
новые, так что рассмотреть
внутренность храма оказалось невозможно.
Рыцари взошли на верхние ступени, и
воздух вокруг стал холодным и сырым,
словно кто-то высосал из него всю жизнь.
Аларик ощутил, как напряглись его
чувства и мускулы. Невидимые силы злобы
и вражды окружали Аларика, и его
психический стержень подавал тревожные
сигналы.

Внутри храма раздался
пронзительный звук. Вой демонов!

--- Вперед! --- закричал Аларик и
устремителся в гробницу святого Эвиссера.

При виде безжизненных тел боевых сестер коммиссар Танатал почувствовал удвоенную ярость. Нет, он не ошибся! Враги прорвались в окопы и отбили энергичную контратаку сестер, лежащих теперь перед окопом на пропитанной кровью земле. Тела в красных доспехах Оргена Кровавой Розы висели и на колючей проволоке. Нанесенные им раны явно были от болтерных снарядов или энергетического оружия, что говорило о сражении на короткой дистанции.

Балуррианцы во главе с Танаталом и Валиновым быстро подтянулись к участку обороны, ранее занятому сестрами. Один из уцелевших проповедников отряда непрерывно выкрикивал слова Гимна Ненависти — молитвы на высоком готике, которую почти все балуррианцы с детства слышали в храмах своего родного мира.

— Есть один! — крикнул сержант на левом фланге.

Он остановился, нацелив лазерное оружие на огромный изуродованный труп десантника Хаоса в серых, забрызганных кровью

доспехах. Одна нога десантника была подогнута и совершенно разбита. Танатал успел заметить затейливый узор на его латах и лежащую рядом гигантскую алебарду, покрытую кровью сестер.

--- Не подходи! --- закричал Валинов. --- Даже их тела грозят заражением!

Сержант тотчас повторил приказ. Его люди осторожно обошли тело; за ними и все остальные балурианцы обогнули убитого по широкой дуге.

Танатал горько подумал, что Враг угрожает гражданам Империи даже после своей смерти. Смерть для них --- слишком легкое наказание, но именно его они и получают.

--- Сэр? А где же остальные сестры? --- прозвучал вопрос молодого офицера, ни на шаг не отстававшего от комиссара.

Валинов счел нужным вмешаться.

--- Сестры пропали, --- сказал он, не вдаваясь в подробности.

--- Сын Балура, помни об одном, --- добавил Танатал. --- Отлучение.

Офицер коротко кивнул и оглянулся, чтобы убедиться, что солдаты не

отстают.

Пропали? Что могло бесследно уничтожить множество боевых сестер? На северном участке обороны многие балурианцы присоединялись к сестрам в их толпках. Все пехотинцы знали, как искусно могут сражаться эти женщины-солдаты. Что же могло их победить? Куда делись остальные тела?

Такие вопросы могли встревожить людей. Нельзя допустить, чтобы они прозвучали вслух.

— Своей жертвой сестры ослабили врагов! — крикнул Танатал всем, кто находился поблизости. Комиссар был уверен, что взволнованные солдаты передадут его слова рядом не хуже вокса. — Своей гибелью они обескровили противника, и нам остается только нанести последний решительный удар!

— Туда! — закричал Валинов, шедший во главе колонны.

Острое его меча указывало на берег озера Ранакс, где возвышался химический перерабатывающий завод. Мрачный квадратный силуэт был едва различим в

вихрях непла.

--- Они залезли там!

Танатал обрадовался. Балүрианцы могли слишком обеспокоиться судьбой пропавших сестер и утратить решимость. Теперь перед ними была цель, которую надо атаковать.

--- Смотрите, сыны Балүра! Смотрите, как прячется враг! Ударим, пока он еще слаб! Отомстим за своих погибших братьев и сестер! Отмщение, Балүрианцы! Отмщение! Вперед!

--- Отмщение! --- громко вторил ему проповедник, высоко поднимая священную книгу.

Священник проворно, словно юноша, выскочил из траншеи. Он мог бы похвалиться любого нерешительного воина.

--- Вы слышали святыя слова! --- закричали офицеры солдатам. --- Ускоренным маршем, оружие на изготовку, вперед!

Балүрианцы вновь загорелись яростью и ожили. Танатал перешел на бег, комиссару больше не надо было вести за собой солдат. Оставалось просто быть

впереди, рядом с инквизитором
Валиновым, и увлекать людей своим
примером. Балүрианские пехотинцы
выскочили из окопов и по окровавленной
земле ринулись к зданию завода.

Что бы ни произошло, считал
Танатал, они уже победили. Когда придет
время и им представится возможность
бросить жизни на алтарь войны,
балүрианцы будут благодарны комиссару
за то, что он привел их к месту
решительной битвы.

Танатал понимал, что каждый
десантник Хаоса стоил многих десятков
благочестивых солдат. Но непоколебимая
решиимость и отсутствие страха помогут
балүрианцам уравнять силы. Они
выиграют время для остальных
защитников. А возможно — и повергнут
Врага прямо здесь, на берегу озера Рапакс.
В любом случае воля Императора будет
исполнена.

Валинов мчался во весь опор с
обнаженным мечом в руке, и Танатал
старался не отставать. Балүрианцы на
бегу выкрикивали боевые кличи. Когда со

стороны завода ударили первые залпы из
тяжелых болтеров, уже ничто не могло
удержать пехотинцев от ответной
стрельбы.

ГРОВНИЦА СВЯТОГО ЭВИССЕРА

За шесть веков до пробуждения
Таргатүлота в недрах Вүлканис Ультора
родилось семьдесят семь кричащих масок
Скрытного. Тогда в бандах нижних уровней
үлья, где редкий человек доживал до
двадцати лет, а оружие ценилось вровень с
пищей и чистой водой, появился
проповедник. Он утверждал, что знает все
семьдесят семь личин смерти. Он обещал
верным последователям неуязвимость от
любой из форм смерти, которые были
распространены в этих районах. Одной из
личин был обжигающий свист пули, другой
--- алый холод боли ножевой раны.

Жестокое үдүшье үтопленника,
бледная немочь голода --- каждая из
семидесяти семи масок жаждала гибели.
Только поняв их и сотрудничая с ними,
можно обмануть смерть. Этот

проповедник (его имя было забыто, а лицо запомнилось) говорил ученикам, что сама смерть и является объектом их поклонения и изучения, их религией и образом жизни.

Его последователи образовали в нижних уровнях улья бангу. Она быстро стала самой грозной из всех, поскольку каждый из ее членов обладал невосприимчивостью к некоторым видам смерти. Все остальные банды объединились в борьбе с новой силой. На одну долгую и зловещую ночь они забыли свои раздоры. Члены шайки проповедника были перебиты на узких извилистых улочках под поверхностью Вулканического Ультора.

О войне банг сохранилось не много сведений. Да и в живых осталось так мало участников той войны, что рассказывать было некому.

Никто не знал, куда делся проповедник. В том, что он выжил, не могло быть сомнений, поскольку семьдесят семь масок вновь появилось. Остались жить и легенды о людях, которые так

хорошо изучили смерть, что стали для нее неуязвимы. Многие жители ульев начали вновь тайно поклоняться маскам.

Постепенно выяснилось, что маски — это только аспекты одного существа. Скрытного, но столь могущественного, что сама смерть была лишь одной гранью его личности. Культ стал распространяться, вбирая в себя озлобленных и испуганных, тучиных безумцев и жаждущих мести. Всех принимали с радостью. Самые ярые приверженцы стали личными слугами Скрытного, и он говорил с ними голосом древнего проповедника.

В конце концов, они поняли.

Последняя маска смерти оказалась самой сложной. Она представляла собой абсолютное разрушение, разложение тела, опустошение души, лишение дыхания. Полное прекращение самого существования. После осознания этой маски последователь становился вне смерти. И жизнь, и смерть для него были бы лишь тенью, отбрасываемой светом существования. Истинное бытие, триумф

вне досягаемости живущих, не снившийся мертвым, -- вот что обещал Скрытный.

Понять последнюю маску возможно было лишь в том месте, которое жители трющоб называли очагом разрушения и Хаоса, -- на озере Рапакс, в беспокойной впадине, впитавшей в себя грехи и ненависть долгих тысячелетий. Многие считали озеро живым и голодным. Говорили, что в его глубинах обитают чудовища, а над маслянистой поверхностью поднимаются призраки. Под конусами Вулканис Ультора ходило множество преданий, и последователи семидесяти семи масок знали, что все они правдивы.

Одной ненастной ночью последователи по зову проповедника вышли из жалких лачуг на улицы. Никто не попытался их остановить: всех жителей нижних уровней объял страх. Они могли лишь в ужасе наблюдать, как на улицы выплескивается безумие.

Безумцы прошли по нищим окраинам города прямо к озеру Рапакс, где их ожидал похожий на скелет проповедник. Он

неистово выкрикивал молитвы в честь
Скрытного и перечислял все семьдесят
семь масок, собравших такой щедрый
урожай в подземельях улья. Последователи
огромной толпой присоединились к нему и
шагнули в озеро. Ядовитые воды мгновенно
содрали с них кожу и мускулы, высосали
дыхание из легких, развели глаза и
проникли в мозг.

Бурлящее озеро поглотило всех,
густые светящиеся воды соткнулись над
головами, и берег покраснел от кровавой
пены. Наконец и проповедник шагнул на
поверхность озера, прошел до самой
середины и, не переставая петь литанию
маскам, погрузился в пучину.

Жители подземных уровней улья
обрадовались тому, что предавшиеся тьме
безумцы исчезли. Если бы они знали
правду, то испытали бы отчаяние.

Семьдесят семь кричащих масок не
напрасно погубили своих последователей.
Культисты под поверхностью озера
Ранакс и впрямь превратились в других
существ --- с телами из разъедающей
скверны, с разумом, перестроенным по воле

масок. В них настолько были уничтожены человеческие черты, что Скрытный мог обращаться к их сердцам напрямую из варна.

Едва они оформились на грязном дне озера, как осознали свою новую сущность. Они были детьми Скрытного, его преданными последователями; они поднялись над границами жизни и смерти. Их ожидало самое важное задание Скрытного. Им предстояло пойти к забытому месту на берегу озера, обосноваться там и затаиться настороже до того дня, пока Скрытный не приведет в Галактику семьдесят семь страдающих теней.

Они отправились охранять огромную позабытую гробницу, где лежали кости святого Эвиссера.

Аларик никогда прежде не чувствовал такой откровенной и концентрированной ненависти. Казалось, что тяжесть злобы замедляет движение Серых Рыцарей и боевых сестер, прижимает их к земле. Это ощущение, как ничто другое, говорило о

присутствии в этом месте Гаргатүлота. Такая откровенность эмоций могла быть рождена только варпом.

Чувства, вырванные из души многих людей, копились в этом месте, где варп соприкасается с реальным пространством. Аларик чувствовал, как ненависть бьется в его разум. А вдруг его воля дрогнет и окружающая злоба захлестнет его мысли? Неужели, увидев безумие варпа, он сам лишится разума? Неужели сам Гаргатүлот пытается запустить в него когти и превратить в слугу Хаоса? Впервые в жизни Аларик почувствовал, что способен пасть. Серый Рыцарь может стать одним из Врагов, и ордену никогда не простят такого провала.

Усилием воли Аларик прогнал сомнения. Он не уступит: ведь с ним Император. Серый Рыцарь шагнул вперед и пробился сквозь стену ненависти. Пелена отступила, тьма немного рассеялась. Аларик увидел, что стало с усыпальницей святого Эвиссера.

За колоннами у входа внутренность гробницы чудовищным образом исказилась.

Открылось гигантское пространство с
мрачным, в черных прожилках, небом и
солнцем, которое раскачивалось взад и
вперед в огромном кадиле, отбрасывая вниз
причудливые тени. Усыпальница
простиралась на несколько километров,
невероятным образом копируя поверхность
планеты, но с ужасными искажениями.

Подобные проделки Хаоса исковеркали
и Корион IX. Земля под ногами была
покрыта осколками камней; зазубренные
плиты из темного мрамора нависали над
глубокими черными расщелинами. Кое-где
из-под земли, словно гейзеры, поднимались
струи темной воды. Вдалеке кружили
огромные существа, похожие на
стервятников. Слух улавливал крики,
доносившиеся одновременно со всех сторон.
В воздухе стесалось множество запахов:
пота, крови, серы, горелого мяса, пороха,
гнили, болезни, грязи и лагана.

Обломки камня образовывали стены.
Они становились толще, закруглялись и
сходились воедино в центре странной
сцены, образуя нечто вроде
скелетообразного города. Город, словно

огромный паразит, цеплялся за камень; он
как будто силился подняться наверх. Из
горы выступали пустые каркасы храмов и
базилик, образуя темный и запутанный
лабиринт, место необузданного разгула
смерти. Каменная вершина горы
прорывалась сквозь здания и завершалась
голым белым плато: над городом стоял
акрополь. На его массивной плоскости
выдвинулся куб из чистого белого мрамора,
казавшийся здесь совершенно неуместным.
Мраморный саркофаг, сиявший в
золотистых лучах, главенствовал над
местностью. Он был центром
усыпальницы, к нему вели все дороги.

Аларик отвел взгляд. Он посмотрел
на идущих за ним костодесантников,
каждый из них тоже постепенно
страхивал ужасную пелену ненависти со
своих защищенных мыслей. Ликкос с
псипушкой, Вьен, Холварн, Клостуэ и
Дворн, не опускавший свой молот
Немезиды. Танкред и его десантники ---
Локат, Гловен и Карлин --- находились
вблизи, но их массивные
терминаторские доспехи как будто

уменьшились перед окружавшей громадой зла.

Танкред сотворил знамение аквилы. Этот жест казался здесь бесполезным --- крошечная капля добродетели в океане грехов.

--- Мне кажется, сестры не выдержат испытания, --- сказал Аларик. Несмотря на сожаление, он был уверен в своих словах. --- Это предстоит сделать нам. Санторо и Генхайн отправятся с нами. Надо двигаться.

--- Какова наша цель? --- спросил Танкред.

Он не хуже Аларика понимал, что возвращаться нельзя. Гаргатүлот знает об их приближении. Надо покончить с ним как можно скорее.

Аларик показал на саркофаг, сверкавший в акрополе высоко над городом:

--- С нами Трон, но больше никто не в силах нам помочь.

Танкред и Аларик со своими отделениями оставили позади ряды колонн и быстро зашагали по неровной

поверхности. Повсюду зияли трещины, и отравленная земля образовывала самые невероятные подъемы и спуски. Здесь в тысячах мест могли притаиться вражеские засады; сотни раз можно было сбиться с пути. Если бы не сверкающий саркофаг высоко над головами, направлявший их, словно маяк, мешанина земли и тратора превратилась бы в непроходимый лабиринт.

Чем дальше углублялись Серые Рыцари в усыпальницу, тем громче становились крики — как будто слой за слоем спускались все новые страдания. Между исковерканными глыбами тратора виднелись скелетоподобные деревья. Аларик совершенно не удивился, осознав, что и они когда-то были человеческими существами, но порча деформировала их тела, пока кости не превратились в ветви. Теперь кричащие лица скрылись в стволах без кожи и мускулов. Над головой металась злобеще темные тени: Аларик лишь тельком мог разглядеть сгнившие глазницы, следящие за каждым их шагом.

Он оглянулся назад: Генхайн старался

не отставать и не упускать Аларика и Санкреда из виду. До сих пор им не требовался огонь прикрития, но Аларик не сомневался, что скоро все изменится. Ему придется полагаться на воинов Генхайна, они задержат врагов, пока остальные Серые Рыцари будут вести атаку.

Аларик тревожился о Санторо, оставшемся на противоположной стороне усыпальницы. Он опасался за серафимов Лакримы и за всех сестер Людмиллы, которые, возможно, попытаются пройти следом за Рыцарями. Смогут ли сестры проникнуть внутрь гробницы? Или близость Гаргатүлота превратит их в новых врагов, с которыми придется сражаться Серым Рыцарям?

Что будет, то будет. Серых Рыцарей учили быть готовыми противостоять любому оружию, которое может обратить на них Враз, — даже сражаться против недавних союзников.

Вокс-связь в усыпальнице не действовала, но Аларика это и не удивило.

— Вы что-нибудь заметили? — спросил он десантников.

— Он за нами наблюдает, — трачно ответил Дворн, сжимая молот Немециды обеими руками.

Ликкос в поисках цели сосредоточенно переводил дуло псипушки с одной тени на другую.

Земля под ногами захрустела. Аларик посмотрел вниз и увидел кости пальцев, смешанные с обломками мрамора.

Серые Рыцари, еще не видя врага, могли ощутить его запах, холодную резкую вонь — как будто гниение, пропитавшее всю гробницу, сконцентрировалось и отвердело, превратилось в стену отвращения, способную остановить воинов. Это был запах грязи и разложения, давивший со всех сторон.

— Генхайн, прикрой нас огнем, скорее! — закричал Аларик, и тени внезапно ожили.

Светящиеся снаряды болтеров и лучи псипушки ударили по высоким теням, скрывавшимся между скал.

Стрельбу открыли десантники

Генхайна и Танкрега. И в шквале болтерного огня из темноты выступили чудовища, готовые к атаке.

Первая реакция Аларика была вызвана скорее рефлексом, чем размышлениями. Поэтому в долгих поединках его научил Танкрег. И это было к лучшему: даже Серый Рыцарь мог протегнуть, если бы сначала разглядел противника. Это существо лишь отдаленно напоминало гуманоида. Темно-серая кожа была прозрачной; под ней виднелись внутренние органы. Они извивались по всей длине корпуса, шеи, рук и ног. Все тело существа покрывала пленка прозрачной слизи, а руки заканчивались глинными гибкими щупальцами.

Аларик отрубил одно щупальце ударом алебарды, и на Серого Рыцаря брызнула едкая тягучая жидкость. Лицо чудовища едва ли можно было назвать лицом: огромный тонкий рот не закрывался, а на месте глаз были слепые темные пятна. Существо испустило низкий угрожающий вой и снова бросилось на Аларика.

Аларик поспешно выстрелил, окатив шквалом болтерных снарядов противника и еще одно существо, идущее следом за первым. Нападавшее чудовище двигалось очень быстро: одно щупальце обвилось вокруг алебарды, существо всем своим весом потянуло оружие вниз, внезапно подпрыгнуло выше роста Серого Рыцаря и обрушилось на Аларика с разверстой пастью.

Свободной рукой Аларик вцепился в злотище чудовища и выпустил залп снарядов из встроеного в латную перчатку болтера, превратив голову врага в фонтан вонючих брызг. Существо пронзительно завизжало, но тугие мускулы обвили вокруг руки Аларика и присосались к доспехам. Несмотря на отвратительный запах чудовища, Рыцарь почувствовал запах дыма: это означало, что едкая субстанция существа разъедала наружный слой доспехов. Аларик напрягся, поднял монстра над землей и швырнул его в следующего нападавшего, сбив того с ног. Новый залп снарядов — и оба чудовища взорвались кислотными брызгами.

Аларик наконец-то смог свободно двигаться. Его десантники образовали тесный круг и отбивали нападение новых существ, покрытых разъедающих слизью. Аларик увидел, как Клоустус высоко поднял одного из нападавших на острие алебарды, и десантник Генхайна снес ему голову выстрелом из пистолетики. Ворон с размаху опустил молот на ближайшего врага, и на его месте осталось только небольшое углубление в тротуаре, заполненное слизью.

Оглянувшись, Аларик без труда отыскал взглядом Танкреда. Меч Мандулиса, беспрестанно наносивший удары, яркими вспышками прорезал темноту. Извивающиеся щупальца падали на землю, истекая слизью, но текучие существа возрождались даже в тех случаях, когда Танкред разрубал их пополам. Один из врагов ринулся на Танкреда, намереваясь свалить его с ног, но правосудор стахнул его движением головы, ловко бросил на землю и наступил обеими ногами. Чудовище лопнуло и превратилось в ядовитую зловонную лужу.

— Клинки не помогут! — Аларик

постарался перекричать оглушительный вой демонов. -- Дворн! Разрывай их на части!

Отделение Аларика развернулось навстречу десятку врагов, выскочивших из тьмы, и перестроилось в клин во главе с Дворном. Дворн описывал молотом Небезиды широкие дуги, отбрасывая чужовиц назад и пробивая их тела насквозь. Остальные воины сосредоточились на стрельбе из болтеров, чтобы удерживать врагов на расстоянии.

-- Война и отмщение! -- взревел Танкред. -- Стань моим щитом и моим скакунот! Стань возмездием, и я буду твоей гланыо во тьме! Свет из тени! Смерть из смерти! Отмщение за погибших!

Аларик ощутил гул в голове и понял, что Танкред и его десантники концентрируют волю.

Они готовились применить холокост -- средоточие веры Серых Рыцарей, сфокусированное в мозгу Танкреда и превращенное в оружие, доступное только лучшим воинам Императора. Аларик знал,

что нанесение удара --- достаточно трудная задача даже для полного отделения, а Танкреду и трем оставшимся его воинам потребуются все силы без остатка.

--- Отпущение за погибших! --- закричал Аларик, стараясь помочь Танкреду. --- Утолько чистые возродятся из бездны!

Внезапное крещенго психического напряжения чуть не сбilo капитана с ног. И вот с клинка Мандулиса сорвалось ослепительно белое пламя веры. Взрывная волна потрясла камень. Аларик увидел, как ближайшие чудовища обратились в пепел, а затем их искаженные силуэты распались в пыль.

Существа, атаковавшие Дворна, пронзительно завизжали и закрылись щупальцами, точно хотели спрятаться от света. Автоматства Аларика отключились из-за перегрузки, и он уже ничего не видел, кроме чистой белизны и теча Мандулиса посередине, сверкающего застывшей молнией.

--- Ложись! --- раздался голос из-за спины Аларика, и капитан инстинктивно

бросился на землю.

Боевые братья последовали его примеру. В следующее мгновение над их головами раздалась тяжелые удары. Освященные снаряды двух психических десантников Генхайна сотрясли тяжучую плоть чужовищ, и психическая демонация разорвала их прогнившие тела.

Вскоре зрение вернулось к Аларик. Он лежал лицом вниз на земле, забрызганной зловонной гытящейся кровью. Быстро поднявшись на ноги, он увидел, что стоит на участке, сплошь покрытом рваными кусками плоти. Затем раздалась одиночные выстрелы: отделение Генхайна спускалось по склону, и костодесантники добивали тех врагов, что еще шевелились. Брат Онгурин послал стрелу освященного прометия из огнемета в гущу теней, и они с визгом рассеялись.

Доспехи воинов отделения Аларика еще гытились, и на серой броне появились бурые, выжженные едкой слизью пятна.

Десантники Танкреда пострадали еще сильнее. Сам командир отделения терминаторов, устало склонившись, стоял

на коленях. Удар холокоста отнял у него почти все силы: Танкред и сам не ожидал, что ненависть его воинов окажется настолько мощной. Меч Мандулиса все еще сиял, и от его лезвия поднимались кольца дыма.

Брат Гловен, один из десантников Танкреда, лежал, не шевелясь. Брат Карлин перевернул его и увидел, что вся передняя часть доспехов разъедена коррозией, а под ними обнажилась почерневшая плоть. Карлин опустил тело Гловена. Было ясно, что Серый Рыцарь мертв. Вероятно, его сразу сбили с ног, и доспехи не выдержали едкой слизи нападавших. Даже освященная броня терминатора оказалась недостаточно прочной против охранников гробницы святого Эвиссера.

Танкред обернулся к Карлину, носившему огнетет отделения.

--- Сожги нашего брата, --- приказал он, и Карлин послушно окатил тело Гловена струей пламени.

Всего через несколько секунд от тела Серого Рыцаря осталась только

почерневшая оболочка доспехов.

Они не смогли даже забрать геноселя, чтобы вернуть в орден. Но Аларик поклялся, что если он выживет, то сделает все, чтобы сохранить память о Гловене для будущих воинов.

— Идем дальше, — сказал Аларик. — Держитесь вместе. С нами Император.

Серые Рыцари продолжили путь через скелетообразный город. Аларик видел, что над их головами кружатся все новые и новые чужовища, похожие на громадных стервятников.

При виде охранников хитического завода на берегу озера Ранакс комиссар Танатал едва не впал в отчаяние. Вокруг здания из земли выползали ужасные существа; повсюду виднелись извивающиеся конечности и ухмыляющиеся рожи, которые что-то бормотали на тысяче непонятных наречий. Их были сотни и сотни — злобные монстры с огромными зубастыми ртами, с цепкими лапами и острыми когтями. И все они выкарабкивались из земли на защиту

завода.

Танатал тогда решил, что смерть не входит в понятие долга. Быть разорванным в клочки безумной оргой --- слишком большая плата за исполнение обязанностей перед Императором. Комиссаром овладел грех сомнений, решительность испарилась при виде врагов. Тучи непа разошлись, страшная картина предстала его людям. Крики демонов достигли слуха, и солдаты в нерешительности остановились.

Но инквизитор Валинов не испугался. И, с благоговением глядя на него, Танатал ощутил, как рассеивается страх. Валинов с поднятым мечом без колебаний шагнул в кипящее море демонов, и они дрогнули от его решимости, завизжали от страха.

Валинов выкрикивал слова на странном шипящем наречии --- Танатал догадался, что это была древняя молитва, посвященная Императору, --- и демоны расступались под его натиском. Инквизитор прошел в самую середину нечестивой толпы, продолжая творить молитвы, призывающие силу. Свободной

рукой он воспроизводил отрывистые священные знамена, от которых демоны убегали обратно в землю.

— Да устрашит вас присутствие вашего повелителя! — кричал Валинов, перейдя на высокий готик. — Почувствуйте Его прикосновение, сгорите от Его слов! Прочь, прочь слуги распада, убирайтесь в землю, голой с глаз праведных!

Слова Валинова заставили многих демонов скрыться под землей. Остальные твари вздрогнули и понялись, так что между балурианцами и гробницей образовался проход.

— Смотрите! — вскричал Танатал. — Смотрите, как пугает Врага слово Императора! Он с нами! Вперед, слуги Императора! Выполним наш долг перед человечеством!

— Враг дрогнул! — вторил ему Валинов, направляя балурианцев к входу в здание завода. — Мы — острое копье Императора! Ощутите Его дух, ведущий вперед! Возрадуйтесь: вам дано сокрушить основу разложения!

Лица солдат засияли радостным

изумлением. Пехотинцы двинулись сквозь море демонов. Теперь враги жалобно выли, отвернув морды, и радужное сверкание их кожи потускнело от досады и бессильного гнева.

Непельная завеса в небе разорвалась. Яркий солнечный луч, какого на Вулканис Ульторе не видели сотни лет, осветил перерабатывающий завод, позолотил серые бетонные стены и очертил их сверкающей белизной.

Поистине око Императора отметило это место своим взглядом! Двери завода были открыты, словно приглашая балурианцев войти и очистить здание от скверны. Валинов храбро шагнул к проему, за ним двинулись сотни пехотинцев во главе с Танаталом.

Без всякого попуска балурианцы затащили старый боевой тарш, который распевали еще мальчишками на первых парадах Балура. Это была песня о долге, отваге, тоске по дому и скитаниях между звезд. Такая неустранимость окончательно добила демонов, и они попрятались в тени. Многие там и

остались — слабые, беспомощные перед
решимостью воинов и светом Императора
в их сердцах.

Двери завода были совсем близко.
Вияющая темнота молила о лучах света.
Теперь Валинову не было необходимости
подталкивать солдат: он пустился бегом
и проскочил в разбитые двери. Танатал
последовал за ним, и все воины хлынули
внутрь, держа лазружья наперевес. Ни один
не замедлил шага.

Вслед за ними в помещение ворвался
и свет и осиял древние стены. На воинов с
одобрением взглянули статуи героев
Империи. Высоко наверху, словно таяк,
сверкала золотом гробница святого
Эвиссера — это место балурианцам
предстояло вырвать из вражеских рук.

А перед храмом выстроились враги.
Они неясно терцали, испуганные внезапным
появлением бесстрашных балурианцев.
Теперь им не помогут ни выкрашенные в
красный цвет доспехи, ни ружья в сильных
руках. С балурианцами шли Император и
его самый отважный слуга — инквизитор
Валинов. Они не погведут.

Танатал даже не сознавал, что поет вместе со всеми балурианцами. Он обнажил цепной меч и во главе сотен пехотинцев ринулся в атаку.

Канонесса Людмила ждала нападения из храма. Вокс-связь окончательно отказала, и канонесса не имела возможности узнать, что происходило внутри. Но она понимала, что Серые Рыцари и серафимы Лакримы ушли в храм, чтобы поскорее обезопасить это место, и никто не вышел обратно. Людмила уже собиралась приказать сестрам войти вслед за Серыми Рыцарями, как вдруг старшая сестра Гелуиза, командующая отделением Возмездия, доложила о странном колдовстве под землей. Вся почва вокруг завода заволновалась, снизу начали выбираться какие-то существа.

Гелуиза успела пройти половину пути между статуями к позиции Людмиллы, как вдруг вражеская сила ворвалась внутрь.

--- Сестры! Скорее к дверям завода! ---

распорядилась канонесса. --- Гелюиза, быстро прячься в укрытие! Стреляйте по готовности! Остальным беглый огонь и приготовиться к битве!

--- Они выглядят как солдаты Балүра, --- дoloжила Гелюиза. --- Может, нам надо...

Воздух разорвали тысячи лучей из соен лазерных ружей, стрелявших очередями. Людмила с ужасом увидела, что все пространство пронизано рубиновыми красными стрелами огня. Вздрагивали и падали древние статуи, превращаясь в груды осколков; лучи хлестали по ступеням храма и госпехам сестер. Где-то застучали выстрелы из тяжелых болтеров и мультимет сестер Гелюизы. Но вскоре эти звуки потонули в грохоте лазружей и откровенно громком парадном марше, вылетавшем из соен глоток атакующих солдат.

Людмила, с инферно-пистолетом в руке, окинула взглядом боевых сестер. Они собирались у подножия ступеней храма и выстраивались в линию, но только половина успела занять позицию, когда ударил первый залп стрельбы балүрианцев.

Очередь тяжелых болтерных снарядов прошивали насквозь тела в ярких синих доспехах. Брызги крови в прерывистых лучах лазеров казались застывшими в воздухе. Ответные лучи лазржей испещрили выбоинами империальные ступени. На глазах Люгмиллы многие сестры согрозались, когда лазерные снаряды находили слабые места в доспехах. Один из таких снарядов угодил в голень и чуть не сбил сестру с ног. Другая приняла удар нагрудником; у третьей разлетелся в клочья пробитый снарядом рукав накидки.

Перед Люгмиллой встал ряд искалеченных солдатских лиц. Их вел капитан с болт-пистолетом в одной руке и ценным мечом в другой. Первый ряд солдат был мгновенно сметен болтерным огнем сестер. Уцелевшие пехотинцы топтали раненых и убитых и упорно продвигались вперед. Их голоса, полные ярости и ненависти, становились все громче.

И во главе этой орды канонесса увидела инквизитора Валинова. Он шел

прямо, не прячась и не сгибаясь под пулями; энергетический меч бросал серебряный отблеск на его лицо.

Волна атакующих солдат нахлынула на позиции сестер, и мир Люгмиллы внезапно сжегся до крошечного пространства между сжатыми телами, колющими штыками и мечущимися лазерными лучами. Воздух наполнился запахом пропотевших тел и раскаленного оружия. Люгмилла крепко стояла на ногах среди напавших солдат и стреляла направо и налево. Последний выстрел получился в упор: канонесса была уверена, что перегретый снаряд пробил насквозь сразу трех или четырех напавших. Напор немного ослаб, и Люгмилла сумела отбросить тела солдат.

Теперь она не могла командовать войском, как подобало канонессе. Каждой из сестер приходилось сражаться самостоятельно.

— Во имя Трона! — закричал кто-то в толпе. Его голос взвился над криками ярости и стонами раненых, над лязгом клинков по доспехам и даже над болтерной

стрельбой, приглушенной стиснутыми телами.

Из толчеи навстречу Люгмилле вырвался один из солдат и приготовился нанести удар штыком сверху вниз. Она успела перехватить дуло оружия, потянула на себя, а второй рукой обвила шею солдата и поворачивала ее, пока не хрустнули позвонки. Затем нанесла тяжелый удар ногой — так, что позвонки с керамическим сапогом затрещали кости, — и выстрелила в упор. Тело солдата разорвало надвое, а на том месте, где он лежал, образовалась обожженная дыра.

От крови слиплись волосы и лицо, покрылось коркой. Грохот сражения, словно во сне, встал белой стеной шума. Солдаты и сестры погибали. Старшая сестра Аннализа цепным мечом отрубила обе ноги офицера, и лезвие, описав кровавую дугу, разбросало осколки брони. Сестра Глориана, закрыв лицо руками, упала на спину, и между ее пальцев ручьем хлынула кровь. Боевые сестры под натиском солдат отступали вверх по ступеням храма, не переставая разряжать в

напиравшую толпу обоймы болтерных снарядов. Кое-кто оставался в самой гуще нападших, пытаясь сдержать натиск при помощи боевых ножей и болтерных прикладов.

Мелькнула вспышка яркого света. Люгмилла увидела, что это энергетический меч — тот самый, что нес Валинов. Клинок описал дугу, и голова сестры, все еще со сжатыми от ярости зубами, пролетела по воздуху.

Валинов. Аларик говорил, что инквизитор их предал, и вот доказательство его измены. Инквизитор он или нет, но он убивает сестер и во имя Императора должен за это ответить.

Люгмилла стала пробираться сквозь толпу, выжигая путь инферно-пистолетом. В бьющейся массе разгоряченных тел канонесса видела только горящий энергетический меч. Клинок колот и рубил без усталости. Мощное поле рассекало керамитовые доспехи, брызгая горячими белыми искрами. Валинов, убивая, не переставал ухмыляться, и это было самым

отвратительным зрелищем на свете.

Люгмилла ощутила, как внутри нее разгорается священный гнев. Подобное чувство она испытывала, слушая легенды проповедника о врагах Императора. Оно вело ее во время первых миссий, когда Люгмилла была боевой сестрой; оно же помогло ей подняться до ранга канонессы.

Ненависть помогла ей двигаться вперед даже после того, как луч лазурью прожег бедро, а приклад болтера едва не пробил череп. Люгмилла продолжала идти, несмотря на то, что глаза наполнились кровью, а вопли сестер и балурианцев перекрывали грохот стрельбы. Канонесса слышала призывы комиссара к атаке; эти призывы подгоняли ее, напоминая о том, что и балурианцы были преданы Валиновым.

Теперь Люгмилла отчетливо видела Валинова. Он освободил вокруг себя пространство, достаточное для размаха меча, и теснил отделение сестер, заставляя их подниматься вверх по ступеням. Вокруг не переставали гибнуть солдаты.

Люгмилла сделала последний бросок, оттолкнула и растоптала тяжелыми сапогами окружающих пехотинцев. Наконец она освободилась и рванулась вперед, держа перед собой инферно-пистолет.

Люгмилла была отличным стрелком. Она не должна промахнуться! Только не сейчас... Через ее гнев Император направит ее руку. Канонесса ощутила, как ее наполняет Его сила: ведь Он слышал все молитвы, прочитанные ею в течение жизни. Теперь Он наградит преданного слугу, выбрав инструментом Его отпущения...

Делта-спираль активизировалась. Дуло полыхнуло огнем, и заряд энергии, вырвавшись наружу, понесся в центр груди Валинова.

Внезапно сверкнула ослепительно белая вспышка, и канонессу окатило жаром. Облик Валинова в белом сиянии словно выжгло на сетчатке глаз Люгмиллы — это конверсионное поле рассеяло энергию снаряда и превратило ее в плену белого огня.

Энергетические доспехи. Дорогие, редкие, предмет желаний любого воина. Вероятно, предатель взял их в Центральном Улье, на оружейном складе губернатора — так же, как и энергетический меч. Люгмилла должна была догадаться. А теперь холодная волна отчаяния, подобная удару в живот, чуть не сбивала ее с ног.

Канонесса тяжело опустилась на императорный пол. Едва вспышка погасла, Валинов широко размахнулся и отсек ее руку с пистолетом по локоть, затем перехватил меч и нанес колющий удар в живот. Люгмилла ощутила, как лезвие вышло из спины. Ослепительный разряд боли лишил ее возможности дышать, заставил забыть даже об отрубленной руке. Леденящая агония, холодная и острая, как лезвие в теле, подхватила канонессу мощной волной. Снаряды затерли в воздухе. Крики отодвинулись далеко за непроницаемую стену. Император, ее сестры, Галактика, которую она клялась защищать,— все исчезло, осталась только агония.

А потом Валинов повернул меч, и в мозгу Люгмиллы разверзлась зияющая чернота. Жизнь стала вытекать из рассеченного тела на трапезные ступени.

Валинов выдернул меч и вновь переключил внимание на сестер, защищавших вход в храм. Отступник даже не позаботился убедиться в смерти Люгмиллы.

Ему это не требовалось. Люгмилла упала навзничь на ступени, уже понимая, что мертва. Только ее чувства этого пока не осознали. Она еще видела рвущихся вперед солдат, видела наступавшие на нее ноги и теплую кровь, растекающуюся вокруг.

Вместо крови в ней появлялась холодная пустота. Постепенно она разлилась по всему телу и поглотила канонессу. Гробница святого Эвиссера исчезла, и Люгмилла умерла.

АКРОПОЛЬ

Город кишел культистами — последователями Гаргатүлота в одной из множества его форм. Когда-то давно они были унижены, растерзаны и отравлены грязью озера Ранакс. Затем воля Тысячеликого Принца их оживила. Сам город, как и культисты, служил Гаргатүлоту. Стены были деформированы и превращены в раздутые, уродливые живые тела; некоторые из них приняли вид демонических личин. Улицы представляли собой бесконечные ловушки из качающихся обломков мрамора. Сияние саркофага окружало город ослепительным светом, но внутри стояла глубокая тьма.

Щупальца тянулись из-под упавших обломков зданий. Культисты семидесяти семи масок выскакивали из распахнутых окон, бросались с провисших крыш, брызгали ядовитой слюной, размахивали щупальцами, пытались утащить под

землю и заглушить.

Танкред возглавлял отряд, и меч Мандулиса не останавливался, рассекая культистов нагвое при каждом взмахе. Рядом с командиром отделения пробивались сквозь осыпающиеся стены его могучие братья-терминаторы. Следом шли воины Аларика: они отгоняли культистов, которые пытались зайти сбоку или сзади, разделить отряд и окружить Серых Рыцарей поодиночке. Аларик неустанно рассекал алебардой Немецуды мускулистые тела, покрытые слизью, и сбивал злобно борточущие головы. Молот Дворна крушил стены, а десантники Генхайна поливали пламенем огнеметов притаившихся за ними культистов.

В какой-то момент этой бесконечной битвы погиб брат Вьен. Тянувшиеся из земли лапы сумели стащить его вниз по склону, а затем, растворив броню на ноге, проникли к телу. Вьен состоял в отделе Аларика с тех пор, как того выбрали правосудором. Аларик знал Вьена как превосходного Серого Рыцаря, чьи

личные молитвы отличались краткостью и сосредоточенностью. Это был вдумчивый и прилежный воин, который за трудами по философии и истории Империята проводил не меньше времени, чем на тренировках по стрельбе и рукопашному бою. Возможно, в скором времени он и сам бы стал правосудором, но погиб в зловещей тьме с последней молитвой на устах.

Серые Рыцари продолжали идти вверх по склону, а город становился все теснее. За каждым углом воинов поджидали культисты. Из стен стали проступать ухмыляющиеся лица. Мрачное небо над головами морщилось и колыхалось, словно сама реальность с трудом удерживалась над акрополем. В толге Аларика пробивались чьи-то голоса, но психическая защита глушила постороннее влияние, пока слова уже невозможно было разобрать.

Встроенные в доспехи обереги, реагируя на пропитавшее гробницу зло, едва не примерзали к коже. Ледяной воздух запирал горло. Даже с усиленным метаболизмом костодесантника каждый

вдох давался с трудом. Это место высасывало из него жизнь, здесь находилось настоящее средоточие смерти.

Акрополь уже нависал над Серыми Рыцарями: между ними и вершиной оставалась последняя линия зданий-паразитов. Их крыши обрамляли золотистый свет, но воины все еще оставались в глубокой тени. Между накренившимися готами не было проходов. Серым Рыцарям предстояло самим пробивать путь.

Еще один ряд готов --- и они будут у цели. Еще одно укрытие --- и достигнуто открытой вершины.

Аларик направил отряд к сильно обветшавшей базилике --- строению под купольной крышей, которое, казалось, вытекло из ставшего почти отвесным склона. Ступени трещали и осыпались под ногами. Внутри царил крошечный мрак, но перед глазами костодесантников все выглядело темно-серым. Где-то наверху виднелись вырезанные в куполе фигуры: при взгляде на них казалось, что они движутся. На полу и стенах были выложены слова на

незнакомом Аларикү наречии, и буквы в них беспрестанно извивались. Все здание оказалось пустой оболочкой, лишенной жизни. Только пропитавшая камни ненависть удерживала их от разрушения. Едва Аларик ступил на пол базилики, как император согрознулся, обереги холодной спиралью обвили все тело, а резные фигуры неодобрительно отвернулись от благочестивого воина.

Отряд вошел в здание следом за Алариком. Терминаторские доспехи Танкреда сильно пострадали в боях, из-под наплечников сочилась кровь, и дыхание с трудом вырывалось из груди, как у загнанного зверя. Он и его воины взяли на себя основную тяжесть атаки: они пробивали стены и первыми врывались в гнезда культистов. Из всего отделения остались в живых только сам Танкред, Локат и Карлин, несущий огнемёт. Применение холокоста истощило их силы, и это оружие не удастся призвать на помощь еще раз.

--- Мы уже близко, --- сказал Танкред. --- Я это чувствую. И меч тоже это знает.

Невероятно, но, даже покрытый
ядовитой слизью и кровью, клинок
Мандулиса сиял по-прежнему ярко.
Отполированное до зеркального блеска
лезвие даже в полной темноте отражало
или само рождало свет.

--- Еще один, --- произнес Генхайн,
поднявшийся со своими братьями на
ступени базилики. --- Еще один шаг.

В базилике врагам было негде
спрятаться. Культисты ненадолго
отступили; они перегруппировывались где-
то неподалеку. У Серых Рыцарей появилось
несколько секунд передышки.

--- Если бы я был настоящим братом-
капитаном, --- заговорил Аларик, едва
восстановив дыхание, --- я бы знал, какую
молитву мы должны прочитать в этом
случае. Но я думаю, вы и сами знаете, что
нам предстоит сделать. Мы не знаем,
каковы у нас шансы выжить, --- значит,
будем сражаться так, словно они равны
нулю. Неизвестно, с чем мы столкнемся, ---
значит, будем драться так, словно против
нас выступят сами боги тьмы. Никто нас
не вспомнит, и вряд ли нас когда-нибудь

похоронят на Титане, — значит, мы здесь создадим собственный мемориал. Орган может нас потерять, и Империя никогда не узнает даже о нашем существовании, но Враг — Враг о нас узнает.

Враг запомнит нас навсегда. Мы нанесем такой удар, что он не сможет забыть нас до тех пор, пока не догорят звезды, пока Император не победит его в конце всех времен. Даже умирая, Хаос в свою последнюю минуту будет думать о нас. Таким будет наш мемориал — широтой на сердце Хаоса. Мы не можем проиграть, Серые Рыцари. Мы уже победили.

На мгновение наступила тишина, нарушаемая только дыханием Серых Рыцарей да угрожающим бормотанием самой базилики.

Дворн поднял молот Немекиды и шагнул к дальней стене, где резные безликие фигуры испуганно корчились, стараясь убраться подальше. Танкред, Локат и Карлин пошли следом, готовясь к последней атаке. После короткой безмолвной молитвы Дворн размахнулся

молотом.

От мощного удара стена развалилась, и в отверстие хлынул ослепительный свет, обрисовав силуэты Дворна и Танкреда.

— Ты уже стал настоящим капитаном, Аларик! — крикнул Танкред и ринулся в проем.

Аларик и Генхайн последовали его примеру. Их самочувствиям пришлось напрячься, чтобы уберечь зрение от внезапной перегрузки.

Сквозь пролом в стене Аларик выбежал на крутой трапезный склон, а затем поднялся к самому акрополю.

Психологическое воздействие свелось к одной резкой ноте — словно где-то запел в унисон огромный невидимый хор. Сверху струился яркий свет. Над прямоугольником белого трапеза, сиявшим ярче звезд, Аларик заметил херувима вроде тех, что были изображены рядом с имперскими святыми.

Здесь не было никаких культистов. Свет бы их мгновенно уничтожил.

Танкред прошел к центру гладкой

каменной площадки, Генхайн и Аларик прикрывали его сзади. Саркофаг оказался таким огромным, что рядом с ним даже Танкред выглядел ребенком.

Танкред махнул рукой терминаторам, и Карлин с Локатом поспежали вплотную к саркофагу. Высоко подняв руки над головой, они всунули пальцы в щель между корпусом саркофага и крышкой.

Усиленная мускулатура и сервоузлы терминаторских доспехов придавали им силу, намного превосходящую мощь обыкновенного костодесантника. Два воина немедленно налегли, и крышка сдвинулась. Танкред помог братьям приподнять каменную пластину, и все вместе они отбросили ее в сторону. Крышка с грохотом рухнула на камни акрополя и разлетелась на мелкие осколки.

Свет внезапно погас. Пение далекого хора превратилось в вопль. Внутри открытого саркофага что-то зашевелилось. Десантники Танкреда открыли стрельбу из штурмболтеров, к ним сразу же присоединился Генхайн. Но

грохот стрельбы потонул в раздавшемся
сверху реве. Аларик уже поднял оружие,
чтобы прицелиться, но внезапно понял,
что это бессмысленно.

Из саркофага медленно поднялась
рука скелета, в которой каждый палец был
длиной с руку десантника. Затем во тьме
что-то шевельнулось, и появилась голова
святого Эвиссера --- огромная,
полусгнившая; с почерневших костей лица
свисали лохмотья разорванной кожи;
остатки погребального савана,
запятнанные гноем, прилипли к голове. Из
опустевших глазниц сочилась зловонная
жидкость. Рот оскалился кривыми
зубами. Костлявая рука уперлась в землю,
и из саркофага поднялся святой Эвиссер ---
огромный, искривленный монстр,
полностью утративший человеческий вид.

Святой Эвиссер повторно взревел,
широко открыв рот. От оглушительного
звука по саркофагу пошли трещины.
Болтерный залп ударил Эвиссеру в лицо,
раздробив зубы, выбив осколки черепа, но
скелет поднял вторую руку, схватил
брата Локата за шею и с визгом бросил

его на каменный пол. От удара в латные доспехи образовалась воронка, а терминаторские доспехи треснули. Святой Эвиссер поднял останки воина и вновь ударил его о пол. На этот раз латник окрасился кровью.

Танкред бросился в атаку. Аларик ничего другого от него и не ожидал, но святой Эвиссер взмахнул рукой, и Танкред взлетел в воздух. Аларик увидел, как латник вылетел за пределы акрополя и ударился в стену стоящей внизу базилики. Карлин, последний из отряда Танкреда, выкатил чудовище струей пламени из огнемета, но падавший святой даже не обратил на это внимания.

Святой Эвиссер выбрался из саркофага. Теперь, когда он выпрямился во весь рост, стало ясно, что монстр в несколько раз выше любого из Серых Рыцарей. Его нога ударила в пол, и по всему акрополю пробежала трещина, в которую посыпались обломки камней. Воины Аларика и Генхайна с трудом удержались на ногах, но им пришлось вцепиться в латные камни, чтобы не соскользнуть под ноги чудовищу. Монстр

подобрал кусок тратора величиной с человека, пронзительно взвизгнул и метнул снаряд в воинов Генхайна. На глазах Аларика край осколка разорвал пополам брата Гренна, а оторванная рука брата Салкина, кувыркаясь, полетела в сторону.

Аларик не слышал отчаянных предсмертных криков. Не слышал он и приказа Генхайна открыть огонь, не слышал даже собственного голоса, когда, уловив на священную ярость братьев, призывал к отпущению. Аларик выпрямился и, несмотря на грозящую его автоматическим перегрузку, ринулся по наклонному полу на святого Эвиссера. Чувовище взмахнуло рукой, но Аларик повернулся, подскочил и нанес удар лезвием алебарды. Клинок угодил между подгнившими ребрами, пронзил высохшие внутренние органы и мертвую плоть. Аларик выдернул оружие и вновь нанес колющий удар. Теперь алебарда пронзила тело насквозь — так, что острый конец вышел из другого бока святого Эвиссера.

Аларик повернул оружие Немезиды,

чтобы выдернуть его из тела, но в этот момент огромная рука святого Эвиссера обхватила его голову. Аларик почувствовал, что его ноги оторвались от земли. Он яростно размахивал алебардой, надеясь отсечь руку скелета, но между костями пальцев мог видеть лишь отвратительные мокрые глаза — бледные озера ненависти, полные безумия и Хаоса.

Обереги в доспехах едва выдерживали перегрузку; они жгли тело холодным огнем и вплавились в кожу. Только боль напоминала Аларiku о том, что он пока жив. Он изогнулся и нажал пусковую кнопку болтера. Зная, что залп вряд ли спасет его, капитан Серых Рыцарей даже перед неминуемой смертью продолжал бороться любыми способами.

Где-то позади сверкнула вспышка, и голова святого Эвиссера дернулась в сторону, полетели костяные осколки. Рука скелета разжалась. Аларик грохнулся на землю и тотчас увидел, как святой Эвиссер, принявший мощный удар палицы Немезиды, страхивает со спины правосудора Санторо. Одна сторона черепа

чуговища раскололась, и внутри
показалась красноватая мешанина тканей,
когда-то бывшая мозгом имперского
святого.

Внезапно в мощи святого Эвиссера
ударил залп болтерных снарядов. Сестра
Лакрита, с окровавленным лицом и
разбитой челюстью, карабкалась через
завалившие акрополь камни. Следом шли
ее сестры. Одна из серафимов, вооруженная
двуручным огнеметом, окатывала святого
струями пламени, отвлекая его внимание,
пока вторая сестра палила в него из болт-
ерного пистолета.

Аларик отполз от ног святого
Эвиссера. Брат Микрос, носивший
огнемет в отделении Санторо, стукнулся
рядом с ним о землю, и правая сторона его
доспехов раскололась при падении. Аларик
откатился в сторону, и в то же мгновение
неподалеку грохнулся Санторо. Ему крепко
досталось, но правосудор был жив. Его
доспехи потялись, папица дымилась от
прилипшей нечестивой плоти.

Аларик обхватил Санторо, и оба они,
помогая друг другу, встали на ноги и

заковыляли вверх по наклонному полу
акрополя. Святой Эвиссер рванулся вперед,
стараясь разбросать Серых Рыцарей и
боевых сестер в разные стороны. Сестра
Лакрита едва успела уклониться от удара,
который раздробил руку одной из ее
серафимов, а брат Марл со сломанной
ногой отчаянно пытался отползти в
сторону.

И вдруг на краю кратера, пробитого
святым Эвиссером, появилась массивная
фигура Танкреда. Его доспехи были почти
полностью разбиты, керамические
пластины искорежены до неузнаваемости,
от неисправных сервоузлов летели искры,
и кровь текла из дюжины пробоин. Лишь
белки глаз сверкали яростью на
окровавленном лице. Штурмболтер,
встроенный в запястье доспехов, разбился
при падении на стену базилики, но в другой
руке Танкред сжимал меч Мандулиса.

Святой Эвиссер взмахнул ногой, и еще
одна сестра взлетела в воздух, разбрасывая
горящее топливо из разбитого прыжкового
оранца. Надший святой, несмотря на
непрекращающийся огонь болтеров со

стороны отделения Генхайна, повернулся в сторону Аларика и Санторо.

Аларик знал, что должен делать. Санторо тоже.

Забыв о боли и голосах, звучащих в голове, Аларик вновь бросился в атаку. Святой Эвиссер отвел удар алебарды, и капитан едва устоял на ногах, но Санторо был уже рядом и ударом палицы отбил руку чужовища. Аларик размахнулся заново, ударил снизу вверх и почувствовал, что клинок уперся в ребра Эвиссера. Но теперь Аларик не ставил целью убить святого Эвиссера.

Огромный монстр наклонился, и Аларик пришлось откатиться в сторону, чтобы увернуться от удара гигантского кулака, раздробившего камень за спиной Серого Рыцаря. Он услышал удар палицы Санторо по грудной клетке святого и понял, что чужовище должно покачнуться. Тогда Аларик попытался подрубить одну ногу святого Эвиссера и был вознагражден дождем каменных осколков.

— Я — молот, — затанул Танкред, и его голос, как ни странно, пробился сквозь

шум. — Я — меч в Его руке, я — конечник
Его копья...

Танкред осторожно подходил к
святому Эвиссеру, следя за каждым его
движением. Аларик и Санторо было
необходимо отвлечь внимание чужовища.
Им надо было остаться в живых еще
несколько мгновений, поскольку святой
Эвиссер и был тем сосудом, через который
должен был возродиться Гаргамлот. У
убить его должен был только Танкред.

Святой Эвиссер вырвал из пола узкую
и заостренную, словно лезвие, пластину
мрадора. Он затахнулся, держа ее
наподобие двуручного меча, но Аларик
успел отскочить. Санторо встретил удар
ладонью Немеэиды, и мрадор взорвался
тысячами мелких осколков.

Эвиссер нагнулся к Санторо,
натереваясь разорвать его пополам, однако
Аларик оказался проворнее — он
перехватил алебарду обеими руками и
прыгнул навстречу навшему святому.
Клинок вонзился точно в мокрую глазницу
чужовища.

Раздался такой чудовищный вопль,

что Аларик испугался за свои
автоматства: мощная шумовая стена
могла вызвать короткое замыкание.
Эвиссер резко дернул головой — так что
Аларика отбросило на разбитый
трамортный склон и перед глазами Рыцаря
завертелось темное небо гробницы.
Ударом ноги Санторо был подброшен в
воздух; тело правосудора неестественно
выгнулось и пропало из виду за краем
впадины в полу акрополя.

— Я — латная рукавица на Его глади!
— взревел Танкред. — Я несущ смерть Его
врагам и проклятие предателям.

Из всех, с кем приходилось сражаться
Аларик, Танкред был лучшим мастером
боя на мече. Его смог победить в поединке
только брат-капитан Стерн. Святого
Эвиссера поддерживали силы Хаоса, зато
Танкред атаковал искусно и беспощадно.
Меч Мандулуса сверкнул в воздухе, и
огромная рука скелета, отсеченная по
плечу, грохнулась на пол. Она рассыпалась
на куски, а из раны вылетела молния.
Танкред раз за разом наносил удары по
туловищу монстра, меч звонко ударялся в

ребра, фрагменты костей сыпались дождем, и позвонки пулями разлетались в стороны.

Святой Эвиссер упал на колени, а правосудор все продолжал наносить удары. Эвиссер поднял голову, но не успел он испустить вопль, как Танкред описав мечом широкую дугу и клинок рассек шею падавшего святого.

Голова святого Эвиссера с искаженным от второй смерти лицом упала на пол. Из основания шеи вырвался луч чистейшего света и вонзился в темное небо.

Ноющий звук в голове возвысился до пронзительного крика. Он проникал в самую душу Аларика.

А затем акрополь взорвался вспышкой ослепительного света.

Голик Рен-Сар Валинов успел ворваться внутрь гробницы, чтобы присутствовать при рождении своего повелителя.

За его спиной, при виде разваливающегося, прогнившего мира,

выстроенного Хаосом над телом святого
Эвиссера, затерли остолбеневшие
балурианцы. Перед ними открылась
пораженная гнилью оболочка города,
кишевшего исчадиями семидесяти семи
тасок. Тяжелое каменное небо гытилось,
кругом валялись траторные осколки,
зияющие пропасти стерегли ног ногами.
Над сверкающим акрополем кружили
огромные разноцветные демонические
существа.

Многие балурианцы лишились разума
в тот же миг, еще до взрыва акрополя.
Валинов довел их до критического
состояния, когда своими коварными
словами и поступками привел в ярость и
направил в усыпальницу. Теперь они
сделали свое дело, и необходимость в них
отпала — так что Валинов оставил их в
когтях безумия. Для защиты от
неосторожных и любопытных людей,
которые могли нечаянно найти дорогу к
гробнице, Гаргатүлот воздвиг вокруг
усыпальницы щит, воздействующий на
чувства. Тысячеликий Принц защитил
свою святыню барьером безумия, и многие

балұрианцы стали его жертвами. Но Валинов был не настолько слаб.

Некоторые балұрианцы, лишившись всех понятий о морали, увидели перед собой красоту и свет. Перед ними предстал мир величия и славы, и солдаты радостно побежали ему навстречу, но лишь для того, чтобы провалиться в глубокие трещины или попасть в лапы нечестных культистов, незаметных Серым Рыцарями. Другие при виде открывшейся картины полностью лишились сил, их подсознание заблокировало все чувства, чтобы не подвергать разум риску полного безумия. Многим пришла в голову мысль, что все вокруг поражено разложением. Пехотинцы бросились на своих грузей: раздались громкие проклятия, загрохотали лазружья, засвистели боевые ножи.

Комиссар Танатал до последнего мгновения оставался верным долгу: он обвинял воинов в ереси и пособничестве демонам и одновременно пытался объяснить происхождение всей этой нечисти. Он напропалую палил по

балурянцам, и те, кто еще был в состоянии что-то предпринять, бросились на него и свалили на землю. Комиссар исчез в толпе обезумевших солдат. Из свалки еще доносились выстрелы болт-пистолета: Танатал вершил правосудие Императора до тех пор, пока не был забит до смерти на треснувших императорных плитах.

Валинова ничто не трогало. Та часть разума, которая могла поддаться безумию, давно исчезла из его мозга. Исчезла слабость духа, делающая человека доступным для псайкеров. Океан отчаяния, в котором утонул бы менее закаленный человек, казался отступнику теплой и приятной ванной.

Когда-то Валинов молился любому, кто мог его услышать, чтобы эти части разума зачахли и погибли. Они причиняли невыносимые страдания в те времена, когда Голику Рен-Сару Валинову приходилось выполнять жестокие и страшные задания Инквизиции под началом Барбиллуса. Гаргатүлот услышал мольбы и лишил Валинова

человеческих слабостей, освободил его от сомнений и морали. Это был величайший из даров, полученных человеком. Теперь Валинов без затруднений убивал и отправлял людей на гибель. Он отплатил Гаргатүлоту преданной службой и теперь собирался навеки воссоединиться с господином.

Прогрел невероятной силы взрыв. Белый стерч разорвал акрополь на куски. Родовые тучи Гаргатүлота сотрясли камни, стерли с лица земли цеплявшийся за них город и в одно мгновение страхнули все семьдесят семь тасок. Ударная волна прокатилась по траторным развалинам, словно круги от брошенного камня — по воде. Вся усыпальница вздулась от удара психической энергии, балүрианцев отбросило назад: некоторые из них врезались в колонны, а другие вылетели обратно в сад статуй. Валинов был уверен, что мимо него пулей пронеслось и ударилось в дальнюю стену гробницы тело Серого Рыцаря.

Валинова ничто не трогало. Гаргатүлот его защитит.

На месте города осталась только
зияющая пасть обширного кратера.

И вот, наконец, свершилось
возрождение Тысячеликого Принца. В
полном сиянии своего могущества он
появился в реальном мире.

Берег озера Рапакс покрылся рябью,
словно вода. Это было единственным
предупреждением, а затем крышу
хитического завода пробил столб
терцающей радужной плоти шириной в
несколько сотен метров и высотой в целый
километр. Подобно извержению вулкана, он
вознесся к темному небу Вулканис
Ультора.

Наружные конусы Центрального Улья
словно съежились по сравнению с колонной,
поднявшейся из гробницы святого Эвиссера.
Она переливалась цветами, которые
могли существовать только в варне.
Реальность скручивалась и извивалась
вокруг столба, как будто ее загоняли в
такие измерения, которых не могло
выдержать реальное пространство. По
мере роста вокруг столба образовывались

грозовые тучи колдовства; сверкающие туманы выстреливали разноцветными молниями. От тела колонны отделились огромные извивающиеся щупальца. Радуясь вновь обретенной свободе, они хлестали во все стороны, вдребезги разбивая и сам завод, и оборонные укрепления вокруг него.

Почва в тени столба вскипела. Демоны, служившие глашатаями Гаргатүлота, последовали за ним из Варна. Теперь они старались вытащить себя из-под земли.

На пустынных иссушенных равнинах, в подземных лабиринтах улья и в башнях аристократических замков оживо мертвенное колдовство. Многие люди сошли с ума. Другие упали мертвыми: их сердца остановил ужас. Весь Центральный Улей был объят паникой. Гаргатүлот принес с собой страх — настолько всеобъемлющий, что даже те жители подземелий, кто никогда не видел небо над Вулканис Ульторот, дрожали от ужаса перед демоническим принцем, показавшимся неподалеку от города.

Ненависть сгустилась и закапала со

стен. Страдание разлилось холодным смертельным туманом и прокатилось по всем равнинам. Обман черными струями злобы пролился над остатками окопов и завладел всеми тысячами.

Колонна торзи́лась и извивалась, и на конце каждого щупальца стали образовываться ужасные и грозные существа. Тысяча новых лиц взглянула на Вулканис Ультор.

Аларик ударился о стену, и время остановилось.

Серый Рыцарь видел, как Гаргатүлонт показался из-под земли и ужасающе медленно развернул океан радужной плоти. Как из нее сформировалось демоническое копье, пронзившее потолок гробницы, и вознеслось к небу Вулканис Ультора. Как щупальница развалилась на части, и демоническая плоть, поднявшаяся из-под земли, стерла в пыль и город-скелет, и императорное основание акрополя.

Аларик медленно падал. Вслед ему летели обломки костей. Камни гробницы распадались один за другим.

Весь спектакль возрождения принца демонов разворачивался специально для Аларика, чтобы он мог пережить каждый момент безумия.

Аларик ужаснулся грандиозному размаху. Ему и раньше приходилось сталкиваться с демонами, но ни в одном из них не было и намека на такое колоссальное могущество. Разум отказывался воспринимать ужас Гаргатүлота, бессмысленную силу щупалец, отошедших от его плоти, размах его появления в реальном мире...

--- Как же ограничены твои мысли, --- раздался голос, --- что тебя поразила демонстрация малой толики моего могущества!

Аларик попытался оглянуться, но тусклые сковала стертельная медлительность. Они не хотели повиноваться. Голос казался знакомым Серому Рыцарю: он словно зарождался в его голове, а затем вырывался наружу.

Воздух сгустился. Перед глазами Аларика возникла фигура человека, словно необъятные знания Гаргатүлота

преобразовались в физическую форму. Тысячеликий Принц появился в облике высокого, мускулистого, сурового на вид мужчину, одетого в звериные шкуры. Его сильное тело говорило о короткой, полной жестокости жизни, постоянных войнах, охоте и борьбе за выживание. Длинные черные волосы были завязаны на затылке и украшены птичьими когтями и перьями; в руке покачивалось копье с кремневым наконечником.

Все культисты, поклонявшиеся Таргатүлоту, видели разные лица принца-демона. Облик, возникший перед взором Аларика, всплыл откуда-то из глубин сознания, из самых отдаленных уголков памяти, чтобы поведать капитану о его гибели.

— Так вот каким ты мне явился, — произнес Аларик, поскольку лишь губы еще не отказались ему повиноваться. — Это одно из тысячи твоих лиц?

— У меня их гораздо больше, чем тысяча.

Аларик не мог определить выражение лица говорившего: оно все время

ускользало, как будто пристальный взгляд заставлял его меняться.

— В этом мире я был семьюдесятью семью масками — всеми воплощениями смерти, — продолжал голос. — На Фарфаллене я был Богом Последней Охоты. А для тебя я просто лицо, которое ты видишь перед собой.

За спиной принца-демона продолжало вырастать из-под земли его демоническое тело. Оно приняло форму огромного копья и через разрушенную крышу устремилось к небу. Толстые извивающиеся щупальца потянулись к стенам гробницы, торжественно вздымались к небу.

Принц в человеческом облике оглянулся и посмотрел на демоническое тело то ли с восхищением, то ли с ностальгией:

— Это тело даровал мне Повелитель Перемени. Сам Тзинч. Сосуд для моей сущности — знаний, которые являются самым могущественным оружием перемен. С каждым убитым человеком, с каждым секретом, вырванным у моих последователей, с каждым моментом

причиненных мною страданий я узнаю что-то новое и становлюсь больше. В последние месяцы я узнал очень много нового. Когда Мандүлис изгнал меня, я был все равно что ребенком, но теперь усвоил много полезного. Я необходим Галактике, Серый Рыцарь. Время и пространство только ограничивают свободу. Мысли людей, словно засовы, держат все внутри. Слотите их дүши -- и они будут свободны, а свобода и есть сүщность Хаоса.

-- Можешь лгать мне сколько угодно, -- сказал Аларик. -- Продолжай. Лги. Убеди меня, что я прав.

Принц снова повернулся к Аларикү; на жестокостом лице можно было увидеть лишь титмолетный намек на выражение.

-- А ты меня очень заинтересовал, Аларик. В тебе есть то, что я впервые ощутил в Мандүлисе, когда он утирал. Ты отгораживаешься от всех чувств, которые когда-то сделали тебя человеком. Ты теперь меньше, чем человек. Ты отсекаешь в своей дүше те части, которые могли бы откликнуться на свет Повелителя Перемени. Ты называешь это верой -- но

если ты постигнешь величие будущего
Галактики, каким его обещает
Повелитель Перелен, ты поймешь,
насколько преступно держать мысли в
столь тесных границах.

— Однажды мы обнаружили тебя,
демон. Мы отыщем тебя снова.

— И что потом? — В голосе
Гаргатүлота послышалась насмешка. —
Где бы я был, если бы Мандүлис меня не
обнаружил? Здесь, Серый Рыцарь! Так я и
сейчас нахожусь здесь — со всеми
последователями, с выполненной для моего
повелителя работой. Изгнание ничего не
меняет. Почему ты отказываешься это
признать? Хаос непобедим, и тебе это
прекрасно известно.

Тело Гаргатүлота достигло верхних
слоев атмосферы Вүлканис Ультора.
Вокруг него собирались грозовые тучи, со
сверкающих щупалец сорвались яркие
искры молний. Глаза Тысячеликого
Принца, стоящего перед Алариком, все с
тем же жестоким равнодушием глядели
на Серого Рыцаря, а тем временем
гробницу словно засасывало в пылающую

колонну.

--- Серый Рыцарь, тебе стоит только оглянуться вокруг, и сам все увидишь. Что такое Хаос? Ты скажешь, что это страдание. Угнетение. Обман. Но разве все это неприменимо к твоему Империи? Вы преследуете талантливых и сильных духом. Вы пытаетесь их сломить или уничтожаете. Вы лжете своим гражданам и развязываете войны против тех, кто отважится выразить несогласие. Инквизиторы, которым ты подчиняешься, разыскивают мнимые провинности и по своей прихоти уничтожают миллионы людей. А почему? Почему вы так поступаете? Потому что вам известно о Хаосе, но вы не знаете, как его победить. Вы убиваете сограждан из страха, что они могут оказать помощь Врагу. Хаос заставляет Империю страдать. И как бы вы ни боролись, это никогда не изменится. Хаос существует в состоянии перманентной победы над вами. Вы --- смертные --- пляшете под нашу дудку. Вы угнетаете, мучаете и убиваете других, потому что этого требуют от вас

боги варна. Империям основан на Хаосе.
Мой повелитель Тзинч давным-давно
выиграл эту войну.

Нечестивые слова бились в щит веры
Аларика, словно залпы бортовых орудий
костию корабля. Слова принца-
демона проникали куда глубже любого
колдовства: они пробирались между слоями
психоустановки. Аларик чувствовал себя
обнаженным. Никогда еще он не был
настолько уязвим -- даже когда был
окружен и стоял под пулями, даже когда
потерял Лигейю и остался один на один с
загадкой Гаргатүлота. Аларик позволил
ярости разгореться сильнее и вытеснить
страх.

-- Мы тебя убили, демон, -- гневно
бросил Аларик. -- Мы убили тебя мечом
Мандүлиса! Сверкающей молнией!

-- Только сверкающая молния может
очистить Галактику от присутствия
Гаргатүлота, -- произнес принц-демон. -- Я
полагаю, вам это сказал Валинов? Когда
вы слотили его на Митасе? Неужели я
должен тебе объяснять, что Валинова
невозможно слотить? Я удалил из его

разума все слабые части, когда сделал его своей собственностью. А знаешь, Серый Рыцарь, как приятно вводить в заблуждение, говоря правду? В этом есть своя ирония, и это вполне в духе Тзинча. Видишь ли, Валинов был прав. Меня невозможно убить, невозможно остановить. Единственный способ удалит меня из Галактики — это дать возможность закончить работу Тзинча, то есть превратить Галактику в обитель истинного Хаоса. И тогда я образую одно целое со своим повелителем, тогда перестану существовать. Только оружие, которым я был изгнан, обладает силой вернуть меня обратно, чтобы я мог закончить работу Хаоса и исчезнуть. Валинов говорил правду — только вы предпочли услышать грубую истину.

Конечно, понял Аларик, Тысячеликий. Принц сказал правду. Для каждого демона существовало определенное условие возвращения: назначенная дата, место, специфическое жертвоприношение или заклинание. Для Гаргамүлота — как существа колоссальной силы — таких

условий было множество. Он должен был
возродиться через определенную реликвию
Империи — тело святого Эвиссера. Это
должно было произойти в пределах
Шлейфа, и именно в назначенное время. У
сосуд, через который произошло бы
возвращение, должен быть разрушен тем
самым оружием, каким был изгнан демон.

Гаргамулот мог создать святого,
Шлейф и культистов, служивших его
целям. Он мог разработать сложнейший
план, чтобы вовремя привести все это в
движение. Но принц-демон не мог создать
меч Мандулиса. Оружие надо было
доставить, что и сделали Серые Рыцари.

Аларик воспротивился этой мысли.
Серые Рыцари не могли быть
использованы! Они сражались и выполняли
свой долг. Они не могли быть частью
плана и инструментом в руках Врага.

— Ты рассказал, как все должно было
быть, — сквозь сжатые зубы гневно сказал
Аларик. — Ты не использовал нас, как
использовал Лигейю. Мы должны были
сразиться лицом к лицу, чтобы совершить
то, что совершил до нас Мандулис. Мы

освободили тебя, чтобы сразиться.

--- Это говорит твое отчаяние, Серый Рыцарь. Ты был со мной с самого начала. Знаешь, это должен быть именно ты. Серые Рыцари со своими негибаемыми душами просто великолепны. Превосходные инструменты. Вас невозможно запугать, вы --- лучшие солдаты, когда-либо созданные Императором. Именно поэтому вы неуклонно выполняете тот план, что я и только я, вложил в ваши головы. Мне некогда было лишь указать вам верное направление, и вы исполнили все, что мне было нужно. Вы принесли мне меч Мандулиса, вы помогли разжечь конфликты по всему Шлейфу, вы превратили Вулканис Ультор в арену смертоубийства, чтобы мне было легче скрыть свои приготовления вплоть до этого момента, когда я полностью проснулся. И я не могу противиться желанию после всего этого сломить твой дух.

Аларик видел, как погибают балурианцы. Осталась лишь небольшая группка людей в темно-синих мундирах, и

те в своем безумии истребляли друг друга. Увидел он и Валинова, приветственно поднявшего руки.

— Как и у любого человека, у тебя есть недостатки, — продолжал Гаргатүлот. — Но ты слишком горд, чтобы их видеть. Твой недостаток в том, что ты боишься, Аларик. Ты знаешь, что ни один из Серых Рыцарей до сих пор не поддавался проискам Врага. Где-то в глубине души ты боишься стать первым. Вот что делает тебя таким слабым в свободное от сражений время. Вот почему ты никогда не мог стать лидером. Почему, как думаешь, ты увидел меня в этом облике? — Гаргатүлот указал на свое лицо жестокого дикаря. — Я появился перед тобой таким, каким ты мог бы стать. Я — то, чего ты боишься. Ты мог бы остаться таким, если бы хрупкая реальность не произвела тебя в Серые Рыцари. В глубине подсознания ты полнишь свою прежнюю жизнь в жестоком мире. И это напугивает тебя с возможных перемен: ты можешь стать тем, кто поклоняется мне. И я должен

тебя заверить: этот страх обоснован.
Аларик. Я потрачу немало времени, чтобы
тебя сломить, а когда ты падешь, то
станешь моим самым дорогим трофеем.

Аларик молчал. Ему недолго
осталось жить. Но у него остался
единственный шанс — а это даже больше,
чем Аларик рассчитывал. Он должен
использовать этот шанс. Раги павших
боевых братьев и раги Лузейи. Раги
Мандулуса — того, кто тысячу лет назад
пожертвовал больше чем жизнью.

Не Гаргатүлот привел его сюда. Все
решения Аларик принимал
самостоятельно. Меч Мандулуса,
сражение с сестрами, поиски Гаргатүлота
на берегу озера Рапакс — все это его
собственный выбор. Он выполнял свой план,
а не замысел Гаргатүлота. И оставался
единственный шанс, чтобы это доказать.

Щит веры постепенно истончится.
Надо действовать сейчас, пока он не исчез
совсем и Гаргатүлот не понял, что за ним
хранится.

— Значит, это действительно конец,
— сказал Аларик. — Но смерть в бою с

Врагом -- это уже победа, и этого ты не сможешь у меня отнять.

-- Может, и не смогу, -- ответил Гаргатүлот. -- Но после смерти ты будешь моим. Я могу потратить целую вечность, но добьюсь твоего падения.

-- Тебе пришлось создать весь Шлейф, -- продолжал Аларик, -- святого Эвиссера, кардиналов, каждого жителя -- всех нас -- было расставить по местам ради победы над нами. Вспомни. Ты привел свой замысел в движение еще до существования Шлейфа, поскольку знал, что меньшие меры не помогут. Ты сделал свою работу, дедмон. Ты так нас боялся, что передвинул, словно мебель, звездные системы -- и все для того, чтобы заставить нас плясать под свою дудку.

-- Утерь гордыню, Аларик. Тебе предстоит многого лишиться.

-- Что ж, -- послушно кивнул Аларик, -- давай сделаем все как положено. Легенды говорят, что каждый Серый Рыцарь перед смертью должен произнести героические слова. Последнее проклятие Врагу.

-- Верно. Нечто такое, что

напомнит тебе, насколько тщетны твои усилия.

--- Хорошо.

Аларик заставил себя сконцентрироваться на висевшем перед ним лице. Он сосредоточился и поймал взгляд глаз Гаргатүлота --- жесткий, выразительный, решительный. Очень похожий на взгляд самого Аларика.

--- Трас'клея'таллгрия... --- начал Аларик.

И внезапно мир вернулся к прежним измерениям, а лицо Гаргатүлота рассыпалось в пыль.

От колонны демонской плоти протянулось щупальце, плавно обогнуло развалины траторной гробницы и подошло к тому месту, где в окружении мертвых балүрианцев стоял Валинов. Затем из-под мерцающей кожи высунулись сотни рук, подняли Валинова и вперед головой внесли в тело Гаргатүлота. Преданный слуга и глашатай Тысячеликого Принца получил долгожданную награду.

Повсюду вокруг себя Валинов ощущал

силу — силу истинного знания, настолько сконцентрированного, что оно разъедало кожу, превращая и самого бывшего инквизитора в чистейшую субстанцию знания. Понятие о коже и костях освободилось из тюрьмы разума; вслед за ними в полужидкой среде Гаргатүлота стали рассасываться и внутренние органы. Егва Валинов попал внутрь колонны, как на него уставились немыслимые для человеческого сознания лица. Они разглядывали величайшего помощника их господина, ставшего одним из них.

Валинов стал еще одним лицом Тысячеликого Принца — иголом, перед которым вскоре будут склоняться бесчисленные культисты. А когда Тзинч поглотит Галактику, когда везде воцарится Хаос, Валинов станет богом.

Высоко над Вүлканис Ультором тысяча лиц Гаргатүлота внезапно вздрогнули и спрятались в глубины колонны. Щупальца потемнели и тугими кольцами обвились вокруг пульсирующего столба. Собравшиеся тучи злобно

полыхнули толпами; тучи демона сконцентрировались до твердого состояния и жесткими красными прожилками вонзились в землю. Тусклые темные пятна, словно открытые раны, выступили на радужно переливающейся плоти.

Демоны оглушительно завизжали и попытались спрятаться обратно под землю. Их тела стали зыбкими; они проходили друг сквозь друга и погибали, когда светящаяся кровь и внутренние органы вытекали на иссохшую землю. Из миллионов глоток пронесся оглушительный предсмертный вой.

Посреди обломков разрушенной стены, у подножия колонны Гаргатұлома сидел Серый Рыцарь Аларик. Его тело было сильно изранено, многие кости сломаны, доспехи помяты и покрыты трещинами, но он был жив и в сознании. Он выкрикивал те самые слова, которые инквизитор Лузейя не раз повторяла перед казнью.

Инквизиторы решили, что ее разум пострадал от влияния Гаргатұлома и Лузейя говорила в состоянии припадка. Но Аларик знал, насколько прочен ее разум.

Серый Рыцарь решился поверить ей в последний раз. Он запросил подробнейшие записи допросов Лигейи и выучил наизусть ту фразу, которую она повторяла снова и снова.

Это был не просто набор бессмысленных слогов. В непонятной фразе заключалось отчаянное предсмертное послание Лигейи тюремщикам; то была ее последняя попытка отомстить Тысячеликому Принцу.

— Ыак'те'ландра'клаа!.. — кричал Аларик.

Исполинское тело Гаргамүлота тускнело; от него отделялись куски размером с дом и падали на землю обратительными серыми хлопьями.

В конечном счете каждый демон является чьим-то слугой. У каждого есть свой хозяин, и повелителем могущественного Гаргамүлота был сам Тзинч. Но для того чтобы демоны безоговорочно подчинялись, хозяин должен обладать непререкаемой властью. Поэтому каждому демону было дано имя. Люди могли называть его сотнями различных

и имен, но только одно было Истинным
Именем.

Инквизитор Лигейя поняла, что
Гаргатүлот затронул ее мысли. Она
сознавала неотвратимость скорого
падения, а потому оставила мысли
распахнутыми настежь. Ее разум
впитывал информацию из любого
доступного источника. Гаргатүлот и был
сам по себе информацией, и Лигейя,
пожертвовав психикой, а в конечном счете
--- и жизнью, пропустила его через себя и
нашла необходимые сведения. Она все
поняла и в последние мгновения жизни
нашла силы передать знания
тюремщикам.

Из всех людей только Аларик доверял
ей настолько, чтобы услышать истину.

Слог за слогом, невзирая на боль, как
и Лигейя в предсмертные мгновения,
Аларик произносил Истинное Имя
Гаргатүлота.

Звук жгли губы Серого Рыцаря. Если
бы не стержень веры, Аларик вообще не
выжил бы, произнеся Истинное Имя демона.

Оно состояло из нескольких соеи слогов, и Аларик знал, что малейшая ошибка приведет к провалу. Потому он старался не обращать внимания на боль и читать, читать, читать...

Гигантское тело Гаргамула стало зеленовато-черным, затем на нем появились багровые пятна разложения. Лица перемещались под кожей, пытаясь добраться до самого центра тела и спрятаться от обжигающих слов, проникавших внутрь колонны. Кожа начала отслаиваться огромными пластинами и тяжелой градом сыпалась на землю. Щупальца усохли, превратились в серые мертвые дуги. Они с треском отламывались и падали вниз с громадной высоты.

Аларик воспроизвел последний слог, который даже не надеялся выдать из обожженного гортан. Думая, что утирает от истощения сил, он упал лицом вниз на осколки битого мрамора у остатков стены.

Сознание едва не покинуло Рыцаря, перед глазами все затянуло темнотой, но

предсмертный вопль Гаргатүлота пробился сквозь боль. Это был низкий и грозный рев — жалобный и в то же время яростный. Полный боли и ненависти. Предсмертная агония, насыщенная злобой.

Аларик с трудом открыл глаза. Колонна над развалинами гробницы осыпалась кусками мертвой слизи и клонилась к земле. Наконец в основании Гаргатүлота что-то закричало и взорвалось. Тысячеликий Принц стал падать на лежащие к востоку от завода равнины, на укрепления обороны, которые недавно занимали сестры Оргена Кровавой Розы.

Гаргатүлот падал медленно, словно нехотя, с оглушительным треском, обрывая тысячи сухожилий, привязавших его к земле.

Аларик заставил себя подняться на ноги. В воздухе густо, словно черный снег, летали хлопья усохшей кожи. Алебарда Немезиды лежала неподалеку. Аларик проковылял несколько шагов и поднял оружие.

В это мгновение он услышал, как

колоссальная масса Гаргатүлота
ударилась о землю.

Аларик стал карабкаться на груды
развалин, чтобы выглянуть из гробницы.
Он чувствовал, как по телу растекаются
болеутоляющие средства, но и они были не
в силах победить боль, накатывающую со
всех сторон. Гаргатүлот превратился в
огромную утирающую груды плоти.
Демоны постепенно растворялись в земле.

Через завалы камней к Аларику с
трудом пробрался правосудор Генхайн.
Показались еще двое Серых Рыцарей.
Аларик узнал в одном из них -- помятом и
закопченном -- терминатора. Скорее всего,
это брат Карлин -- ведь Танкред
наверняка погиб.

Их осталось меньше десятка. Карлин,
двое воинов из отделения Генхайна, двое
воинов Аларика... Из отделения Санторо не
было видно никого, Аларик даже не знал,
сколько всего их добралось до акрополя.
Лакриты и ее сестер тоже не стало.

Аларик вновь обернулся к
Гаргатүлоту. Истинное Уля,
произнесенное вслух, ослабило демона. Шок

от необходимости подчиниться новому,
смертному хозяину, вызвал
нестабильность всех его тканей. Но
Тысячеликий Принц не умер.

Аларик, а с ним и вся его команда
стали спускаться к упавшему принцу
демонов. Серые Рыцари еще не закончили
работу.

В конце концов, Гаргатүлота добились
не Серые Рыцари, а тяжелая пехота
Балұра. Солдаты, окутанные клубами
тепла, навели на принца демонов
дальнобойные орудия и завершили дело,
начатое костодекантниками. Никто из
пехотинцев не понимал, что произошло на
их глазах. Никто из них не видел Серых
Рыцарей. Солдатам было известно лишь
об огромных разрушениях, произошедших на
Вүлканис Ульторе, о гибели большей
части их отряда и о том, что во всем
этом виновато упавшее существо.

К операции были привлечены два
танка «Леман Рүсс». Уцелевшие офицеры
обрушили их огонь на Гаргатүлота. В
плоть демона врезались танковые снаряды.

затем начался обстрел из тяжелых
орудий. Земля быстро пропиталась
разноцветной кровью; покрытая неплот-
но иссохшая равнина превратилась в вонючее
болото, из которого в озеро Ранакс потек
извилистый ручей.

Оставшиеся в живых сестры Кровавой
Розы тоже присоединились к атаке. Их
единственный уцелевший танк
«Экзорцист» обстрелял Гаргатүлота
ракетами. Двенадцатый отряд
разведчиков Металора, после длительного
марша с позиций на южной оконечности
линии обороны, тоже добавил огонь своих
немногих оставшихся легких орудий. В
результате Гаргатүлот превратился в
бесформенную, вязкую, обожженную и
истекающую кровью гряду.

Балүрианцы первыми остелелись
приблизиться, следом за ними подошли
разведчики Металора. Лучи лазружей
вспыхнули рубиновым ливнем, и кровь
Гаргатүлота стала превращаться в
облака зловонного пара. Воины обоих
отрядов, полные ненависти, возникшей в
момент выхода Гаргатүлота из под

земли, пристегнули штаны и бросились расчленять лежащую тушу. Боевые сестры от них не отставали и под пение молитв праведного гнева огнем болтеров превращали плоть демона в однородное тесто. Старшие сестры кропили ткани Тысячеликого Принца ценными мечами.

Мало кто заметил Серых Рыцарей. Их осталось совсем немного, а все вокруг было скрыто облаками дыма и парами. Аларик и Генхайн бок о бок рубили останки врага алебардами. Немециды и методично превращали демоническое тело в отвратительное озеро клейкой крови.

Где-то за неизменными облаками небосклона Вулканис Ультора солнце клонилось к горизонту. Аларик чувствовал, как жизнь постепенно покидает Гаргамула. Серый Рыцарь оставался на берегу озера Рапакс, ожидая сигнала от своего внутреннего стержня об окончательной победе над принцем демонов.

Аларик был изранен: рука со

штүрмболтером слотана, грудная
пластина треснула, и осколки ребер
застрали в полости. Дышать он мог
только третьим легким. Обычный
человек давно бы умер от таких ран. Но
медицинские учреждения Центрального
Улья подождут. Аларик нигда не
собирался уходить, пока не будет полной
уверенности в смерти Гаргамүлота. У
слабое биение остатков воли демона
постепенно угасало. Аларик сидел,
опершись на древко алебарды, и
чувствовал, как на равнины опускается
ночной холод. Ждать оставалось недолго.

Правосудор Генхайн пытался собрать
всех оставшихся в живых Серых Рыцарей и
отыскать по возможности больше тел
павших братьев. Он обнаружил тело
Санторо, искалеченное почти до
неузнаваемости после взрыва акрополя.
Тело лежало всего в нескольких метрах от
того места, где стоял Аларик, — еще
немного, и капитан тоже мог погибнуть.
Некоторые десантники Санторо были
убиты еще раньше, о чем Аларик даже не
знал. Так же как и серафимов Лакримы, их

убили культисты Гарзатұлото по пути к
акрополю. Тела Танкреда не обнаружили,
Аларик знал, что его и не найдут.

А меч Мандұлиса уцелел — он
облетел на краю воронки, образовавшейся
на месте химического завода. Теперь его
взял Генхайн. Командир отделения
Возмездия обернул клинок тканью, чтобы
лезвие не отражало трагичных последствий
битвы. Именно Генхайну предстояло
вместе с Дүрендином спуститься в
подземелья Титана к усыпальнице
Мандұлиса и вернуть меч хозяину. А до
тех пор меч будет оставаться закрытым.
Он выполнил свою работу.

Сестры Кровавой Розы разыскивали
своих погибших. Аларик видел, как они
извлекли тело канонессы из груды
обломков тратора на месте ступеней
гробницы. Весь перерабатывающий завод
превратился в кратер, заполненный
обломками, и теперь невозможно было
разобрать, где заканчивалась реальная
территория здания и начиналась
аномалия усыпальницы. Повсюду лежали
тела убитых балұрианцев. Для доставки

трупов обратно в оборонительные
траншеи были откомандированы две
«Хилеры».

Погибло слишком много людей. Скорее
всего, эти потери невосполнимы.

В темном болоте демонской крови
что-то зашевелилось. Аларик, преодолевая
боль, подошел ближе и увидел
извивающееся человеческое тело.

У него не было кожи, полностью
разъеденной кислотой. Все тело покрывала
слизь; лишенные век глаза дико вращались,
руки придерживали внутренности,
готовые вывалиться на землю.

В первый момент Аларик решил, что
перед ним кто-то из балурянцев. Но
затем он узнал энергетический меч, еще
висевший на потрепанном поясе. Тот
самый меч, что Аларик видел на
Валинове, когда отступник
приветствовал возрождение Гаргатүлота
в реальном мире.

Аларик хотел послушать стенания
Валинова, но тот уже не мог говорить. Да
это и не имело значения. Гаргатүлот
изверг из себя тело слуги в тот момент.

когда Аларик произнес Истинное Ум
демона. Валинов посвятил Гаргамүлоту
жизнь, и даже больше, чем жизнь, -- дүшү и
все свое сүщество, но в последний момент
оказался разделен с повелителем.
Предсмертные мүки не имели никакого
значения для Валинова, но мучительная
боль неугачи стала пыткой, которой мог
бы гордиться сам Гаргамүлот.

Возможно, надо было позволить
Валинову и дальше переносить
мучительное отчаяние. Но Ордо Еретикүс
однажды үже приговорили его к смерти, и
Аларик знал, что они ждүт свершения
приговора.

-- Властью, данной мне Священным
ордосом Инквизиции Императора, --
произнес Аларик, -- и как брат-капитан
Серых Рыцарей Ордо Маллеүс, я действую
в интересах правосүдия Энцелага и
передаю твою дүшү на сүд Императора.

Нагнувшись, Аларик поднял Валинова
за шиворот. Валинов үперся в него
безүмным взглядом и весь грозил; с его
мокрого покрасневшего тела стекала
отвратительная слизь.

— Но у тебя,— продолжал Аларик,— нет души. Так что это конец всему, Голик Рен-Сар Валинов. Это — абсолютное уничтожение.

Аларик медленно прошел от тела Гаргатүлота на берег озера Рапакс, перцавшего разноцветной пленкой в бледных лучах едва видимой за облаками луны. Там капитан опустился на колени у самой крошки и бросил Валинова в отравленные воды.

Валинов слабо сопротивлялся. Его усилия постепенно сошли на нет, но Аларик терпеливо ждал, пока не убедился, что бывший инквизитор мертв. А потом еще долго, молча и неподвижно, сидел на берегу озера.

Правосудор Генхайн пришел за ним при свете разгоравшегося дня. Генхайн взял в отряде металорских разведчиков «Хилеру» и на ней доставил Серых Рыцарей обратно в Центральный Улей. Там костодесантникам и боевым сестрам предстояло залечивать раны в ожидании транспортного корабля, который

переправит воинов в специализированные аптекарнионы.

Карлин остался жив. Несмотря на осколочные ранения по всему телу, он не выпускал из рук огнемёт. В отделеении Генхайна остались Тарн, Онгурин и Салкин, лишившийся полностью отрубленной руки. Выжили десантники Аларика — Холварн, Дворн и Ликкос. И сам Аларик. Из отделеения Санторо не осталось никого.

«Хитера» тряслась по полю недавнего сражения к Центральному Улью. Аларик не мог не оглянуться на огромное темное пятно, оставшееся от Гаргатүлота.

Конечно, еще не все кончено. Гаргатүлот не может быть убит бесповоротно. Но Серые Рыцари — вместе с Лузейей, вместе с Мандүлисом — доказали, что он может быть побежден. И теперь Ордо Маллеус предстояло позаботиться о том, чтобы он всегда оставался побежденным.

Солнце прорвалось сквозь тучи, но оно осветило только следы разрушений и загрязнения, груды обломков, горы трупов.

Медленно, очень медленно начиналась
длительная работа по очищению Шлейфа
Святого Эвиссера от влияния
Гаргатүлота.

С невысокой гряды в глубине равнины
за уничтожением Гаргатүлота наблюдала
культист смерти Ксианг. Она до конца
выполнила последний приказ своей госпожи
Лигейи — убедилась, что принц демонов
вызван в реальный мир и Серые Рыцари
получили возможность его уничтожить.

Ксианг оказалась в совершенно новом
для нее положении. У нее не было хозяина.
Раньше она служила секте имперской
церкви, требующей кровавых жертв во
славу Императора, потом поклялась в
верности Лигейе. Ксианг никогда не
оставалась без хозяина, и теперь ее
обуревали странные чувства. Ее мысли,
движения, решения теперь принадлежали
только ей одной. Она перестала быть
инструментом чужой воли. Теперь
предстояло повиноваться только
собственным желаниям.

Возможно, в скором будущем она

найдет другого хозяина и подчинится его воле. А может, ей понравятся новые ощущения. Вулканис Ультор не хуже других мест подходит для того, чтобы начать новую жизнь. Можно исследовать новые дикие равнины, можно спуститься в нижние слои улья, там проверить свои способности и научиться чему-то новому у его обитателей.

Культист смерти отвернулась от мертвого принца демонов и направила взгляд в другой конец равнины — на восток, где едва виднелись очертания улья Верданус. Ксианг задумалась, сможет ли она найти такого же хозяина, какой была Лигейя. А потом спросила себя, хочет ли она этого.

Без малейшего напряжения сильных мышц Ксианг отправилась в дальний путь.

В глубине Титана было очень холодно. Маленькую, низкую, максимально защищенную от психического воздействия комнату освещала единственная, слабо мерцавшая свеча. Помещение было

оборудовано всего несколько дней назад — как тайное и безопасное хранилище, чтобы надежно сберечь и не выпустить из-под контроля чрезвычайно важную информацию. Комната находилась в глубине катакомб Титана, охранялась легионами погибших десантников, и отыскать ее могли только капелланы Серых Рыцарей.

Главным предметом обстановки был единственный стол. За ним, над огромной раскрытой книгой, склонился сервитор-писец. Книга была новой, недавно переплетенной и содержала пока лишь пустые страницы.

У противоположной стены комнаты стояли капеллан Дуренгин и инквизитор Никсос. Дуренгин привел Никсосу в это место, поскольку хранилище было построено по его настоянию. Никсос постепенно оправлялся от ран, полученных во время неудавшейся казни Валинова, но все еще выглядел больным, уставшим и казался старше своих лет. Он мог двигаться только благодаря сервоузлам своего экзоскелета.

--- Можешь начинать, --- сказал
Никсос.

Нисец начал ровным округлым почерком выводить на титульной странице заглавие книги:

«Вторая книга "Codicium Aeternum".

Содержит описания и названия демонов, даты и продолжительность их изгнания, а также детали борьбы с ними, дабы враг был известен и его махинации раскрыты до того, как будут воплощены...»

Инквизитор Никсос стал диктовать детали отчета Аларика, данного им в архивариате. Правосудор поведал о хитроумных планах Гаргамюта по созданию ложного святого, который должен был стать ключевой фигурой возрождения Тысячеликого Принца. Об использовании Серых Рыцарей для доставки оружия, изгнавшего демона, и об организации бесчисленных культов для маскировки его деятельности. Теперь на Шлейфе Святого Эвиссера проходила операция изгнания этих самых культистов, под руководством инквизитора Клаэса и провоста Марешаля. И эта работа продолжится

долгие десятилетия, если вообще когда-нибудь закончится.

Никсос не забыл упомянуть и деятельность Лигейи, и то, что Аларик оказался единственным, кто верил ей до самого конца. Старик инквизитор перечислил многих и многих граждан Империи, погибших в результате происков Гаргатүлота, и еще больше людей, которые должны были погибнуть в мирах Шлейфа в процессе искоренения влияния демона.

Наконец сервитор-писец занес в книгу все сведения, итевшиися у Орго Маллеус, и расчеты имперских мудрецов относительно предполагаемых сроков возрождения Гаргатүлота. Он может вновь появиться в реальном мире через тысячу лет. Но в этот раз Орго Маллеус не даст ему шанса.

— А это — как можно точнее, — предупредил инквизитор Никсос. — Каждый слог должен быть произнесен абсолютно точно, иначе изгнание не состоится. Знайте, что Истинное Имя демона Гаргатүлота звучит так:

Срас'клея'таллзрия...

В течение нескольких минут инквизитор Никсос с трудом произносил последовательность звуков. Когда же все закончилось, писца-сервитора отправили на уничтожение, чтобы звуки Истинного Имени не могли заронить семена ереси в имплантированный биологический мозг.

После этого инквизитор Никсос отправился на Янет, оттуда — к Оку Ужаса, чтобы продолжить борьбу во имя Императора. Одна глава истории Гаргатүлота завершилась. К тому времени, когда начнется другая, Никсосу и всех тех, кто боролся с принцем демонов, уже не будет в живых.

Закончились самые необходимые дела, все найденные тела были захоронены под поверхностью Титана. Были сделаны все отчеты для Ордо Маллеус; выжившие тщательно исполнили обряды очищения. Аларикү предоставили несколько дней отдыха, пока Агентүс Астартес не примет решение о присвоении ему звания брата-капитана.

Он получил разрешение на кратковременное посещение Миласа, где дознаватели проводили Аларика к месту смерти инквизитора Лигейи.

Там ничего не осталось. Камеры демонтировали, лишь кольцо в скале напояло о креплении кабеля к поверхности спутника.

Тело Лигейи было кремировано, и прах рассеян на орбите, чтобы от нее не сохранилась ни одна частица.

Аларик смог лишь прочитать короткую молитву об упокоении ее души, но это было больше, чем сделал кто-либо другой: Лигейя умерла предателем, так что никто не позаботился, чтобы ее душа была направлена к Императору. Молитва была недолгой, всего лишь несколько священных слов в противопоставление ужасу ереси. Но и этого было достаточно.

«Как много людей должны были погибнуть, — думал Аларик, глядя на голую поверхность Миласа с диска Сатурна в небе. — И сколько еще обречены на страдания».

Но борьба этого стоила. И потому

существовали Серые Рыцари. Война
никогда не заканчивается, но иногда в ней
можно одержать победу.